

СОЧИНЕНІЯ

И. Н. КУШНЕРЕВА.

Съ портретомъ и факсимиле автора.

ТОМЪ II.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,

ДОПОЛНЕННОЕ ОЧЕРКАМИ И РАЗСКАЗАМИ, НАПИСАННЫМИ ПОСЛѢ ВЫХОДА ВЪ СВѢТЪ
ПЕРВАГО ИЗДАНІЯ.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвер. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, соб. домъ.
1895.

797/76/6347

Старый домъ.

Люблю я эти маленькіе одноэтажные деревенскіе домики нашихъ небогатыхъ помѣщиковъ. Люблю я ихъ простую, незатѣйливую архитектуру: этотъ неизмѣнный балконъ съ четырьмя колонками, неподходящими ни къ какому ордену, эти крылечки, симметрически расположенныя по обѣимъ сторонамъ задняго фасада—одно изъ лакейской, а другое изъ дѣвичьей. Передъ балкономъ разбитъ небольшой палисадничекъ, съ двумя или тремя извилистыми дорожками, посрединѣ возвышается клумба, усѣянная безчисленнымъ множествомъ маргаритокъ, анютиныхъ глазокъ, бархатцевъ и т. д., почтительно окружающихъ кустъ душистой сирени или розана, или просто шиповника. По краямъ палисадника тянется въ два ряда густая акація и образуетъ аллею, непроницаемую для солнечныхъ лучей, даже въ самый знойный день. Въ одномъ изъ угловъ аллеи непременно найдется импровизованная бесѣдка, т.-е. скамейка или дерновый диванчикъ, передъ которымъ врытъ въ землю деревянный столбикъ, а на столбикъ прибита круглая доска, весьма удачно замѣняющая столъ. Палисадникъ огороженъ низенькою решеткой, въ которой, противъ балкона, сдѣлана калитка, ведущая или на дорогу, или прямо въ поле. По другую сторону дома—широкій *барскій* дворъ, обстроенный надворными строеніями, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ амбары съ чугуною доской, привѣшенной на уголь для развлеченія сонныхъ караульчиковъ, и скотный дворъ, соединенный, изъ видовъ экономіи, съ конюшней, каретнымъ сараемъ и птичною избой; потомъ слѣдуютъ кухня, погреба, баня и изба или двѣ для дворовыхъ людей. Все уютно, все на глазахъ.

Даже внутреннее расположение дома какъ-то особенно привлекательно своимъ удобствомъ, своею простотой: небольшая лакейская, изъ которой прямо дверь въ маленькій кабинетъ хозяина, направо въ залу, изъ залы направо коридоръ; далѣе, по той же стѣнѣ, дверь въ гостиную, изъ которой выходъ на балконъ, изъ гостиной диванная, отгороженная ширмами отъ спальни, тутъ дверь направо въ дѣвичью, въ которой постоянно сидятъ за пальцами какая-нибудь кривая Палашка лѣтъ сорока, да стриженная Анютка лѣтъ двадцати. Дѣвичья, въ свою очередь, съ перегородкой для кладовой, изъ дѣвичьей ходъ въ коридоръ, а изъ коридора, противъ гостиной, дверь въ дѣтскую: послѣдняя комната замѣчательна тѣмъ, что она носитъ названіе дѣтской даже и тогда, когда у хозяина вовсе нѣтъ дѣтей. Безъ всякой претензіи на роскошь, а тѣмъ болѣе на моду, такой домикъ переходитъ иногда къ внуку и правнуку его первоначальнаго владѣльца, безъ всякаго измѣненія, та же самая лазоревая краска остается на стѣнахъ гостиной и та же самая охра покрываетъ стѣны зала. Молодые хозяева какъ будто-бы боятся посягнуть на вкусъ своихъ предковъ и продолжаютъ поддерживать его во всемъ, начиная съ краски на стѣнахъ и до послѣдней барской привычки...

Я помню, что меня еще мальчикомъ возили въ одинъ изъ такихъ домовъ, помню, какъ мнѣ было весело въ немъ, несмотря на то, что въ семействѣ, которому онъ принадлежалъ, вовсе не было мнѣ ровесниковъ.

Бывало, угроза, если я буду шалить или дурно учиться, — меня не возмуть въ гости къ Касьяновымъ, была для меня самою дѣйствительною; чтобъ попасть къ нимъ, я иногда учивалъ лишнее противъ заданнаго мнѣ урока, а шалилъ чрезвычайно осторожно. До сихъ поръ не могу отдать себѣ отчета: почему я предпочиталъ Касьяновыхъ другимъ сосѣдямъ, почему я любилъ ихъ скромный уголокъ, въ которомъ они такъ уютно помѣщались, болѣе нежели огромныя палаты другихъ сосѣдей-помѣщиковъ. Когда Касьяновы пріѣхали къ намъ въ первый разъ, какъ я помню, былъ какой-то праздникъ. Отецъ мой сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, а я съ матерью гулялъ по террасѣ.

— Мама, посмотри-ка, къ намъ кто-то ѣдетъ,—закричалъ я, завидя по дорогѣ густое облако пыли.

— Нѣтъ, мой другъ, это вѣрно не къ намъ, а куда-нибудь подальше. Гости такъ рано не ѣздятъ,—и она взглянула на часы, на которыхъ было четверть двѣнадцатаго.

Но несмотря на то, что, по словамъ матери, гости такъ рано не ѣздятъ, экипажъ поворотилъ по дорогѣ къ нашему дому, и былъ отъ насъ не болѣе какъ въ четверти версты. Въ желтой бричкѣ стариннаго фасона, безъ переднихъ рессоръ, запряженной тройкой доморощенныхъ пѣгихъ лошадей, сидѣли старичекъ въ бѣломъ парусинномъ пальто и такомъ же картузѣ, съ безконечно длиннымъ четырехугольнымъ козырькомъ, рядомъ съ нимъ старушка въ клѣтчатомъ шерстяномъ бурнусѣ и соломенной шляпкѣ, изъ-подъ которой виднѣлись пучки сѣдыхъ волосъ; между ними, почти на колѣняхъ у обоихъ, сидѣла молодая дѣвушка, въ пастушьей шляпкѣ, съ широкими голубыми лентами и бѣломъ кашмировомъ бурнусѣ. На запяткахъ стоялъ лѣтъ пятнадцати мальчикъ, одѣтый казачкомъ. Бричка подкатила къ крыльцу и мы слышали, какъ старичекъ отдавалъ приказаніе соскочившему съ запятокъ казачку.

— Спроси, у себя ли Петръ Николаевичъ и Настасья Семеновна, и если у себя, то доложи, что Маркъ Васильевичъ и Надежда Абрамовна Касьяновы съ барышней пріѣхали засвидѣтельствовать имъ свое сосѣдское почтеніе.

Черезъ минуту человѣкъ доложилъ матери о пріѣздѣ Касьяновыхъ, которыхъ тотчасъ же приказали просить. Маркъ Васильичъ былъ человѣкъ старинный и крѣпко придерживался стариннаго обычая подходить къ дамамъ къ кручкѣ, и потому, войдя въ гостиную, онъ тотчасъ же поспѣшилъ поцѣловать у матери руку, и уже потомъ отрекомендовалъ себя, жену и дочь, которую называлъ Лизанькой.

— Мы, сударыня, продолжалъ онъ, давно собирались къ вамъ; вѣдь мы люди простые, старинные, за визитами не гонимся, да намъ сказывали, что вы-то были еще не устроившись, такъ мы и боялись васъ беспокоить.

— Да, это правда, замѣтила мать, мы такъ не привыкли къ деревенской жизни, что, намъ кажется, у насъ все не на

мѣстѣ, все чего-то не достаетъ; впрочемъ теперь, кажется, привыкаемъ.

— А вотъ мы съ Маркъ Василичемъ такъ не можемъ разстаться съ деревней, — возразила Надежда Абрамовна; — прошлаго года поѣхали было въ Петербургъ и Лизаньку взяли съ собой, думали прожить тамъ съ мѣсяцъ, чтобъ ее повеселить, да и двухъ недѣль не прожили, соскучились: все, знаете, чужое, незнакомое, не то, что у насъ, въ Василькахъ (усадьба Касьяновыхъ), куда ни обернись — все свое, и къ сосѣдямъ пріѣдешь, такъ словно къ роднымъ.

— Неужели и вамъ Петербургъ не понравился? — обратилась моя мать къ Лизанькѣ.

— Нѣтъ, я этого не скажу; но чтобъ любить петербургскія удовольствія, мнѣ кажется, надо привыкнуть къ нимъ, сжиться съ ними, имѣть хоть маленькій кругъ знакомыхъ, а безъ того, я не думаю, чтобъ они могли быть привлекательны.

Въ это время въ комнату вошелъ отецъ, и старикъ Касьяновъ снова отрекомендовалъ ему и себя и свое семейство, но на этотъ разъ и меня не забыли.

— А вотъ это мой молодецъ, рекомендую вамъ, — сказалъ отецъ, взявъ меня за руку; — немножко шалунъ, прибавилъ онъ, ну, да это пройдетъ, я самъ былъ порядочный повѣса въ его лѣта.

— Который ему годъ? спрашивали гости, награждая меня по очереди поцѣлуями отъ души.

— Девятый, — отвѣчалъ отецъ; — ужъ онъ у меня учиться началъ. Ну-ка, Миша, скажи гостямъ французскую басню, которую тебя выучила мать.

Я былъ не застѣнчивъ и тотчасъ же началъ скороговоркой: «La Cigale ayant chanté и проч., самъ не понимая ни слова что говорилъ.

— Чудесно, — чудесно, воскликнулъ Касьяновъ, когда я, не переводя духа, проговорилъ какъ попугай басню Лафонтена.

Затѣмъ пошли замѣчанія насчетъ моего большого роста, ума не по лѣтамъ, и продолжительный споръ насчетъ моего сходства съ маменькой, несмотря на то, что я былъ живая копія съ отца.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ вы не говорите, — настаивала Надежда Абрамовна, — пусть лучше вашъ Михайло Петровичъ походить на свою маменьку; у старыхъ людей есть замѣчаніе, что тотъ сыночекъ будетъ счастливъ, который похожъ на мать.

Наконецъ, разговоръ перешелъ на другіе предметы. Отецъ началъ говорить съ Касьяновымъ о хозяйствѣ, а Надежда Абрамовна принялась рассказывать матери «какъ въ ихнемъ уѣздѣ, лѣтъ тридцать тому назадъ, было весело, когда предводителемъ былъ Петръ Петровичъ, а судьей Спиридонъ Трифоновичъ, почти первые богачи по всей губерніи; какъ въ ту пору сосѣди ѣздили другъ къ другу на недѣлю и на двѣ погостить. — Какъ не разъ съѣзжалось и къ нимъ, Касьяновымъ, человекъ по тридцати, и на ночь мужчины, безъ церемоніи, отправлялись въ баню, да на сѣноваль, за неимѣніемъ помѣщенія въ домѣ, а барышень укладывали подъярьдъ на полу въ гостиной и залѣ. Да, весело-то какъ было, прибавляла добрая старушка, бывало въ въ день-то деньской молодежь и натанцуетъ и наиграется до упаду; хозяйка и не думай занимать гостей, — сами займутся; простота была, всякій веселится отъ души. А какъ всѣ жили-то дружно, въ случаѣ какого несчастія, бывало, тужить нечего — всякій спѣшитъ помочь». При этомъ Надежда Абрамовна рассказала, какъ «однажды сгорѣло у нихъ три крестьянскихъ двора, и какъ сосѣди на другой же день прислали погорѣвшимъ: кто возъ печенаго хлѣба, кто тесу, кто бревенъ, да такъ наградили мужичковъ всякой всячиной, что другіе, которыхъ Богъ помиловалъ отъ пожара, послѣ завидовали погорѣвшимъ; лѣсу-то у насъ своего почти совсѣмъ нѣтъ, добавила Касьянова, только для господскаго обихода. Ну, а ужъ нынче, продолжала старушка со вздохомъ, этого, кажется, не жди, всякому до себя, и живутъ-то всѣ какъ-будто не въ свое удовольствіе: съѣдутся, гдѣ бы молодежи поплясать, да поиграть въ фанты, а она либо сидитъ да зѣваетъ, либо, какъ старые люди, толкуетъ о государственныхъ дѣлахъ, словно безъ нея дѣла-то эти не обойдутся. Посмотрѣла я и въ Петербургѣ на гулянья; народу соберется видимо-не-видимо и музыка гремитъ отличная, — а какое удовольствіе? никакого! всѣ ходятъ, будто кого хоронить

собрались или съ послѣдней копейкой расстаются. Да и то сказать, какое пойдеть на умъ веселье, когда, что ступилъ, то заплати денежки. Нѣтъ, у насъ въ уѣздѣ, бывало, гораздо веселѣй жили».

Между тѣмъ какъ Касьянова разговаривала съ моей матерью, Лиза подозвала меня къ себѣ.

— А у тебя есть игрушки?—спросила она.

— Какже, есть, у меня много игрушекъ, недавно папаша подарилъ мнѣ лошадь—сто рублей заплатилъ!

— Живая?

— Какая живая? развѣ живыя лошади стоятъ сто рублей, живыя-то у насъ по тысячѣ рублей каждая! Вы не видали нашихъ лошадей, пойдете, я вамъ велю показать.

— Хорошо, только не теперь, а когда я приѣду въ другой разъ. Ну, а ты то къ намъ приѣдешь?

— Приѣду, меня всегда берутъ въ гости. А у васъ есть садъ.

— Есть, только не такой, какъ у васъ, нашъ маленькій.

— А у насъ большой, съ оранжереями, и паркъ есть, тамъ два оленя, папаша подарилъ ихъ мнѣ. Хотите, я вамъ одного подарю?

— Нѣтъ, благодарю, у меня некому за нимъ смотрѣть; лучше я тебѣ подарю голубка, такого маленькаго, хорошенькаго, мохноногаго.

— Ну, подарите: когда же вы подарите, завтра?

— Если приѣдешь завтра, такъ завтра же и подарю.

Я былъ въ восторгѣ отъ надежды имѣть голубка, и когда уѣхали отъ насъ Касьяновы, я тотчасъ приступилъ къ отцу, чтобъ онъ завтра же ѣхалъ къ нимъ и взялъ меня съ собой.

Отецъ любилъ меня побаловать и почти согласился на мою просьбу, но мать сильно возстала противъ этого и рѣшительно объявила, что отдавать визитъ на другой день кому бы то не было предосудительно, а тѣмъ-болѣе Касьяновымъ, которые въ уѣздѣ ровно ничего не значать и считаются мелкопомѣстными; при томъ, ѣхать въ первый разъ въ домъ съ ребенкомъ нигдѣ не принято. Вслѣдствіе этого въ семейномъ совѣтѣ положено было ѣхать къ Касьяновымъ не ранѣе какъ черезъ недѣлю, и

въ первый разъ безъ меня. Мать моя болѣе всего боялась казаться не знающей свѣта и его законовъ; а потому нарушить малѣйшій изъ нихъ считала дѣломъ рѣшительно невозможнымъ. Итакъ, я долженъ былъ покориться необходимости остаться дома, что, разумѣется, нисколько не помѣшало мнѣ заплакать, и въ душѣ побранить порядокъ, называемый, какъ я узналъ послѣ, свѣтскимъ приличіемъ.

Касьяновы жили отъ насъ въ двухъ верстахъ, и, вѣроятно, не были посвящены во всѣ тонкости визитной жизни; потому что послѣ отданнаго имъ визита отцомъ съ матерью, на другой же день пріѣхали опять къ намъ, къ вечернему чаю, и, между прочимъ, снова убѣдительно просили меня къ себѣ, а если когда вамъ самимъ нельзя будетъ, замѣтила Надежда Абрамовна, обращаясь къ моей матери, то просто присылайте его съ нянькой; будьте покойны, что мы за нимъ присмотримъ. Лизанька не отойдетъ отъ него ни на шагъ.

Мать благодарила за вниманіе ко мнѣ, и обѣщала, въ первый разъ какъ поѣдетъ сама, привезти и меня.

Наконецъ желанный день насталъ и я поѣхалъ къ Касьяновымъ. Чтобъ занять меня, Лизанька отыскала свои старыя куклы и какую-то телѣжку на двухъ колесахъ; такъ-какъ все это было уже нѣсколько лѣтъ заброшено и валялось на чердакѣ въ большомъ беспорядкѣ, то мы съ ней тотчасъ же приступили къ исправленію болѣе значительныхъ поврежденій: такъ, напримѣръ, у куколъ къ привязыванію рукъ, ногъ, а у нѣкоторыхъ и цѣлаго туловища, у телѣжки на двухъ колесахъ оказалось одно колесо затеряннымъ вовсе, а другое развалившимся, вслѣдствіе чего изобрѣтательный умъ Лизаньки придумалъ сдѣлать изъ телѣжки сани, и тотчасъ старая картонка изъ подъ шляпки была разрѣзана на полозки, а полозки поддѣланы подъ телѣжку посредствомъ иголки съ ниткой, съ такимъ искусствомъ, что послѣ по этому образцу я съ большимъ успѣхомъ передѣлалъ у себя дома нѣсколько экипажей такого рода.

Между тѣмъ, старики Касьяновы, въ свою очередь, хлопотали, чтобъ я не соскучился: Маркъ Васильевичъ вытащилъ изъ кабинета какую-то огромную старинную книгу, украшенную

картинками, дотолѣ мною не видѣнными. Всѣ онѣ изображали что-то страшное, безотрадное для человѣка... впрочемъ, я разсматривалъ ихъ съ удовольствіемъ, несмотря на то, что ровно ничего не понималъ; а Надежда Абрамовна распорядилась наложить нѣсколько чайныхъ блюдцевъ разнаго варенья и уставила ихъ передо мной въ симметрическомъ порядкѣ, присо-вокупивъ: «кушайте, дѣти, варенье у меня все сахарное».

Слово «дѣти» сначала меня удивило; какія же дѣти, думалъ я, кажется, кромѣ меня нѣтъ никого; но потомъ я узналъ, что Касьяновы свою Лизаньку называютъ также дитятѣй, несмотря на то, что ей было 18 лѣтъ.

Когда мать моя, замѣтя, что я слишкомъ много ѣлъ варенья, попросила хозяйку убрать отъ меня лакомыя блюда, а игрушки и книга съ картинами мнѣ уже надоѣли, Лизанька предложила идти въ садъ, или лучше сказать въ палисадникъ.

— Отчего это у васъ такой маленькій? — спросилъ я, обѣжавъ въ минуту всѣ его дорожки. — Вы посмотрите, какой у насъ большой, заведите и вы себѣ такой же.

— И рады бы завести, — весело отвѣчала Лиза, — да нельзя; для этого нужны деньги, а у насъ ихъ нѣтъ. Мы бѣдные.

— Если у васъ нѣтъ денегъ, попросите у папаши, онъ у меня добрый и всегда помогаетъ бѣднымъ. Вотъ у мамыши не просите, она бѣдныхъ не любитъ.

Лиза покраснѣла.

— Зачѣмъ же ты такъ дурно думаешь о своей мамышѣ, это не хорошо. Не можетъ быть, чтобъ она не любила бѣдныхъ?

— Нѣтъ, Лизавета Марковна, ей Богу она не любитъ, — подтвердилъ я, испугавшись, чтобы Лизанька не подумала, что я лгу на мать, — у насъ, въ Москвѣ, всѣ знакомые были богатые, бѣдныхъ мы не принимали.

Желая переменить разговоръ, Лизанька стала упрекать меня, зачѣмъ я называю ее Лизаветой Марковной. «Если хочешь, чтобы мы были друзьями, — говорила она, — то зови меня просто Лизой, а я тебя буду называть Мишей». Я обѣщалъ. Итакъ, почти съ перваго нашего знакомства мы съ Лизой уже были друзьями.

Лизанька скоро умѣла понравиться моей матери, и этому я

обязанъ, что меня часто отпускали къ Касьяновымъ, даже съ нянькой. Ни гувернантки, ни гувернера у меня не было. Впрочемъ, были два какихъ-то французъ, которые прожили у насъ по нѣскольку дней и отправились, вслѣдствіе того, что матери моей не понравился методъ ихъ обращенія со мной, а они, въ свою очередь, нашли тяжелымъ для себя характеръ моей матери. Что же касается до гувернантокъ, то брать молодыхъ мать не хотѣла, утверждая, что на нихъ нельзя положиться, а пожилыхъ не находилось; на самомъ же дѣлѣ мать имѣла въ виду другое: отецъ былъ не дурень собой и любилъ привокнуть. Это заставляло ее быть осторожной... И потому, послѣ неудачи въ гувернерахъ, рѣшено было не брать никого, съ тѣмъ, чтобы до извѣстныхъ лѣтъ я росъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ родителей, а потомъ отдать меня или въ корпусъ, въ который я былъ записанъ съ пятилѣтняго возраста, или въ лучшій пансіонъ въ одной изъ столицъ.

Прошелъ годъ, я продолжалъ посѣщать Касьяновыхъ, и сдѣлался въ ихъ домѣ какъ свой. Старики до такой степени привыкли ко мнѣ, что если я не былъ у нихъ недѣлю, — они или сами пріѣзжали, или присылали Лизу узнать, здоровъ ли я, и въ такомъ случаѣ она увозила меня съ собой.

Нельзя сказать, чтобъ меня мало баловали дома и не давали мнѣ рѣзвиться, сколько душѣ угодно; но, при всемъ томъ, дома я считалъ себя какъ будто связаннымъ, особенно меня преслѣдовала мать своими нравоученіями, въ родѣ того, какъ нужно ходить, какъ сидѣть, какъ и кому кланяться, съ которой стороны дѣлать проборъ на головѣ и т. д. Поэтому, когда мнѣ удавалось провести цѣлый день у Касьяновыхъ, я былъ совершенно счастливъ. Бывало, Маркъ Васильичъ читаетъ газеты, Надежда Абрамовна сидитъ съ чулкомъ, Лиза вышиваетъ на пальцахъ, а я посреди пола разбираю игрушки; вздумается побѣгать, побѣгаю, захочу полежать, преспокойно лягу на диванъ, и никто меня за это не осуждалъ. По той свободѣ и непринужденности, которыми я пользовался у Касьяновыхъ, скорѣй можно было подумать, что у нихъ я былъ дома, а у себя дома — въ гостяхъ. Мнѣ кажется, оттого-то больше я и любилъ бывать у нихъ.

Однажды къ намъ пріѣхалъ съ визитомъ какой то Гардовскій. Послѣ я узналъ, что это былъ нашъ сосѣдъ по имѣнію, въ которомъ, впрочемъ, онъ никогда не жилъ. Гардовскій только что вернулся изъ-за-границы, черезъ Одессу, и проѣздомъ въ Петербургъ, постоянное свое мѣстопробываніе, захотѣлъ взглянуть на свои родовыя помѣстья. Отецъ съ матерью приняли его очень любезно и просили безъ церемоніи бывать у нихъ чаще. Гардовскій воспользовался такимъ приглашеніемъ, тѣмъ болѣе, что не намѣренъ былъ заводить здѣсь большого знакомства съ сосѣдями, рассчитывая прожить въ деревнѣ не болѣе какъ мѣсяцъ или два, и потому ограничился только двумя визитами—къ намъ и уѣздному предводителю, почти никогда не выѣзжавшему изъ своей деревни.

Леонидъ Андреичъ Гардовскій былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, съ большимъ состояніемъ и блестящимъ положеніемъ въ свѣтѣ; одаренный отъ природы счастливою наружностью, онъ былъ образованъ какъ большая часть свѣтскихъ людей: любезенъ, болтливъ и остроуменъ; словомъ сказать, это было такое существо, съ которымъ, кажется, никогда не соскучишься. У насъ онъ часто встрѣчался съ Касьяновыми, и первое время какъ будто бы удалялся отъ нихъ, несмотря на то, что послѣдніе очень радушно привѣтствовали его, и просили сосѣда навѣстить и ихъ, на что онъ постоянно отвѣчалъ своею готовностью, обѣщая непременно воспользоваться приглашеніемъ, и постоянно не исполнялъ своего обѣщанія, отговариваясь то нездоровьемъ, то занятіями по хозяйству.

Спустя нѣсколько времени, онъ однажды заѣхалъ къ намъ верхомъ. Мы въ это время собирались къ Касьяновымъ и экипажъ былъ уже поданъ къ крыльцу.

— Куда вы?— спросилъ Гардовскій отца, который вышелъ его встрѣтить.

— Къ Касьяновымъ; впрочемъ, оставайтесь у насъ, поѣздку нашу мы можемъ отложить до другого раза.

— Если для меня, то не беспокойтесь, я, пожалуй, и самъ готовъ съ вами; я думаю имъ ужъ наскучило меня приглашать, да и мнѣ, признаться, надоѣло постоянно отговариваться.

— Ну, вотъ и прекрасно,—замѣтилъ отецъ,—поѣдемте, они простые, но славные старики.

— Кажется, дочка немного сентиментальничаетъ, впрочемъ, это, говорятъ, привиллегія всѣхъ уѣздныхъ барышень.

Отецъ засмѣялся.

Черезъ нѣсколько минутъ вышла мать и мы отправились.

Удовольствіе, которое доставилъ нашъ пріѣздъ Касьяновымъ, описать трудно; старики какъ будто бы помолодѣли, они суетились и хлопотали болѣе обыкновеннаго. Ужъ не знаю, была ли у нихъ въ это время какая-нибудь задняя мысль насчетъ Гардовскаго, или нѣтъ, только пріемъ, сдѣланный намъ въ этотъ разъ, рѣзко отличался отъ другихъ. Надежда Абрамовна чуть не сама подставляла скамеечку подъ ноги моей матери, а Маркъ Васильичъ безъ умолку разсыпался въ любезностяхъ то передъ отцомъ, то передъ Леонидомъ Андреевичемъ. Послѣ чаю явились на сцену заповѣдныя наливки, различныя водицы и запеканки, которыя, по словамъ хозяина, берегутся у него только для дорогихъ гостей.

Къ концу вечера, передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ отъ Касьяновыхъ, въ залѣ остались я, Гардовскій и Лиза; передъ этимъ только что былъ разговоръ о Петербургѣ.

Гардовскій взялъ меня за руки, и пристально посмотрѣвъ, спросилъ. «Хочешь, Миша, со мной ѣхать въ Петербургъ?»

— Хочу, —отвѣчалъ я.

— Пожалуйста, хоть его то не увозите,—шутя замѣтила Лиза.

— А вамъ его жаль.

— Еще бы; безъ него съ кѣмъ же я буду играть? Посмотрите, сколько у насъ игрушекъ, и Лиза указала на разбросанные по полу игрушки.

— Неужели васъ еще могутъ занимать игрушки,—спросилъ нѣсколько серьезно Гардовскій.

— А васъ будто бы онѣ не занимаютъ?

— Даю вамъ слово, что у меня вы не найдете ни одной.

— Такихъ какъ эти, — я увѣрена. Ваши, вѣроятно, будутъ и дороже и лучше.

— Впрочемъ, что вы называете игрушками.

— Всякую бездѣлицу, которая насъ занимаетъ. Не можете же вы сказать, чтобъ васъ ничто не занимало.

— То, что меня занимаетъ, я никогда не считаю игрушкой; напротивъ, я ставлю тотъ предметъ или ту вещь выше другихъ и смотрю на нее совсѣмъ не такъ, какъ, напримѣръ, этотъ господинъ (Гардовскій указалъ на меня) смотреть на эту куклу.

— Прибавьте, до времени, пока не найдете замѣнить ее лучшей.

— Вы говорите это, конечно, по опыту,—спросилъ насмѣшливо Гардовскій.

— Я не думаю, чтобъ въ этомъ случаѣ нужна была большая опытность; мнѣ кажется, достаточно имѣть немного разсудка и столько же вкуса, чтобъ угадать, что лучше всегда имѣть преимущество передъ худшимъ. Неужели вы этого не знали?

Послѣдній вопросъ Лизанька сдѣлала какъ-то укоризненно-насмѣшливо. Гардовскій противъ обыкновенія смѣшался. Въ это время отецъ съ матерью вошли въ залу въ сопровожденіи хозяевъ дома.

— Вы съ нами? — спросилъ отецъ у Гардовскаго. — Мы ѣдемъ.

— Я готовъ,—отвѣтилъ онъ почти безсознательно, вѣроятно, подъ вліяніемъ мысли, какъ бы поскорѣй выдти изъ положенія, очевидно, для него непріятнаго.

— До свиданія, — произнесъ онъ, протягивая руку Лизанькѣ.

— И надѣюсь — до скораго, если только вамъ у насъ не скучно.

Гардовскій что-то пробормоталъ сквозь зубы, и сталъ прощаться со стариками. Онъ сѣлъ съ нами въ карету, и на этотъ разъ вовсе не былъ такъ любезенъ и разговорчивъ, какимъ мы привыкли его видѣть.

Спустя недѣлю, Гардовскій снова былъ у Касьяновыхъ и послѣ того началъ ѣздить къ нимъ почти всякій день.

Однажды я услышалъ слѣдующій разговоръ отца съ матерью:

— Скажи, пожалуйста, Пьеръ, — начала мать, — что это

значить, что Гардовскій такъ пристрастился къ дому Касьяновыхъ. Не можетъ быть, чтобы онъ имѣлъ какіе-нибудь виды на Лизаньку; она ему ни съ какой стороны не пара, ни по образованію, ни по состоянію, да наконецъ, что такое фамилія Касьяновыхъ? — далеко не изъ извѣстныхъ, стало-быть войти съ ними въ родство онъ навѣрно не захочетъ; онъ всегда можетъ составить себѣ партію гораздо лучше.

— Я, право, не знаю, — отвѣчалъ отецъ, — да и какое намъ дѣло вмѣшиваться въ чужія дѣла, легко можетъ быть, что Гардовскій просто дурачится, отъ нечего дѣлать прикинулся влюбленнымъ — вотъ и все; я думаю, и сами Касьяновы очень хорошо понимаютъ, что онъ для ихъ дочери — не пара.

— Ты этого не говори; мнѣ кажется, напротивъ, они увѣрены, что не сегодня, — завтра онъ сдѣлаетъ предложеніе. Особенно Надежда Абрамовна; она въ послѣдній разъ, какъ была у меня, даже намекала на то, что Гардовскій ищетъ руки ея дочери; разумѣется, я всячески старалась разуверить ее въ этомъ, и за это она, кажется, осталась весьма недовольна мною.

— А тебя вездѣ спрашиваютъ, — замѣтилъ отецъ полусердито, — еще, пожалуй, подумаютъ, что ты изъ зависти разстраиваешь дѣло.

— Какіе пустяки! если бы у меня была дочь, такъ могли бы подумать, что я рассчитываю на Гардовскаго для дочери, а такъ какъ дочери я не имѣю, то всякій пойметъ, что для меня рѣшительно все равно, на комъ бы онъ ни женился и если я старалась разочаровать старуху, то единственно потому, чтобы она, въ свою очередь, объяснила Лизанькѣ поведение Гардовскаго, совсѣмъ не такъ, какъ понимаетъ его неопытная дѣвочка. А что она также раздѣляетъ мнѣніе матери въ отношеніи привязанности къ ней Гардовскаго, такъ это не трудно замѣтить, стоитъ только разъ увидѣть ихъ вмѣстѣ, при томъ посмотри, какъ она перемѣнилась: изъ полной, розовенькой дѣвочки сдѣлалась какой то желтой, худой. Куда дѣвалась ея веселость, эта дѣтская беззаботность. Нѣтъ, воля твоя, Гардовскій поступаетъ безчестно. Я отвѣчаю Богъ знаетъ чѣмъ, что онъ толкуетъ Лизанькѣ о счастьѣ, котораго никогда не въ состояніи ей дать.

Въ этомъ случаѣ мать была совершенно права. Но что же могло заставить Гардовскаго, этого льва, въ полномъ смыслѣ, вдругъ обратить вниманіе на Лизаньку, тогда какъ сначала онъ всячески избѣгалъ сближенія съ Касьяновыми, и признавая превосходство свое передъ ними во всѣхъ отношеніяхъ, едва рѣшился сдѣлать имъ честь своимъ визитомъ, и то запросто, послѣ обѣда, разсчитывая, вѣроятно, что для Касьяновыхъ и это будетъ одолженіе не малое. Чтобы объяснить читателю такую внезапную перемену Гардовскаго въ отношеніи къ Касьяновымъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о немъ самомъ и о Лизанькѣ.

Леонидъ Андреичъ Гардовскій принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ судьба отъ колыбели беретъ подъ свое особенное покровительство, и бережетъ какъ любимое дѣтище. Оставшись послѣ отца съ матерью еще ребенкомъ, онъ росъ подъ руководствомъ опекуна—дяди, болѣе обращавшаго вниманіе на то, чтобы малѣйшее желаніе племянника было немедленно исполняемо каждымъ изъ лицъ, къ нему приближенныхъ, и чтобы всѣ домашніе видѣли въ ребенкѣ будущаго своего «барина», въ томъ обширномъ значеніи этого слова, въ которомъ многіе еще такъ недавно понимали его. Несмотря на то, что маленькій Гардовскій былъ постоянно окруженъ безчисленнымъ множествомъ мамокъ, гувернантокъ, учителей и гувернеровъ, никому изъ нихъ не приходило въ голову противорѣчить малѣйшимъ капризамъ ребенка, изъ опасенія лишиться благосклонности опекуна и, можетъ быть, даже и выгоднаго мѣста. Итакъ, Леонидъ Андреичъ съ самаго ранняго дѣтства былъ полнымъ властелиномъ своихъ поступковъ. Слѣдствіемъ такого воспитанія было то, что гордость, эгоизмъ и настойчивость сдѣлались отличительными чертами характера молодого Гардовскаго. Къ сожалѣнію, успѣхъ, которымъ ознаменовался первый дебютъ его свѣтской жизни, еще болѣе укоренилъ въ немъ тѣ качества, о которыхъ я говорилъ сейчасъ, и въ нравственномъ отношеніи окончательно испортилъ молодого человека.

Между тѣмъ, Лиза родилась въ бѣдности; все, что могли дать ей родители—эту одну безпредѣльную привязанность къ ней

и ту нѣжную любовь, которая дѣлаетъ сердце ребенка мягкимъ и довѣрчивымъ. Образованіе она получила самое скудное; кромѣ русской грамоты, рукодѣлья и домашняго хозяйства ее ни чему не учили; но, одаренная отъ природы свѣтлымъ умомъ, она умѣла поставить себя такъ, что сообщество ея для всѣхъ было одинаково пріятно. Простому, самому обыкновенному разговору она умѣла придать столько интереса и столько занимательности, что слушатель невольно забывалъ, что передъ нимъ сидитъ бѣдная провинціалка, не получившая никакого образованія. Несмотря на то, что Лиза была вообще характера живого, подчасъ по лицу дѣвушки не трудно было замѣтить, что тяжелыя мысли тревожили ее. Тогда она дѣлалась печальною и менѣе общительною (вѣроятно въ это время Гардовскій и вывелъ свое заключеніе, что она сантиментальничаетъ). Не берусь описывать, какія именно мысли волновали молодое сердце, да едва ли кто за это взялся бы, но могу сказать положительно, что Лиза задумывалась вовсе не для того, чтобы казаться сантиментальною.

Первая встрѣча съ Гардовскимъ не произвела на нее никакого впечатлѣнія; да и онъ, побывавши у Касьяновыхъ разъ или два, вѣроятно тѣмъ бы ограничился, если бы не тотъ ничтожный разговоръ, который, Богъ знаетъ почему, заставилъ его сконфузиться передъ дѣвушкой, передъ которой онъ, навѣрно, рассчитывалъ однимъ своимъ появленіемъ произвести неописанный фуроръ. Ему показалось крайне обидной та насмѣшливая улыбка, съ которой Лизанька произнесла: *неужели вы этого не знали*. До сихъ поръ еще никто не обнаруживалъ передъ Гардовскимъ сомнѣнія, и при томъ такъ явно, чтобы онъ не зналъ такихъ пустяковъ, какъ напримѣръ, что лучшее всегда имѣетъ преимущество переходящее, и чтобы отличить одно отъ другого вовсе не нужна опытность, а достаточно имѣть немного разсудка и столько же вкуса. При томъ, кто же рѣшился объяснять ему подобныя вещи—дѣвочка, не получившая никакого образованія, даже не умѣющая говорить по-французски. По понятіямъ Гардовскаго, такой поступокъ со стороны Лизы былъ болѣе нежели непростительнымъ, и требовалъ непременно платы тою же монетою, т.-е. онъ рѣшился,

въ свою очередь, поставить дѣвушку въ затруднительное положеніе, и при этомъ случаѣ докторальнымъ тономъ прочитать ей мораль.

Гардовскій какъ нельзя лучше рассчиталъ, что самая дѣйствительная мѣра мщенія за свое оскорбленное самолюбіе — будетъ обмануть надежды дѣвушки. Съ этою цѣлью онъ прикинулся влюбленнымъ въ Лизу, началъ ѣздить къ Касьяновымъ почти каждый день, и старался уловить малѣйшее желаніе не только Лизы, но даже Марка Васильича и Надежды Абрамовны, которые полюбили его какъ самаго близкаго родного, и когда, однажды, Надежда Абрамовна шутя назвала Гардовскаго своимъ сынкомъ, онъ придавъ своей фیزیономіи такое выраженіе, которое какъ будто бы говорило: о! тогда я былъ бы совершенно счастливъ. Между тѣмъ, въ интимныхъ разговорахъ съ Лизой, Леонидъ Андреичъ не шутя намекалъ на свою привязанность къ ней, и всячески старался вызвать ее также на признаніе. Трудно было устоять молодому и довѣрчивому сердцу Лизы противъ такого искушенія. Она думала такъ: какая надобность этому человѣку говорить и дѣйствовать противъ своихъ чувствъ, противъ своихъ убѣжденій. Если бы онъ дѣйствительно не любилъ меня, въ такомъ случаѣ зачѣмъ ему притворяться, тѣмъ болѣе, что при тѣхъ условіяхъ жизни, которыми пользуется Гардовскій, навѣрно онъ не затруднился бы въ выборѣ именно той, которую любить. Надежда Абрамовна, а по ней и Маркъ Васильичъ, своими предположеніями и догадками въ отношеніи вниманія къ нимъ Гардовскаго еще болѣе убѣждали Лизу, что Леонидъ Андреичъ дѣйствуетъ по влеченію сердца. «Чтожъ» — говорили они, — «что ты бѣдна и не говоришь по-французски. Любовь этого не разбираетъ, на это смотрѣть нечего, мы знаемъ сколько примѣровъ, что богачи женятся на такихъ, что и сказать стыдно, — просто на своихъ крѣпостныхъ, либо на актрисахъ. А въ тебѣ все-таки течетъ дворянская кровь.» Лиза съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вѣрила тому, что любовь неразборчива, и вмѣстѣ съ тѣмъ стала еще довѣрчивѣе къ Гардовскому. Однажды онъ захворалъ и дней пять не могъ никуда выѣхать; это, повидимому ничтожное, обстоятельство окончательно убѣдило Лизу, что присут-

ствіе Гардовскаго для нея необходимо. Тутъ только она поняла, что любить его больше всего на свѣтѣ. Пять дней прошли для нея мучительной вѣчностью. Наконецъ онъ пріѣхалъ, и на этотъ разъ ему не стоило большого труда выманить отъ дѣвушки роковое признаніе. Выслушавъ ее, Онѣгинъ нашего времени самодовольно улыбнулся, и вмѣсто всякихъ правоученій ограничился только тѣмъ, что объяснилъ причину своего ранняго выѣзда послѣ болѣзни.

— Извините меня, Лизавета Марковна, — отвѣчалъ Гардовскій, — я никакъ не ожидалъ услышать отъ васъ ничего подобнаго, и поспѣшилъ къ вамъ единственно за тѣмъ, чтобы проститься. Я завтра ѣду въ Петербургъ, моя неvěста возвратилась изъ-за границы и теперь ожидаетъ меня. Письмо отъ нея заставило меня нѣсколькими днями ранѣе встать съ постели.

Затѣмъ онъ поспѣшилъ засвидѣтельствовать свое уваженіе едва устоявшей на ногахъ Лизанькѣ, а потомъ вошелъ въ гостиную, чтобы проститься съ Маркомъ Васильичемъ и Надеждой Абрамовной, которыхъ сюрпризъ этотъ поразилъ до такой степени, что они почти въ одинъ голосъ произнесли: «что ты, батюшка, съ ума сошелъ что ли?» Но Гардовскій едва ли слышалъ ихъ. Онъ поспѣшно вышелъ, сѣлъ въ коляску и приказалъ кучеру ѣхать къ намъ. Прощальные визиты Гардовскаго продолжались недолго. Къ предводителю онъ не ѣздилъ, потому что тотъ въ это время былъ гдѣ-то въ отъѣздѣ полѣ, стало быть отъ насъ онъ отправился прямо домой, и на другой день чѣмъ свѣтъ люди наши видѣли, какъ спускался съ горы его дорожный дормезъ.

Дня черезъ два я съ матерью поѣхалъ къ Касьяновымъ. Погода была пасмурная, солнце съ самаго утра не показывалось изъ-за густыхъ облаковъ, ежеминутно готовыхъ разразиться дождемъ, порывистый вѣтеръ былъ холоденъ и дулъ довольно сильно. Вообще, несмотря на то, что былъ только конецъ іюля, въ воздухѣ отзывалось глубокою осенью. Подъѣзжая къ знакомому домику Касьяновыхъ, мнѣ показалось, что онъ сталъ еще меньше и какъ то угрюмо выглядывалъ изъ-за старыхъ березъ, усѣянныхъ вороньими гнѣздами, а на одной изъ нихъ глухо каркалъ черный воронъ. Я слыхалъ отъ няни

не разъ, что воронъ каркаетъ не къ добру. Вѣрно у Касьяновыхъ будетъ какая-нибудь бѣда,—подумалъ я, и мнѣ вдругъ стало ихъ такъ жаль, что я едва удержался, чтобъ не заплакать. Но когда мы вошли въ домъ и единственный слуга Марка Васильича, постоянно сидящій съ чулкомъ въ рукахъ, почти шепотомъ объявилъ намъ, что «барышня, Лизавета Марковна, очень нездоровы», — я рѣшительно не могъ побѣдить себя и горько заплакалъ. Не малыхъ трудовъ стало матери успокоить меня и заставить перестать, чтобъ еще болѣе не растревожить и безъ того огорченныхъ хозяевъ.

Старикъ Касьяновъ сидѣлъ на любимыхъ своихъ креслахъ въ залѣ. Передъ нимъ лежало нѣсколько номеровъ «Московскихъ Вѣдомостей», но, противъ обыкновенія, онъ не читалъ. Голова его была опущена на грудь, лицо выражало душевную печаль и онъ безсознательно смотрѣлъ на носки своихъ туфель, вышитыхъ Лизой нѣсколько лѣтъ тому назадъ ко дню его ангела; завидя насъ, онъ хотѣлъ встать, чтобы идти навстрѣчу, но мать поспѣшила подойти ближе и протянуть ему руку.

— Что ваша Лиза?—спросила она.

— Тамъ, въ своей комнатѣ, лежитъ,—промолвилъ старикъ дрожащимъ голосомъ, указывая на дверь въ коридоръ.

— Я могу пройти къ ней?

— Сдѣлайте одолженіе, тамъ и Надежда Абрамовна.

Мать взяла меня за руку и, предупредивъ, чтобъ я не стучалъ, повела къ Лизѣ.

Въ это время комната Лизы вовсе не походила на ту, которую я зналъ прежде; она была такая свѣтленькая, веселенькая, а теперь единственное окно въ ней было завѣшено большимъ ковровымъ платкомъ, который пропускалъ самый слабый свѣтъ, отчего вся мебель, шкафъ, комодъ и проч. выглядѣли мрачными тѣнями на блѣдномъ фонѣ розовыхъ стѣнъ. Кровать больной стояла въ углу, отгороженномъ бѣлымъ кисейнымъ пологомъ, у котораго на стулѣ сидѣла Надежда Абрамовна, безпрестанно приподнимая край полога, чтобъ взглянуть на больную. Въ почтительномъ отдаленіи, почти у самыхъ дверей, скрестивъ на груди свои костлявыя руки, стояла старушка Емельяновна, нянька Лизы; по краснымъ, опухшимъ глазамъ

ея видно было, что она выплакала немало слезъ, взоръ ея безпрестанно блуждалъ то къ образу Всѣхъ Скорбящихъ, висѣвшему надъ кроватью больной, то на пологъ, заслонявшій Лизу, и при этомъ блѣдныя, почти безцвѣтныя губы ея шептали какую-то молитву. Когда мы вошли въ спальню Лизы, Надежда Абрамовна почти спрыгнула съ своего мѣста, и, заливаясь горькими слезами, бросилась въ объятія матери. «Родная моя,» — шептала она, стараясь удержать рыданія, чтобы не разбудить больную, — погубилъ насъ этотъ злодѣй, Богъ съ нимъ». Мать всячески старалась успокоить старушку насчетъ болѣзни ея дочери. И спустя нѣсколько времени, кажется успѣла въ этомъ, потому что Надежда Абрамовна уже гораздо спокойнѣе рассказала обо всемъ, что происходило въ ихъ семействѣ въ послѣдніе три дня. «Вчера послала въ городъ за докторомъ, — прибавила она, — описала ему все, что съ ней было, просила пріѣхать посмотрѣть, а онъ, такой недобрый, отказался, говорить, что дѣла много въ городѣ; впрочемъ, лѣкарство и наставленіе какъ его употреблять прислалъ, да только заглазное дѣло все не такъ то надежно, вѣрнѣй бы было, еслибъ самъ то взглянулъ; ну, да и то сказать, кто ему велитъ ѣхать за 15 верстъ, вѣдь мы, извѣстное дѣло, дорого заплатить ему за визитъ не можемъ; онъ это и самъ знаетъ, видно оттого и не ѣдетъ». Мать обѣщала отъ себя написать къ доктору и попросить его пріѣхать къ Касьяновымъ. Наконецъ, выслушавъ малѣйшія подробности болѣзни Лизы, она съ какой-то увѣренностью объявила старушкѣ, что отчаяваться нечего, что болѣзнь пройдетъ скоро, и Лиза, попрежнему, будетъ весела и здорова. Увѣренность и спокойствію, съ которымъ говорила мать, почти совершенно ободрили Надежду Абрамовну, она начала надѣяться. Со слезами благодарности она обнимала то меня, то мать и, крѣпко прижавъ къ своей груди послѣднюю, называла ее своимъ ангеломъ-утѣшителемъ. Мы пробыли болѣе часу въ комнатѣ Лизы, но она не просыпалась и въ этотъ разъ я ея не видалъ.

По возвращеніи нашемъ домой, отецъ встрѣтилъ насъ, по его словамъ, радостной вѣстью изъ Москвы. Она заключалась въ томъ, что наконецъ выпалъ счастливый жребій и на мою

долю; кандидатство мое на поступленіе въ корпусъ кончилось, меня требовали представить немедленно на вакансію, открывшуюся по случаю усиленнаго выпуска кадетъ въ офицеры, какъ было сказано въ полученной отъ директора бумагѣ. Начались приготовленія къ моей отправкѣ, хлопоты и заботы о томъ, какого и сколько отпустить со мной бѣлья, платья и прочихъ принадлежностей туалета; впрочемъ не забыли и о книгахъ, ими набили цѣлый чемоданъ, съ тѣмъ, чтобы по пріѣздѣ моемъ въ Москву, я тотчасъ же протвердилъ по нимъ все, что нужно знать для поступленія въ приготовительный классъ, но, къ счастью, дѣло обошлось безъ всякаго экзамена, меня спросили только: умѣю ли я читать и писать по-русски; итакъ, оказалось, что чемоданъ съ книгами былъ отпущенъ со мной не болѣе какъ для обремененія излишнею тяжестью бѣдныхъ лошадей, которыя везли его до Москвы, потому что, само собою разумѣется, я въ нихъ не заглядывалъ, рассуждая очень основательно, что въ одинъ или два дня нельзя выучить то, чего не выучилъ въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ.

Во время моихъ сборовъ, продолжавшихся болѣе недѣли, никто изъ насъ у Касьяновыхъ не былъ. Впрочемъ, мать не забыла своего обѣщанія въ отношеніи доктора, она написала ему письмо, съ просьбою непременно пріѣхать къ больной, что онъ и исполнилъ немедленно, въ знакъ особеннаго уваженія къ нашему дому, и дня черезъ два посланный отъ насъ узнать о здоровьѣ Лизы возвратился съ утѣшительнымъ извѣстіемъ, что ей гораздо лучше. Такого рода отвѣты посланныхъ продолжались всякій день, и мы всѣ были очень рады за Лизу и за ея родныхъ. Наконецъ, наканунѣ дня моего отъѣзда съ отцомъ въ Москву, мы поѣхали къ Касьяновымъ прощаться. Насъ встрѣтила Лиза. Она почти совершенно оправилась отъ болѣзни, только блѣдность въ Лицѣ, да слабость въ членахъ, обнаруживали въ ней слѣды еще не совсѣмъ прошедшаго недуга.

Впрочемъ, это показалось мнѣ такъ съ перваго взгляда; когда же я сталъ ближе всматриваться въ Лизу и пробылъ съ ней нѣсколько времени, то замѣтилъ, что кратковременная болѣзнь дѣвушки оставила по себѣ слѣды глубокіе, неизгладимые.

мые, она потрясла, такъ-сказать, всѣ фибры молодой души въ самомъ основаніи. Лиза въ отношеніи своего характера какъ-будто бы переродилась. Прежняя веселость и ребяческій смѣхъ вовсе покинули ее и мѣсто ихъ заступили постоянная скука, постоянное недовольство собой и какая-то робость и недовѣріе къ другимъ. Словомъ, сказать, въ этой серьезной и угрюмой дѣвушкѣ никто бы не узналъ прежнюю рѣзвуху-Лизу, какъ, бывало, называлъ ее отецъ. Надежда Абрамовна и Маркъ Васильевичъ не безъ содраганія посматривали на свое дитя и сами пріуныли, а за ними и всѣ окружающіе ихъ ходили словно опущенные въ воду, опасаясь нарушить мрачное спокойствіе своихъ господъ... Не весело было мнѣ на этотъ разъ просидѣть нѣсколько часовъ у Касьяновыхъ, даже стѣны дома, казалось мнѣ, смотрѣли на насъ какъ-то непривѣтливо, а добродушныя лица, изображенныя на старинныхъ портретахъ рода Касьяновыхъ, на которые прежде я, бывало, засматривался, теперь пугали меня своею суровостью и неподвижностью. Странно, — рассуждалъ я самъ съ собой:—отчего это у Касьяновыхъ все такъ перемѣнилось и очень обрадовался, когда мать велѣла мнѣ отыскать свой картузикъ, чтобъ ѣхать домой.

Прощаясь со мной, Лиза судорожно прижала меня къ своей груди, и я замѣтилъ, что глаза ея на минуту попрежнему заблистали. «Прощай, Миша,—говорила она,—можетъ быть мы съ тобой никогда больше не увидимся; желаю тебѣ счастья много, много».

Я уѣхалъ въ корпусъ, черезъ нѣсколько времени отецъ съ матерью также переѣхали на житье въ Москву, и въ продолженіе шести лѣтъ мы рѣшительно ничего не слыхали о Касьяновыхъ. Наконецъ, однажды докладываютъ матери, что ее желаетъ видѣть какая-то монахиня, пріѣхавшая въ Москву для сбора на монастырь; мать попросила ее въ гостиную, ожидая встрѣтить какую-нибудь почтенную старушку. Но какъ велико было ея удивленіе, когда она увидѣла передъ собой прежнюю Лизу, а теперь въ иноческомъ постриженіи Серафиму.

— Боже мой, вы ли это, Лизавета Марковна,—воскликнула мать, почтительно обнимая странницу.

— Неужели меня можно еще узнать, — отозвалась гостья.

Дѣйствительно узнать въ ней прежнюю Лизу было довольно трудно уже потому, что вмѣсто густыхъ и черныхъ волосъ изъ подъ шапочки ея выглядывали волоса сѣдыми прядями, кромѣ того худое, морщинистое лицо было желтаго цвѣта и осунулось какъ у мертвеца. «Если бы вы знали, что я выстрадала въ это время, какъ мы съ вами разстались, — продолжала мать Серафима. — Вѣдь я похоронила и мать, и отца, они лежатъ въ томъ самомъ монастырѣ, въ которомъ теперь я».

— Упокой ихъ Господи, — произнесла перекрестившись мать и поспѣшила переменить разговоръ, столь тягостный для по-сѣтительницы.

Серафима пробыла у насъ два дня и отправилась въ свой монастырь.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ она сторожить непробудный сонъ тѣхъ, которые, въ свою очередь, нѣкогда сидѣли надъ ея дѣтскимъ изголовьемъ и съ любовью, какъ награды, ждали улыбки ребенка. Вскорѣ послѣ смерти стариковъ Касьяновыхъ Лизавета Марковна, задумавъ идти въ монастырь, продала свое маленькое имѣньице кому-то изъ сосѣдей. Новый владѣлецъ Васильковъ, не имѣя надобности въ господскомъ домѣ, приказалъ, до времени, запереть его, а окна заколотить досками.

Въ такомъ видѣ онъ стоитъ до сихъ поръ и носить названіе «старого дома». Между деревенскими жителями ходитъ о немъ молва недобрая. Разсказываютъ, будто бы по ночамъ изъ него слышится и стукъ, и говоръ, а нѣкоторые утверждаютъ, что видѣли своими глазами, какъ передъ первыми пѣтухами (до 12 часовъ ночи) къ крыльцу подъѣзжаетъ знакомая всему околотку желтая бричка и изъ нея выходятъ старые господа, въ это время сѣнная дверь отворяется передъ ними сама собой и потомъ снова запирается. Послушавъ такія чудеса, ночной сторожъ дальше проходить отъ дома и, медленно ударяя въ свою чугунную доску обломкомъ подковы, робко озирается вокругъ; между тѣмъ эхо глухо вторитъ его ударамъ и еще больше пугаетъ полусонныхъ мужиковъ.

Б о р ь б а.

Къ уѣздному городу N...., по большой московской дорогѣ, тянулся обозъ на лошадяхъ двѣнадцати. Судя по небольшимъ скрипучимъ телѣгамъ, тощимъ крестьянскимъ лошадямъ и веревочной сбруѣ, не трудно было догадаться съ перваго взгляда, что хозяева ихъ не были коренными извозчиками, у которыхъ, начиная отъ высокой расписной дуги до лагуна съ дегтемъ, подвязаннымъ подъ телѣгой, все носить какой-то особый отпечатокъ извозчичьяго и бываетъ несравненно массивнѣе. Между тѣмъ, какъ здѣсь подъ всѣми двѣнадцатью телѣгами едва ли найдется три лагуна, и то такихъ миниатюрныхъ, что количество вмѣщаемаго ими дегтя никакъ бы не достало для одной хорошей ямской телѣги. О дугахъ нечего и говорить, — онѣ вполне соответствовали сбруѣ и были также тонки и неуклюжи, какъ и самыя лошади. Импровизованные извозчики, въ числѣ четырехъ человѣкъ, молча шли по окраинѣ дороги, изрѣдка помахивая въ воздухъ своими кнутиками и хворостинками, и одинаково покрикивая на своихъ лошадокъ какъ за излишнее усердіе, такъ и за лѣность. Но почему же, спросить читатель, людей, сопровождавшихъ обозъ, я назвалъ импровизованными извозчиками. Да потому, что они вовсе не были извозчиками. Баринъ ихъ, переѣхавъ изъ деревни въ Москву на постоянное жительство, приказалъ своему управляющему нарядить двѣнадцать крестьянскихъ подводъ для перевозки въ столицу всего, что было его въ деревенскомъ домѣ. Мужички снарядились, перевезли господское добро, и, въ видѣ благодарности, получили позволеніе остаться лишній день на барскомъ дворѣ, для приисканія себѣ клади, чтобы не ѣхать въ обратный путь порожнякомъ и не тратиться на прокормъ себя и лошадей изъ своего кармана. Мужичкамъ на этотъ разъ посчастливилось: они не только нашли кладъ, но еще нашелся и попутчикъ, который, не взирая на неудобство медленной ѣзды и не совсѣмъ ловкое помѣщеніе между двумя бунтами хлопчатой бумаги, заплатилъ имъ два рубля серебромъ, съ тѣмъ, что бы они довели его до города N., черезъ который лежалъ имъ путь.

Попутчикъ былъ молодой мальчикъ лѣтъ шестнадцати; полное, румяное лицо его дышало здоровьемъ; костюмъ его состоялъ изъ кашемироваго архалука и сѣрыхъ суконныхъ шароваръ; на головѣ надѣта была фуражка съ краснымъ околышемъ; поношенная шинель съ воротникомъ такого же цвѣта, какъ околышъ фуражки, лежала въ ногахъ. Мальчикъ сидѣлъ на одномъ изъ воевъ и, казалось, о чемъ-то задумался; однообразный скрипъ колесъ какъ-то грустно раздавался въ воздухѣ. Однообразны и пусты были поля, по которымъ, какъ лента, безъ конца вилась большая дорода. Проѣхавъ нѣсколко, одинъ изъ мужиковъ обратился къ сидящему на возу мальчику съ слѣдующими словами:

— Ну, вотъ, барчукъ, смотри: какъ только въ ту гору подымемся, такъ будетъ городъ видать. Что, чай радъ?

Вмѣсто отвѣта, барчукъ лѣниво поглядѣлъ въ ту сторону, въ которую указывалъ ему крестьянинъ, и не только не обрадовался, но съ какимъ-то неудовольствіемъ отвернулся и продолжалъ смотрѣть попрежнему задумчиво на давнознакомыя ему мѣста. Крестьянинъ выразительно посмотрѣлъ на барчука и, толкнувъ своего товарища, промолвилъ: знать къ мачихѣ ѣдетъ, и ухомъ не ведетъ, что до дому всего три версты остается.

Дѣйствительно, до дома мальчика, или лучше сказать, до дома его отца оставалось только три версты, но чѣмъ болѣе пространство это сокращалось, тѣмъ мальчикъ становился тревожнѣе. Не разъ приходило ему на мысль, что если бы цѣль его путешествія отдалилась на столько, на сколько она была отъ него дней пять тому назадъ, онъ даже готовъ былъ отдалить ее еще на недѣлю, на мѣсяць, на годъ, пожалуй хоть на всегда. Но увы! это было не въ его власти... Съ горы, на которую въѣхалъ обозъ, открылась панорама города N. Правда, панорама была не великолѣпная, но это не мѣшало мужикамъ на минуту пріостановиться...

Уѣздный городъ N., какъ большая часть нашихъ городовъ, не отличается ни правильностью улицъ, ни красотой постройки, ни даже чистотой. Десятокъ, другой неуклюжихъ каменныхъ домовъ, въ томъ числѣ присутственныя мѣста и сѣзжій домъ,

разбросанные между двухъ-трехъ сотенъ лачужекъ, безсовѣстно выставляли свои грязныя закоптѣлыя стѣны, и въ то же время какъ-то надменно смотрѣли на своихъ деревянныхъ сосѣдей, большею частію покривившихся на сторону, подъ тяжестью мезониновъ, а иногда просто отъ ветхости, подъ бременемъ нужды, которая давила ихъ владѣльцевъ. Единственная во всемъ городѣ мощеная улица въ осеннее время представляла единственный путь сообщенія между обывателями N. Однимъ только взялъ городъ N., это тѣмъ, что въ немъ городничій, говорятъ, человѣкъ честный.

Въ тотъ самый день, въ который знакомый уже читателю обозъ подвигался къ городу, на одной изъ его улицъ происходило слѣдующее: подлѣ каменнаго одноэтажнаго домика, съ тремя небольшими окнами на улицу, остановились крытыя дрожки частнаго пристава Павла Степановича Горячаго. Самъ владѣтель этихъ дрожекъ осторожно сошелъ съ нихъ и, подойдя къ запертой калиткѣ, нѣсколько разъ постучалъ въ нее кулакомъ довольно энергически. На стукъ отозвался со двора женскій голосъ:—Ну-у, подождешь.—Павелъ Сепанычъ не любилъ ждать это извѣстно было всему городу, и потому онъ, стукнувъ еще энергичнѣе, почелъ за лучшее назвать себя по имени, рассчитывая, что кто бы ни услышалъ его, навѣрно бросить свое дѣло и тотчасъ же поспѣшить отворить калитку. Горячій не ошибся: тотъ же самый женскій голосъ какъ будто бы взвизгнулъ: —Ахти, свѣты мои! да это самъ!—и въ ту же минуту въ воротахъ заскрипѣлъ тяжелый засовъ. Грязная, растрепанная баба лѣтъ 30-ти, въ набойчатомъ сарафанѣ, который съ одной стороны былъ приподнятъ и подвернутъ за поясъ, поспѣшно отворила калитку и стала лицомъ къ лицу съ Павломъ Степанычемъ.—Бездѣльники!—закричалъ онъ на весь дворъ, прежде нежели переступилъ калитку.—Цѣлый часъ стучалъ, а вы никто и не пошевелитесь! Гдѣ у васъ уши-то? Я ихъ открою.—Привратница не возражала: она ни жива ни мертва стояла передъ Горячимъ, замѣтно взволнованнымъ до глубины души, и въ это время не принимавшимъ никакихъ резоновъ. Затѣмъ онъ обратилъ гнѣвъ на выскочившаго на крыльцо полицейскаго солдата, своего безсмѣннаго вѣстового, по прозванію Брусенко,

и тяжелыми шагами направился прямо къ нему, продолжая неистово кричать и браниться. Не такъ счастливо на этотъ разъ отдѣлался Брусенко: ему таки порядочно попало, какъ послѣ онъ самъ рассказывалъ Маврушкѣ, той самой, которая отворяла калитку. Приѣздъ Павла Степаныча имѣлъ такое же вліяніе на всѣхъ живущихъ въ его домѣ, какое имѣетъ на людей появленіе саранчи, грозовой тучи и т. п.: всѣ трепещутъ, всѣ боятся, всѣ чего то - ожидаютъ. Даже дворовая собака, Жучка, гулявшая до тѣхъ поръ спокойно, по двору, слышавъ голосъ Горячаго, поджала хвостъ и убралась въ свою конуру, изъ которой въ эту минуту, кажется, не выманилъ бы ее ни какой костью. Кромѣ Маврушки, Брусенко и Жучки, въ домѣ Горячаго были еще три существа, которыя, слыша голосъ Павла Степаныча, потому только не поджали своихъ хвостовъ и не попрятались въ конуры, что не имѣли въ своемъ распоряженіи ни того, ни другого. Существа эти были: дородная Анна Прокофьевна, жена пристава, Алексаша, его дочь, дѣвочка лѣтъ 19-ти, и Митрошка двѣнадцатилѣтній мальчикъ сынъ кучера Ларіона и Маврушки, исполнявшій должность камердинера Павла Степаныча. Слыша знакомый имъ голосъ пристава, они всѣ какъ-то инстинктивно очутились вмѣстѣ, будто съ намѣреніемъ составить оппозицію противъ неминуемой опасности.

Павелъ Степанычъ былъ выпивши, и выпивши что называется, съ горя. Утромъ онъ получилъ отъ городничаго головомойку по какому-то дѣлу, за которое городничій, въ свою очередь, получилъ нахлобучку изъ губерніи. По порядку вещей, казалось бы, квартальному слѣдовало, въ этомъ случаѣ, также ожидать чего-нибудь непріятнаго отъ частнаго и т. д., нисходя до послѣдняго нижняго чина N. полиціи; но это не было и быть не могло, потому что Павелъ Степанычъ строго уважалъ родственныя узы, связывающія его съ квартальнымъ, который былъ никто другой, какъ Прокофій Саввичъ Розмаринкинъ, отецъ Анны Прокофьевны, слѣдовательно тестъ Горячаго. Это обстоятельство, зачастую лишавшее частнаго пристава возможности сорвать зло на квартальномъ, еще болѣе способствовало тому, что Павелъ Степанычъ выпивалъ съ гора лишнюю и въ

это время срывалъ свое зло безъ разбору на комъ ни попало; больше всѣхъ, само собою разумѣется, доставалось Митрошкѣ: его хохоль постоянно находился въ перпендикулярномъ положеніи и пригладить его не было никакой возможности. При томъ Павелъ Степанычъ былъ такъ убѣжденъ въ необходимости давать Митрошкѣ потасовку, что иногда, подь веселый часъ, обращался къ нему съ слѣдующею рѣчью:—А скажи ты мнѣ пожалуйста, Митрошка, что бы ты сталъ дѣлать, если бы я вдругъ пересталъ тебѣ задавать потасовку, и дня два не дотрогивался бы пальцемъ? Ну, скажи, что бы ты сталъ тогда дѣлать?—Такой мудреный вопросъ рѣшительно ставилъ Митрошку въ тупикъ, и онъ положительно отвѣчалъ: не могу знать-съ. Дѣйствительно, онъ никакъ не могъ себѣ представить возможности такого существованія, о которомъ говорилъ его баринъ. Привычка — вторая натура. На отвѣтъ Митрошки, Павелъ Степанычъ всегда замѣчалъ довольно серьезно: то-то же, дуракъ, ты это чувствуй. — И Митрошка продолжалъ чувствовать. Послѣ него въ отвѣтъ была дочь и, наконецъ, всѣ домашніе, кому посчастливится подвернутся подь руку.

Войдя въ въ прихожую, Павелъ Степанычъ еще продолжалъ браниться, хотя гораздо тише, нежели на дворѣ, и можетъ быть онъ вовсе бы смолкъ, если бы Митрошка не подвернулся поднять съ полу сброшенную приставомъ шинель. Не долго думая, Павелъ Степанычъ тутъ же задалъ мальчишкѣ потасовку, не объяснивъ даже за что, и отправился дальше. — Вы что тутъ собрались?—обратился онъ къ женѣ и дочери, выходя въ залу. — Что вамъ нужно?—Порадуйтесь, получилъ непріятность. Получилъ, получилъ. У, у, изверги! Вонъ отсюда.

Мать и дочь бросились опрометью въ другую комнату.

Въ это время снова слышался стукъ въ калитку и Жучка, не рѣшаясь еще выдти изъ конуры, осмѣлилась только исполнить свою прямую обязанность — залаять, что было силы. — Какой тамъ еще чортъ лѣзетъ,—вскричалъ Павелъ Степанычъ, начавшій уже раздѣваться, съ тѣмъ, чтобы послѣ всѣхъ случившихся съ нимъ въ этотъ день непріятностей, часика четыре всхрапнуть. Маврушка бросилась къ воротамъ и тотчасъ возвратилась съ докладомъ, что Алексѣй Павлычъ изволили

пріѣхать.—Какой такой Алексѣй Павлычъ?—грозно спросилъ приставъ и выглянулъ въ окно.—А, Алешка! это ты?—продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ, завидя идущаго по двору мальчика въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и съ узелкомъ подъ мышкой.—Ступай, братъ, ступай! тебя-то и надо.

Алеша, тотъ самый мальчикъ, который ѣхалъ съ обозомъ, былъ сынъ Горячаго. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ учился во-2-мъ уѣздномъ училищѣ, которымъ Павелъ Степанычъ и думалъ ограничить образованіе своего сына; но, по счастью, какой-то дальній родственникъ Горячаго, видя способности мальчика, успѣлъ уговорить отца—отправить Алешу въ московскую гимназію, и обѣщалъ похлопотать, чтобы его приняли на казенный счетъ. Большихъ трудовъ стоило урезонить Горячаго отдать сына въ гимназію, и послѣ, какъ въ канцеляріи пристава встрѣчалась надобность въ хорошемъ писарѣ, онъ не разъ раскаявался, что согласился отпустить Алешку (такъ обыкновенно называлъ Горячій своего сына), у котораго былъ почеркъ, по словамъ знатоковъ, министерскій. Алеша нѣсколько разъ пріѣзжалъ изъ гимназіи къ отцу во время каникулъ, и тотъ постоянно уговаривалъ его бросить ученіе и поступить писаремъ въ участокъ.—Чѣмъ чужого-то нанимать,—говорилъ онъ,—лучше бы я тебѣ платилъ: у меня послѣдній писецъ получаетъ 4 руб. въ мѣсяцъ; тебѣ бы, разумѣется, я далъ и 7, и 8. По крайней мѣрѣ свой. Потомъ сдѣлалъ бы и писмоводителемъ, а этимъ мѣстомъ, братъ, не брезгай, особенно когда обыватели будутъ знать, что писмоводителемъ сынъ пристава, такъ и тебѣ, и мнѣ будетъ вдвое лучше.—На такія соблазнительныя рѣчи отца Алеша отвѣчалъ всегда какъ-то уклончиво, обѣщая объ этомъ поразмыслить хорошенько, и каждый разъ уѣзжалъ въ гимназію, не сказавъ отцу ничего положительнаго. Между тѣмъ въ душѣ онъ вовсе не раздѣлялъ предположеній отца насчетъ своей службы подъ его покровительствомъ; напротивъ, даже былъ противъ этого. Цѣль его надеждъ былъ университетъ, потомъ служба; но только не такая, какую онъ представлялъ себѣ въ канцеляріи пристава.

Наконецъ, когда Алеша кончилъ курсъ въ гимназіи и готовился уже перейти въ университетъ, въ это время Павелъ

Степанычъ лишился своего письмоводителя, который служилъ у него около 10-ти лѣтъ. Письмоводитель совершенно неожиданно подалъ въ отставку за слабостью здоровья. Такимъ сюрпризомъ Горячій былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Скоро ли, думалъ онъ, теперь приищешь такого человѣка, каковъ былъ Безаларинскій (фамилія стараго письмоводителя)? Положимъ, что онъ былъ плутъ порядочный и себя не забывалъ; да вѣдь зато велъ дѣла такъ, что отъ нихъ и мнѣ была прибыль, и обыватели-то къ нему привыкли, да и мы съ нимъ другъ друга понимали: бывало только мигнешь, а ужъ онъ настроитъ, что слѣдуетъ. Поди теперь, ищи такого. Дѣйствительно, сыскать человѣка, подобнаго Безаларинскому—не совсѣмъ легко: это былъ типъ тѣхъ старыхъ секретарей-крючкотворовъ, которые не только направляли по своему усмотрѣнію дѣла, уже создавшіяся, но даже создавали ихъ сами, можно сказать, изъ ничего...

Долго бродилъ Павелъ Степанычъ въ раздумьи, кѣмъ замѣнить Безаларинскаго, перебралъ въ умѣ своемъ всѣхъ извѣстныхъ ему людей, замѣчательныхъ по этой части, и не могъ остановиться ни на одномъ: одинъ оказывался неопытенъ, другой неблагонадеженъ, третій черезъ мѣру испивалъ... Вдругъ счастливая мысль вспала на умъ Горячаго. Онъ, подобно почтмейстеру, рассказывающему о капитанѣ Копѣйкинѣ, ударилъ себя по лбу и произнесъ довольно громко: экая я скотина, о чемъ задумался! А Алешка-то мой чѣмъ не письмоводитель! Да еще и ученый. Сюда его ученаго, сюда. Кстати, чай у нихъ теперь и экзамены кончились. Въ тотъ же день было написано письмо въ Москву, въ которомъ Павелъ Степанычъ требовалъ отъ сына, чтобы онъ немедленно пріѣхалъ по весьма нужному семейному дѣлу, а именно: для совѣщанія насчетъ Алексаши, за которую сватается женихъ. Въ письмо вложена была пятирублевая бумажка, которой, какъ значилось въ припискѣ, весьма достаточно, чтобы доѣхать до N, разумѣется, съ попутчиками. Горячій съ умысломъ скрылъ отъ Алеши настоящую причину, по которой вызывалъ его. Чортъ его знаетъ, думалъ онъ, еще кому-нибудь проболтается; а тотъ, пожалуй, сдуру-то отговорить, я опять и оставайся безъ письмоводителя.

Вѣдь хорошему не скоро научать, а дурному-то всякій. Другой изъ зависти начнетъ отговаривать: какъ, скажетъ, только что изъ гимназіи, да ужъ и на мѣсто, и жалованье будетъ получать... Не ходи, скажутъ, для тебя такое мѣсто унижительно; а тутъ же самъ навѣрно подумаетъ: экое счастье, если бы мнѣ такое».

Павелъ Степанычъ былъ положительно убѣжденъ, что, желая взять сына къ себѣ въ письмоводители, онъ желалъ ему добра. О дальнѣйшемъ образованіи Алеши онъ заботился столько же, сколько о тѣхъ арестантахъ, которые содержатся у него въ сѣзжемъ домѣ. Да иначе и быть не можетъ. Развѣ люди, подобные Горячему, въ состояніи вѣрить въ образованіе и ожидать отъ него, не говорю счастья, но по крайней мѣрѣ лучшаго въ жизни? Какое образованіе получилъ самъ Павелъ Степанычъ? Онъ даже не былъ и въ уѣздномъ училищѣ, до сихъ поръ не выучился правильно писать свое имя (Степанычъ онъ пишетъ постоянно черезъ букву ѣ), во всю свою жизнь не читалъ ничего кромѣ губернскихъ вѣдомостей. А вѣдь живетъ, слава Богу, и семействомъ обзавелся, и домикъ купилъ, и лошадку содержать, и деньжонки имѣетъ; а заѣдете къ нему, такъ онъ угоститъ васъ не хуже самого городничаго; при случаѣ дѣло не станетъ и за шипучимъ, а на столъ явится и балыкъ, и зернистая икра, и швейцарскій сыръ. Словомъ сказать, у Павла Степаныча все есть, что только нужно имѣть порядочному человеку, кромѣ образованія. Да вѣдь Павелъ Степанычъ счастливъ и безъ него, т.-е. имѣетъ все для себя необходимое, даже съ избыткомъ. Такъ какъ же вы хотите, чтобы онъ по собственному своему примѣру не былъ убѣжденъ, что образованіе есть больше ничего, какъ прихоть, для которой не только не простительно передъ добрыми людьми, но и передъ Богомъ грѣшно жертвовать тѣмъ, что болѣе существенно и отъ чего зависеть, по его мнѣнію, настоящее наше счастье. «Пускай Алешка привыкаетъ къ службѣ при мнѣ,—думалъ Горячій,—я могу наставить его на все безкорыстно. За мной онъ будетъ какъ за каменной стѣной; если въ чемъ и сковырнется, такъ я выручу, а послѣ, когда попривыкнетъ, станетъ самъ поосторожнѣй». Въ видахъ такой философіи, согласитесь, что Павелъ

Степанычъ отъ души желалъ добра своему сыну, и нельзя сказать, чтобы онъ не любилъ его, хотя и величалъ Алешкой. Онъ любилъ его по своему, любилъ какъ умѣлъ, любилъ именно такъ потому, что, можетъ быть, и его родители любили когда-то такъ же. Виноватъ ли Павелъ Степанычъ, что иначе онъ не могъ выразить любви своей къ сыну.

— Тебя-то и надо,—продолжалъ Павелъ Степанычъ, встрѣчая Алешу въ дверяхъ и протягивая ему руку, которую тотъ поспѣшилъ поцѣловать.—Надулъ, братъ, я тебя и отмѣнно надулъ. Теперь ты отъ меня не уйдешь, ученый человѣкъ: посмотрю-ка я, чему тебя тамъ учили, не пришлось бы мнѣ переучивать по-своему. Я, братъ, сегодня разстроены, отдохнуть хочу, а мы съ тобой послѣ поговоримъ. Ступай пока къ матери, да къ сестрѣ.—Все это Павелъ Степанычъ проговорилъ такъ скоро и такъ связно, что Алеша рѣшительно ничего не понималъ. Онъ думалъ было попросить отъ отца объясненія; но видя, что тотъ, не обращая на него никакого вниманія, легъ на диванъ и сталъ сопѣть, что обыкновенно дѣлалъ приставъ передъ тѣмъ, какъ засыпалъ, — отложилъ объясненіе до другого раза.

Между тѣмъ изъ другой комнаты въ полурастворенную дверь Анна Прокофьевна и Саша уже нѣсколько времени дѣлали Алешѣ разные жесты руками, чтобъ онъ скорѣе шелъ къ нимъ. Послѣ первыхъ порывовъ восторга и радости обыкновенно наступаютъ минуты какой-то безотчетной тоски, человѣкъ какъ будто бы испугался своей восторженности, онъ непривыкъ къ ней и ему уже мерещится что-то печальное, безнадежное... И чѣмъ сильнѣе бываютъ въ насъ порывы радости, тѣмъ больше мы опасаемся за утрату ихъ, и тѣмъ скорѣй переходимъ къ сомнѣнію... Точно то же случилось и съ Алешой: когда прошли первыя минуты восторга, вызваннаго свиданіемъ съ матерью и сестрой, онъ сдѣлался задумчивъ. Мальчика болѣе всего тревожила неизвѣстность причины, для которой отецъ вызвалъ его, потому что мать и сестра рѣшительно объявили, что онѣ не слыхали ни о чѣмъ сватовствѣ, и въ домѣ ихъ о предстоящей свадьбѣ до сихъ поръ не было и помину.—Впрочемъ, возразила Анна Прокофьевна, — можетъ статься, отецъ

что нибудь и затѣваетъ, Богъ его вѣдаетъ! Вѣдь ты знаешь, какой у него характеръ, съ нами никогда ни въ чемъ не совѣтуется.

Въ самомъ дѣлѣ, у Павла Степаныча былъ оригинальный характеръ. Въ своемъ семействѣ онъ дѣйствовалъ совершенно деспотически, и никогда не считалъ нужнымъ не только объяснять причину своихъ дѣйствій кому бы то ни было, но даже предупреждать объ нихъ.

Его слово было закономъ для всѣхъ, и сохрани Богъ, если бы кто вздумалъ ему возражать: умы всѣхъ приближенныхъ къ нему были подавлены произволомъ этого властелина. Онъ одинъ предоставлялъ себѣ право думать и рѣшать семейныя дѣла; для остальныхъ, по его понятіямъ, права этого не существовало: жену онъ считалъ какъ необходимую принадлежность въ домѣ, для поддержанія въ порядкѣ хозяйственной части, и вмѣстѣ съ тѣмъ первой безпрекословной исполнительницей его воли, обреченной на эту трудную обязанность не только закономъ гражданскимъ, но даже и божескимъ. О дѣтяхъ нечего и говорить: свои права на нихъ онъ простиралъ на столько, на сколько, смотря по обстоятельствамъ, находилъ это нужнымъ: границъ въ отношеніи самоуправства съ ними не полагалось никакихъ. — Дѣти мои, — говорилъ онъ, — живутъ по моей милости, стало быть какъ я хочу, такъ и распоряжаюсь ими, и пока я живъ, хоть бы имъ было по семидесяти лѣтъ, они не должны смѣть и думать въ чемъ-нибудь противорѣчить мнѣ. Проклянѹ, на вѣкъ проклянѹ, и суда не будетъ! — Такъ же, или почти такъ же рассуждалъ онъ и о прислугѣ: пою, кормлю, обуваю, одѣваю — значить и требовать могу, что хочу... Само собою разумѣется, что подъ вліяніемъ такихъ античеловѣческихъ понятій главы семейства, всѣ члены его находились постоянно въ положеніи оборонительномъ. Они могли только бояться Павла Степановича, но не уважать: о любви тутъ не могло быть и рѣчи. Даже Митрошка и тотъ на вопросъ своихъ товарищей: кого онъ больше любитъ, палку или пристава, отвѣчалъ палку, между тѣмъ, слыша голосъ Павла Степаныча, бѣжалъ къ нему сломя голову, и нерѣдко бранился съ матерью за то, что она медленно исполняетъ приказаніе барина.

Алеша, проживъ нѣсколько лѣтъ внѣ своего семейства, почти совершенно отвыкъ отъ тѣхъ неутѣшительныхъ началъ, которыя преобладали въ домѣ Горячаго. Кромѣ того ему не разъ случалось видѣть семейную жизнь, въ основаніи которой лежалъ не страхъ, а сознательная любовь и полное взаимное довѣріе. Весьма естественно, что по мѣрѣ своего развитія онъ начиналъ сочувствовать тому и другому все болѣе и болѣе. Въ душѣ его зародилось негодование не только противъ отца, но даже и противъ тѣхъ, которые, повидимому, совершенно равнодушно могутъ сносить на себѣ такое насиліе надъ человѣческимъ достоинствомъ. Поэтому на замѣчаніе матери, что можетъ быть отецъ что-нибудь и затѣваетъ на счетъ Саши не только безъ вѣдома жены, но и безъ вѣдома самой Саши, онъ горько улыбнулся и значительно покачалъ головой.

— Что! ты удивляешься?—спросила Анна Прокофьевна.

— Да, удивляюсь, и удивляюсь вамъ, маменька. Какъ можно подчиниться до такой степени человѣку, который вовсе не уважаетъ васъ, да что я говорю не уважаетъ, онъ даже не признаетъ за вами тѣхъ правъ, которыя само Провидѣніе предоставило вамъ. Вы посмотрите, развѣ онъ видитъ въ васъ жену, подругу—ничуть не бывало. Вы для него совершенно чужая. Онъ хочетъ властвовать одинъ надъ всѣми его окружающими, не исключая и васъ. Неужели вы не имѣете въ себѣ на столько воли, чтобы разъ навсегда возстановить свое законное право, какъ жены, какъ матери. Не подумайте, чтобы я хотѣлъ внести раздоръ между вами и отцомъ, да сохранить меня Богъ отъ этого! Я хочу одного, чтобы вы были намъ мать не по одному только имени, чтобы мы могли слышать отъ васъ вашу собственную волю, основанную не на прихоти или капризѣ, а на разумномъ желаніи добра своимъ дѣтямъ. Вотъ чего я хочу, отъ чего навѣрное не откажетесь и вы.

— Что ты, Алеша, помилуй, да накажетъ меня Богъ, если я не желаю вамъ добра,—произнесла Анна Прокофьевна сквозь слезы.—Да вѣдь ты знаешь своего отца, развѣ его урезонишь. Хочу—да и все тутъ. Сначала я пробовала всячески—и лаской, и съ сердцемъ; ну чтожъ, вспомнить совѣстно: бывало сраму надѣлаетъ на весь домъ, да еще дня на три уло-

жить въ постель. Нѣтъ, ужъ Богъ съ нимъ, видно каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилку. Теперь ужъ мнѣ съ нимъ спорить не приходится, человѣкъ я больной, много терпѣла, а немного потерплю. Да знаешь ли, я какъ-то ужъ попривыкла.

Послѣднія слова матери болѣзненно отозвались въ сердцѣ Алеши, и онъ счелъ бесполезнымъ возражать на нихъ. Послѣ такого чистосердечнаго признанія трудно было ожидать, чтобъ Анна Прокофьевна понимала, о чемъ говорилъ ей сынъ и чего отъ нея домогался. Видно было, что слова эти не случайно сорвались съ языка, напротивъ, тонъ, которымъ они были произнесены, выражалъ полное убѣжденіе и совершенное сознаніе собственнаго своего безсилія. Иначе и быть не могло: откуда было Аннѣ Прокофьевнѣ почерпнуть въ себѣ столько силы, чтобы не поддаться вліянію такого человѣка, каковъ былъ Павелъ Степанычъ, и дѣйствовать по собственному своему убѣжденію?

Родители Анны Прокофьевны, по общепринятому правилу воспитанія дѣтей, еще съ малолѣтства приучали ее не разсуждать, а исполнять, что приказываютъ, или, другими словами, безусловно подчиняться вліянію другихъ. Вотъ она и подчинялась безъ разсужденія сначала, какъ водится, родителямъ, потомъ учительницѣ, къ которой ее отдали, и наконецъ мужу. Прежде, когда она была помоложе, ей еще иногда приходило въ голову, почему она не можетъ быть, какъ нѣкоторые, существомъ болѣе самостоятельнымъ? и нѣсколько разъ выведенная изъ терпенія самоуправствомъ Павла Степаныча, она было покушалась доказать передъ нимъ свою правомѣрность. Но такого рода покушенія оканчивались всегда семейной сценой, оскорбительной для самой же Анны Прокофьевны. При отсутствіи убѣжденія въ собственномъ своемъ достоинствѣ, ей трудно было доказать мужу свои права и она постоянно оставалась побѣжденной. Такимъ образомъ, изнуренная въ тщетной борьбѣ, Анна Прокофьевна кончила тѣмъ, что положительно сознала свое нравственное безсиліе и рѣшилась терпѣть, оправдывая себя въ этомъ случаѣ тѣмъ, что она уже попривыкла къ своему положенію. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, она низко поклонилась бы тому, кто помогъ бы ей изъ него выйти; а у самой

недоставало ни воли, ни силы. Но, несмотря на то, что безусловное вліяніе другихъ и отсутствіе собственнаго убѣжденія такъ неутѣшительно отозвались въ жизни Анны Прокофьевны, — она старалась постоянно внушать своимъ дѣтямъ то же самое, что когда-то внушали ей. Такова сила рутины.

— Неужели и ты, сестра, согласна съ маменькой, что отцу нельзя противорѣчить даже и въ такихъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о нашемъ счастіи или несчастіи на всю жизнь, — спросилъ Алеша послѣ нѣкотораго молчанія, все болѣе и болѣе воодушевляясь.

— Да что-жъ толку-то, Алеша, что мы будемъ противорѣчить, а онъ все-таки прикажетъ сдѣлать такъ, какъ ему хочется. Я теперь догадываюсь въ чемъ дѣло, вѣрно за меня сватается этотъ несносный Алуевъ.

— Кто это Алуевъ?

— Управляющій одной богатой помѣщицы, человѣкъ самый безсовѣстный, какіе только бываютъ. Да вотъ тебѣ доказательство его безсовѣстности: онъ нѣсколько разъ объяснялся мнѣ въ любви, и каждый разъ я на отрѣзъ говорила ему, что онъ мнѣ не нравится; несмотря на то, онъ сдѣлалъ мнѣ формальное предложеніе, и когда я повторила ему мой прежній отвѣтъ, то онъ не постыдился сказать, что пожалуется папенькѣ, который заставитъ меня выдти за него замужъ. Навѣрно онъ жаловался.

— Но почему же ты думаешь, что отецъ долженъ принять его сторону, — спросилъ Алеша, задыхаясь отъ гнѣва.

— Почему? потому, что онъ богатъ; а ты знаешь отца, какъ онъ любитъ деньги!

— Въ такомъ случаѣ, сестра, ты мнѣ должна дать клятву, что за него не пойдешь, — произнесъ торжественно Алеша.

Анна Прокофьевна съ трепетомъ взглянула на Сашу, какъ бы опасаясь, чтобы она тотчасъ же не исполнила требованія брата; но Саша была дочь Анны Прокофьевны и съ дѣтства не разлучалась съ нею.

Это много способствовало къ тому, чтобы понятія дѣвочки вполне согласовались съ понятіями матери; онѣ обѣ смотрѣли на себя и на жизнь съ одинаковой точки зрѣнія, и потому

если бы даже Анна Прокофьевна и не взглянула въ эту минуту на Сашу съ такимъ опасеніемъ, то и тогда она не сознала бы, что братъ требуетъ отъ нея не только возможнаго, но даже должнаго.

— Что ты, — возразила она, — съ ума сошелъ, что ли? Развѣ я могу дать клятву въ томъ, что не отъ меня зависить.

— Не отъ тебя?!. Стыдись, вѣдь ты ужъ не ребенокъ. Вспомни, что дѣло идетъ о счастіи или несчастіи твоёмъ на всю жизнь.

— Чтожъ, стало быть такъ угодно Богу, — произнесла Саша съ какою-то рѣшительной покорностью судьбѣ.

Анна Прокофьевна вздохнула свободнѣе.

Въ эту минуту послышался изъ сосѣдней комнаты кашель Павла Степаныча. Анна Прокофьевна и Саша невольно вздрогнули; только Алеша какъ будто чему-то обрадовался и поспѣшилъ къ дверямъ.

— Не ходи, не ходи, — произнесла шопотомъ Анна Прокофьевна, удерживая сына, — это онъ во снѣ кашляетъ.

Алеша остановился, но Павелъ Степанычъ самъ кликнулъ его.

— Что это вы тамъ расшумѣлись, — спросилъ онъ, полусуто, полусердито.

— Ничего, — отвѣчалъ холодно Алеша. — Мы разговаривали. Я доказывалъ.

— Охота тебѣ толковать съ бабами, — перебилъ Павелъ Степанычъ, — развѣ что-нибудь смыслятъ?

— Но вѣдь эти бабы, какъ вы ихъ называете, одна изъ нихъ мнѣ мать, а другая сестра.

— А все-таки обѣ дуры.

Такое заключеніе о матери и дочери, высказанное такъ положительно, смутило Алешу, и прежде чѣмъ онъ оправился, Павелъ Степанычъ приказалъ ему сѣсть поближе къ нему.

— Это все пустяки, — продолжалъ онъ, — толкуй тамъ съ ними, что хочешь, это ровно ничего не значить, а дѣло вотъ въ чемъ: я тебя выписалъ вовсе не насчетъ Саши, а собственно на твой счетъ. — Алеша съ удивленіемъ посмотрѣлъ на отца. — Оно правда, я скоро надѣюсь пристроить и Сашу, да это обошлось бы и безъ тебя; а мнѣ теперь нуженъ ты, именно ты. Ты знаешь, у меня Безаларинскій подалъ въ отставку.

— Такъ что же?

— А то, что на его мѣсто мнѣ нуженъ благонадежный человекъ, который умѣлъ бы дѣло дѣлать такъ, чтобы никому не было обидно, понимаешь.

— Не совсѣмъ?

— Ну, однимъ словомъ, я хочу, чтобы ты занялъ его мѣсто; теперь, понимаешь?—произнесъ довольно сурово Павелъ Степанычъ.

— Но это, батюшка, невозможно,—проговорилъ Алеша совершенно растерявшись.

— Почему же невозможно?

— Во-первыхъ, потому, что я чувствую себя неспособнымъ къ этой должности; а во-вторыхъ, если я теперь поступлю на службу, то этимъ разрушатся всѣ мои планы, всѣ мои надежды, и я долженъ буду навсегда проститься съ той карьерой, которую я могъ бы сдѣлать по выходѣ изъ университета.

— Выбрось, братецъ, ты эти глупости изъ головы. Какая тутъ карьера нужна человеку, нужны деньги, чтобъ было чѣмъ жить. Развѣ мало мы видимъ, выдѣть изъ университета, да послѣ и гранить мостовую съ голыми локтями. Куда какъ хорошо! А другой и въ университетѣ не былъ, да живетъ припѣваючи. По нашему это лучше.

— Можетъ быть и лучше, только я еще хочу продолжать учиться.

— Экой ты, братецъ, глупый, а еще ученый. Съ тобой говорятъ добрымъ манеромъ, а ты упрямисься. Ну, развѣ ты смѣешь мнѣ сказать: я хочу, развѣ ты можешь хотѣть. Неужели ты думаешь, что на твое хотѣнье посмотреть. Хе-хе-хе, какъ еще ты молодъ. Послѣднія слова Павелъ Степанычъ произнесъ съ насмѣшкой.—Нѣтъ, братъ, мало тебя учили, если ты до сихъ поръ не понимаешь, какъ отвѣчать отцу, который заботится о твоёмъ же счастіи. Видно Господь Богъ мнѣ далъ васъ не на радость; вонъ твоя любезная сестрица такая же. Свагается за нее женихъ, у котораго, можетъ быть, тысячъ пятьдесятъ въ ломбардѣ лежитъ, а она ему отказывается: вы, говорить, мнѣ не нравитесь, да хорошо еще, что тотъ на нее-то не посмотрѣлъ, обратился онъ ко мнѣ; ну, разумѣется, я ей

прикажу. А вѣдь другой, пожалуй, не сталъ бы много-то хлопотать: не хочешь, такъ и не надо.

— Стало быть, вы безъ согласія Саши дали ему слово, — перебилъ запальчиво Алеша.

— Безъ согласія; какого же отъ нея ждать согласія, когда, ты слышишь, она ему отказала, потому что онъ ей не нравится. Ну, да это, я тебѣ говорю, дѣло постороннее, и при томъ уже рѣшенное. А вотъ насчетъ тебя — то нужно поговорить. Ты завтра же напиши мнѣ прошеніе и съ завтрашняго же дня я тебя зачислю.

Алеша молчалъ; казалось, онъ что-то обдумывалъ.

— А насчетъ того, что ты считаешь себя къ этой должности неспособнымъ, не беспокойся. У насъ служба заманчивая... много черезъ мѣсяцъ, такъ привыкнешь, что будетъ любо посмотреть. Тутъ большой способности и нетребуется. Всякое дѣло само за себя скажетъ, какъ его вести. Ну, а въ случаѣ какого недоразумѣнія, вѣдь я не за горами буду: спросишь, чего не поймешь.

— Такъ вы непременно хотите, чтобы я служилъ у васъ, — спросилъ наконецъ Алеша рѣшительнымъ тономъ.

— Еще бы, я тебя затѣмъ и выписалъ.

— Извольте, я буду служить. Буду служить такъ, какъ умѣю.

— Давно бы такъ, а то еще началъ представлять свои резоны. Побереги, братъ, ихъ для кого-нибудь другого, а не для отца, который поопытнѣе тебя, и навѣрно понимаетъ твою пользу больше, нежели ты самъ.

Алеша тяжело вздохнулъ, но Павелъ Степанычъ не обратилъ на это никакого вниманія; онъ былъ совершенно доволенъ, во-первыхъ, тѣмъ, что у него теперь есть благонадежный писмоводитель, а во-вторыхъ, что дѣло обошлось безъ тѣхъ энергическихъ мѣръ, которыя онъ думалъ употребить противъ сына, если бы тотъ сталъ упрямиться.

Итакъ, Алеша рѣшается служить у отца.

Но гдѣ же тѣ убѣжденія, гдѣ вѣрованіе въ собственное свое достоинство, которое онъ такъ настойчиво старался пробудить въ своей матери. Неужели это были только одни слова? Неужели молодая душа его не сочувствовала ни тому, ни дру-

тому? Отказаться безъ малейшей борьбы отъ своихъ надеждъ и уступить неограниченное право надъ собой другому, не показываетъ ли въ юношѣ нравственнаго безсилія, за которое онъ упрекалъ мать? Но не торопитесь, читатель, такъ скоро осуждать Алешу. Онъ не могъ и не долженъ былъ поступить иначе, въ противномъ случаѣ вы же упрекнули бы его въ эгоизмъ и равнодушіи къ судьбѣ ближняго.

Узнавъ отъ отца положительно, что Саша, противъ желанія, должна быть женой человѣка, котораго не терпитъ, что это дѣло уже рѣшенное, Алеша на время позабылъ собственно о себѣ, позабылъ о своей карьерѣ, которую, думалъ онъ, современемъ еще можно будетъ поправить, и въ душѣ поклялся, во что бы то ни стало, спасти сестру. Онъ очень хорошо зналъ характеръ своего отца, который никогда не простилъ бы ему его ослушанія, и потому, отказавшись положительно принять мѣсто писмоводителя, Алеша рисковалъ не только возстановить противъ себя отца, но и разстаться, можетъ быть, навсегда со своей семьей. Тогда само собою разумѣется, онъ ничего не могъ бы сдѣлать для сестры, и она, по необходимости, должна была подчиниться волѣ отца. Между тѣмъ, оставшись въ семьѣ, онъ не терялъ надежды какимъ бы то ни было образомъ разстроить планы старика, заставивъ Алуева отказаться отъ руки Саши. Вотъ причина, которая вынудила Алешу уступить свои права на самого себя безъ боя и согласиться начать службу, тогда какъ онъ хотѣлъ еще учиться.

На другой день Алеша подалъ просьбу объ опредѣленіи его на службу, чему Анна Прокофьевна и Саша чрезвычайно были рады, особенно первая.—Ну, вотъ, — говорила она Алешѣ, — спасибо тебѣ, что ты остаешься съ нами, а то что, пошелъ бы въ университетъ, а оттуда попалъ бы Богъ знаетъ куда на службу, пожалуй, и въ годъ разъ не свидѣлись бы. А теперь, по крайней мѣрѣ, ты все будешь съ нами. Ты не знаешь, какое это утѣшеніе для родителей постоянно имѣть своихъ дѣтей передъ глазами.—Къ сожалѣнію, у насъ не одна Анна Прокофьевна разсуждаетъ такъ, не одна она готова пожертвовать и университетомъ и полезной службой своего сына гдѣ-нибудь подальше, только для того, чтобы постоянно имѣть его передъ

глазами. Скажите, неужели это называется любовь къ дѣтямъ. Нѣтъ, по моему мнѣнію, это называется любовь къ самому себѣ. Родители ошибаются, если думаютъ, что Богъ даетъ имъ дѣтей исключительно для нихъ, что для утѣшенія ихъ они должны пренебрегать собственной своей пользой, которая можетъ иногда служить и на пользу ближняго. Въ высшей степени было бы несправедливо предположить, что родители въ правѣ требовать отъ дѣтей своихъ такихъ жертвъ, которыя могли бы имѣть для нихъ дурныя послѣдствія въ будущемъ, хотя бы даже требованія эти вытекали изъ какихъ-нибудь матеріальныхъ нуждъ родителей. Напротивъ, они болѣе чѣмъ кто-нибудь не должны быть эгоистами въ отношеніи своихъ дѣтей, и изъ любви къ нимъ обязаны охотно отказаться отъ тѣхъ мелкихъ утѣшеній, которыя ровно ни къ чему не ведутъ, въ пользу чегонибудь посерьезнѣе, что дѣйствительно могло бы утѣшать не только ихъ самихъ, но и то общество, которому служатъ ихъ дѣти.

Саша была довольна тѣмъ, что наконецъ подлѣ нея будетъ человѣкъ, съ которымъ она можетъ быть откровенна; кромѣ того, она инстинктивно угадывала, что Алеша не дастъ ее въ обиду, даже и отцу, что онъ не всегда будетъ съ нимъ такъ уступчивъ. На мать въ этомъ случаѣ она никогда не рассчитывала. Да и что могла сдѣлать для нея Анна Прокофьевна, находясь сама постоянно подъ какимъ-то страхомъ.

Словомъ сказать, всѣ были счастливы, кромѣ самаго виновника этого счастья, Алеши. Но и онъ не унывалъ. По крайней мѣрѣ, судя по его дѣятельности, съ которою онъ принялся за работу въ канцеляріи отца, и по тому вниманію, съ которымъ онъ выслушивалъ отъ Павла Степаныча малѣйшія подробности о порядкѣ дѣлопроизводства, можно было подумать, что молодой человѣкъ съ любовью приступаетъ къ новой своей должности. Правда, нѣкоторыя подробности иногда смущали его, и онъ подчасъ краснѣлъ за отца, который объяснялъ ихъ такъ хладнокровно, какъ будто бы рѣчь шла о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ; но при всемъ томъ, Алеша выслушивалъ до конца, выслушивалъ съ одинаковымъ вниманіемъ все, чему училъ его отецъ. Однако, наука эта какъ-то не далась Алешѣ.

Прошла недѣля, просителей у Павла Степаныча стало Богъ знаетъ почему-то больше, а дѣлъ меньше. Скажи, пожалуйста,—спросилъ однажды Павелъ Степанычъ у Алеши,—что же это нейдутъ ко мнѣ такіе-то купцы или мѣщане, вѣдь у насъ, кажется, объ нихъ что-то производится?—Да, было,—отвѣчалъ Алеша,—да я ихъ уговорилъ помирится. Теперь дѣло это конечно. — Напрасно, — возразилъ Павелъ Степанычъ, наморщивъ брови, — въ другой разъ этого не дѣлай, я тебѣ, кажется толковалъ. Но и въ другой и въ третій разъ Алеша поступилъ такъ же. Тогда Павелъ Степанычъ сталъ еще больше морщить брови, и уже началъ съ Алешей браниться, а потомъ и грозить расправиться съ нимъ по отцовски... если онъ будетъ поступать не по его указанію. Отъ Павла Степаныча всего можно было ожидать; легко могло случиться, что онъ не задумался бы привести въ исполненіе свои угрозы и въ отношеніи Алеши, если бы семейныя дѣла не отвлекли его на время отъ дѣлъ служебныхъ, за которыми по этому случаю онъ уже не могъ такъ слѣдить.

Однажды вечеромъ Павелъ Степанычъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и писалъ какую-то бумагу, Алеша лежалъ въ гостиной на диванѣ и читалъ книгу, подлѣ него сидѣли за работой Саша и Анна Прокофьевна. Стѣнные часы съ кукушкою, привезенные кѣмъ-то въ подарокъ Павлу Степанычу изъ Москвы, прокуковали семь разъ. Алеша оставилъ книгу и, закуривъ папиросу, началъ рассказывать о своихъ гимназическихъ проказахъ. Анна Прокофьевна и Саша отъ души смѣялись, и смѣялись довольно громко, чего прежде никакъ не позволяли себѣ, когда Павелъ Степанычъ былъ дома.

Одна мысль, что онъ близко отъ нихъ, уже наводила уныніе,—до такой степени человѣкъ этотъ былъ тяжелъ для своего семейства; но присутствіе Алеши ободрило всѣхъ въ домѣ Горячаго, всѣ стали смотрѣть какъ-то веселѣй.

Со двора слышался легкій стукъ въ калитку и непривѣтливый лай жучки.

— Боже мой, не пожаръ ли гдѣ-нибудь?—произнесла тревожно Анна Прокофьевна, и веселый разговоръ на минуту прекратился, всѣ ожидали чего-то недобраго. Черезъ нѣсколько

времени въ переднюю вошелъ какой-то господинъ; завидя его, Павелъ Степанычъ тотчасъ же вышелъ къ нему навстрѣчу.

— А, любезнѣйшій Андрей Данилычъ,—проговорилъ онъ, заключая въ свои объятія вошедшаго.—Милости просимъ. Вотъ никакъ не ожидалъ такъ скоро; вѣдь вы сказали мнѣ въ послѣдній разъ, что раньше какъ черезъ мѣсяцъ не возвратитесь.

— Я самъ думалъ, что раньше не управлюсь, однако, слава Богу, и свои и ваши дѣла кончилъ—и кончилъ съ успѣхомъ. Теперь васъ можно поздравить. Ну, а вы не раздумали?

— О, сохрани Богъ! Ужъ если я сказалъ... Прошу покорно сюда ко мнѣ. Анна Прокофьевна, поскорѣй дорогому гостю чаю, да не забудьте подать постныхъ сливочекъ,—такъ обыкновенно приставъ называлъ ромъ.

Пріѣздъ дорогого гостя, такъ обрадовавшій Горячаго, совершенно иначе подѣйствовалъ на Анну Прокофьевну и Сашу: у обѣихъ у нихъ при имени Андрей Данилычъ опустились руки и лица до такой степени вытянулись, что даже Алеша испугался.

— Что съ вами?—спросилъ онъ, поглядывая то на мать, то на сестру.

— Это онъ,—едва могла произнести послѣдняя.

— Кто?

— Алуевъ.

— А, такъ это-то Алуевъ,—замѣтилъ Алеша, стараясь казаться спокойнымъ; но на самомъ дѣлѣ онъ почувствовалъ въ себѣ что-то лихорадочное. Алуеву было лѣтъ 45; ростъ—высокій, полный; черты лица его были правильны; вообще, фizioномія его могла бы быть довольно интересною, если бы постоянно красный цвѣтъ лица и багровый носъ не изобличали въ немъ ревностнаго поклонника Бахуса. Алуевъ получилъ воспитаніе въ семинаріи и потому въ манерѣ его было что-то особенное, неловкое... Окончивъ курсъ, онъ поступилъ въ домъ одного богатаго помѣщика учителемъ. Помѣщикъ этотъ былъ человѣкъ расчетливый; онъ тотчасъ же разсудилъ, что нанимать учителя и платить управляющему будетъ двойной расходъ, а лучше соединить эти двѣ должности въ одну; и потому, отказавъ своему управляющему, поручилъ надзоръ за имѣніемъ

Алуеву, прибавивъ ему за труды сверхъ положенной платы по 10 р. сер. въ мѣсяцъ, присовокупивъ при томъ, что занятія эти молодому человѣку впредь пригодятся. Андрей Данилычъ съ удовольствіемъ принялъ на себя новую должность, въ которой, надо правду сказать, въ то время ровно ничего не смыслилъ. Впрочемъ, усчитывая своего предмѣстника, онъ сумѣлъ насчитать на него рублей четыреста, изъ которыхъ половину тотъ заплатилъ помѣщику чистыми деньгами, а въ остальныхъ выдалъ заемное письмо. Такое начало много говорило въ пользу Алуева, и онъ въ глазахъ своего довѣрителя вдругъ поднялся такъ высоко, какъ не стоялъ еще ни одинъ изъ прежнихъ управляющихъ.

Въ продолженіе четырехъ лѣтъ Алуевъ успѣлъ приготовить двухъ сыновей помѣщика въ первый классъ гимназіи и окончательно убѣдиться въ томъ, что онъ имѣетъ особенное призваніе распоряжаться чужимъ добромъ. Надо отдать Алуеву полную справедливость: онъ умѣлъ вести дѣла свои такъ, что и помѣщикъ оставался доволенъ и ему было хорошо.

Лѣтъ черезъ пять въ шкатулкѣ Андрея Данилыча Богъ знаетъ откуда явились ломбардные билетки, заемныя письма и даже закладныя. Со временемъ, и его, можетъ быть, усчитали бы точно такъ же, какъ онъ усчитывалъ своего предмѣстника, тогда навѣрно пришлось бы и ему, въ свою очередь, заплатить; но Алуевъ былъ себѣ на умѣ и умѣлъ остановиться во-время. Подъ предлогомъ болѣзни, онъ выпросился у помѣщика на нѣсколько времени въ Гельсингфорсъ, а должность свою просилъ позволенія передать конторщику, какъ человѣку, за честность котораго онъ ручается. Само-собою разумѣется, что конторщику неловко было усчитывать своего управляющаго, который черезъ нѣсколько времени опять будетъ его начальникомъ, и потому онъ принялъ всѣ дѣла и счета такъ, какъ хотѣлось Алуеву.

Время, на которое Алуевъ отпросился у своего довѣрителя въ Гельсингфорсъ, давно прошло, а онъ все еще не возвращался. Наконецъ, Алуевъ прислалъ письмо, въ которомъ, рассыпаясь въ благодарности и преданности до гробовой доски къ помѣщику, писалъ, между прочимъ, что, по встрѣтившимся

обстоятельствамъ, весьма уважительнымъ и при томъ могущимъ имѣть вліяніе на его будущее, онъ долженъ отсрочить прїѣздъ въ имѣніе еще на неопредѣленное время. Такому извѣстію, какъ надо было и ожидать, больше всѣхъ обрадовался конторщикъ, но помѣщику это было не совсѣмъ пріятно, и онъ, догадываясь, что Алуевъ къ нему больше не возвратится, уже намѣренъ былъ пріискать на его мѣсто другого. Но намѣренія этого не успѣлъ привести въ исполненіе по случаю внезапной болѣзни, а потомъ и смерти. Имѣніе поступило въ опекуновское управленіе, и опекунъ нашель возможнымъ обойтись вовсе безъ управляющаго... Въ это время Алуевъ получилъ снова мѣсто управляющаго имѣніемъ у какой-то богатой барыни, верстахъ въ четырехъ отъ города N, и если вѣрить слухамъ, то здѣсь умѣлъ снискать себѣ еще болѣе довѣрія и пользовался имъ, попрежнему, умненько... доказательствомъ чего могутъ служить два каменныхъ дома, которые онъ выстроилъ въ N... какъ выражался самъ, «изъ крохъ, собранныхъ имъ въ потѣ лица».

Частыя сношенія Алуева съ полиціею, и городской, и земской, по случаю частыхъ столкновеній и при томъ не совсѣмъ миролюбивыхъ, съ людьми ввѣренными его управленію, положили первое основаніе знакомству Андрея Данилыча съ Горячимъ, и знакомство это время отъ времени становилось все ближе и ближе. Какъ человѣкъ практическій во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ сельскаго хозяйства, Алуевъ, познакомившись съ семействомъ Горячаго, въ то же время сообразилъ слѣдующее; имѣть вліяніе на людей очень хорошо и даже прибыльно, это онъ знаетъ по опыту; но если это прибыльно гдѣ-нибудь въ деревнѣ, когда вліяніе это на каждомъ шагу можетъ быть подавлено и волей помѣщика и надзоромъ полиціи, то въ какой же степени оно должно быть выгодно тамъ, гдѣ полиція — свой братъ, а воля высшаго начальства — выраженіе требованій законныхъ, съ посылками на статьи, параграфы и приложенія. И потому положеніе Горячаго, какъ имѣющаго вліяніе на цѣлую часть города, и при томъ вліяніе законное, въ глазахъ Алуева представлялось болѣе нежели завиднымъ. Но зависть доступна только натурамъ слабымъ, — человѣкъ съ твердой волей, человѣкъ разумный, никогда не по-

завидуетъ никому: онъ убѣжденъ, что изъ того, что дано съ избыткомъ другому, частица непременно должна принадлежать и ему, стоитъ только умѣючи приняться за дѣло, чтобъ взять свое. Алуевъ принадлежалъ къ числу натуръ твердыхъ, здравомыслящихъ и поэтому, при первомъ знакомствѣ съ семействомъ Горячаго, онъ не ограничился однимъ соображеніемъ въ отношеніи достатковъ пристава, а тутъ же рѣшилъ, что въ достаткахъ этихъ и онъ можетъ быть участникомъ, хоть на примѣръ посредствомъ женитьбы на Сашѣ. На этомъ основаніи онъ началъ ухаживать за нею, какъ умѣлъ, и преслѣдовать ее во всѣхъ гостиныхъ немногочисленнаго города Н., выставляя на показъ свои брильянтовые перстни, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ, и массивныя золотыя цѣпочки, пріобрѣтенныя имъ, вѣроятно, также, какъ и дома, «на крохи, собранныя въ потѣ лица».

Но дѣвушки подѣ часъ бываютъ капризны, и Богъ знаетъ, почему не хотятъ понять, что золото и брильянты въ жизни практической играютъ великую роль, что за нихъ можно человека и полюбить и разлюбить и потомъ опять полюбить. Саша также этого не понимала—видно практическая жизнь ей вовсе не была знакома; и потому, когда Алуевъ сдѣлалъ ей предложеніе, она, поблагодаривъ за честь, положительно отвѣчала ему, что быть его женой она не можетъ, потому что не чувствуетъ къ нему той привязанности, которую, по ея понятіямъ, она обязана имѣть къ тому, кто будетъ ея мужемъ. Будь на мѣстѣ Алуева кто-нибудь другой, такъ отвѣтъ, безъ сомнѣнія, поколебалъ бы его, или, по крайней мѣрѣ, сконфузилъ, разбивъ въ то же время въ прахъ всѣ надежды на будущее счастье, но Алуевъ былъ не изъ такихъ: первая неудача никогда его не останавливала ни въ чемъ, онъ даже считалъ ее добрымъ знакомъ. Когда Саша кончила, онъ улыбнулся, и долгомъ счелъ замѣтить ей: «послѣ этого ужъ вы на меня не пеняйте потомъ,—прибавилъ онъ,—что объ этомъ дѣлѣ я буду просить Павла Степаныча, и онъ навѣрно приметъ мѣры и позаботится о вашемъ счастьи, если вы сами имъ пренебрегаете». Изъ такого замѣчанія не трудно угадать, какъ много Алуевъ заботился о счастьи Саши, и какимъ славнымъ путемъ хотѣлъ до-

стигнуть своей цѣли. Послѣ этого немудрено, что Саша окончательно возненавидѣла его. Между тѣмъ, Павелъ Степанычъ дѣйствительно принялъ сторону Алуева, и, въ свою очередь, сдѣлавъ нѣкоторыя соображенія о положеніи управляющихъ вообще и у богатыхъ барынь въ особенности, рѣшилъ, что лучше этой партіи для его дочери быть не можетъ, что за Алуевымъ она должна быть вполне счастлива, и, не думая долго, объявилъ Андрею Данилычу, что Саша непременно будетъ его женой—за это онъ отвѣчалъ, а на нее — прибавилъ онъ — смотрѣть нечего: она глупа и распорядиться собой не смѣетъ потому, что у ней есть еще отецъ съ матерью.

Алуевъ не долго пробылъ въ кабинетѣ Горячаго. Онъ куда-то спѣшилъ. Разговоръ между хозяиномъ и гостемъ продолжался большею частью въ полголоса. Павелъ Степанычъ нѣсколько разъ отпиралъ и запиралъ свою дубовую шкатулку, вынимая изъ нея какія-то бумаги, показывая ихъ Алуеву и снова пряталъ. И гость и хозяинъ, повидимому, были довольны другъ другомъ, потому что безпрестанно жали одинъ другому руки, и нѣсколько разъ цѣловались. Передъ отъѣздомъ Алуева, Горячій крикнулъ Алешу.

— А вотъ, рекомендую вамъ: вашъ будущій шуринъ.

Алуевъ, подъ вліяніемъ нѣсколькихъ стакановъ пунша, хотѣлъ было обнять будущаго своего шурина, но Алеша холодно протянулъ ему руку и такъ ловко уклонился отъ объятій, что самъ Павелъ Степанычъ этого не замѣтилъ, иначе онъ навѣрно тутъ же далъ бы ему порядочный нагоняй. Алуевъ и Алеша перекинулись нѣсколькими словами.

— Ну, а ужъ къ барынямъ моимъ я васъ сегодня не прошу,—вижу, что вы спѣшите. Въ другой разъ повидаетесь съ ними,—замѣтилъ Горячій, провожая гостя. — Теперь вѣдь вы у насъ въ городѣ все недѣльки двѣ проживете?

— Это будетъ зависѣть отъ васъ, какъ вы меня отпустите,—произнесъ зъ значительной улыбкой Алуевъ. — Теперь я въ полномъ вашемъ распоряженіи.

— Ха, ха, ха, вотъ когда попалъ въ опеку-то. Ну-ну, мы не задержимъ, у насъ давно все готово, — отозвался съ гордостью Горячій.

Когда Алуевъ уѣхалъ, Павелъ Степанычъ вошелъ въ комнату жены, гдѣ Анна Прокофьевна съ Сашей сидѣли за чайнымъ столомъ, и торжественно объявилъ имъ, что черезъ недѣлю Саша выходитъ замужъ за Андрея Данилыча, и потому къ этому времени должно быть все готово.—Да не изволь у меня много на тряпки-то тратить,—произнесъ онъ, обращаясь къ женѣ;—Андрей Данилычъ говоритъ, чтобъ платьевъ да юбокъ лишнихъ не было, лучше пускай останутся деньги. Оно и справедливо, на деньги всегда можно все сдѣлать. Ну, Алексаша, поздравляю тебя, — заключилъ Павелъ Степанычъ; — отбрось дурачество-то въ сторону, да подумай лучше о своемъ счастіи. Смотри-ка, какъ тебѣ всѣ позавидуютъ: вѣдь это не жениха, а кладъ Богъ даетъ, будешь жить въ довольствѣ, припѣваячи, да и намъ будетъ лучше. Алуевъ свое мѣсто передаетъ мнѣ, за этимъ и къ своей довѣрительницѣ ѣздилъ, а самъ беретъ какіе-то подряды. Имѣніе близко, стало-быть я, не выходя въ отставку, могу завѣдывать имъ, а это не бездѣлица: тысячи двѣ все перепадетъ. Читатель навѣрно догадается, какой эффектъ произвело на Сашу поздравленіе отца.

Въ эту минуту она едва ли что-нибудь чувствовала, и потому никакимъ образомъ не могла сознавать своего будущаго счастія. Анна Прокофьевна тихонько рыдала. Тутъ же Горячій распорядился, чтобы завтра Брусенко повѣстилъ всѣхъ обывателей, которымъ вѣдать надлежитъ, чтобы они шли поздравлять частнаго пристава съ начатиемъ дѣла.

Въ этотъ день въ домѣ Горячаго всѣ улеглись спать какъ-то рано, только въ комнатѣ Алеши свѣча горѣла до самаго разсвѣта, и онъ всю ночь пролежалъ въ постели, не раздѣваясь и не закрывая глазъ.

Алеша рѣшился, во что бы ни стало, разстроить свадьбу сестры съ Алуевымъ, тѣмъ болѣе, что объ Алуевѣ онъ успѣлъ узнать много недобраго. Одни отзывались о немъ какъ о человѣкѣ безнравственномъ, другіе положительно называли его плутомъ, который изъ самой малѣйшей прибыли для себя не остановится сдѣлать самаго большого безчестнаго дѣла, наконецъ, почти всѣ утверждали, что все, что онъ имѣетъ, приобрѣтено имъ на послѣднюю трудовую копейку бѣдныхъ крестьянъ,

которыми онъ управлялъ, притѣсня и изнуря ихъ на каждомъ шагу.

Всѣ эти слухи, о которыхъ можетъ быть и вполнину не знала Саша, какъ-то болѣзненно отзывались въ молодомъ, еще неисторченномъ сердцѣ Алеши.

— И этотъ человѣкъ будетъ мужемъ моей сестры,—думалъ онъ;—неужели она не достойна лучшей участи и не могла бы выбрать себѣ въ мужа того, кого указало бы ей ея сердце. А отецъ! стало-быть онъ продаетъ ее. Ему мало того, что онъ подавляетъ въ насъ чувство собственнаго своего достоинства, убѣжденіе и все, чѣмъ только человѣкъ становится выше животнаго, ему этого мало; онъ хочетъ, чтобы вся наша жизнь представляла собой рядъ безплодныхъ усилій освободиться изъ подъ ига безпрестаннаго насилія и самоуправства; и за все это не перестанетъ требовать отъ насъ слѣпой покорности его волѣ и мы не въ правѣ отказать ему въ этомъ, иначе насъ же осудятъ и законы и люди... Страшно подумать, какія мысли подчасъ приходятъ въ голову. И кто же вызываетъ ихъ?.. Но нѣтъ, надо быть благоразумнымъ и бороться съ обстоятельствами до послѣдней возможности. Завтра же отправлюсь къ Алуеву и буду просить, умолять его, чтобы онъ отказался отъ сестры. Я объясню ему, почему онъ долженъ это сдѣлать. Я докажу ему, что черезъ эту женитьбу онъ самъ будетъ несчастливъ.—Не можетъ быть, чтобы онъ былъ до такой степени низокъ и не согласился со мною.

Алеша судилъ о людяхъ еще какъ юноша; онъ признавалъ, что они могутъ быть дурны, но не вѣрилъ, чтобы въ самомъ дурномъ изъ нихъ не нашлось хоть частицы добра, съ помощію котораго можно бы было пробудить любовь къ ближнему.

Въ восемь часовъ утра онъ всталъ съ постели, одѣлся и вышелъ изъ дому.

Домъ, въ которомъ останавливался Алуевъ, былъ на концѣ города, и потому Алеша не ранѣе какъ черезъ часъ дошелъ до него. Онъ поспѣшно взбѣжалъ по лѣстницѣ во второй этажъ, самъ не зная туда ли идетъ. Здѣсь его встрѣтила баба съ ведромъ.

— Кого нужно?—спросила она отрывисто.

— Здѣсь живетъ Андрей Данилычъ?

— Здѣсь, да онъ еще спитъ.

— Ничего, я подожду, покажи, куда пройти.

— Да куда ты пойдешь, вотъ его дверь, только онъ ее запираетъ извнутри.

— Дѣлать нечего, я здѣсь подожду.

— Дождидайся, пожалуй, а онъ наврядъ ли скоро проснется. Почитай легъ въ заутрени, да и пріѣхалъ-то хмѣльной. Сказываютъ, былъ у своей пріятельницы.

— Это у которой же?—спросилъ Алеша, стараясь показать, что онъ сдѣлалъ этотъ вопросъ изъ одного любопытства.

— Извѣстно у которой, у него вѣдь одна ратманша, чай слыхалъ ратмана Жиркова?

— Знаю.

— Ну, вотъ,—и баба, отворивъ другую дверь, скрылась.

Алеша еще прежде слышалъ объ интригѣ Алуева съ женой ратмана, и потому ему показалось страннымъ только то, что Алуевъ за недѣлю до свадьбы обманывалъ отца, увѣряя, что ему нѣтъ времени видѣться съ невѣстой, между тѣмъ какъ самъ спѣшилъ къ любовницѣ.

Долго Алеша ходилъ взадъ и впередъ по большимъ сѣнямъ, обдумывая каждое слово изъ предстоящаго разговора своего съ Алуевымъ. Наконецъ имъ овладѣло нетерпѣніе и онъ подошелъ къ запертой двери. Ему послышалось, что будто бы за ней кто-то ходитъ. Онъ постучалъ. Отвѣта не было. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова стукнулъ и шаги послышались явственнѣе.

— Демка, это ты?—отозвался Андрей Данилычъ.

— Нѣтъ, это я,—произнесъ въ свою очередь Алеша, въ то время, когда дверь передъ нимъ была уже отперта и заспанная фізіономія Андрея Данилыча, съ полусердитой и полупривѣтливой улыбкой, показалась на порогѣ.

— Извините, я думалъ это мой человѣкъ. Прошу покорно, очень радъ васъ видѣть. Какъ въ своемъ здоровѣѣ папенька, маменька, сестрица. Вчера, такая досада, я не имѣлъ счастья ихъ видѣть; знаете, пріѣзжаешь сюда ненадолго, а дѣль—куча. Прошу покорно вотъ сюда: это у меня и кабинетъ, и

спальня, и столовая, для холостого больше и не надо; а вотъ, когда Богъ дастъ...

— Послушайте, Андрей Данилычъ,—перебилъ его Алеша,—я къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой.

— Что вамъ угодно, сдѣлайте одолженіе, я для васъ на все готовъ.

— Оставьте мою сестру въ покоѣ, откажитесь отъ нея. Если вы благородный человѣкъ, вы должны это сдѣлать и для своего и для ея счастья; вѣдь вы знаете, что она васъ не любитъ, и это вы слышали отъ нея сами, стало быть если она выйдетъ за васъ, то выйдетъ поневолѣ, по принужденію отца. Но вѣдь поневолѣ, согласитесь, нельзя быть ни доброй женой, ни доброй матерью. А кто знаетъ, можетъ статься, и сестра могла бы быть и тѣмъ и другимъ съ человѣкомъ, котораго она выберетъ сама. Зачѣмъ же хотите вы лишать ее этого счастья, зачѣмъ хотите отнять у ней послѣднюю надежду на будущее, въ то время, когда настоящее ея такъ безотраднo. Да, наконецъ, будемъ говорить правду,—продолжалъ Алеша, увлекаясь все болѣе и болѣе,—если бы вы истинно ее любили, то навѣрно вчера скорѣй захотѣли бы видѣться съ ней, нежели спѣшить къ Жирковымъ.

Сначала просьба Алеши только удивила Алуева, и онъ, хоть съ насмѣшливой улыбкой, выслушалъ ее безъ малѣйшаго возраженія; но когда первый назвалъ фамилію Жирковыхъ, лицо Андрея Данилыча злобно искривилось и онъ спросилъ, задыхаясь отъ гнѣва:

— Что же вы этимъ хотите сказать?

— А то, что интрига ваша съ Жирковой всѣмъ извѣстна, и навѣрно вы не оставите ее и тогда, когда моя сестра будетъ вашей женой.

Алуевъ не выдержалъ, онъ судорожно сжалъ кулаки и закричалъ, что было силы: «какъ ты смѣешь, мальчишка, подозревать меня и чернить честную женщину. Вонъ отсюда, щенокъ, вонъ изъ моего дома, или я тебя раздавлю какъ гадину! Вонъ!»—съ этимъ словомъ онъ затопалъ ногами, и сдѣлалъ видъ, что хочетъ броситься на Алешу.

— Но позвольте, — произнесъ, оробѣвъ, Алеша, — вы забываетесь, я...

— Извольте выдти вонъ — перебилъ Алуевъ, какъ бы спохватившись. — Я съ вами объясняться не намѣренъ. Я сейчасъ поѣду къ Павлу Степановичу и все расскажу ему; надѣюсь, что, изъ уваженія ко мнѣ, онъ не оставитъ поступокъ вашъ безъ наказанія. Не вамъ меня судить, у васъ еще на губахъ материно молоко не обсохло, прошу васъ безъ дальнѣйшихъ непріятностей, сейчасъ же оставить мой домъ. Вотъ двери. — Съ этимъ словомъ Алуевъ отворилъ дверь.

Что оставалось дѣлать молодому человѣку, какъ не повиноваться, тѣмъ болѣе, что онъ пришелъ въ чужой домъ, и хозяинъ всегда въ правѣ требовать, чтобъ у него были только тѣ, кого онъ желаетъ видѣть.

Когда Алеша вышелъ, Алуевъ сильно хлопнулъ за нимъ дверью и тотчасъ же сталъ одѣваться. — Ты у меня погоди, голубчикъ, — разсуждалъ самъ съ собою Андрей Данилычъ, — я еще съ тобой раздѣлаюсь, я наговорю твоему отцу того, чего ты и не воображаешь. А онъ шутить съ вами не любитъ — я знаю. Онъ тебя упрячетъ въ теплое мѣсто, да еще, пожалуй, расправится съ тобой по-родительски. Отецъ всегда имѣетъ право. Мальчишка, негодяй!

Между тѣмъ Алеша шелъ домой. Мысли его мѣшались, онъ не могъ остановиться ни на одной изъ нихъ, не могъ дать себѣ отчета даже въ томъ, что было съ нимъ за нѣсколько минутъ; наконецъ, подходя къ дому, опомнился, остановился на нѣсколько времени перевести духъ, и громко спросилъ самъ себя: теперь зачѣмъ мнѣ идти домой?

Въ это время приходскій священникъ, возвращаясь изъ церкви, проходилъ по другой сторонѣ улицы; завидя Алешу, онъ поздоровался съ нимъ, Алеша, въ свою очередь поклонился, и подошелъ къ нему подъ благословеніе.

— А что, батюшка, — спросилъ внезапно Алеша, — вѣдь вы не можете вѣнчать противъ воли жениха или невесты.

— Само собою не можемъ, для этого-то передъ совершеніемъ таинства и спрашиваютъ того и другого, по доброй ли волѣ они хотятъ соединиться.

— Прекрасно, мнѣ больше ничего не надо.

Алеша поспѣшилъ домой.

Священникъ съ минуту въ недоумѣніи посмотрѣлъ ему вслѣдъ и потомъ пошелъ своею дорогою.

— Стало быть еще не все потеряно, — думалъ Алеша, — свадьбѣ этой положительно не бывать.

Придя домой, онъ, вмѣсто того, чтобы отправиться въ свою канцелярію, зашелъ въ комнату сестры. Въ короткихъ словахъ рассказалъ онъ ей о свиданіи своемъ съ Алуевымъ. Саша слушала его и не вѣрила своимъ ушамъ; она никакъ не могла представить себѣ, чтобы шестнадцатилѣтній мальчикъ могъ такъ рѣшительно поступать противъ воли отца, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ не предвидѣть, чтобы поступки его остались тайною.

— Что же было дѣлать, — продолжалъ Алеша, — ужъ я на все рѣшился и ко всему приготовился.

Саша со слезами благодарности бросилась на шею брата.

— Но подожди меня благодарить, пока еще не за что. Ты видишь, я ровно ничего не сдѣлалъ, теперь все зависитъ отъ тебя самой. Смотри на образъ и говори, какъ передъ Богомъ. Ты не любишь Алуева?

— Ненавижу и ненавижу, клянусь тебѣ всѣмъ святымъ! Я знаю, что съ нимъ я буду самая несчастная въ мірѣ.

— Довольно. Есть средство избавиться отъ этого несчастія. Когда священникъ будетъ спрашивать тебя: по своей ли волѣ ты идешь, объяви, что тебя выдають поневолѣ.

Саша задумалась. Она не предполагала, что въ самую рѣшительную минуту она одна должна будетъ оставаться дѣйствующимъ лицомъ и публично осудить отца, къ которому, по правдѣ сказать, кромѣ страха ничего не чувствовала. Но страхъ этотъ былъ такъ великъ, что заглушалъ собою въ бѣдной дѣвушкѣ и разумъ, и совѣсть, и любовь къ самой себѣ. Напрасно она силилась побороть его, образъ отца возставалъ передъ нею въ какомъ-то ужасающемъ видѣ. Зато, съ другой стороны, долгіе годы жизни съ человѣкомъ, котораго она ненавидитъ, представляли ей рядъ безысходныхъ страданій, семейнаго раздора и ежеминутнаго угрызенія совѣсти за обманъ, которымъ она должна будетъ нарушить святость тайнства.

Долго колебалась она, на чемъ остановиться; наконецъ, со-

бравъ всѣ силы, поклялась поступить такъ, какъ совѣтовалъ ей братъ.

Какъ хороши были молодые люди въ эту торжественную минуту самосознанія. Какъ много прекраснаго можно было ожидать отъ ихъ вострепёнувшихся силъ; и какъ легко было у нихъ на душѣ. Будто какое тяжелое бремя спало съ нихъ, будто они въ первый разъ взглянули на Божій міръ. Но въ это время вдругъ раздался голосъ Горячаго, онъ звалъ сына.

И братъ и сестра вздрогнули, въ голосъ Горячаго ясно звучали и злоба и нетерпѣніе.

— Ну, быть бѣдѣ,—промолвилъ Алеша и поспѣшно вышелъ изъ сестриной комнаты.

— Ты что это надѣлалъ,—воскликнулъ грозно Павелъ Степанычъ, завидя сына.—Да какъ ты смѣлъ подумать разстраивать то, чего я хочу, чтобъ было. А вотъ, погоди, я съ тобой справлюсь. Ахъ ты ученый разбойникъ. Погоди, ты у меня будешь помнить, что такое отецъ. Андрей Данилычъ, пойдѣмте, я хочу при васъ его наказать. Пойдемъ, любезный,—послѣднія слова относились къ Алешѣ. Андрей Данилычъ, который былъ уже въ кабинетѣ Горячаго и успѣлъ рассказать всѣ подробности утренняго визита къ нему Алеши со всевозможными прибавленіями, могущими служить къ обвиненію молодого человека, вышелъ на зовъ Горячаго, и съ притворнымъ состраданіемъ началъ упрашивать Павла Степаныча простить сына, принимая въ уваженіе его молодость.

— Напрасно вы беспокоитесь просить за меня отца,—произнесъ Алеша твердымъ голосомъ,—и извиняете мой поступокъ молодостью. Я вамъ скажу всегда и при всѣхъ, что вы человекъ безчестный, и всякій вамъ скажетъ то же, когда узнаетъ, что вы хотите жениться на моей сестрѣ противъ ея воли, имѣя у себя въ то же время любовницу.

Послѣднія слова Алеши договорилъ уже на крыльцѣ; Горячій такъ сильно толкнулъ его, что онъ какъ мячъ вылетѣлъ за дверь.

Съ самаго начала этой сцены Анна Прокофьевна и Саша забились за шкафъ самой отдаленной комнаты и плакали.

Горячій велѣлъ запереть сына въ баню впредь до окончанія

свадьбы, съ тѣмъ, чтобы кромѣ хлѣба и воды ему ничего не давали.

Поступокъ Горячаго съ сыномъ навелъ на всѣхъ домашнихъ такой страхъ, что они даже въ отсутствіе Павла Степаныча иначе не говорили, какъ шепотомъ. Между тѣмъ приготовленія къ свадьбѣ продолжались своимъ порядкомъ. Алуевъ всякій день ѣздилъ къ неvěстѣ, и, повидимому, вовсе не замѣчалъ ея нерасположенія къ нему, которое, послѣ исторіи съ братомъ, при всякомъ удобномъ случаѣ высказывалось еще яснѣй, даже сама Анна Прокофьевна однажды позволила себѣ намекнуть Алуеву, что онъ насильно вступаетъ въ ихъ семейство.

Анна Прокофьевна и Саша украдкой навѣстили Алешу, и также украдкой снесли ему остатки отъ обѣда. Во время ихъ посѣщенія, Алеша всячески старался поддержать въ сестрѣ послѣднее ея намѣреніе, о которомъ уже знала и Анна Прокофьевна; она не разъ съ ужасомъ спрашивала сына: чтожь будетъ съ нами послѣ, когда узнаетъ объ этомъ Павелъ Степанычъ?

— Успокойтесь, маменька: ничего не будетъ, — утѣшалъ ее Алеша. — Вѣдь всякой власти есть границы, и воля отца должна быть священна для дѣтей только тогда, когда она основана на разумѣ и служить къ благу семейства; иначе она не можетъ быть освящена ни закономъ религіи, ни закономъ гражданскимъ. Насиліе, вы знаете, у насъ не допускается ни отъ кого; слѣдовательно, тогда мы примемъ съ своей стороны рѣшительныя мѣры, будемъ судиться. Пусть законъ оградитъ насъ отъ несправедливости отца.

— Судиться съ отцомъ? Ахъ, Алеша, Алеша, что ты говоришь. Да вѣдь онъ васъ вскормилъ, вспоилъ.

— Для того, чтобъ потомъ имѣть право располагать нами какъ вещью, въ случаѣ надобности, вымѣнять на насъ себѣ мѣсто или лишнихъ тысячу рублей въ годъ дохода, не правда ли?

— Да вѣдь все-таки онъ отецъ, а не чужой.

Напрасно Алеша трудился доказывать матери, что отецъ болѣе нежели чужой не долженъ посягать на права своихъ дѣтей; Анна Прокофьевна думала совсѣмъ иначе; по ея понятіямъ, права отца надъ своими дѣтьми безграничны, точно такъ же, какъ было безгранично на нее вліяніе мужа.

Но при всемъ этомъ, Алешѣ не разъ приходило въ голову поговорить съ отцомъ въ первый и въ послѣдній разъ откровенно какъ насчетъ сестры, такъ и насчетъ себя.—Послѣ такого сраму, думалъ онъ, не могу же я оставаться здѣсь. Неужели отецъ рѣшится меня и теперь удержать при себѣ? Нѣтъ, этого быть не можетъ. Я насильно вырвусь отъ него, я убѣгу. И почему мнѣ прежде не пришло въ голову объясниться съ нимъ, вѣдь хуже того, что онъ со мной сдѣлалъ, быть не могло, а можетъ быть я успѣлъ бы убѣдить его. Боже мой, какъ я поступилъ опрометчиво. Мысль поговорить съ отцомъ откровенно все болѣе и болѣе занимала Алешу, и онъ рѣшился высказать ее матери и сестрѣ, но ни одна изъ нихъ не вызвалась сообщить объ этомъ Павлу Степанычу.

Между тѣмъ, послѣ исторіи съ сыномъ, съ Павломъ Степанычемъ произошло что-то необыкновенное. Приказавъ запереть Алешу, онъ возвратился въ комнаты вмѣстѣ съ Алуевымъ; но разговоръ ихъ какъ-то не вязался, казалось имъ обоимъ было неловко, и потому Алуевъ поспѣшилъ удалиться. Горячій не удерживалъ его, и, проводивъ гостя, заперся въ своемъ кабинетѣ. Трудно опредѣлить, что именно происходило въ это время въ душѣ Павла Степаныча, но можно положительно сказать, что онъ былъ крайне недоволенъ самимъ собой. Онъ то морщилъ брови, то стучалъ кулакомъ по столу, то схватывалъ себя обѣими руками за голову и въ такомъ положеніи оставался по нѣскольку минутъ; наконецъ вскакивалъ со стула и быстро подходилъ къ двери, какъ-будто съ намѣреніемъ кого-то позвать, и въ эту минуту лицо его дѣлалось покойнѣе; но потомъ снова возвращался и почти безъ силъ опускался въ свои вольтеровскія кресла, и тогда черты лица его, попрежнему, отражали въ себѣ ту внутреннюю борьбу, которая, повидимому, готова была его сломить. Такъ прошелъ день. Павелъ Степанычъ не выходилъ ни къ обѣду, ни къ чаю, ни къ ужину. Паническій страхъ овладѣлъ всѣми домашними. — Видно быть еще грозѣ,—говорили они между собой, и тѣ, которые посмѣлѣй, приложивъ ухо къ замочной скважинѣ кабинетной двери, съ трепетомъ прислушивались къ малѣйшему шороху за ней. Наступила ночь. Павелъ Степанычъ, противъ обыкновенія, въ

назначенный часъ не ложился спать. Облокотившись обѣими руками на столъ, онъ сидѣлъ неподвижно, и только изрѣдка тяжелые вздохи вырывались изъ его широкой груди. Въ такомъ положеніи онъ оставался болѣе часу. Наконецъ онъ какъ-будто бы очнулся отъ тяжелаго сна, но пробужденіе это было для него не легче. Грязная картина, въ которой такъ униженъ былъ его сынъ, представилась ему во всей своей наготѣ. Павелъ Степанычъ вздрогнулъ. — Боже мой, говорилъ онъ самъ съ собою: неужели я до такой степени безчеловѣчно поступилъ съ нимъ. Ну, если онъ будетъ просить на меня. Отвѣтственность, и изъ-за кого же, изъ-за сына? Послѣ этого всякій будетъ указывать на меня пальцемъ. Вотъ онъ, скажутъ, старый дуракъ. Ну, а если еще сына-то найдутъ правымъ, тогда что? и законъ и добрые люди—все противъ меня, бррр! страшно подумать. А легко можетъ быть, что онъ и правъ, можетъ быть намѣренія его были благородны. Скверное положеніе. Проклятый Алуевъ, если бы не онъ, ничего бы подобнаго не случилось.

Въ продолженіе всей ночи Павелъ Степанычъ уснулъ не болѣе двухъ часовъ. Мысль, что онъ наказалъ сына—чиновника, не выходила у него изъ головы. Хотя по своему, но онъ все-таки сознавалъ всю низость своего поступка, и вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ не могъ придумать ничего въ оправданіе себя, это еще больше тревожило его. Удивительное дѣло! Навѣрно Павелъ Степанычъ не разъ бывалъ несправедливъ къ другимъ, и эта несправедливость никогда такъ долго не беспокоила его; а тутъ какой-нибудь семнадцатилѣтній мальчикъ, да еще и сынъ дѣлаетъ собой столько тревоги и беспокойства,—и кому же? Павлу Степанычу, который положительно сроднился съ мыслью, что онъ всегда въ правѣ дѣлать со своими дѣтьми все, что пожелаетъ. И вдругъ у него является угрызеніе совѣсти, какая-то боязнь отвѣчать за самоуправство съ сыномъ. Чѣмъ объяснить эту боязнь? какъ понять угрызенія совѣсти въ такомъ человѣкѣ, каковъ былъ Горячій? Неужели общечеловѣческое чувство заговорило и въ немъ. Да, читатель, заговорило и заговорило до такой степени сильно, что когда на другой день онъ позвалъ къ себѣ дочь, чтобъ послать ее за братомъ, и когда та

рѣшилась передать отцу намѣреніе Алеши поговорить съ нимъ откровенно, Павелъ Степанычъ какъ-то особенно торжественно остановилъ ее слѣдующими словами:

— Ты говоришь, что онъ хочетъ говорить со мной откровенно, о чемъ, не знаешь?

— Не знаю, онъ мнѣ не говорилъ.

— Ну, такъ оставайся же здѣсь,—я самъ пойду къ нему. Я понимаю, что я много, много виноватъ передъ нимъ.—Съ этими словами Павелъ Степанычъ поспѣшно вышелъ.

Саша и Анна Прокофьевна, которая все это слышала изъ другой комнаты, не знали, что и подумать, видя такую готовность Павла Степаныча исполнить желаніе Алеши.

Алеша сидѣлъ подъ окномъ своей тюрьмы, онъ былъ весь погруженъ въ самого себя. Глаза его безотчетно блуждали отъ предмета къ предмету, въ головѣ накопилось столько думъ, одна другой мрачнѣй, что онъ не могъ остановиться ни на одной изъ нихъ, чтобъ отдохнуть душой, и видѣть хотя тѣнь возможности выдти изъ того грустнаго положенія, въ которомъ находился. Стыдъ—вслѣдствіе оскорбленнаго самолюбія, досада—отъ неудавшагося предпріятія спасти сестру, и наконецъ горе—видѣть себя и всю свою семью подъ вліяніемъ отца, который рѣшился погубить сына можетъ быть на всю жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, что ожидало Алешу впереди,—извѣстно было одному Богу, и эта то неизвѣстность убивало его.

Внезапный приходъ Павла Степаныча окончательно смутилъ Алешу; но замѣтивъ, что лицо отца выражало какую-то особенную мягкость, Алеша тотчасъ же оправился и пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Алексѣй, ты звалъ меня, и вотъ я пришелъ къ тебѣ съ повинною головой,—произнесъ Павелъ Степанычъ, пристально посмотрѣвъ въ лицо сыну.

— Да, батюшка, я хотѣлъ съ вами поговорить, и можетъ-быть въ послѣдній разъ. Выслушайте меня.

— Говори, Алеша, говори, я тебя слушаю.—Съ этимъ словомъ Павелъ Степанычъ опустился на скамью.

— Вотъ что, батюшка, хотѣлъ я сказать вамъ,—началъ Алеша прерывающимся отъ волненія голосомъ:—до сихъ поръ

для меня ваша воля была священна; все, что вы требовали отъ меня, я исполнялъ съ совершенною покорностью. Вы знаете, я хотѣлъ продолжать учиться, какъ упорно отстаивалъ я свое намѣреніе поступить въ университетъ, и потомъ уже избрать себѣ родъ службы, но это упорство отнюдь не было слѣдствіемъ моей непокорности къ вамъ или пустого каприза молодости; нѣтъ, это было только слѣдствіемъ убѣжденія, что безъ предварительныхъ свѣдѣній, которыя я могъ бы почерпнуть въ наукахъ, у меня не достанетъ силъ быть полезнымъ членомъ общества. Путь этотъ вамъ угодно было для меня окончательно преградить, вы заставили меня почти со школьной скамейки поступить на службу. Тутъ, каюсь, я въ первый разъ въ жизни хотѣлъ положительно послушаться вашей воли, и, можетъ-быть, тихонько бѣжалъ бы изъ вашего дома. Подумайте, на что я рѣшился, бѣжать изъ дома отца, и если не сдѣлалъ этого, то единственно потому, что я все еще не терялъ надежды спасти сестру отъ той страшной будущности, которую вы для нея готовите. Вамъ больше, чѣмъ кому-нибудь, долженъ быть извѣстенъ Алуевъ и его образъ жизни, потому, во-первыхъ, что вы здѣшній старожилъ, а во-вторыхъ, самая служба ваша представляетъ вамъ тысячи случаевъ слышать и видѣть то, чего другіе не могутъ. Чего хотѣть отъ этого человѣка, когда онъ спѣшитъ уѣхать отъ своей невѣсты единственно затѣмъ, чтобы просидѣть цѣлую ночь съ любовницей.

— Съ какой любовницей, — перебилъ Павелъ Степанычъ, — я знаю, у него была; но онъ мнѣ поклялся, что давно ее бросилъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что не бросилъ и навѣрно теперь сидитъ у ней. За это можно поручиться. Но оставимъ это, оставимъ, что онъ имѣетъ дурную репутацію вообще, какъ человѣкъ. Довольно уже одного того, что сестра его болѣе нежели не любитъ, она ненавидитъ его, и вы хотите навсегда связать ея судьбу съ нимъ, заставить дочь страдать быть-можетъ цѣлую жизнь. Развѣ это справедливо, развѣ отецъ долженъ быть врагомъ своихъ дѣтей, изъ одной лишь прихоти какого-нибудь негодяя или даже изъ собственныхъ видовъ? Неужели устроить судьбу дочери или сына по какимъ бы то ни было расчетамъ, противъ ихъ воли, значить желать имъ счастья?

Нѣтъ, батюшка, когда отнимаютъ отъ насъ свободную волю, тогда отнимаютъ и счастье. Противъ этого, навѣрно, вы не скажете ни слова. Итакъ, я остался съ вами для того, чтобъ спасти сестру и въ этомъ случаѣ не прибѣгалъ ни къ какимъ предосудительнымъ мѣрамъ въ отношеніи Алуева, а прямо объяснилъ ему все дѣло и просилъ, умолялъ его отказаться отъ дѣвушки, которая его не любитъ, и которая могла бы быть счастлива съ другимъ. Но онъ не только не послушалъ меня, не только не пощадилъ несчастную сестру, а еще представилъ вамъ поступокъ мой въ самомъ уродливомъ видѣ, вѣроятно такъ, потому что если бы это было иначе, то вы навѣрно не рѣшились бы до такой степени унижить и себя и меня въ глазахъ всѣхъ. Теперь, батюшка, сошлюсь на васъ самихъ, скажите, что мнѣ остается дѣлать? Вы испортили мою карьеру въ самомъ началѣ. А кто знаетъ, впоследствии, быть можетъ, и я такъ же, какъ другіе, могъ бы служить вашимъ утѣшеніемъ, вашей гордостью.

— Алеша, другъ мой, прости меня,—произнесъ Павелъ Степанычъ умоляющимъ голосомъ и со слезами на глазахъ, обнимая сына.—Прости меня какъ старика, невѣжду, наконецъ, прости меня какъ отца. Клянусь тебѣ всѣмъ, что только есть святого, я люблю и тебя, и твою сестру, и всегда желалъ вамъ счастья, но что же дѣлать, счастье ваше я понималъ по своему и шелъ къ нему ощупью. Теперь ты открылъ мнѣ глаза. Я понимаю тебя, понимаю твое благородное негодованіе противъ меня и противъ этого мерзавца Алуева. Даю тебѣ слово, что съ нынѣшняго дня его нога не будетъ въ моемъ домѣ, пусть Саша идетъ за кого хочетъ, я охотно благословлю ее, лишь бы только была счастлива. А ты, Алеша...

Павелъ Степанычъ на минуту остановился, потомъ, поглядѣвъ на сына съ любовью, продолжалъ.

— Придумай самъ, какъ бы тебѣ поправить свою карьеру. Если для этого нужны деньги, возьми все, что я имѣю; только не обвиняй меня, забудь, что я тебя обидѣлъ.

Алеша никакъ не ожидалъ такого оборота въ своей бесѣдѣ съ отцомъ, и потому онъ былъ совершенно пораженъ и умоляющимъ голосомъ отца и его, такъ сказать, покорностью.

— Что же ты молчишь, Алеша? Неужели тебѣ мало моей просьбы, моихъ слезъ, смотри, я тебѣ кланяюсь до земли!

Съ этимъ словомъ Павелъ Степанычъ хотѣлъ поклониться сыну въ ноги, но Алеша удержалъ его.

— Остановитесь, батюшка. Если вы сознаете, что оскорбили меня, если, какъ вы говорите, счастье вашихъ дѣтей для васъ дѣйствительно дорого, и вы поняли, что къ нему нельзя идти никакимъ насиліемъ, въ такомъ случаѣ и для насъ еще не все потеряно. Я постараюсь забыть прошлое и снова поѣду учиться, не такъ ли?

— Да благословить тебя Господь, что ты меня, стараго дурака, навелъ на разумъ, я самъ провожу тебя до Москвы. Только ради Бога, Алеша, забудь, что я тебя обидѣлъ, а ужъ Алуеву не видать, какъ своихъ ушей, Алексашу.

Съ этимъ словомъ Павелъ Степанычъ снова обнялъ сына.

— Ну, пойдѣмъ же теперь въ комнаты, у меня сегодня праздникъ,—весело произнесъ Павелъ Степанычъ.

Никто изъ домашнихъ не ожидалъ такого счастливаго результата свиданія отца съ сыномъ. Въ этотъ день въ домѣ Горячаго былъ дѣйствительно праздникъ такой, какого еще никогда не было въ этомъ домѣ.

Алуеву тотчасъ же было отказано не только въ рукѣ Саши, но даже и отъ дома. Павелъ Степанычъ немедленно прекратилъ съ нимъ и знакомство и всѣ расчеты, послѣ чего Алуевъ выѣхалъ изъ города и долго не показывался въ немъ.

Черезъ недѣлю Алеша отправился въ Москву напутствуемый благословеніемъ отца и матери. Спустя мѣсяцъ, онъ былъ уже въ студенческомъ мундирѣ.

Прошелъ годъ и въ домѣ Горячаго снова заговорили о свадьбѣ Саши, но уже не съ Алуевымъ, а съ молодымъ учителемъ, только что получившимъ мѣсто въ N. уѣздномъ училищѣ, Владиміромъ Петровичемъ Саворскимъ. Свадьбы и похороны во многихъ уѣздныхъ городахъ святой Руси еще до сихъ поръ считаются эпохами, по которымъ мирные граждане нерѣдко ведутъ свое лѣтосчисленіе; такъ, напримѣръ, одинъ мой знакомый, уѣздный судья, желая доказать фактически, что его дочери только 24-й годъ, бывало прибавлялъ: «да что тутъ

далеко считать, Глаша родилась въ тотъ самый годъ, какъ женился нашъ соляной приставъ; ну, вотъ и считайте»; а другой, отставной штабсъ-капитанъ, проживавшій въ городѣ Ордынскѣ, единственно изъ дружбы къ тамошнему откупщику, никогда не скажетъ, что онъ переѣхалъ въ Ордынскъ въ такомъ-то году, а всегда говорилъ, что онъ переселился въ городъ за недѣлю до смерти Татьяны Леонтьевны, внучатной племянницы ордынского городничаго, проживавшей у градоначальника въ видѣ гувернантки, и послѣ такихъ ясныхъ доводовъ уже никто изъ туземныхъ жителей не усумнится, что Глашѣ дѣйствительно 24-й годъ. И всякій тотчасъ въ умѣ своемъ опредѣлитъ, сколько лѣтъ отставной штабсъ-капитанъ проживаетъ въ Ордынскѣ.

Свадьба Саворскаго также готовилась занять не послѣднее мѣсто въ лѣтописяхъ города N., тѣмъ болѣе, что услужливыя *кумушки*, исправляющія должность уѣздныхъ вѣдомостей, съ невѣроятно живымъ и разнообразнымъ фельетономъ уже успѣли сообщить кой-что о предстоящемъ свадебномъ балѣ и великолѣпномъ приданомъ невѣсты, и это кой-что, переходя изъ устъ въ уста, все росло, росло и наконецъ вышло до такой степени интереснымъ для всѣхъ, что вопросъ: позовутъ или не позовутъ на свадьбу Саворскаго, сдѣлался для многихъ равнозначущимъ вопросу: *быть или не быть?*

Но жители города N. были счастливѣе Гамлета: для нихъ многознаменательный вопросъ разрѣшился скоро, и при томъ, къ общему удовольствію всѣхъ: Горячій и Саворскій пригласили на свой праздникъ даже тѣхъ, которыхъ знали только по фамиліи. Церковь была полна народу, квартальный, жокалый и два будочника стояли только для проформы. Такъ иногда ретивый бюрократъ ставить въ своемъ докладѣ нѣсколько знаковъ препинанія и ставить не потому, чтобы они были необходимы именно тутъ, гдѣ онъ помѣстилъ ихъ, а потому, чтобы не отступить отъ формы, и чтобы отступление это не бросилось въ глаза начальника. Такъ точно и Горячій разставилъ своихъ подчиненныхъ, чтобы отсутствіе ихъ не бросилось въ глаза публики, которая тогда въ правѣ подумать, что Павелъ Степанычъ покушается нарушить общепринятую форму; форма—дѣло великое!

Но вотъ пріѣхалъ женихъ, а потомъ невѣста. Ихъ поставили передъ налоемъ. Вниманіе всѣхъ было обращено на будущихъ молодыхъ. Богатый нарядъ Саши былъ разсмотрѣнъ до послѣдней нитки; она была весела, какъ день. Послѣ этого зрители обратили вниманіе на жениха. Это былъ молодой человекъ, весьма привлекательной наружности, полный жизни и счастья. Начался обрядъ таинства. Священникъ обратился къ невѣстѣ съ вопросомъ: «волею или неволею готовится она произнести обѣтъ?» Саша поспѣшно отвѣчала утвердительно. Алеша, стоявшій за ней въ должности шафера, невольно улыбнулся.

Обрядъ кончился и молодые, отслуживъ молебенъ, поѣхали домой. Павелъ Степанычъ и Анна Прокофьевна встрѣтили ихъ у крыльца съ хлѣбомъ и солью. Въ передней гремѣла музыка. Любопытные тѣснились вокругъ дома и преимущественно подъ окнами. Балъ продолжался до самаго утра. Всѣмъ было на немъ какъ-то особенно весело; и надолго останется онъ въ памяти жителей г. Н...

Лѣтъ черезъ пять Алеша кончилъ курсъ въ университетѣ и отправленъ былъ за-границу на казенный счетъ съ какимъ-то порученіемъ, успѣшное окончаніе котораго доставило ему видное мѣсто. И Павелъ Степанычъ съ гордостью рассказывалъ объ этомъ своимъ знакомымъ.—А слышали вы, говорилъ онъ. Алексѣй-то мой куда махнулъ, по службѣ скоро меня перегонитъ, и вѣдь всего двадцать восемь лѣтъ отъ роду. Вотъ какъ нынѣ молодежь-то шагаетъ, не то что мы. И дай Богъ ей, она, кажется, будетъ и помягче, и порезоннѣе насъ, стариковъ.

Неприступная.

На платформѣ дебаркадера раздался третій звонокъ, и въ вагонѣ нашемъ всѣ усѣлись по мѣстамъ; на этотъ разъ пассажировъ было немного, вѣроятно, по случаю понедѣльника, который на Руси до сихъ поръ считается однимъ изъ тяжелыхъ дней, что замѣчено даже и экономами на станціяхъ, назначенныхъ для обѣда и ужина, и потому въ вагонѣ, въ ко-

торомъ я помѣстился со своимъ полосатымъ сакъ-вояжемъ, на половину было мѣстъ пустыхъ, чему вообще пассажиры бывають очень рады, имѣя почти каждый въ своемъ распоряженіи не только одинъ диванъ, на который садятся, но даже и другой, на который можно протянуть ноги въ ущербъ англійской клеенкѣ, оказывающейся точно такъ же непрочной, какъ ситецъ или трипъ. Странное дѣло, человѣкъ то ничѣмъ не бываетъ доволенъ: кажется, чего лучше, какъ мѣсто въ вагонѣ второго класса; и сидѣть мягко, и сзади мягко, и съ боку хорошо, а общество то одно чего стоитъ! О чемъ хочешь можно поговорить, и чего хочешь наслушаться. Въ дорогѣ всѣ братья, у всѣхъ одна общая цѣль—поскорѣй доѣхать, и потому каждый охотно отзовется на ваше нетерпѣніе и досаду, за минуту или за двѣ, просроченныхъ на станціи. Вотъ вамъ и знакомство; отъ васъ зависитъ поддержать его, чтобы не наскучило сидѣть одному, любуясь сѣверною природой. Не то что прежде: бывало ѣдешь до Петербурга трое сутокъ, трясешься въ какомъ-нибудь долговязомъ тарантасѣ и не съ кѣмъ тебѣ вымолвить слова, кромѣ какъ развѣ обругать ямщика, да перекинуть два словца со станціоннымъ смотрителемъ; да и то утѣшенія мало, потому что тотъ и другой такъ къ этому привыкли, что если который изъ проѣзжающихъ не произнесетъ передъ ними крѣпкаго слова, такъ они его и за проѣзжающаго-то не почтутъ, а такъ себѣ, скажутъ, какой-то безхарактерный. Такъ вотъ, изволите видѣть, какъ посравнишь всѣ эти удобства ѣзды на перекладныхъ съ нынѣшней на парахъ, такъ поневолѣ сознаешься, что человѣкъ то ничѣмъ не бываетъ доволенъ: казалось бы въ вагонѣ и такъ сидѣть хорошо, какъ слѣдуетъ; анъ нѣтъ, надо развалиться, да попирать ногами англійское произведеніе рубля по три за аршинъ, да сердиться, что машина тронулась съ мѣста не ровно въ 12 часовъ, а въ пять минутъ перваго. Эхъ, люди, люди, чѣмъ больше смотришь на васъ да разбираешь вашу натуру, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что въ васъ сидитъ червякъ, который только и дѣла дѣлаетъ, что ползаетъ да выбираетъ мѣстечко, гдѣ бы васъ поточить.

— Позвольте узнать, это мѣсто занято?—спросилъ меня го-

сподинь съ картонкой въ рукахъ, указывая на пустой диванъ противъ меня.

— Кажется нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— Позвольте мнѣ быть вашимъ сосѣдомъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

И онъ помѣстился противъ меня, поставивъ картонку рядомъ съ собою. Личность моего сосѣда принадлежала къ числу тѣхъ обыкновенныхъ личностей, о которыхъ рѣшительно нечего бы сказать, если бы онѣ сами не говорили о себѣ безъ умолку. Впрочемъ, когда вы не имѣете способности засыпать или по крайней мѣрѣ дремать въ вагонѣ, то сосѣдство такой личности для васъ не послѣдняя находка, и вы невольно пожалѣете, если на одной изъ станцій она, поблагодаривъ васъ за компанію, объявитъ, что должна съ вами разстаться, потому что на эту станцію за ней высланы изъ деревни лошади тройкой въ бричкѣ.

Часа черезъ два, я уже познакомился съ сосѣдомъ настолько, что узналъ отъ него нѣкоторыя тайны его семейной жизни, такъ напримѣръ, что жена у него ряба и немного кривобока, что впрочемъ незамѣтно, потому что она носитъ корсетъ съ машиной. Потомъ онъ очень добродушно признался мнѣ, какъ однажды, взявъ у жены шестьсотъ рублей серебромъ, чтобы заплатить долгъ,—въ тотъ же вечеръ проигралъ ихъ въ карты, и, не желая обезпокоить тѣмъ свою супругу, потому что она была женщина нервная, — возвратившись домой въ три часа утра, объявилъ, что его въ сосѣдней улицѣ ограбили; а чтобы больше придать словамъ своимъ вѣроятія, для этого онъ вывалялся въ грязи и, засунувъ въ носъ какую-то травку, сдѣлалъ себѣ искусственное кровоупусканіе, что впрочемъ видѣлъ дворникъ сосѣдняго дома и отъ души смѣялся; а послѣ исторію эту рассказывалъ по городу, что заставило моего сосѣда переселиться въ деревню. Между тѣмъ, когда онъ, весь въ грязи и окровавленный, предсталъ передъ своей нервной супругой, она до такой степени пришла въ изступленіе отъ раздраженія въ нервахъ, что тотчасъ же приказала своимъ людямъ запереть его въ чуланъ, гдѣ онъ и пробылъ двое сутокъ безъ пищи, а потомъ, давъ женѣ клятву никогда не играть,

открылся ей во всемъ чистосердечно и былъ великодушно прощенъ.

— Все, знаете, молодость, — заключилъ мой сосѣдъ:—хотѣлось пожуировать; ну. бывало, на всякія хитрости и подымаешься: а ужъ если бы вы знали, какъ я ученъ-то былъ — не приведи Господи никому, особенно по дѣламъ съ перекраснымъ поломъ; и вся моя бѣда была оттого, что я не искалъ одного, такъ сказать, простого наслажденія, которымъ остается довольны большая часть смертныхъ. Нѣтъ, я искалъ любви чистой, неподкупной, идеальной и при томъ постоянной любви до могилы; но увы, всѣ мои поиски въ этомъ отношеніи остались тщетными, несмотря на то, что я не щадилъ на нихъ ни денегъ, ни здоровья, и наконецъ убѣдился, что такой любви нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ; она не существуетъ — это миѳъ, одинъ миѳъ и больше ничего. Напримѣръ княгиня: ужъ она ли была не ангелъ, она ли не любила своего мужа? и тутъ лукавый соблазнилъ, и та измѣнила. Какая же, послѣ этого, можетъ быть любовь! Я за жену свою никогда не поручусь; вздоръ—вѣрна только до случая, значить, еще не представилось ей такого обстоятельства, чтобы налѣпить мужу вотъ сюда,—и онъ указалъ на голову.

— Кто же эта княгиня, о которой вы говорите?—спросилъ я.

— О, это рѣдкая женщина, такихъ нынче нѣтъ: онѣ давно вывелись. Я зналъ ее тому назадъ лѣтъ двадцать. Красавица была, не хуже самой Венеры, и несмотря на то соблазнилась, ей-Богу соблазнилась.

— Какимъ же образомъ, такое совершенство, какъ вы говорите, не могло устоять противъ соблазна, любя своего мужа? Расскажите, пожалуйста; это должно быть очень интересно.

— Вы не вѣрите, смѣйтесь... Извольте...—И сосѣдъ мой предварительно понюхалъ табаку, взглянулъ на свои часы и началъ:—Это было еще во время моей молодости, стало быть таки порядочно давно, потому что мнѣ теперь отъ роду сорокъ лѣтъ съ хвостикомъ. Въ ту пору я жилъ въ Петербургѣ и познакомился тамъ съ княземъ по фамиліи... впрочемъ, затѣмъ вамъ знать фамилію, довольно если я скажу, что его звали Борисомъ Антоновичемъ. Лѣтъ ему было за пятьдесятъ; зани-

малъ онъ довольно важное мѣсто въ свѣтѣ, какъ по состоянію, такъ и по службѣ; вслѣдствіе чего домъ его былъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ домовъ столицы. Борисъ Антоновичъ женился на девятнадцатилѣтней дѣвушкѣ, дочери бѣдныхъ родителей; но, несмотря на неравенство состоянія, часто служащаго помѣхою семейнаго счастья, княгиня была слишкомъ далека отъ того, чтобы жаловаться на судьбу свою. Всѣ ея желанія, даже прихоти, были предугадываемы и исполняемы предупредительнымъ мужемъ, который скорѣе годился ей въ отцы. Князь очень хорошо сознавалъ разницу лѣтъ своихъ и своей жены, но, не принадлежа къ числу старыхъ ревнивцевъ, онъ нисколько не стѣсняя себя и ея, предоставилъ ей полную свободу дѣйствовать по собственному ея убѣжденію, искать развлеченій, свойственныхъ ея годамъ, выѣзжать одной, по причинѣ подагры, часто мѣшавшей князю слѣдовать за женою. Словомъ, княгиня была полный властелинъ своихъ поступковъ. Другая, на ея мѣстѣ и въ такихъ лѣтахъ, воспользовалась бы довѣріемъ стараго мужа и, не лишенная отъ природы красивой наружности и свѣтлаго ума, при достаточномъ образованіи, —пустилась бы кружить головы молодымъ гвардейцамъ, не преминувъ, при томъ, вѣшать трофеи своихъ побѣдъ на особо для того устроенныхъ вѣшалкахъ на головѣ своего мужа; но, относя къ чести княгини, она была вовсе не такова; вмѣстѣ съ блестящимъ образованіемъ, которое она имѣла случай получить въ домѣ своей богатой тетки, нравственная сторона ея была развита едва ли не до той степени совершенства, до которой соблазнъ еще никогда не простиралъ своего владычества, и на спокойномъ челѣ княгини самый зоркій глазъ наблюдателя не прочелъ бы и слѣда думы задушевной, которая боялась бы высказать себя передъ кѣмъ бы то ни было. Много, очень много было у ней поклонниковъ, но ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ похвалиться преимуществомъ передъ другимъ. Она была со всѣми одинаково любезна, привѣтлива и весела; равнодушіе ея возбуждало въ молодыхъ людяхъ досаду, вслѣдствіе чего княгиня и названа была ими *неприступной*. Это едва ли не болѣе придавало охоты преслѣдовать ее, въ надеждѣ на сочувствіе; однако, сочувствія не было, а

число искателей его день ото дня возрастало, должно быть вслѣдствіе неизмѣннаго закона, по которому люди всегда стремятся съ бѣльшимъ самоотверженіемъ къ тому, что труднѣе достается. Не знаю, къ какому роду любви можно было отнести любовь княгини къ мужу; эта любовь не была безумно вспыхнувшюю между двумя любовниками, подъ вліяніемъ одной страсти и большею частью мимолетной; нельзя также было назвать ее только признательностью со стороны княгини, потому что она поставлена была мужемъ своимъ на ту ступень, съ которой имѣла болѣе права требовать къ себѣ признательности, нежели быть самой благодарной, за что бы то ни было; она какъ будто бы отъ колыбели имѣла все, чѣмъ пользовалась, сдѣлавшись княгиней. Называла мужа *Papa*, вѣроятно, вслѣдствіе сознанія въ себѣ къ нему дочерней привязанности, но привязанность эта отнюдь не была господствующей въ отношеніи супруговъ, потому что между ними часто высказывались другъ другу такіа чувства, которыя заставляли совершенно забывать неравенство лѣтъ любящихъ. Словомъ, любовь эта не была односторонняя, а вытекала изъ всѣхъ источниковъ молодой души княгини, преисполненной благороднѣйшихъ чувствъ, сосредоточенныхъ въ безотчетной любви, въ признательности и въ дочерней покорности. Сдѣлавшись своимъ въ домѣ князя, я нѣсколько разъ имѣлъ случай видѣть счастливыхъ супруговъ и *tête-à-tête* и въ обществѣ веселой молодежи и, каюсь, грѣшная мысль противъ княгини не разъ западала мнѣ въ душу. Неужели, думалъ я, между этимъ цвѣтомъ молодости она никого не выбрала? Неужели она никого не любитъ, кромѣ этой развалины, украшенной гербомъ? Но мысль эта, подобно многимъ мимолетнымъ идеямъ, не имѣющимъ никакого основанія, скоро покидала меня, и другая, болѣе ясная, заступала ея мѣсто. Въ это время я готовъ былъ спорить съ цѣлымъ свѣтомъ, что княгиня, кромѣ своего мужа, никого не любитъ и никогда не полюбитъ. — Князь, какъ я сказалъ выше, былъ подагрикъ; часто, оставивъ гостинную, полную гостей, онъ вдругъ скрывался, уходилъ къ себѣ въ кабинетъ и болѣе не показывался, мучимый страшною болѣзнью. Надо было видѣть въ это время княгиню, чтобы судить вполнѣ ту любовь, которую она пи-

тала къ мужу. Она безпрестанно уходила къ нему, возвращалась съ глазами, полными слезъ, почти не помнила, что отвѣчала и съ нетерпѣніемъ ждала той минуты, когда докучные гости разъѣдутся и дадутъ ей полную свободу ходить за больнымъ, у кровати котораго она нерѣдко проводила безъ сна цѣлыя ночи. Какихъ трудовъ стоило князю уговорить ее ѣхать куда-нибудь, когда онъ дурно чувствовалъ себя и какъ скоро возвращалась она съ самыхъ веселыхъ баловъ, спѣшила накинуть легкій пеньюаръ и, почти пробѣгая длинную амфиладу комнатъ до кабинета князя, бросалась въ его объятія и, кажется, отдыхала только при матовомъ свѣтѣ карселя, на мягкомъ диванѣ, склонивъ свою свѣжую, полную жизни головку на плечо старика-мужа. Такъ прошло болѣе двухъ лѣтъ счастливой супружеской жизни князя; а повидимому еще не прошло и одного дня медоваго ихъ мѣсяца. Мнѣ нужно было на нѣсколько времени оставить Петербургъ, и я поѣхалъ къ князю, чтобы проститься съ нимъ. За обѣдомъ, между прочимъ, онъ объявилъ мнѣ, что вчерашній день получилъ письмо отъ одного дальняго родственника, молодого человѣка, который на дняхъ пріѣдетъ въ Петербургъ искать мѣста и остановится у нихъ; при чемъ изъявилъ сожалѣніе, что я уѣду не познакомившись съ нимъ, прибавивъ: «а Андрей Вольскій славный малый, воспитывался здѣсь въ лицей и выпущенъ первымъ». Я въ свою очередь пожалѣлъ. Мы разстались.

Три мѣсяца, проведенные внѣ Петербурга, въ то время показались мнѣ чуть ли не долѣе года: я спѣшилъ какъ можно скорѣе кончить дѣла свои и возвратиться въ столицу, болѣе для того, чтобы застать оперу; я, надо вамъ замѣтить, большой охотникъ до музыки, или, какъ нынче говорятъ, дилетантъ, играю на трехъ инструментахъ: на скрипкѣ, флейтѣ и контръ-басѣ, стало быть вы понимаете, какъ я люблю музыку—извините за маленькое отступленіе... Какъ задумано, такъ и сдѣлано. Ровно черезъ три мѣсяца послѣ моего отъѣзда, я сидѣлъ въ креслахъ Большого театра, не успѣвъ еще, впрочемъ, побывать ни у кого изъ своихъ знакомыхъ. Театръ былъ полонъ, партеръ кипѣлъ народомъ, ложи также не оставались праздными, кромѣ одной: пятый нумеръ бель-этажа не былъ

еще занять, но едва подняли занавѣсъ и чудные звуки оркестра, сопровождаемые голосами пѣвцовъ и пѣвицъ, наполнили обширную залу, дверь пятаго нумера отворилась и въ ложу вошла молодая дама, въ сопровожденіи молодого человека. Это была княгиня. Едва нѣкоторые въ партерѣ замѣтили ее, какъ между ними послышался шопотъ; одни съ усмѣшкою произносили фамилію Вольскаго, другіе называли княгиню,— и рядъ подзорныхъ трубокъ былъ наведенъ на вошедшихъ, будто осадныя орудія на неприступную крѣпость. Я въ свою очередь навелъ трубку, и дѣйствительно было на что посмотреть. Много разъ я видѣлъ княгиню въ блестящихъ нарядахъ, но никогда не видалъ ее болѣе прекрасной, несмотря на то, что нарядъ ея, при всей изысканности, былъ простъ, почти бѣденъ въ сравненіи съ окружающимъ ее блескомъ. Молодой человекъ, т.-е. Вольскій, былъ красивой наружности, съ быстрымъ взглядомъ и гордою осанкой. Здѣсь грѣшная мысль насчетъ княгини опять было подкралась ко мнѣ; но, слѣдя за всѣми ея движеніями и замѣтя, что все вниманіе ея обращено было на сцену, я снова разувѣрился, побранилъ себя и даже досадовалъ за Вольскаго, на котораго дама его не обращала, повидимому, никакого вниманія, и какъ бы нехотя отвѣчала на его замѣчанія. Въ антрактѣ я вошелъ въ ложу княгини; она въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ привѣтствовала меня и не хотѣла вѣрить, что я только-что съ дороги. Я спросилъ о здоровьѣ князя; она вздохнула и отвѣчала: по обыкновенію плохо, я потому сейчасъ и уѣзжаю. Вы, вѣроятно, не откажетесь проводить меня до кареты,— продолжала она, протянувъ мнѣ руку.—Какъ, развѣ вы не останетесь до послѣдняго акта.— О нѣтъ, я только съ тѣмъ условіемъ согласилась покинуть князя, чтобы черезъ часъ быть дома.— Прощайте,— сказала она, обращаясь къ молодому человеку, слегка кивнувъ ему головой; тотъ въ это время занять былъ афишей, и на поклонъ княгини, въ свою очередь, лѣниво поклонился.—Я проводилъ княгиню до кареты, и, вмѣстѣ съ благодарностью, получилъ отъ нея приглашеніе бывать у нихъ чаще. На другой день, вечеромъ, я сидѣлъ у князя. Онъ встрѣтилъ меня попрежнему, веселый и счастливый, и тотчасъ же познакомилъ меня съ

Вольскимъ. «А я жалѣлъ,—говорилъ онъ, что вы не встрѣтитесь, предполагая, что Андрей обдѣлаетъ дѣла свои и уѣдетъ прежде вашего возвращенія, а вышло иначе; впрочемъ, я самъ виновать, грѣшный человѣкъ, хочу поддержать его у себя еще мѣсяць, если ему у насъ не скучно»; на что Вольскій отвѣчалъ,—что такъ скучать онъ готовъ хоть цѣлый вѣкъ; княгиня сдѣлала недовольную гримасу, которая, впрочемъ ту же минуту смѣнилась веселой улыбкой, и едва ли была замѣтна кому-нибудь, кромѣ меня. Княгиня нисколько не перемѣнилась къ мужу; напротивъ, сдѣлалась, какъ мнѣ казалось, болѣе внимательною къ больному старику, если только можно было быть внимательной болѣе того, какъ она была прежде. Словомъ, посѣщая часто домъ князя, я убѣдился, что въ немъ все шло по прежнему. Благословеніе Божіе не покидало счастливыхъ супруговъ.

Спустя недѣлю, въ домъ князя назначенъ былъ officialный обѣдъ по случаю дня рожденія его сіятельства. Съ одиннадцати часовъ утра къ подъѣзду дома безпрестанно подъѣзжали и отъѣзжали экипажи, и швейцаръ не отводилъ руки отъ шелковаго шнура, проведеннаго къ звонку, возвѣщавшему о новоприбывшемъ гостѣ. Слуги суетились. Гости наполняли всѣ комнаты; хозяйка едва успѣвала привѣтствовать ихъ. Поздравленіямъ и пожеланіямъ не было конца. Князь въ этотъ день чувствовалъ себя лучше обыкновеннаго, умный и веселый отъ природы, при томъ довольный своимъ здоровьемъ, онъ одинъ, казалось, готовъ былъ занять цѣлое общество вдвое многочисленнѣе. Наконецъ, позвали къ столу, украшенному всевозможными фруктами и деревьями. Гости размѣстились, хозяйинъ съ хозяйкой заняли свои мѣста и легкій стукъ тарелокъ и ложекъ напомнилъ, что, питая умъ и сердце, нельзя оставлять безъ пищи и брѣнное тѣло наше; вслѣдствіе чего всѣ принялись за работу, какъ водится, сначала пристально, потомъ съ меньшею охотою, а наконецъ и вовсе отказывались отъ предлагаемаго, запивая разноцвѣтными винами вкусныя яства. Въ это время возраставшій говоръ мало-по-малу начиналъ сливаться въ какой-то неопредѣленный гулъ, такъ что собесѣдники съ трудомъ могли слышать другъ друга; но вотъ разлили шампанское,

оно искрится въ цвѣтныхъ бокалахъ и грозитъ выдти изъ предѣловъ, положенныхъ рукою искуснаго мастера. Maitre d'hotel спѣшитъ провозгласить тостъ за здоровье князя. На мигъ всѣ смолкли, но прежде, чѣмъ успѣли принять тостъ и обратиться къ хозяину, дверь въ столовую отворилась и вошедшій слуга доложилъ, что такой-то господинъ имѣетъ крайнюю нужду видѣть княгиню.

«Меня?» — спросила княгиня, нисколько не измѣняя ни голоса, ни лица — какъ будто бы дѣло шло вовсе не о ней. Князь смутился, но, тотчасъ оправившись, спокойно продолжалъ, обратясь къ слугѣ, — ты бы сказалъ, что княгиня кушаетъ, что у насъ гости! Я докладывалъ; но онъ отвѣчалъ, что ему очень нужно сказать княгинѣ нѣсколько словъ, перемѣнить вещь, которую отпустили изъ магазина безъ него и по ошибкѣ не ту. —

Такъ пусть войдетъ. Слуга отворилъ дверь и маленькая нѣмецкая фигурка въ рыжемъ парикѣ, раскланиваясь и извиняясь, приблизилась къ столу, желая глазами отыскать княгиню; но князь предупредилъ его: — «Княгиня здѣсь. Что вамъ угодно?» и онъ указалъ на хозяйку, которая, при видѣ вошедшаго, уронила вилку и пролила вино. — Извините, ваше сіятельство, началъ нѣмецъ, вы утромъ присылали за портретомъ, который нѣсколько дней назадъ поручили мнѣ отдѣлать, но по ошибкѣ вамъ отпустили не тотъ; вотъ вашъ и онъ вынулъ изъ кармана отлично отдѣланное небольшое изображение мужчины, пріятной наружности, съ гордой осанкой и быстрымъ взглядомъ. Княгиня поблѣднѣла и съ минуту не знала, на что рѣшиться, — взять портретъ или не брать. Портретъ былъ Вольскаго. Гости перемигнулись, одинъ князь, по видимому, нисколько не смутился, и, взявъ портретъ изъ рукъ переплетчика, отъ души смѣясь, обратился къ женѣ: «Такъ вотъ, о какомъ подаркѣ ты говорила мнѣ; теперь понимаю. Я давно хотѣлъ имѣть портретъ Andre. — Merci, beaucoup merci, и онъ поцѣловалъ княгиню въ лобъ». Княгиня оправилась совершенно! «Поди же, ma chère, отдай тотъ, который тебѣ прислали». Княгиня вышла, и скоро возвратилась, неся завернутый портретъ. Когда она проходила мимо князя, онъ

снова остановилъ и поцѣловалъ ее, не переставая любоваться портретомъ.—А у тебя я не останусь въ долгу, прибавилъ князь, обращаясь къ Вольскому; сегодня я узналъ объ открывшейся вакансіи, и мнѣ дали слово замѣстить ее тобою. Завтра ты получишь назначеніе занять это мѣсто—немного далеко. Верстъ тысячу съ небольшимъ; ну, да это для молодого человѣка ничего не значитъ, особенно когда мѣсто видное и можно составить на немъ себѣ карьеру. Нѣмецъ вышелъ, и князь поднялъ бокалъ. Всѣ послѣдовали его примѣру, и здравный тостъ повторился. Обѣдъ пошелъ своимъ чередомъ. Князь былъ попрежнему веселъ, гости также, только княгиня почувствовала головную боль, да Вольскій сталъ жаловаться на скуку провинціальной жизни.—Обѣдъ кончился, гости разъѣхались, остались только я и Вольскій. Я изъ любопытства видѣть домашнюю сцену, а Вольскій, должно быть, какъ дѣйствующее лицо; но мы, кажется, оба ошиблись. Все кончилось тѣмъ, что когда Вольскій сталъ прощаться и я взялся за шляпу, то князь сказалъ ему: «Пожалуйста не медли выѣздомъ изъ Петербурга, даже постарайся выѣхать завтра, иначе ты можешь повредить себѣ въ мнѣніи начальства. Ну, прощай, мы больше не увидимся.—Княгинѣ завтра хочется съѣздить въ Царское село, и мы выѣзжаемъ въ восемь часовъ утра. Извини ее, что она не можетъ проситься съ тобою, она не такъ здорова. Прощай, не забывай насъ».

На другой день, въ восемь часовъ утра, князь и княгиня выѣхали въ Царское Село, а вечеромъ выѣхалъ и Вольскій. По возвращеніи князя, первымъ словомъ его было:—«а Вольскій уѣхалъ?» и когда швейцаръ отвѣчалъ ему «изволили уѣхать», то князь, съ видомъ сожаленія, прибавилъ:—«я пошутилъ, а онъ въ самомъ дѣлѣ заторопился». Въ домѣ князя все шло попрежнему, часто вспоминали и Вольскаго; что же касается до портрета, то лгать не хочу, я его нигдѣ не видалъ.

Вотъ, сударь ты мой, какія дѣла въ свѣтѣ дѣлаются,—заклучилъ мой сосѣдъ: что вы на это скажете, каковъ князь?

— Больше ничего, какъ умный человѣкъ.

— А княгиня?

— Княгиня? княгиня—женщина.

— Да еще и неприступная, прибавилъ мой сосѣдъ.

Вагонъ остановился, и мы пошли ужинать.

На чужой каравай рта не разѣвай.

Поведу рѣчь не про былыя времена, не про старые годы, когда люди ловились на удочку, какъ караси или пискари, какіе и шли на всякаго червяка; а червячки тѣ были большіе, да жирные. Нѣтъ, поведу рѣчь про наше время и поразкажу вамъ правду, которая «хуже всякой лжи».

Въ одной, не очень отдаленной изъ губерній обширнаго Русскаго царства, изъ числа тринадцати уѣздовъ, есть одинъ, называемый тимшинскій. Уѣздъ этотъ въ статистическомъ отношеніи отличается отъ прочихъ своихъ собратьевъ тѣмъ, что въ немъ ежегодно бываетъ три большихъ ярмарки и считается до семнадцати фабрикъ; а въ административномъ—что исправники его, избираемые благороднымъ дворянствомъ, оказываются всегда неспособными къ отправленію столь многосложной должности, и потому, на мѣсто ихъ, неспособныхъ, по заведенному порядку, изстари назначаются исправники отъ короны, которые большею частью находятся въ родствѣ или свойствѣ съ ближними къ губернатору. Болѣе уѣздъ этотъ ни чѣмъ не замѣчателенъ; въ немъ даже нѣтъ ни одного помѣщика, который бы былъ членомъ московскаго дворянскаго клуба, или общества улучшенія породъ рогатаго скота. Помѣщики его большею частью люди аккуратные, протягиваютъ ножки по одежкѣ, и управляютъ хозяйствомъ сами, безъ участія людей постороннихъ; а потому и покидаютъ теплыя гнѣзда свои, обшитыя тесомъ и крытыя гонтомъ, только въ случаяхъ самыхъ экстренныхъ, такъ напримѣръ: во время выборовъ, рекрутскихъ наборовъ и дня ангела начальника губерніи. Такъ какъ господа эти не принадлежатъ ни къ одному агрономическому обществу, то хозяйство всѣхъ ихъ чрезвычайно однообразно. Земля каждаго владѣльца дѣлилась во первыхъ, на три поля, на которыхъ кромѣ овса, ржи и гречи (послѣдней только для сво-

его обихода) ничего не сѣется; а во-вторыхъ, на усадебную, огородную и луговую, лѣсныхъ дачъ въ тимшинскомъ уѣздѣ почти совсѣмъ нѣтъ. Крестьянамъ полагается выходить на работу пополамъ, т.-е. половина на господскую и половина на свою; наконецъ, каждый изъ помѣщиковъ имѣетъ старосту, называемаго бурмистромъ и ведетъ дѣятельную переписку съ опекунскимъ совѣтомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ нихъ вздумалъ было нанять управляющаго и завести хозяйство четырехпольное, чтобъ сѣять кормовыя травы, о чемъ проговорился и сосѣдямъ, да послѣ и самъ тому не былъ радъ; всѣ сосѣди возстали на него: «какой ты послѣ этого дворянинъ,—говорили они ему,—когда хочешь довѣрить хозяйство наемнику и обременять крестьянъ своихъ посѣвомъ травы, которую Господь даетъ намъ безъ всякихъ хлопотъ», и, возненавидѣвъ его, прекратили съ нимъ всякое сношеніе; а чтобы окончательно наказать за неумѣстную въ томъ краю выходку,—передъ выборами уговорили помѣщика того баллотироваться въ предводители—и прокатили на вороныхъ. Послѣ такого казуса забаллотированный рѣшился покинуть коварныхъ избирателей и со всѣмъ своимъ семействомъ переѣхалъ на жительство въ другую губернію.

Образъ жизни тимшинскихъ помѣщиковъ былъ также однообразенъ, какъ и ихъ хозяйство: они кушали и отдыхали, потомъ ходили по хозяйству, бранились, и опять отдыхали или кушали. Замѣчательно, что нигдѣ не найдете вы такихъ вкусныхъ кулебякъ и наливокъ, какъ въ тимшинскомъ уѣздѣ. Славный уѣздъ! рѣдкій уѣздъ!

Между помѣщиками тимшинскаго уѣзда живетъ и Павелъ Павлычъ Мурашкинъ, владѣтель двадцати восьми ревизскихъ душъ; но живетъ онъ теперь не такъ мирно и безмятежно, какъ жилъ прошлаго года, когда я познакомился съ нимъ: во мно о мѣ, очень во многомъ измѣнился молодой помѣщикъ. Отъ роду не болѣе 23 лѣтъ, а, посмотрите, какія глубокія морщины избороздили лицо Мурашкина; мало того, темнорусые волосы начинаютъ походить на дорогой боберъ, глаза впали и прямой станъ Павла Павлыча сдѣлался сутуловатымъ, а рѣчь прерывиста, и какъ-то не связна. Между тѣмъ, какъ годъ,

только одинъ годъ тому назадъ, Мурашкинъ ходилъ прямо, говорилъ бойко, и слылъ интереснымъ молодымъ человѣкомъ въ трехъ уѣздахъ своей губерніи.

Отчего же произошла такая внезапная переменѣна съ молодымъ помѣщикомъ? Одни утверждаютъ, что вслѣдствіе женитьбы его на московской барышнѣ; другіе, будто бы дѣла его внезапно разстроились до такой степени, что скоро все его имѣніе пойдетъ подъ молотокъ; наконецъ, третіе, что онъ запилъ горько... Но послѣднее не справедливо; за это я отвѣчаю; Мурашкинъ, кромѣ квасу и изрѣдка клюквеннаго морса съ водой,—ничего не пьетъ.

Долго, подстрекаемый нестолько любопытствомъ, сколько участіемъ къ судьбѣ Павла Павлыча, я искалъ случая узнать его исторію и, наконецъ, таки добился истины. Вся бѣда его въ томъ, что онъ былъ человѣкъ съ искрой. Такъ выражался объ немъ тимшинскій судья, подъ начальствомъ котораго Мурашкинъ имѣлъ честь дослужиться до чина коллежскаго-регистратора. Прозвище—человѣка съ искрой—судья давалъ, обыкновенно, людямъ предприимчивымъ, и не безъ причины досталось оно на долю Павла Павлыча. Еще канцелярскимъ служителемъ, перваго разряда, онъ купилъ у городничаго сѣраго мерина, лѣтъ осьмнадцати, совсѣмъ слѣпого, за семь рублей серебромъ. Весь городъ помиралъ со смѣху, когда узналъ объ этой покупкѣ, и многіе даже остряли на его счетъ, говоря: «конь-то совсѣмъ даромъ пришелъ; а даровому коню въ зубы не смотрятъ». Причемъ совѣтовали ему сдѣлать коню на глаза кожаные кружечки, чтобы онъ не пугался.—Ладно, отвѣчалъ Павелъ Павлычъ,—смѣйтесь! да недѣли черезъ двѣ и продалъ его какой-то пріѣзжей барынѣ за пятнадцать рублей. Она, изволите видѣть, подбирала себѣ пару не очень молодыхъ... Потомъ вскорѣ купецъ Мушкинъ хотѣлъ выбросить изъ своего лабаза кулей десять испорченной муки, т.-е. можно сказать, никуда негодной; Павелъ Павлычъ и ту купилъ по рублю за куль, да тутъ же и перепродалъ жиду Янкѣ по 1 руб. 20 коп.—опять барышъ. Такимъ образомъ удачно оконченныя два предпріятія польстили самолюбію Павла Павлыча и онъ не на шутку пристрастился къ мысли: какимъ бы обра-

зомъ сдѣлаться человѣкомъ коммерческимъ и быть, такъ сказать, прирастителемъ своихъ собственныхъ капиталовъ, тѣмъ болѣе, что 28 душъ, которыя родители Мурашкина распорядились оставить ему заложенными, и мизерное жалованье уѣзднаго суда — не могли доставить Павлу Павлычу тѣхъ средствъ, которыми онъ постоянно мечталъ пользоваться. Но въ дѣлахъ подобнаго рода не достаточно одного желанія; тутъ нужны и средства и случай, и потому весьма легко могло быть, что за недостаткомъ того и другого всѣ предпріятія Павла Павлыча ограничились бы двумя приведенными выше спекуляціями, если бы у него не было въ томъ же уѣздѣ тетушки Агафоклеи Петровны, старушки лѣтъ осьмидесяти; впрочемъ, еще въ полной памяти и добромъ здоровьѣ, которую онъ иначе не называлъ, какъ благодѣтельницей и навѣщалъ ее частенько. Провѣдавъ объ дѣлишкахъ Павла Павлыча, она какъ-то и говоритъ ему: ну, что батюшка, чѣмъ теперь промышляешь?— Да покуда, тетушка, еще ни чѣмъ,—отвѣчаетъ Павелъ Павлычъ; недавно славныхъ два дѣльца обдѣлалъ чай слышали?— Слышала, отецъ родной, слышала! доброе дѣло! небогатому человѣку такъ и надо; ни чѣмъ не пренебрегай, и гривны на полу не подымешь, а торгъ—дѣло честное, никто не неволить, что видишь то и купишь; жаль только, прибавила она, вздохнувъ, что малый-то ты такой умный, а пропадаешь здѣсь ни за что!—Какъ ни за что? спросилъ Павелъ Павлычъ.—Да такъ, продолжала благодѣтельница: ну, самъ посуди, какія-такія здѣсь могутъ быть дѣла! слѣпую лошадь продашь, да никуда негодящую муку купишь—вотъ и все; не то что у насъ въ бѣлокаменной; тамъ, прямо скажу: такой чловѣкъ, какъ ты, что ни шагнулъ бы то рубль въ карманъ и клади. А вѣдь и правда, подумалъ, Павелъ Павлычъ; тетушка—чловѣкъ бывалый, родилась и выросла въ Москвѣ, да и мнѣ худого не пожелаетъ.—Право такъ, продолжала Агафоклея Петровна, какъ бы отвѣчая на мысли племянника. Да что тутъ далеко ходить. Чай помнишь Кирилла Кузьмича, — вотъ, что года три тому назадъ заѣзжалъ ко мнѣ, еще карета-то у него такая славная; когда я зазнала его, у него былъ только одинъ сюртучишка... Служилъ онъ въ ту пору въ Москвѣ, въ типографіи — гдѣ

книги печатають, а получалъ жалованья всего два съ полтиной серебромъ въ мѣсяцъ, ну, да грѣшныхъ рубля полтора приходило,—отъ какой-то краски, да отъ олова; тамъ доходы не мудреные, не то что въ какомъ-нибудь присутственномъ мѣстѣ... Малый-то онъ былъ непьющій, да и другихъ, съ позволенія сказать, за нимъ дурныхъ дѣлъ не было. Тутъ Агафоклея Петровна плюнула, должно быть подумала не хорошее.—Вотъ за него и пошла дочь діакона принесла ему за собой два лисьихъ салопы и всякой женской потребности, да въ добавокъ, деньгами полторы тысячи на серебро. Діаконъ-то былъ прихода хорошаго, изъ Замоскворѣчья; тамъ больше проживаетъ купечество, а купечество для причта, извѣстное дѣло, не въ примѣръ лучше господъ, по той причинѣ, что оно благосклоннѣе въ отношеніи праздниковъ. Ну, вотъ, Кирилла Кузьмичъ не будь простъ, да и пусти женины-то денежки въ дѣло. Бывало въ воскресный день и къ Сухаревкѣ сбѣгаетъ, и на Смоленскій заглянетъ: то подсвѣчникъ купить, то кроватку, то шубу, то какое-нибудь дышло, то гирьку отъ часовъ; а въ другой разъ пойдетъ мѣнять: фракъ на часы, на панталоны, ружье на лампу, колокольчикъ — ну, кому что нужно. Тамъ разнаго народа много и всякія вещи въ ходу... грѣшнымъ дѣломъ бывають и темныя. Такимъ манеромъ, самъ-то что-нибудь купить за грошъ, а промѣняетъ — возьметъ гривну придачи. Да ужъ мастеръ же онъ былъ, мой голубчикъ, и торговаться: вещь-то стоитъ рубль, и самъ знаетъ, что рубль, а онъ сулитъ 20 коп., да еще застрашаетъ—я, говоритъ, тебя и съ нею-то въ сибирку засажу... Ну, тотъ туда-сюда,—глядишь и отдалъ. Одинъ разъ показываетъ онъ мнѣ мѣдный грошъ, старый такой, совсѣмъ истертый такъ что и разобрать нельзя,—грошъ ли это или пуговица какая: знаете-ли, говоритъ, вы матушка, Агафоклея Петровна, что это такое? Я съ просту-то и говорю: а кто жъ ее знаетъ, батюшка,—какая-то мѣдяшка; какъ онъ захохочетъ — ахъ вы, говоритъ, да вѣдь это на охотника сто рублей стоитъ... Чтожъ бы ты думалъ, Павлуша, вѣдь какъ сказалъ, такъ и есть... пріѣхалъ какой-то баринъ въ Москву закладывать деревню, по случаю неурожая; познакомился съ Кирилломъ Кузьмичемъ, да какъ увидѣлъ у него этотъ грошъ, такъ и ахнулъ;

вынулъ сто рублевую, а грошъ завернулъ въ три бумажки да къ себѣ въ карманъ, и спрашиваетъ—нельзя ли еще достать такихъ-же; я, говоритъ, антики... антиха... Антихристъ, подхватилъ Павелъ Павлычъ.—Тьфу, прости Господи, согрѣшенія! и Агафоклея Петровна перекрестилась. Нѣтъ, не такъ, продолжала она, а что-то похоже... А грошъ-то этотъ нашель Кирило Кузьмичъ въ коробкѣ съ гвоздями, за которую заплатилъ 12 копеекъ. Онъ, бывало, мой голубчикъ, ни чѣмъ не брезгалъ, все къ рукамъ подбиралъ, да, такимъ образомъ, года въ три ужъ у него изъ полутора-то тысячъ сдѣлалось пять; тогда онъ за другое принялся: бывало, смотришь, кто часишки несеть къ нему, кто колечко, кто сережечки, знаешь, въ обезпеченіе, на короткое время одолжиться, процентовъ-то онъ большихъ никогда не биралъ, грѣхъ сказать, а такъ: съ кого три, съ кого пять въ мѣсяцъ, глядя по человѣку; оно и тому-то плюнуть стоитъ пять рублей заплатить на сотню; все равно, въ карты бы проигралъ... а ужъ какая у него была сохранность вещамъ, — упаси Боже! бывало, жена просить, просить что-нибудь этакое надѣтъ, куда тебѣ, ни за что! Чужое частехонько въ совѣтъ на сбереженіе клалъ; зато и добрые люди уважали и всегда говорили, что у Кирилла Кузьмича всякая вещь сохраннѣе, чѣмъ дома. Правда, послѣ срока онъ льготу давалъ не большую, всего три дня; ну, за то проценты бралъ не жидовскіе... Есть такіе аспиды, которые по десяти берутъ; а чтобъ знаешь, не вышло бы и ему какой непріятности, то онъ придумалъ отбирать записочки, что вы-де вещь мнѣ продали; а если черезъ столько времени захотите ее опять имѣть у себя, то обязаны возвратить денежки сполна, а проценты-то возьметъ впередъ; никто никакого притѣсненія сдѣлать и не можетъ. Такъ прошло года два, глядимъ, ужъ онъ и въ губернское началъ ѣздить на торги; пріискиваю, говоритъ, имѣньице купить, а самъ все служить... Вотъ пріискалъ и имѣньице, заплатилъ около десяти тысячъ, ну, думаемъ, поѣдетъ на покой; заживетъ бариномъ, — не тутъ-то было! Продалъ сперва изъ новой усадьбы лѣсъ; послѣ двора три отпустилъ на волю, а потомъ и всю деревню продалъ. — Что, Кирилло Кузьмичъ, говорю, надоѣла деревенька-то, что-ли?—Нѣтъ, говоритъ, на

примѣтъ есть другая, по ближе, Подмосковная. — Да какъ бы ты думалъ? Теперь 400 душъ имѣеть; баринъ такой, что нати пропасть! Да и меня старуху не забываетъ, дай Богъ ему здоровья! Вотъ, Павлуша, какъ-бы тебѣ, такъ я бы и капиталецъ свой отдала; тысячка другая наберется. А то, что? Всего-то у тебя четыре двора, да и заложить ихъ нельзя, недостатокъ въ землѣ... Право, подумай... А вотъ, еще другой, двоюродный мой братъ, тоже въ Москвѣ порядкомъ нажился, ну, да, правда тотъ другимъ способомъ... Былъ, знаешь, молодой, въ гусарскомъ мундирѣ... такой изъ себя красивый... въ годъ копейку зашибъ....

Тетушка-благодѣтельница давно кончила рассказъ свой, и, надвинувъ очки на носъ, давно продолжала вязать нескончаемый шерстяной чулокъ, а Павелъ Павлычъ все еще слушалъ; въ головѣ его бушевало цѣлое море предпріятій, одно другого вѣрнѣе, одно другого выгоднѣе... Наконецъ, колокольчикъ засѣдателя, раздавшійся у крыльца, разбудилъ его, и онъ опрометью бросился изъ комнаты. — Павлуша! Павлуша! Куда ты? Обѣдай со мной, у меня сегодня сычугъ, — раздался за нимъ голосъ доброй старушки. — Нѣтъ, тетушка, завтра; надо подумать... Прощайте! завтра... и черезъ часъ онъ былъ дома. Но ужъ это былъ не онъ, а просто ходячій мѣшокъ, набитый всякими соображеніями, или портфель какого-нибудь очень дѣлового секретаря, въ которомъ купчи были перемѣшаны съ дарственными, возлѣ ввода во владѣніе лежало заемное письмо, а рядомъ съ заемнымъ письмомъ—кредитный билетъ высокаго достоинства. Цѣлый день провелъ Павелъ Павлычъ въ какомъ-то страшномъ волненіи. Когда Ильюшка, исправляющій у Мурашкина три должности, а именно — камердинера, повара и кучера, спросилъ барина: — «Чтожъ, сударь, будете вы сегодня кушать? а то я уберу со стола, — то баринъ отвѣчалъ: погоди! Сейчасъ... только на Смоленскій сбѣгаю, колокольчикъ нужно купить; и самъ точно побѣжалъ, но только не на Смоленскій, а по другому дѣлу. Ильюшка посмотрѣлъ ему въ слѣдъ, махнулъ рукой и убралъ со стола. Подали самоваръ, Павелъ Павлычъ ни съ того, ни съ сего схватилъ канфору и побѣжалъ къ шкафу съ посудой,

отворилъ его, бросилъ канфору на полку и принесъ оттуда вилку, которую Ильюшка, увидавъ у него въ рукахъ безъ всякой надобности, взялъ и отнесъ опять на свое мѣсто. Отпивъ полстакана чаю, Павелъ Павлычъ приказалъ убрать самоваръ, а самъ, измученный, повалился на кожаный диванъ, исполнявшій должность кровати. Тутъ-то пошло настоящее искушеніе: колокольчики, фраки, гвозди, имѣнія, часы, панталоны, мѣдные деньги—все это составило вокругъ него какой-то пестрый хороводъ, прыгало и кричало:—купи меня, я лучше! возьми меня, я новѣй! или—я темный, бери скорѣй, наживешь деньги... даже Смоленскій и Сухаревка, которыхъ онъ на самомъ дѣлѣ никогда не видалъ, и тѣ предстали передъ нимъ, какъ живыя; первый—въ видѣ цыгана въ лохмотьяхъ, съ поднятымъ кулакомъ, а послѣдняя—въ видѣ толстой старухи, непрерывно сбрасывающей съ себя безчисленное множество платьевъ... Тьфу ты! какая бессмыслица, подумалъ Павелъ Павлычъ, а еще старуха... и повернулся къ стѣнѣ, глядитъ, къ нему подходит тетушкинъ кучеръ. Въ одной рукѣ у него пѣтухъ, а въ другой капоръ благотѣльницы: купите, говоритъ, Павелъ Павлычъ, у меня пѣтуха!—На что мнѣ твой пѣтухъ?—Какъ на что? промѣняемся послѣ на капоръ; вѣдь онъ темный, прибавилъ онъ, наклонившись къ уху барина.—Врешь!—Ей-Богу, сударь, темный!—Ну, давай сюда!—Извольте! Пожалуйста сто рублей придачи!—Возьми!—и Мурашкинъ, бросивъ ему сто рублей, взялъ капоръ, глядитъ, а въ капорѣ пѣтухъ... Онъ его выбросилъ... Хотѣлъ примѣрить капоръ на голову, а тамъ опять пѣтухъ... Что за дрянъ! подумалъ Павелъ Павлычъ и схвативъ пѣтуха за голову, размахнулся, чтобы снова выбросить, но въ это время почувствовалъ ужасную боль въ рукѣ; открылъ глаза, передъ нимъ стоялъ Ильюшка и что-то ворчалъ. —Ильюшка! Это ты? спросилъ Павелъ Павлычъ.—Я, сударь.—А гдѣ пѣтухъ?—Не могу знать; должно быть по двору ходить съ курами...—Врешь, дуракъ! Сейчасъ тутъ былъ.—Не могу знать: никакого пѣтуха ни видѣлъ; я уже около часу здѣсь бужу вашу милость; извольте вставать; тетушка просила сказать, что она заболѣть изволила, вчера за обѣдомъ неосторожно покушала... Мурашкинъ протеръ глаза, на дворѣ былъ бѣлый день

и стѣнные часы прошипѣли 9. Э-э! какъ я разоспался, проговорилъ онъ, потягиваясь; ты говоришь, что тетушка заболѣла?—Точно такъ.—Поскорѣй бричку...

Агафоклея Петровна не была знакома съ французской кухней и, вообще, не любила пищи легкой, которая, по словамъ ея, только дразнить аппетитъ, а утолить его никогда не можетъ. Она не гналась также и за тѣмъ, чтобы кушанья, подаваемые ей, были приготовлены по всѣмъ правиламъ поварёнаго искусства и постоянно приказывала только одно, чтобы онѣ были жирны и являлись на столъ въ большомъ количествѣ, и потому приучила себя такъ, что чего не доварить поваръ-Марфушка на таганѣ, то весьма легко и способно переваривалось въ ея собственномъ желудкѣ, безъ малѣйшихъ послѣдствій. Но на этотъ разъ свиной сычугъ, на который она приглашала Павла Павлыча, измѣнилъ хозяйкѣ и измѣнилъ такъ неосторожно, что въ другой разъ ей уже не пришлось его кушать. Агафоклея Петровна еще за пирожнымъ—творогомъ со сливками—почувствовала сильную боль подъ ложечкой; вслѣдствіе чего засѣдатель предложилъ ей, за неимѣніемъ мятныхъ капель, выпить полрюмки очищеннаго съ перцомъ; но лѣкарство это, столь радикальное во всѣхъ болѣзняхъ русскаго человѣка, на этотъ разъ оказалось не дѣйствительнымъ. Агафоклея Петровна легла въ постель, приказавъ поставить самоваръ и сдѣлать себѣ малинки, а засѣдатель обѣщалъ прислать изъ города доктора, потому что у больной внезапно обнаружили всѣ признаки самой сильной холеры, и къ вечеру она уже почувствовала себя такъ дурно, что послала за священникомъ и Павломъ Павлычемъ, наказавъ тому и другому, что пришелъ ей послѣдній конецъ. Дѣйствительно, на другой день Мурашкинъ засталъ свою благодѣтельницу за нѣсколько часовъ до смерти, и она едва успѣла проститься съ нимъ, вручивъ ему 2,263 руб. 47 коп. сер., изъ которыхъ 263 р. 47 к. просила употребить на похороны и вѣчное поминовеніе, а 2,000 р. отданы въ собственное его распоряженіе, вмѣстѣ съ шестью дворами крестьянъ, заключающихъ въ себѣ 31 ревизскую душу. При чемъ убѣдительно просила племянника не покидать своего таланта, наживать деньги и непременно ѣхать

въ Москву; съ тѣмъ и Богу душу отдала. Погоревалъ Павелъ Павлычъ о смерти своей благодѣтельницы, и даже, какъ слѣдуетъ, поплакалъ, когда провожалъ ее въ червивую каморку; а послѣ, какъ водится съ порядочнымъ человѣкомъ, утѣшился, и, распорядившись вкладами по монастырямъ, поѣхалъ въ городъ хлопотать о ввѣдѣ себя во владѣніе имѣніемъ послѣ покойницы.

Когда все пришло въ порядокъ и Мурашкинъ явился помѣщикомъ, почти 60-ти душъ, при томъ съ небольшимъ капиталцемъ, тогда въ тимшинскомъ уѣздѣ пронесся слухъ, что Павелъ Павлычъ собирается въ Москву *попытать счастья*.— Понимаемъ, говорили сосѣди, понимаемъ, что значитъ попытать счастья, жениться захотѣлъ... Посмотримъ, какую-то привезетъ намъ сосѣдку! А добрая Марья Ивановна, наперсница покойницы Агафоклеи Петровны, крестилась и присовокупляла:—дай Богъ ему, дай Богъ! Человѣкъ онъ смирный, хорошій такой! за него всякая пойдетъ!.. Но увы! сосѣди ошибались; не жениться ѣхалъ Павелъ Павлычъ; другая причина, другія надежды манили его въ Бѣлокаменную...

Ровно черезъ три мѣсяца послѣ смерти Агафоклеи Петровны Павелъ Павлычъ писалъ изъ Москвы къ своему сосѣду письмо, слѣдующаго содержанія: «Любезный Иванъ Ивановичъ! Вотъ, я уже пятый день въ Москвѣ, а еще знакомства ни съ кѣмъ не свелъ; брожу, какъ въ лѣсу. Что здѣсь за умный народъ, ты себѣ и вообразить не можешь. Еще на послѣдней станціи передъ Москвою ямщикъ смекнулъ, что я человѣкъ не бывалый и потому предложилъ—отрекомендовать меня въ такую гостиницу, что чудо; и трактиръ, говорить, и баня и магазинъ—все въ одномъ мѣстѣ. Ну, ладно, отвѣчалъ я,—спасибо, и посулилъ ему за это полтинникъ на чай. Ямщикъ ударилъ по лошадамъ и черезъ часъ мы стояли у заставы. Ильюшка побѣждалъ прописывать подорожную, а я сталъ смотрѣть впередъ. Это было ровно въ 8 часовъ вечера, и потому, къ сожалѣнію, я не многое видѣлъ вокругъ себя. Но, вотъ Ильюшка возвратился, вскочилъ на облучокъ, ямщикъ снова ударилъ по лошадамъ и мы въѣхали въ Москву. Тутъ-то, братъ,

пошла исторія, Господи твоя воля!.. Помраченіе, сущее помраченіе!.. Справа дома, и слѣва дома; справа ѣдутъ, и слѣва кричатъ; точно свѣта представленіе какое... И это, изволишь видѣть, здѣсь всякій день такая потѣха; такъ, даже страшно вспомнить, того и гляди, что задавятъ и просить будетъ не на кого, улизнуть, ей Богу улизнуть! Поди, ищи послѣ.... спрашивай, кто задавилъ Павла Павлыча Мурашкина? Да, скажутъ, никто не задавилъ, вотъ и все, ничего не возьмешь; за одного тебя всю Москву подъ уголовный судъ не отдадутъ... Больше часу ѣхалъ я въ этомъ лабиринтѣ, и куда, куда только мы не поворачивали; я думаю, что коренная всѣ бока объоглобли обтерла... Наконецъ выѣхали на площадь, на которой ежедневно горитъ фонарей пятьдесятъ и остановились у пре-большого-большого бѣлаго дома. Вотъ-съ, вамъ, сударь и гостиница, — сказалъ мой услужливый ямщикъ. Я вошелъ. — Пожалуйста, пожалуйста! — повторилъ нѣсколько разъ отставной солдатъ, съ двумя медалями на груди, отворяя стеклянную дверь и указывая на широкую чугунную лѣстницу. Едва я успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ ко мнѣ выскочилъ молодой человѣкъ во фракѣ, завитой, и съ толстою золотою цѣпочкой на жилетѣ. — Въ какую цѣну вамъ желательно занять номеръ? — спросилъ онъ, и при этомъ такъ ловко поклонился, что я не утерпѣлъ, и, остановившись, въ свою очередь снялъ передъ нимъ шапку. Онъ повторилъ вопросъ. — Не беспокойтесь, — отвѣчалъ я, мнѣ все равно, подешевле. Очень хорошо, — прибавилъ онъ, пожалуйста за мной... Здѣсь удивительно деликатные люди. Мы прошли корридоръ, и мой проводникъ отворивъ послѣднюю дверь, на которой написано № 28-й, произнесъ: — Пожалуйста! шесть гривенъ въ сутки, свѣчка и самоваръ, я корридорный и всегда къ вашимъ услугамъ. Такимъ образомъ я очутился въ номерѣ, и между тѣмъ, какъ Ильюшка съ извозчикомъ хлопотали выносить изъ кибитки мои подушки, чемоданы и коробокъ съ кушаньемъ, я, освободившись отъ шубы, фуфайки и прочихъ дорожныхъ принадлежностей, прилежно занялся осмотромъ новаго помѣщенія. Квартира моя состоитъ изъ одной, довольно большой комнаты, перегородженной на три и такимъ образомъ, что изъ нее выходитъ двѣ

нечистыхъ и одна чистая. Всѣ онѣ оклеены обоями, съ изображеніями купидоновъ въ натуральномъ ихъ видѣ, дергающихъ за хвостъ какихъ-то птицъ съ носами, вздернутыми немного кверху. Мебель весьма хорошая: диванъ и стулья точь-въ-точь какъ у нашего исправника, только съ пуговицами, сидѣть на нихъ очень ловко, особенно на одномъ съ ямкой, я и теперь на немъ сижу — безподобно! Кровать и столъ, надо полагать, изъ краснаго дерева, зеркало въ золотой рамѣ, которую немного заплевали, извѣстныя тебѣ, летающія насѣкомыя. Что тебѣ сказать насчетъ замѣчательнаго? Видѣлъ Сухаревку и Смоленскій, только не въ торговые дни; Царь-пушку и Ивана великаго, — ужъ какой онъ большой! Колоколенъ здѣсь, вообще очень много, калачи и витушки, просто объѣденье, а церквей и лавокъ различныхъ не сочтешь. Народъ, кажется, добрый: вчера одинъ баринъ, который живетъ рядомъ со мной, спросилъ, какъ мое здоровье? Должно быть, какой-нибудь лѣкарь... купилъ себѣ платье самаго послѣдняго фасона у нѣмца и шляпу купилъ: въ Москвѣ всякій ходитъ въ шляпѣ и перчаткахъ. Еще скажу тебѣ, что здѣсь ужасно много выходитъ водки; всѣ безпрестанно просятъ на водку, извозчики и коридорные, просто ни за что... Извозчикъ тебя привезетъ, — отдай ему деньги да еще на водку дай; коридорный подмететъ комнату и тому давай; а другой и комнаты не подмететъ, только дверь открыть такъ и жди, что скажетъ: пожалуйста на водку. Здѣсь, вѣроятно, очень много пьютъ, я опасаюсь за Ильюшку, не выдержать каналья, запьетъ, непременно запьетъ, да безъ заднихъ ногъ и свалится... Вчера я гулялъ; ко мнѣ навстрѣчу идетъ мальчишка лѣтъ 13-ти, въ рукахъ у него палка, а на палкѣ паръ 20 сапогъ; вотъ, онъ шелъ, шелъ, поскользнулся да и упалъ, сапоги-то, знаешь, и разлетѣлись по снѣгу; такъ мнѣ его жаль стало, думаю, дѣло подневольное, хозяинъ побьетъ. Давай-ка, говорю я, помогу подобрать, держи палку. Мальчикъ, повидимому, удивился моей услужливости и недо-вѣрчиво поглядывалъ на мою работу... Но представь мое удивленіе: когда сапоги всѣ были подобраны, повѣшены, попрежнему, на палку, прикрыты грязной холстиной, онъ вдругъ обратился ко мнѣ и весело сказалъ: покорно благодарю, су-

дарь, пожалуйста на водку!—За что же?—Да какже-сь, нельзя же? наше дѣло мастеровое... Я бросилъ ему гривенникъ, плюнулъ и пошелъ своей дорогой, невольно размышляя, за что же это онъ взялъ съ меня на водку?.. Но, вотъ, мнѣ принесли ужинъ. Прощай! На этотъ разъ довольно, я же сегодня усталъ, много ходилъ, хочется поскорѣй на боковую. Не забывай, душою преданнаго тебѣ

Павла Мурашкина.

Москва, 6 января 1856 года.

На другой день, утромъ, Павелъ Павлычъ послалъ Илюшку съ письмомъ на главную почту и, приказавъ отдать повѣрнѣе, присовокупилъ:

— Да ты у меня, смотри, не пропади по третевашнему; а то я тебя, знаешь, въ сибирку!

Илюшка на замѣчаніе барина не сказалъ ни слова, только вздохнулъ изъ глубины души и, накинувъ нагольный тулупъ на плечи, понесъ барское письмо на главную почту.

Между тѣмъ Павелъ Павлычъ, оставшись одинъ, прошелся раза два взадъ и впередъ по своей чистой комнатѣ, и сказалъ самому себѣ довольно громко: «пора за дѣло!» подошелъ къ двери, немного отворилъ ее и крикнулъ:

— Коридорный;

— Сейчасъ, сударь, — раздалось съ другого конца корридора, только въ 3-й номеръ умыться подамъ.

Павелъ Павлычъ еще разъ прошелся, потомъ сѣлъ на любимый стулъ съ ямкою и нетерпѣливо посматривалъ на дверь. Черезъ полчаса вошелъ корридорный съ своимъ неизмѣннымъ чего изволите-сь?

— Какъ тебя звать, любезный?—спросилъ Павелъ Павлычъ и, при этомъ, пріятно улыбнулся.

— Николаемъ-сь.

— Послушай, Николаша, знаешь я человѣкъ пріѣзжій, знакомства здѣсь никакого не имѣю, обычаевъ вашихъ не знаю, а хотѣлось бы съ добрыми людьми сойтись, да и дѣлишки кой-какія завести. Человѣкъ такъ созданъ, что безъ дѣла быть ему не годится; праздность, говорятъ, мать пороковъ. Вотъ, ты и простой человѣкъ, а вѣдь служишь, отчасти пользу при-

носишь... Павелъ Павлычъ былъ человѣкъ не безъ лоску и зналъ кому какъ и что сказать.

— Извѣстное дѣло, служу-съ; нужно и барину оброкъ отдать, да и женѣ послать, да и самому одѣться, — отвѣчалъ корридорный.

— Вотъ, то-то же и есть, а тѣмъ паче мнѣ, дворянину, и Богъ велить не шататься попустому одному, а искать людей, съ которыми бы можно было и поговорить, и кой-что поузнать; человѣкъ новый, самъ знаешь. У меня и капиталецъ есть, правда, небольшой, а все дома держать не годится, талантовъ зарывать не приходится... Скажи-ка, гдѣ у васъ тутъ бывають сходбища? а?

— Какія сходбища?

— Ну, знаешь, гдѣ можно чайку напиться, позакусить, потолковать о томъ, о семъ; вѣдь люди сходятся же между собой, не медвѣди какіе.

— Понимаю-съ, понимаю-съ, извѣстное дѣло, не медвѣди.. по большей части въ трактирахъ.

— Гдѣ же? и въ какихъ?

— У Печкина, у Патрикѣева, въ Новотроицкомъ; ну, въ общемъ столѣ, — это тоже Печкина; вотъ тамъ народъ — такъ ужъ все чистый.

Павелъ Павлычъ взялъ карандашъ и записалъ, подчеркнувъ слова: общій столъ.

— И познакомиться тамъ можно?

— Еще-бы... съ деньгами все можно, здѣсь такое заведеніе; а то, если угодно, и театръ есть, и собраніе; только туда по билетамъ пускають. Тамъ всѣ господа бывають.

Павелъ Павлычъ опять записалъ и театръ и собраніе.

— Ну, а еще что у васъ есть? — прибавилъ онъ, обратившись снова къ Николаю.

Николай улыбнулся и, понизивъ голосъ, продолжалъ: — есть и еще мѣста, гдѣ можно съ пріятностью себя позабавить.

— Какія же?

Тутъ корридорный оглядѣлся кругомъ и что-то шепнулъ Павлу Павловичу. Мурашкинъ съ недовольнымъ видомъ отвернулся и произнесъ громко: — что это ты говоришь, Николаша? Плюнуть хочется... Нѣтъ, я туда не пойду! Не хорошо.

Дворянину не слѣдъ туда ходить... вотъ, въ собраніе, въ театръ—дѣло другое, а туда, какъ можно? Ей-Богу, не пойду!...

— Какъ будетъ угодно; я вѣдь только сказалъ,—извините-съ.

— Ничего, ничего!... вотъ тебѣ на чай, а послѣ еще дамъ,—и Павелъ Павлычъ сунулъ ему четвертакъ.

— Благодарю покорно, много доволенъ-съ.

— Коридорной, коридорной!—раздалось, за дверью.

— Сейчасъ, сударь! Извините, зовутъ,—сказалъ Николай и выбѣжалъ изъ комнаты.

Когда корридорный исчезъ, хлопнувъ за собою дверью, Павелъ Павлычъ задумался съ чего начать? Думалъ онъ, пересчитывая, записанныя на бумажкѣ, московскія удовольствія. Пойти къ Печкину,—нужно одѣваться, а Ильюшка еще и сапоговъ не вычистилъ, да и Богъ знаетъ, когда онъ вернется; ѣхать въ театръ—не извѣстно, что тамъ представляютъ... можетъ-быть завтра будетъ лучше, а тѣмъ временемъ можно узнать; въ собраніе, въ самомъ-дѣлѣ, въ собраніе! Покойница тетушка,—дай Богъ ей царство небесное!—говаривала, что въ собраніе ѣздить часовъ въ 10 вечера, а къ тому времени авось Ильюшка подойдетъ... Мерзавецъ, сказалъ онъ громко и, высунувшись за дверь, приказалъ подавать обѣдъ. Въ силу неизмѣннаго закона на Руси, русскій человѣкъ почти никогда не обходится безъ послѣ обѣденнаго отдыха; а потому Павелъ Павлычъ, покушавъ исправно и заложивъ дверь на крючокъ, что обыкновенно дѣлалъ на всякій случай, прилегъ и заснулъ сномъ праведника.

Въ коридорѣ давно уже зажгли двѣ лампы, изъ которыхъ одна успѣла пустить отъ себя такой запахъ, что новопріѣзжая барыня, дойдя до половины коридора, объявила рѣшительно, что съ ея слабой головой здѣсь умереть можно, и потому, возвратившись въ возокъ, приказала ѣхать на какое-то подворье. Поваренокъ, прибѣжавшій изъ кухни за посудой, сидя у буфета, давно ужъ щелкалъ картами по носу чьего-то человека съ бакенбардами и не бритой бородой; при чемъ тотъ дѣлалъ такія ужимки, что проходившій въ это время изъ номера, никѣмъ еще не занятого, сбитенщикъ не утерпѣлъ, чтобы не сказать:—экъ его сердечнаго ломаетъ! Между-тѣмъ

господинъ изъ 18-№ неистово кричалъ въ полуотворенную дверь и требовалъ немедленно самовара, грозя переѣхать тотчасъ же къ Шору, и выхваляя порядокъ всѣхъ гостиницъ, исключая той, въ которой имѣлъ несчастье находиться. На что знакомый намъ Николай, вытирая въ буфетѣ стаканы, съ достоинствомъ замѣчалъ:—не горячись, не горячись, любезный, подождешь; есть и почище тебя... не испугаешь; даромъ держать никто не будетъ... въ два мѣсяца только три трехрублевыхъ отдалъ, да двугривенный, а на водку-то на далъ ничего; прежде расплатись, да тогда и убирайся къ своему Шору... Еще хозяинъ-то человѣкъ богобоязливый; другой на его мѣстѣ давно бы на казенную квартиру отправилъ—къ Иверскимъ...

Давно дѣятельность гостиницы возобновилась послѣ двух-часового отдыха ея обитателей, а въ 21 № была тьма и царствовала глубокая тишина. Я говорю тишина, потому-что Павелъ Павлычъ еще спалъ; а спалъ Павелъ Павлычъ всегда очень тихо; онъ не имѣлъ столь предосудительнаго обыкновенія храпѣть, и если позволялъ себѣ во снѣ и то изрѣдка, такъ это единственную вещь—присвистнуть носомъ, при поворотѣ самого себя съ одного бока на другой, но и этотъ невинный звукъ почиталъ какъ бы неумѣстнымъ, потому что всегда тотчасъ же просыпался, и, крестясь, робко произносилъ: никакъ это я свистнулъ. Но вотъ пробило 7 часовъ и съ послѣднимъ ударомъ разбитаго колокольчика въ часахъ Павелъ Павлычъ, отворивъ дверь изъ своего номера, крикнулъ: Ильюшка!—Онъ еще не бывалъ, отвѣтилъ Николай; самоваръ и свѣчку я сейчасъ подамъ-съ. Въ это время въ стеклянныхъ дверяхъ коридора показалась фигура Ильюшки, съ не совсѣмъ вѣрною поступью, но, завидя барина, онъ тотчасъ же сдернулъ съ головы своей шапку,—таковъ ужъ русскій человѣкъ; онъ всячески оскорбить барина, но никогда не позволить себѣ оставаться предъ нимъ въ шапкѣ. Стараясь казаться какъ можно бодрѣе, Ильюшка подошелъ къ Павлу Павловичу и сказалъ довольно твердо:—отнесъ-съ!

Баринъ посмотрѣлъ на него, съ состраданіемъ покачалъ головой и не сказалъ ни слова. Павелъ Павлычъ былъ нрава кроткаго и всегда старался умѣрить свой гнѣвъ. Оба вошли въ номеръ.

Николай подалъ свѣчку и самоваръ—Ну! сказалъ, вздохнувъ Павелъ Павлычъ, обращаясь къ Ильюшкѣ:—гдѣ же это ты пропадалъ?

— По вашему приказанію на почту ходилъ-съ.

— А оттуда?

— Возвратился обратно къ вашей милости.

— А знаешь ли, сколько времени ты ходилъ? а?

— Не могу знать-съ.

— Девять часовъ.

— Слушаю-съ.

— Не слушаю-съ, а тебя спрашиваютъ: отчего ты такъ долго ходилъ?

— Должно быть оттого, что далеко-съ.

— А пьянь отчего?

— Не могу знать отчего; я, кажется, сегодня и не обѣдалъ, извольте спросить.

— Кого?

— Да вотъ-съ Максимку, вольноотпущеннаго покойницы тетушки Агафоклеи Петровны; онъ здѣсь проживаетъ въ трактирѣ, въ половыхъ... какъ обрадовался... вѣдь онъ мнѣ кумъ, извольте знать; зазвалъ къ себѣ, да чайкомъ попоилъ. Такой славный,—извольте спросить у него.

— А водку пилъ?

— Грѣшенъ, два стаканчика пропустилъ; нельзя же отказать, человѣкъ-то онъ хорошій, ну, и закуски разной поставилъ, а я и позабавился... Простите, сударь! вѣдь у нашего брата, лакея, сами извольте знать, никакого удовольствія... Ваше дѣло господское,—туда пошли, туда поѣхали, разные знакомства; а мы люди подвластные, рѣдко придется потѣшиться, а потѣшился, такъ того и гляди, что канфузъ получишь,—вотъ, оно что-съ,—прибавилъ Ильюшка, и при этомъ такъ умильно взглянулъ на своего господина, что еслибъ Павелъ Павлычъ въ это время не отвернулся, то вѣрно бы прослезился. Но если Павелъ Павлычъ и не прослезился, зато онъ рассудилъ такъ: въ самомъ дѣлѣ, думалъ онъ; нельзя же и этимъ людямъ не имѣть своего профанту, вѣдь они также созданы, какъ и мы, грѣшныя, по образу и по подобію Божію... Вотъ, напримѣръ,

я сегодня поѣду въ собраніе, завтра въ театръ, а тамъ еще куда-нибудь, а Ильюшка туда не поѣдетъ, его туда не пустятъ, ну, да, впрочемъ, онъ и самъ не захочетъ, что ему тамъ дѣлать? Онъ лучше выпьетъ рюмку водки съ Максимкой, чѣмъ поѣдетъ въ собраніе... Отчего же ему и не выпить водки? отчего же его и не простить, когда онъ выпьетъ? Послѣ такого разсужденія, Павелъ Павлычъ уже рѣшительно не сердился на своего Ильюшку и даже, кончивъ пить чай, ласково сказалъ ему:—убирай самоваръ, да пей самъ; я сегодня заварилъ цвѣточнаго, а какъ кончишь, такъ приготовь мнѣ одѣваться. Нѣмецкую пару, шляпу и перчатки; я сегодня ѣду въ собраніе... Ты понимаешь ли, дуракъ, что значитъ собраніе?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— То-то же.

Въ этотъ день въ благородномъ собраніи былъ большой маскарадъ; даже залы нѣмецкаго клуба были открыты для гг. посѣтителей. Два хора музыки и хоръ цыганъ, почти не умолкая, оглашали великолѣпно освѣщенную залу. Павелъ Павлычъ въ своей нѣмецкой парѣ, бѣлыхъ перчаткахъ и со шляпой въ рукахъ, пріѣхавъ довольно рано, робко обошелъ почти всѣ залы; подивился, какъ можетъ держаться такой длинный и широкій потолокъ безъ подпорокъ; полюбовался фонтаномъ и цвѣтами; потомъ попробовалъ было посчитать въ одной изъ люстръ свѣчи, чтобы послѣ смекнуть, сколько во всѣхъ, но какой-то баринъ съ маской его толкнулъ, попросивъ, разумѣется, извиненія, и Павелъ Павлычъ, сбившись со счета на 55 свѣчкѣ, не разсудилъ начинать свою трудную работу снова, а потому и помѣстился на скамеечку за баллюстрадой скромнымъ наблюдателемъ. Просидѣвъ такимъ образомъ съ часъ, онъ зѣвнулъ; между тѣмъ маски и кавалеры цѣлыми толпами наполняли залу. У Павла Павлычу зарябило въ глазахъ и онъ опять зѣвнулъ.— Князь! пойдѣмъ выпить водки, да покурить, — раздалось надъ ухомъ Павла Павлыча. Онъ обернулся. Два барина взялись подъ руки и пошли, изъ которыхъ одинъ отвѣчалъ:—очень радъ! пойдѣмъ. Павелъ Павлычъ послѣдовалъ за ними; это дѣло хорошее, — подумалъ онъ, а мнѣ давно затянуться хочется. А кстати, нельзя ли будетъ тамъ съ кѣмъ-нибудь и познакомиться.

Когда Павелъ Павлычъ вошелъ въ залу, гдѣ курятъ, то предварительно три раза чихнулъ; потомъ поперхнулся, кашлянулъ, наступилъ кому-то на ногу и съ трудомъ могъ разглядѣть окружающіе его предметы. Э-э! да и здѣсь зала-то порядочная, — замѣтилъ онъ, только ужъ черезчуръ накурили. — Фу ты, Господи! какой дымъ, — прибавилъ онъ, и спросилъ себѣ трубку; но вмѣсто трубки ему подали папиросу, которую онъ закурилъ, не сказавъ, впрочемъ, ни слова. Въ это время двѣ маски подошли къ буфету и выпили по маленькому стаканчику какого-то вина, а кавалеръ, провожавшій ихъ, заплатилъ деньги. Это обстоятельство, повидимому, столь обыкновенное, поразило Павла Павлыча, и онъ не утерпѣлъ, чтобы не спросить у человѣка, который подавалъ ему папиросу: — любезный! кто эти барыни, что сейчасъ по хересамъ прохаживались?

— Не могу знать, — отвѣчалъ человѣкъ улыбаясь.

— Нѣтъ, пожалуйста, скажи!

— Ей Богу, не могу знать-съ; кто жъ ихъ разберетъ подъ масками? — Надо полагать, какія-нибудь барышни-съ.

Я правду писалъ Максимушкѣ, что здѣсь большой расходъ на водку, и барышни - то пьютъ, — такъ думалъ Павелъ Павлычъ, спускаясь по лѣстницѣ въ большую залу, располагая обойти ее еще разъ, да и уѣхать домой, потерявъ надежду съ кѣмъ-нибудь познакомиться. У Печкина, я думаю, это будетъ поудобнѣе, а здѣсь всѣ заняты своимъ дѣломъ. Но едва онъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ маленькая ручка въ черной лайковой перчаткѣ, схатила его подъ руку и пропищала надъ самымъ ухомъ: — что ты все одинъ ходишь? тебѣ скучно? пойдѣмъ со мной... Павелъ Павлычъ присѣлъ и въ эту минуту былъ весьма похожъ на пуделя, облитаго водою... Простите!.. извините, сударыня... я не зналъ... кто вы?..

— Такъ ты меня не знаешь? — продолжала маска; — что-жъ ты остановился? Пойдемъ!

Павелъ Павлычъ тронулся съ мѣста. — Честное слово, не знаю... право... можетъ-быть вы...

— А я тебя знаю. Ты пріѣзжій и стоишь въ гостиницѣ: въ маскарадѣ въ первый разъ... Что, угадала?

Точно такъ - съ, совершенно справедливо... Но позвольте узнать, кто вы?

— Ну, а какъ бы ты думалъ, кто?

— Павелъ Павлычъ осмотрѣлъ маску съ ногъ до головы, нотомъ съ головы до ногъ и отвѣчалъ, запинаясь, — вы... вы... кажется, Олимпіада Ивановна, наша городничиха?

Маска захохотала отъ души. Въ это время подошла къ нимъ другая, которой первая незамедлила передать разговоръ свой съ Павломъ Павлычемъ и обѣ долго смѣялись. Потомъ, шепнувъ что-то одна другой, предложили ему выпить шампанскаго. Пойдемъ, — говорила вторая маска, вѣдь и я тебя тоже знаю, я ваша исправница. Павелъ Павлычъ былъ рѣшительно въ затрудненіи. Теперь онъ ясно видѣлъ, что его обманываютъ; онъ твердо зналъ, что исправникъ ихъ никогда не былъ женатъ, а городничиха, кромѣ сантуринскаго, никакого вина не пила, между-тѣмъ какъ эти дамы приглашали его пить шампанское. Впрочемъ, отчего же и не согласиться, — разсуждалъ онъ; отъ шампанскаго никто не отказывается, особенно на чужой счетъ, при томъ, интересно узнать: кто эти дамы, а дамы эти должны быть хорошенькія. Такимъ образомъ Павелъ Павлычъ повиновался влеченію милыхъ проказницъ, крѣпко державшихъ его за руки, и даже почувствовалъ въ это время что-то такое, очень-очень пріятное. Черезъ нѣсколько минутъ онъ бесѣдовалъ съ ними въ углу боковой залы, передъ маленькимъ круглымъ столикомъ, на которомъ стояла пустая бутылка и три стакана съ шампанскимъ, налитые уже по другому разу. Павелъ Павлычъ сдѣлался разговорчивѣе и менѣе конфузился, даже позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, какъ напримѣръ: что въ собраніи было очень много народа, что въ залѣ, гдѣ курятъ, такъ дымно, что глаза ѣсть и проч. въ этомъ родѣ. Маски безпрестанно болтали, большею частью между собой, на языкѣ ему вовсе непонятномъ, смѣялись, и, повидимому, остались очень довольны своимъ собесѣдникомъ. По неотступной просьбѣ Павла Павлыча они, наконецъ, рѣшились назвать ему свои фамиліи, подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ никому не говорить, но обѣщаніе это было совершенно излишнимъ; онъ и безъ того никому бы не сказалъ, потому что фамиліи были до

такой степени мудреная, а языкъ Павла Павлыча былъ такой упрямый, что низачто не согласился бы ломать себя для какой-нибудь фамиліи.

— Вели, пожалуйста, подать маленькую тарелочку конфетъ, только фруктовыхъ; у меня есть сестра, она здѣсь на хорахъ и я ей обѣщала гостинца,—сказала одна изъ масокъ, обращаясь къ Павлу Павлычу.

Павелъ Павлычъ тотчасъ же приказалъ стоявшему передъ нимъ человѣку подать конфетъ. Конфекты были принесены и съ стекляннаго блюда немедленно перешли въ бѣлый батистовый платокъ маски. Теперь,—продолжала она,—ты посиди тутъ, а мы сходимъ на хоры и отдадимъ конфеты. Да что же ты не допиваешь твоего стакана, посмотри, вѣдь мы свои; кончили. Прощай! Не сходи же съ этого мѣста,—шепнула маска,—мы сейчасъ вернемся, и обѣ, засмѣявшись, скрылись въ толпѣ. Долго Павелъ Павлычъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и съ нетерпѣніемъ посматривалъ кругомъ, удивлялся странному заведенію говорить въ собраніи другъ другу—ты. Наконецъ, маски стали замѣтно рѣдѣть; большая зала совсѣмъ опустѣла и служитель во фракѣ и съ длиннымъ шестомъ въ рукахъ уже пробирался гасить свѣчи. Павелъ Павлычъ все сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, и человѣкъ съ мѣднымъ значкомъ на груди неотступно вертѣлся передъ нимъ. — Нѣтъ, видно, что-нибудь задержало на на хорахъ; нейдутъ; надо пойти поискать; я замѣтилъ у одной розовый бантъ на головѣ... Такъ думалъ Павелъ Павлычъ и, застегнувъ фракъ готовился покинуть свой постъ. Человѣкъ съ мѣднымъ значкомъ на груди, смекнувъ намѣреніе Павла Павлыча удалиться, тотчасъ приблизился къ нему и наклонивъ немного голову, что придавало ему видъ субъекта весьма вѣжливаго и съ улыбкой, свойственной только человѣку пріятному, остановилъ Павла Павлыча на мѣстѣ словами довольно дѣльными: — Съ васъ, сударь, слѣдуетъ получить за бутылку и конфеты; всего пять рублей восемь гривенъ, да на чаекъ, что пожалуете. На лицѣ Павла Павлыча выразилось удивленіе и онъ тотчасъ же представилъ изъ себя букву ф, что обыкновенно, дѣлалъ передъ своимъ старостой, когда тотъ докладывалъ, что кому-нибудь изъ мужиковъ ихъ деревни нужно

купить лошадь. Но замѣтя такую фигуру барина, староста прибавлялъ:—оно, сударь, можно и не покупать лошади, что ихъ баловать... Павелъ Павлычъ и теперь ожидалъ, что ему скажутъ:—оно, сударь, можно и не платить, или что-нибудь въ этомъ родѣ; но вѣжливый человѣкъ, сдѣлавъ улыбку еще пріятнѣе, повторилъ о слѣдующемъ съ Павла Павлыча полученіи. Тогда Павелъ Павлычъ опустилъ руки и, переставъ изображать собою букву *ф*, вошелъ въ разсужденія.—Послушай, любезный,—говорилъ онъ; —развѣ здѣсь такое обыкновеніе, что платить тотъ, кого угощаютъ; я вовсе не хотѣлъ пить вашего шампанскаго. Меня позвали барыни; ну, думаю, отчего же не выпить, а конфеты — самъ видѣлъ, какъ одна изъ нихъ положила ихъ себѣ въ карманъ, я даже ни одной не попробовалъ, да и терпѣть не могу ничего сладкаго, отъ сладкаго зубы болятъ. Павелъ Павлычъ кончилъ, весьма довольный представленными со своей стороны резонами и снова намѣренъ былъ удалиться, но снова былъ остановленъ.

— Позвольте, сударь,—продолжалъ человѣкъ. — Вы совершенно справедливо изволите говорить, а 5 р. 80 коп. все-таки слѣдуетъ съ васъ получить.

— Опять съ меня! Тебѣ говорятъ, что не съ меня, а съ нихъ, они меня угощали, они и конфеты взяли съ собой.

— Что вы? Помилуйте! гдѣ же мнѣ ихъ искать? Они давно уѣхали.

— Нѣтъ, не уѣхали, а на хорахъ.

— Да на хорахъ нѣтъ ни души; тамъ и люстры погашены.

— Ну, такъ какъ же быть, я то чѣмъ же виноватъ.

— Извольте заплатить.

— Я развѣ обязанъ платить за другихъ.

— Вы спрашивали, вы и заплатите. У насъ такой порядокъ; а имъ гдѣ взять, у нихъ и гроша-то, чай, за душой нѣтъ; это вамъ въ диковинку, а ужъ мы-то ихъ знаемъ... какія-нибудь... только говорить не хочется... шаромыжницы.

Видя, что ласки и убѣжденія его не дѣйствительны, Павелъ Павлычъ рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству. Онъ объявилъ рѣшительно, что гроша платить не будетъ, потому что не за что.—Въ такомъ случаѣ; сударь, извините, — замѣ-

тилъ человѣкъ, попрежнему, весьма деликатно, — въ такомъ случаѣ я доложу старшинѣ и васъ задержать. Павла Павлыча никогда и никто не задерживалъ, и онъ ужасно боялся всѣхъ возможныхъ задержекъ не только въ Москвѣ, гдѣ его никто не зналъ, и могли бы принять Богъ знаетъ за кого, но даже въ своемъ уѣздномъ городѣ, гдѣ знали его всѣ до послѣдняго будочника. И тамъ никогда не рѣшался безъ особенной нужды проходить мимо полиціи, и по этому случаю всегда дѣлалъ большой крюкъ, лишь бы миновать то мѣсто, которое имѣетъ право задерживать добрыхъ людей. Послѣ этого можете судить, какое вліяніе должны были сдѣлать на него слова: «васъ задержать». Въ довершеніе непріятнаго положенія Павла Павлыча, въ это время проходилъ мимо дежурный частный приставъ, вѣроятно, поужинать и такъ посмотрѣлъ на него. что какъ будто хотѣлъ сказать: вотъ, я васъ сейчасъ задержу... Невольно правая рукъ Мурашкина очутилась въ карманѣ, и онъ безсознательно вынулъ свой красный сафьяный бумажникъ, купленный имъ у того самаго жида, которому была продана мука.

— Послушай,—сказалъ онъ,—обращаясь къ лакею,—я отдамъ 5 р. 80 коп., мнѣ это ничего не стоитъ; я отдамъ, но только смотри, это въ послѣдній разъ. Знай напередъ, что я за другихъ не плательщикъ.

— И охота была вамъ, сударь, съ ними связываться, — говорилъ человѣкъ, считая деньги; — они хоть кого... Тутъ только 5 р. 80 коп., сударь,—прибавилъ онъ, лукаво улыбаясь.

— Ну, а сколько же тебѣ?

— А на чаекъ-то обѣщали.

— За что?

— Какъ же-съ; ужъ такъ слѣдуетъ, — вѣдь вы обѣщали.

Павелъ Павлычъ бросилъ какую-то монетку, и не оглядываясь пустился въ сѣни, думая вотъ тебѣ и угостили... на чужой счетъ, да на свои деньги. Впрочемъ, если разобрать дѣло, оно такъ и выходитъ,—за что же имъ меня угощать? А съ другой стороны, мнѣ-то ихъ за что угощать; тоже не за что? Не понимаю, за что же, рѣшительно не понимаю здѣшняго обыкновенія.

Между тѣмъ лакей, получивъ отъ Павла Павлыча деньги, и отсчитавъ изъ нихъ гривень шесть въ свою собственную пользу, думалъ: какой этотъ баринъ чудной! видно провинціальный, не здѣшній, здѣшніе-то ужъ все знаютъ, весь порядокъ.

— Вашъ номерокъ?—спросилъ сберегатель шубъ, когда Павелъ Павлычъ требовалъ у него свою, чтобы отправиться домой.

— Какой номерокъ? — спросилъ въ свою очередь Павелъ Павлычъ.

— А марочку, что изволили получить при отдачѣ шубы—давича-съ.

— Ахъ, да. Помню, сейчасъ... И Павелъ Павлычъ немедленно отправилъ лѣвую руку въ лѣвый карманъ, а правую—въ правый своихъ панталонъ, но обѣ онѣ возвратились оттуда не найдя ничего; тогда онъ послалъ ихъ во фракъ, но и тамъ, кромѣ шелковаго платка, ничего не оказалось... Потерялъ, ей-Богу потерялъ; какъ-нибудь вытряхнулъ; такъ и есть—нигдѣ нѣтъ! Павелъ Павлычъ испугался.—Я обронилъ вашъ номерокъ, виновать; ну да все равно, отдайте такъ.

— Помилуйте, какъ же можно, намъ неизвѣстно, которая ваша, отвѣчалъ неумолимый хранитель шубъ.

— Какъ быть! нельзя же мнѣ идти такъ, безъ шубы я могу простудиться... Пожалуйста, отдайте! Моя шуба енотовая, крытая сѣрымъ сукномъ, и капишонъ немного оторванъ...

— Все равно-съ; здѣсь еще шубъ 20 осталось и мы не можемъ знать, которая ваша.

Вотъ тебѣ разъ! думалъ Павелъ Павлычъ. Только этого не доставало, чтобы безъ шубы остаться. Какъ же мнѣ быть?—продолжалъ онъ умоляющимъ голосомъ.

— Извольте подождать, когда всѣ разъѣдутся, вашу шубу никто не возьметъ.

— А долго дожидаться?

— Нѣтъ, теперь скоро уже 4-й часъ; какихъ, можетъ-быть, полчасика.

— Экой какой глупый порядокъ, думалъ Павелъ Павлычъ; спать хочется, а тутъ жди. Дѣлать нечего и подождешь, а безъ шубы не поѣдешь. Да и здѣсь-то постоять, такъ проберетъ.

— Это не ваша ли шуба? Вотъ, и капишонъ немного оторванъ, спросилъ, наконецъ, сберегатель, обращаясь къ Павлу Павлычу.

— Павелъ Павлычъ обернулся. Моя, моя! закричалъ онъ, схвативъ шубу. Если бы благодѣтельница тетушка Агафоклея Петровна пришла съ того свѣта, то Павелъ Павлычъ вѣрно бы такъ не обрадовался ей, какъ найденной шубѣ. Накинувъ ее кой-какъ на плечи, сверхъ обыкновенія носить въ рукава, онъ, усталый, прозябшій и съ головной болью, безъ ряды вскочилъ въ сани перваго попавшагося извозчика и приказалъ ѣхать скорѣе, проклиная и себя, и собраніе.

Въ эту ночь Павелъ Павлычъ видѣлъ во снѣ очень много чертей и большихъ, и маленькихъ, и потому, проснувшись во 2-мъ часу пополудни, чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ и цѣлый день, къ неудовольствію Ильюшки, оставался дома, и нѣсколько разъ дѣлалъ ему разные поученія.

Былъ адмиральскій часъ, т. е. часъ, въ который всѣ пьющіе водку условились между собою пить ее и закусывать; однимъ словомъ—было двѣнадцать часовъ, первый утра. Этотъ часъ отличается отъ прочихъ тѣмъ, что около него пьющему водку человѣку какъ будто чего-то не достаетъ, а впрочемъ ничѣмъ не разнится отъ другихъ часовъ. Итакъ, повторяю, было 12 часовъ—первый, когда Павелъ Павлычъ вошелъ къ Печкину. Проворный малый, въ бѣлой канифасной рубашкѣ, съ вышитымъ воротомъ и такого же цвѣта фартукомъ, встрѣтилъ гостя, перекинувъ полотенце черезъ плечо, снялъ съ него шубу и, указавъ мѣсто, спросилъ скороговоркой:—чѣмъ прикажете просить? накрывая, между тѣмъ, чистую салфетку на скатерть.

— Дай мнѣ обѣдать, любезный.

— Въ какую цѣну прикажете? Вотъ прейсъ-курантъ.

Павелъ Павлычъ выбралъ въ шесть гривенъ.

Малый удалился.

Въ комнатѣ, въ которой помѣстился Павелъ Павлычъ, было еще три стола, изъ которыхъ одинъ оставался никѣмъ не занятъ; почему перечница, солонка и полоскательная чашка, никогда съ него не снимаемая, повидимому, съ завистью посма-

тривали на своихъ товарищей, стоявшихъ передъ гостями. За другимъ, почти рядомъ съ Павломъ Павлычемъ, сидѣлъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, купецъ не купецъ, мѣщанинъ не мѣщанинъ, Богъ его знаетъ, что такое; просто какая то чуйка; передъ нимъ стояло два чайника и онъ допивалъ третью пару, употребляя ежеминутно въ дѣло свой пестрый бумажный платокъ, которымъ вытиралъ себѣ лобъ, носъ бороду и даже подбородокъ. За третьимъ сидѣло человѣкъ шесть, изъ которыхъ одинъ лежалъ, не потому, чтобы онъ ужъ не могъ сидѣть, а потому, что лежачее положеніе находилъ гораздо покойнѣе, и, наконецъ, потому, что ему такъ нравилось. Собесѣдниками были: студентъ, декламировавшій стихи изъ Эдипа въ Афинахъ; офицеръ, рассказывавшій какой-то занимательный случай про своего батальоннаго командира; господинъ во фракѣ, ничего не рассказывавшій, но зато весьма много курившій; молодой человѣкъ, горячо спорившій съ другимъ, не старымъ человекомъ, о томъ, что Александръ Македонскій дѣйствительно былъ Александръ Македонскій, а не какой-нибудь миѳъ; господинъ, лежавшій на диванѣ, называлъ товарищей своихъ не иначе, какъ Коля, Саша и Ваня. Столъ, передъ которымъ они сидѣли, былъ уставленъ посудой и кушаньями самыми разнородными: тутъ было и блюдо съ остатками винегрета, и чайники, и бутылки, и стаканъ съ недопитымъ глинтвейномъ; рыбное лежало вмѣстѣ съ остаткомъ поросенка подъ хрѣномъ, а рябчикъ плавалъ въ тарелкѣ съ зелеными щами. Словомъ, взглянувъ на все это, сейчасъ можно было догадаться, что у всякаго изъ собесѣдниковъ былъ свой особенный вкусъ.

— Ну, господа; кому угодно со мной на белендрясѣ, — сказалъ господинъ, находившійся въ лежачемъ положеніи.

— Я, ваше сіятельство, я, — раздалось нѣсколько голосовъ вдругъ.

— Постойте, кто-нибудь одинъ; нельзя же всѣмъ.

— Дадите, князь, 30 впередъ, — замѣтилъ студентъ, — такъ я сыграю, а то нѣтъ, слуга покорный.

— Впередъ ничего, — замѣтилъ князь, вставая и потягиваясь.

— Пойдемте со мной, — произнесъ самонадѣянно офицеръ.

— Съ кѣмъ? Съ тобой? Ну, пойдемъ, на бутылочку, что ли?

— Пожалуй.

— Ай-да Саша! вотъ люблю, идемъ,—и все общество послѣдовало въ бильярдную.

Въ князѣ Павелѣ Павлычѣ узналъ того самого господина, котораго онъ видѣлъ въ собраніи и за которымъ отправился покурить. Такъ здѣсь и бильярдъ есть?—спросилъ онъ у полового, который подавалъ ему жаркое.

— Какже-съ, есть; была и машина, всякія авертюры играла, да вышло запрещеніе отъ начальства, такъ хозяинъ и продалъ ее, ни за что пошла; убытки большіе понесъ; можно сказать—даромъ отдалъ.

Въ это время въ комнату вошло новое лицо: высокій, плечистый дѣтина, лѣтъ 30-ти, съ рыжими, довольно рѣдкими волосами, оловянные глаза его почти не мигали, а искривившійся немного на сторону ротъ изображалъ улыбку. На немъ были нанковые панталоны и длинный казинетовый сюртукъ, застегнутый до верху, что придавало владѣльцу его видъ степеннаго человѣка, и этому не мѣшали даже двѣ заплаты: одна на спинѣ, пониже лопатки, а другая, возлѣ самого обшлага, на лѣвомъ рукавѣ, — заплаты, сдѣланныя изъ совершенно новой матеріи того же казинетоваго достоинства. Въ рукахъ онъ держалъ теплый суконный картузь, съ козырькомъ на военный манеръ. Войдя въ двери, казинетовый сюртукъ быстро окинулъ комнату своими оловянными глазами и, завидя чуйку, съ видимымъ почтеніемъ приблизился къ ней, протянувъ свою красную, толстую руку, которая скорѣй бы могла служить воротомъ для поднятія какой-нибудь тяжести, нежели для того, чтобы брать за руки другихъ. Несмотря на это, чуйка молча подала ему свою, кивнувъ головой на пустой стулъ, стоявшій рядомъ.

— Чайкомъ занимались?—сказалъ казинетовый сюртукъ, сядя на указанное мѣсто.

— Да, отъ нечего дѣлать,—отвѣчала чуйка;—не хочешь ли чашечку. И, не дожидая отвѣта, онъ постучалъ крышкой чайника о полоскательную чашку. На этотъ звукъ половиой, стоявшій возлѣ, наклонилъ голову и лѣвымъ ухомъ чуть-чуть не задѣлъ чуйку по носу.—Подай еще чашечку, да кипяточку подлей,—произнесла чуйка.

— Благодаримъ покорно; сейчасъ только пили, — отозвался казинетовой сюртукъ.

— Не бѣда, не хмельное. Ну что?—Есть ли деньжонки?

— Благодаря Бога, есть, только небольшія. Одно-то дѣльце, правда, и порядочное бы было, да какъ-то съ рукъ нейдетъ.

— Какое?

— Одинъ господинъ просилъ продать имѣннице тысячъ въ 15 серебромъ, и благодарность посулилъ изрядную; оно бы было изъ чего и хлопотать, да охотника нѣтъ.

— Такъ. Ну, а, помнишь, тѣ вещицы-то сбылъ, что ли?

— Какія?

— Ну да тамъ часы, серьги, полотно, еще что-то ты показывалъ...

— Нешто! давно-съ; еще передъ Филипповками.

— И барыша влязъ?

— Да еще какого! и не чаялъ... Подскочилъ какой-то городской, мы съ нимъ предварительно выпили прилично, — онъ и сторговалъ у меня огуломъ.

— На чистые?

— Какъ есть на чистые; ужъ такая выпала лафа.

— Не то что лафа, — а выждалъ время, на охотника значить напалъ, — замѣтила лукаво чуйка.

— Безъ этого нельзя, — дѣло торговое: знай когда купить, когда продать, да и кому что показать.

— Правда, правда. На что по нашей части, по книжной, кажется, дѣло явственное, честное; всякій самъ можетъ оцѣнить вещь, такъ нѣтъ, — также разбирай покупателя. Одинъ говоритъ просто: мнѣ нужно ариѣметику, ну, ужъ сейчасъ и понимаешь, что за гусь, такую и подаешь; знаешь... при этомъ чуйка сдѣлала знакъ рукой, какъ будто выдираетъ изъ книги листъ; ну, а другой спросить ту же ариѣметику, только другимъ манеромъ; — смотри, скажетъ, чтобы въ ней было и сложеніе, и вычитаніе, и другія правила; — тутъ ужъ опять понимаешь, что за человѣкъ, и подаешь ему другую, у которой только заглавный листокъ помаранъ, значить, что была казенная, и запрашиваешь поменьше.

— Совершенно такъ; дѣло понятно, — вся сила въ покупа-

телѣ. А что позвольте спросить, вы еще не продали толстую-то книгу; романъ что ли какой, безъ середины-то?

— Да! Ну вотъ тебѣ: онъ у меня года полтора валялся, нейдетъ съ рукъ, хоть ты что хочешь. Кто ни взглянетъ: заглавіе-то, говоритъ, славное, да и сочинитель недюжинный; начнетъ перелистывать,—все хорошо, торгуется; а какъ доберется до 105 страницы, да увидить, что за ней слѣдуетъ 316,—такъ и бросить; жаль, скажетъ, книга хорошая, да не вся,—и проч. и проч. Что дѣлать? Я и придумалъ... Была у меня общая географія, точь въ точь, какъ этотъ проклятый романъ, и форматомъ и бумагой; я взялъ нужное то количество страницъ изъ нея и вырвалъ да и переплелъ въ романъ; три четвертака за одинъ переплетъ далъ. Что-жъ бы ты думалъ? и недѣли не прошло, какъ сбылъ какой-то пріѣзжей барынѣ; у ней, видишь, тамъ дочки есть въ деревнѣ, такъ имъ читать.

— И хорошее дѣло-съ; поступили безвредно.

— А вотъ я тебѣ скажу: у меня пріятель былъ изъ Охотнаго, Тарасычъ, тотъ еще лучше сдѣлалъ. Была здѣсь какая-то княгиня, страшная охотница до болонокъ; у ней штукъ 20 было разнаго сорту—цѣлый комплектъ, вдругъ одна и потрадилась, то есть, просто сказать, собаки 'загрызли. Объ этомъ дѣлѣ узнала княгиня, и согнала компаньонку съ такимъ аттестатомъ, что бѣдная по сю пору безъ мѣста; а сама-то въ постель слегла, никого и на глаза не пускаетъ. Вѣдь бываютъ же такіе, съ придурью; изъ-за какого-нибудь пса и себя, и людей тревожатъ. Тарасычъ и провѣдалъ, да къ ней. Я, говоритъ, ваше сіятельство, вашей милости точно такую же предоставлю; не извольте по пустому-то беспокоиться и себя убивать. Она долго не вѣрила, потомъ согласилась и приказала принести болонку. Онъ на другой же день принесъ, въ самомъ дѣлѣ, и потрафилъ точь-въ-точь, какъ прежняя такая же бѣлая, чесаная и кличка та же. Ну, успокоилась моя барыня, собачонка стала любимая; а заплатила-то она за нее около 30 серебромъ. Кормить на убой, и съ рукъ не спускаетъ. Разъ сидитъ она съ ней на диванѣ, а кто-то и вошелъ въ комнату, собаченка-то и хотѣла залаять, да вдругъ, какъ трр... какъ будто что распоролось; княгиня глядь, а у собаченки на брюхѣ шкура лоп-

нула и нитки висятъ... Что-жъ бы ты думалъ? Тарасычъ - то простого щенка зашилъ въ болоночную шкуру; какъ онъ сталъ подростать, ему и сдѣлалось тѣсно, чужая-то шкура и лопнула. Вотъ такъ молодецъ,—прибавила чуйка;—а я что?

— Значить, знаетъ свое дѣло,—прибавилъ казинетовый сюртукъ;—такая штука не всякому на умъ взбредеть.

— Ну, оставайся, если хочешь.—допивай,—деньги я заплатилъ, а мнѣ некогда. Тутъ недалеко вчера умеръ какой-то студентъ, надо разузнать: не осталось ли подержаной философіи,—есть покупатель.

— А мнѣ надо подождать человѣчка. Черезъ часъ хотѣлъ зайти.

— Такъ оставайся, прощай!

— Наше вамъ...

И чуйка и казинетовый сюртукъ снова пожали другъ другу руки.

Во все продолженіе описаннаго нами разговора между двумя двигателями площадной торговли и промышленности Павелъ Павлычъ крѣпко прислушивался къ нимъ. Такъ вотъ они, люди-то, которыхъ мнѣ нужно,—подумалъ онъ; вотъ когда бы съ ними Богъ привелъ сойтись да познакомиться покороче, такъ ужъ былъ бы человѣкъ,—есть чему поучиться... И Павелъ Павлычъ невольно взглянулъ на казинетовый сюртукъ и невольно сдѣлалъ къ нему движеніе всѣмъ своимъ корпусомъ. Между тѣмъ казинетовый сюртукъ безмятежно подливалъ изъ большого чайника въ маленькій кипятку, и, казалось, отъ души желалъ каждому человѣку всякаго удовольствія.

Павелъ Павлычъ кашлянулъ.

Казинетовый сюртукъ обошелся со своимъ носомъ.

Молчаніе.

Наконецъ, Павелъ Павлычъ плюнулъ и, съ видомъ человѣка, который рѣшается прыгнуть съ колокольни, спросилъ нетвердымъ голосомъ:

— Позвольте узнать, что это за печатный листъ лежитъ у васъ на столѣ?

— Полицейская газета; прикажите-съ! и казинетовый сюртукъ уже протянулъ руку, чтобы подать газету.

— Нѣтъ-съ, мнѣ не надо, покорно васъ благодарю; я только

спросилъ, — поспѣшилъ отвѣтить Павелъ Павлычъ, — подвинулся ближе къ казинетовому сюртуку; смѣю спросить, — продолжалъ онъ, вы здѣшній, московскій?

— Никакъ нѣтъ-съ; подольскій, только проживаемъ здѣсь.

— Если не ошибаюсь, — по торговой части?

— Да-съ; разныя дѣла дѣлаемъ, а вы?

— Я пріѣзжій.

— Такъ-съ. И казинетовый сюртукъ въ свою очередь подвинулся къ Павлу Павлычу. — Должно быть помѣщики-съ; изволили пріѣхать на зиму хлѣбца продать, да погулять по Бѣлокаменной; можно сказать — единственный годъ.

— Нѣтъ-съ; я пріѣхалъ дѣла дѣлать.

— Такъ-съ. Часто изволили здѣсь бывать прежде?

— Въ первый разъ только.

— Только-съ. И казинетовый сюртукъ подвинулся еще ближе и сидѣлъ уже рядомъ съ Павломъ Павлычемъ. — А можно знать въ чемъ состоятъ ваши дѣла? Какая-нибудь тяжба по присутственнымъ мѣстамъ или въ сенатѣ?

— Вовсе нѣтъ. Я, изволите видѣть, хочу чѣмъ-нибудь заняться, такъ, хоть бы по торговой части; у меня и капиталецъ есть, правда небольшой, ну, все-таки есть?

— Дѣло доброе. А много ли вамъ желательно пустить въ оборотъ, т. е., примѣрно, какую сумму?

— Да такъ; на первый разъ хоть бы сколько-нибудь.

— Однако, тысячки полторы можете?

— Отчего же; можно и полторы.

— Да-съ, капиталъ хорошій, подняться можно, есть съ чего... Не прикажете ли чайку?

— Покорно благодарю! Я сейчасъ только отобѣдалъ.

— Ничего-съ, я велю двѣ парочки, а тѣмъ временемъ мы потолкуемъ... И казинетовый сюртукъ велѣлъ подать двѣ пары со сливками.

— Такъ въ разсужденіи какого же дѣла угодно вамъ заняться... касательно желѣза, хлѣба, или еще чего?

— Право, не знаю, какъ вы думаете, чѣмъ повыгоднѣе?

— Повыгоднѣе, — повторилъ казинетовый сюртукъ, какъ бы

раздумывая, — повыгоднѣе, а изволите видѣть, я вамъ доложу... вы гдѣ остановились?

Павелъ Павлычъ назвалъ гостиницу и №.

— Позвольте записать. Казинетовый сюртукъ вытащилъ изъ задняго кармана замасленный лоскутокъ сѣрой бумаги, а изъ бокового — карандашъ и, записавъ сказанное, показалъ при томъ, что онъ въ открытой враждѣ не только съ словосочиненіемъ, но даже и съ словосложеніемъ.

— Нынѣче, я вамъ доложу, — продолжалъ онъ, укладывая карандашъ и бумагу на прежнія ихъ мѣста, — всякая торговля, какого бы она роду ни была, даже хоть бы папиросами, дѣло просто дрянъ; не ведетъ ни къ какому приращенію капиталовъ, и опричь убытку ничего не приноситъ. Народъ не тотъ сталъ, — избаловался; все подавай ему первый сортъ, а на второй, да на третій и не глядитъ. Разсудите сами, какая же тутъ будетъ польза купцу; огуломъ-то онъ и худое и хорошее покупаетъ, зато ему и уступка, а сортировать товаръ тоже не приходится, который-нибудь сортъ залежаться можетъ, такъ онъ и сбываетъ его сѣренькимъ, тутъ опять бѣда — покупатель обѣгаетъ, а за лавку, да приказчикамъ плати, да въ долгъ отпускай, безъ кредита много не наторгуешь, всякъ норовитъ у тебя набрать на книжку, а получка-то, гдѣ она, когда? Съ позволенія сказать, когда чортъ умретъ... вотъ оно что-съ!... времена не тѣ... Иностранные товары изнѣжили, тамъ, говорятъ, чище работаютъ. Оно, извѣстно, чище, какъ на 5 человѣкъ приходится полтора аршина земли, поневолѣ будешь чисто работать, а у насъ что? Слава Тебѣ, Господи! всякій дома, на печкѣ, своего хлѣба не поѣстъ, такъ изъ-за чего же онъ будетъ себя неволить и перенимать у какого-нибудь англичанина, да смотрѣть ему въ зубы хоть бы по фабричной части или по какой ни на есть мануфактурѣ...

— Стало быть, нынѣче разжиться нельзя? — спросилъ Павелъ Павлычъ.

— Э, нельзя. Какъ нельзя! Да нынѣче-съ небольшими деньгами можно копейку такую зашибить, что и правнукамъ останется.

— Какимъ же манеромъ?

— Для этого много есть манеровъ, только я по душѣ скажу вамъ: торговля—дѣло послѣднее.

— Удивительно, не понимаю!

— Нѣтъ-съ! оно удивительнаго, признательно сказать, ничего тутъ нѣтъ; нужно только деньги, умъ, да сноровку; и деньги-то на первый разъ не большія. Вотъ мой шуринъ, по прозванію, Обдувалкинъ, сперва торговалъ знатно, два магазина содержалъ съ краснымъ товаромъ, приказчиковъ, лошадей, бывало выѣдетъ въ городъ—заглядѣнье, да вдругъ и свихнулъ: такъ грѣхъ попуталъ. Приставили, какъ слѣдуетъ, конкурсъ,—судили, судили, да и присудили: продать все имѣніе съ публичнаго торга и удовлетворить кредиторовъ, а остальную затѣмъ сумму, возвратить ему, Обдувалкину; ему и пришлось никакъ всего 300 серебромъ. Вотъ онъ не будь глупъ, да на эти деньги-то и открой коммиссіонерскую контору, ну, знаете, всѣ къ нему и бросились; думаютъ себѣ: вотъ какой благодѣтель выискался, и купить, и продать, мѣсто отыщетъ кому нужно. Въ день-то человѣкъ 30 запишется, а за записку—будетъ ли что, не будетъ ли, а денежки отдай. Теперь опять пошелъ жить, значить умъ есть.

Павелъ Павлычъ задумался.

Казинетовый сюртукъ, немного погодя, продолжалъ:

— А то, вотъ еще: въ прошломъ году два какихъ-то барина, и собой не мудрые, тоже славныя штуки выкинули: одинъ снялъ на всю масленицу самокатъ овальнаго хода, знаете, что подъ Новинскимъ бываетъ; да нѣтъ, правда я и забылъ, что вы не здѣшній, вамъ нельзя знать. Дѣло-то оно еще, выходить, небывалое; были самокаты и прежде, да не съ овальнымъ ходомъ, ну, и понабралъ на порядкахъ, а другой снялъ на лѣто купальни. Здѣсь городъ, въ рѣкѣ-то полоסקаться предосудительно, да и не велятъ; ну, а въ купальнѣ настоящее дѣло, въ лѣтнее время доходъ славный.

— И то правда; ну, а чѣмъ бы теперь-то заняться, какъ вы думаете? Научите, пожалуйста; я здѣсь человѣкъ новый; моя благодарность... будьте увѣрены.

— Такъ и быть, извольте. Вижу, человѣкъ вы, кажется, хорошій; незнаю отчего, а вы мнѣ очень полюбились: другому,

ей Богу, ни за что бы не сказалъ... Люди такіе стали, что и говорить не хочется,—насулять, наобѣщаютъ золотыя горы,—а послѣ и гроша мѣднаго не получишь, да еще тебя же на всѣхъ перекресткахъ ругаютъ; и потому теперь, извините, на совѣсть не полагаюсь. Я самъ человѣкъ семейный,—квартира, дрова, на все нужны деньги, сами изволите знать.

— Неужели есть такіе неблагодарные, что не помнятъ добраго дѣла,—замѣтилъ съ видимымъ участіемъ Павелъ Павлычъ.

— Еще какіе есть! Иной такимъ мелкимъ бѣсомъ рассыплется, что, кажется, душу готовъ отдать, не то-что какихъ нибудь 100, 200 рублей, да послѣ и не кланяется; я и думаю себѣ: нѣтъ, такъ невыгодно; пожалуйста-ка половину денежекъ впередъ, а на остальные расписочку. Напримѣръ, хотя бы теперь съ вами: я могу предоставить вамъ, можно сказать, ни за что 5 т. серебромъ; развѣ вы мнѣ не дадите 1 т. за хлопоты, тогда-какъ у васъ остается еще 4, которыя пришли совершенно даромъ, просто съ неба свалились.

— Разумѣется дамъ,—отвѣчалъ Павелъ Павлычъ, задыхаясь отъ восторга.—Только скажите.

— Вотъ въ томъ-то и штука. Изволите видѣть: одинъ баринъ, дня три тому назадъ, проигрался и ему до зарѣза нужно тысячу рублей, а то его, раба Божьяго, стащатъ и во временную; понимаете, куда прячутъ за долги. У этого барина возлѣ самаго рынка есть домъ, большой, каменный, съ лавками внизу и трактиромъ на верху, тысячъ 20 стоитъ; ему и хочется его продать хоть за 5, съ тѣмъ, чтобы 1,000 руб. сейчасъ ему заплатить, а остальные черезъ три года, по 6% въ годъ. Баринъ-то онъ богатый, такъ ему, знаете, и ничего; можно и съ обожданьемъ.

— Хорошо; но вѣдь у меня нѣтъ 5 тысячъ.

— Да на что же они вамъ! и не надо. Мы сей часъ домъ по боку, въ залогъ за 3 т. Онъ бы и самъ это сдѣлалъ, да ему не хочется срамиться; меня, говорить, всѣ знаютъ, а я буду домъ закладывать; лучше продать, за что ни продать; а съ трактиромъ да съ лавками—домъ не дурной—тысячи 3 доходу можетъ дать: такъ вѣдь это какіе проценты, разсудите?

И казинетовый сюртукъ замолчалъ, какъ бы давая Павлу Павлычу время разсудитсь.—Впрочемъ, я только по откровенности къ вамъ желалъ бы услужить, продолжалъ онъ, а то какъ угодно; мнѣ все равно. И опять послѣдовало молчаніе.

Въ это время Павелъ Павлычъ принялъ видъ человѣка разсуждающаго съ самимъ собою.—Домъ стоитъ 20 т., а приобрѣсть его можно за 5 т.; хорошо, весьма хорошо, думалъ онъ; домъ доходный, и, при томъ, не на чистыя деньги... очень выгодно. А между тѣмъ въ лѣвое ухо кто-то шепталъ ему: не зѣвай, Павелъ Павлычъ, случай славный, пользуйся, а то другой купить, да потомъ продать, да барыша возьметъ. Не зѣвай!

— Такъ это дѣло вы беретесь уладить? мой почтеннѣйшій,—сказалъ, наконецъ, Павелъ Павлычъ, протягивая руку казинетовому сюртуку;—ужъ какъ бы я благодарилъ васъ.

— Я вамъ докладываю въ чемъ дѣло, смотрите сами; тутъ фальши никакой быть не можетъ. Поѣдьте завтра вмѣстѣ и посмотрите домъ, да и про доходъ отъ жильцовъ поразузнаете. Только ненадо говорить, что вы покупатель, а то, чего добраго, перебьютъ; здѣсь такой народъ. Что же касается до благодарности, то за комиссію я съ васъ положу тысячу рублей; 500 впередъ, а остальные на расписочку, гдѣ и упомянете, что по покупке дома обязаны мнѣ выдать столько-то. На всякій случай извольте записать мой адресъ: въ Кривомъ переулкѣ, домъ Подлипаловой; спросить Ардальона Степанова Ковыркина.—Павелъ Павлычъ записалъ адресъ Ковыркина въ своей памятной книжкѣ.—Завтрашняго числа я у васъ часа въ четыре буду; отведу васъ въ этотъ самый домъ; понравится,—вы мнѣ денежки, да расписочку; значить, дѣло надо пускать въ ходъ; оно и будетъ на чистую, т.-е. безъ всякихъ фантазій съ обѣихъ сторонъ; не понравится,—извините, что обезпокоилъ понапрасну; еще что-нибудь приищемъ.

— Васъ, сударь, кто-то спрашиваетъ на лѣстницѣ,—сказалъ вошедшій половой, обращаясь къ казинетовому сюртуку.

— Кого? меня? А! знаю; сейчасъ, до пріятнаго свиданія, до завтрашняго дня; сказалъ онъ, раскланиваясь: потрудитесь

отдать за чаекъ-то съ; а послѣ сочтемся, со мной мелкихъ нѣтъ,—не захватилъ.

— Полноте, что вы? Я отдамъ, только ужъ вы мнѣ, пожалуйста, устройте.

— Напрасно изволите беспокоиться, дѣло обоюдное. Мое вамъ нижайшее,—и казинетовый сюртукъ скрылся.

Все—дѣло случая; рѣшительно все,—думалъ Павелъ Павлычъ, оставшись одинъ. Приди я сюда часомъ позже или часомъ раньше,—ничего бы и не было; не встрѣтилъ бы я здѣсь этого добраго человѣка, не познакомился бы съ нимъ и никогда не узналъ бы, что проигравшійся баринъ продаетъ такъ выгодно домъ; мнѣ бы этого и въ голову не пришло. А теперь я все знаю и можетъ быть... нѣтъ, этого не можетъ быть! А отчего же не можетъ быть?—Дѣло ясное: обману тутъ быть никакого не можетъ. Да и какая польза этому Ковыркину меня обманывать? Вѣдь онъ съ меня за это денегъ не взялъ, да я и не далъ бы, Богъ его знаетъ, что онъ за человѣкъ! А вотъ, какъ посмотрю самъ, побываю въ домѣ, да поразузнаю о доходахъ,—ну, тогда, разумѣется, отчего же и не дать половинку, только хлопочи; вѣдь и ему, въ самомъ дѣлѣ, пить и ѣсть надо, а вѣрить всякому онъ не обязанъ, особливо, когда, можетъ статься, не разъ на бобахъ-то сидѣлъ; поневолѣ остережешься и захочешь половиннаго обезпеченія. Нѣтъ, нѣтъ, что ни говори, а все дѣло случая... и Павелъ Павлычъ самодовольно посмотрѣлъ на стоявшаго предъ нимъ полового.—Сколько за чай? спросилъ онъ.

— 25 копеечекъ.

— Ну, вотъ тебѣ и за обѣдъ, и за чай, а это на водку.

Половой шаркнулъ.

— Да покажи-ка, гдѣ у васъ бильярдъ,—прибавилъ Павелъ Павлычъ, вставая съ мѣста;—я до смерти люблю эту игру.

— Пожалуйте-съ. Шубу и калоши я захвачу.—Павелъ Павлычъ отправился въ бильярдную.

Въ большой комнатѣ, раздѣленной колонами и установленной по стѣнамъ узенькими диванами, съ небольшими приступочками, стояло два бильярда; на одномъ изъ нихъ какой-то чиновникъ, въ довольно поношенномъ вицъ-мундирѣ, съ свѣтлыми

пуговицами, игралъ съ другимъ чиновникомъ, тоже съ свѣтлыми пуговицами и оба, по видимому, были взволнованы предметомъ совершенно постороннимъ, въ видѣ померанцевой горечи. У другого стоялъ князь, съ кіемъ въ рукахъ, и уговаривалъ офицера, знакомаго ужъ намъ Сашу, сидѣвшаго на диванѣ съ трубкой, сыграть еще партійку.

Въ это время вошелъ Павелъ Павлычъ.

— Какой ты, братецъ, кулакъ, — продолжалъ князь, — не хочешь сдѣлать никакого удовольствія пріятелю.

— Сказалъ не буду, такъ не буду, — отвѣчалъ упрямый Саша; развѣ впередъ дашь?

— Пожалуй, дамъ, — и князь началъ ставить шары.

— Сколько?

— Десять.

— Пятьдесятъ девять.

— Маркеръ захохоталъ, офицеръ тоже. Князь бросилъ кій и пошелъ къ двери, весьма раздосадованный выходкою пріятеля.

— Не угодно ли, ваше сіятельство, со мною, — робко произнесъ Павелъ Павлычъ. — Извините, я плохо а, впрочемъ, если угодно!...

— Князь окинулъ его глазами. — Вы, можетъ быть, хорошо играете, а я не совсѣмъ... вамъ будетъ скучно.

— Нельзя сказать, ваше сіятельство, чтобы я игралъ хорошо; такъ-съ, посредственно. Я вамъ доложу... у насъ въ городѣ...

— Вы пріѣзжій?

— Точно такъ.

— А, а! и князь приказалъ маркеру поставить шары. Почему же мы будемъ играть? по большой я играю только тогда, когда вхожу въ азартъ.

— Очень хорошо-съ; я самъ играю по маленькой, даже ни почемъ, если угодно.

— Нѣтъ, такъ скучно; даромъ я не люблю; всякая игра занимательна, когда она съ интересомъ. По полтиннику, хотите?

— Извольте-съ. — Павелъ Павлычъ взялъ кій, потомъ спросилъ подпилочъ, подчистилъ, подмѣлилъ его, съ видомъ чело-

вѣка, понимающаго дѣло, и въ заключеніе приготовленій — помазалъ мѣлкомъ между указательнымъ и большимъ пальцами лѣвой руки.

— Позвольте,—сказалъ князь; когда Павелъ Павлычъ хотѣлъ выставить шары,—позвольте! Вы мнѣ дадите что-нибудь впередъ? Я вамъ сказалъ, что я плохо играю; стало быть...— въ это время офицеръ закашлялся, а маркеръ обернулся къ стѣнѣ и взялъ машинку.

Павелъ Павлычъ улыбнулся. — Я, право, не знаю, сколько же вамъ дать.

— Ну, хоть 15, иначе я не играю. Князь положилъ кій на средину бильярда, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ удалиться.

— Извольте-съ; 15 могу.—Офицеръ подозвалъ маркера и что-то шепнулъ ему на ухо, на что маркеръ покачалъ отрицательно головою.

Игра началась. Павелъ Павлычъ показалъ все свое искусство въ бильярдной игрѣ, дѣлая при этомъ такія движенія корпусомъ и руками, что оба чиновника, глядя на него, не разъ оставляли игру свою и даже забывали, кому слѣдовало играть. Всего болѣе имъ нравилась поза, когда Павлу Павлычу приходилось дѣлать шаръ отъ борта; при этомъ онъ такъ перегибался назадъ и съ такой силой толкалъ свой шаръ, что послѣ такого удара маркеръ непременно подходилъ къ бильярду и осматривалъ—не прорвано ли сукно.

Но Павелъ Павлычъ игралъ осторожно; онъ даже ни разу не стиксовалъ и, сыгравъ партію, остался побѣдителемъ.

— Кушъ несчастливъ. Идетъ по рублику? — сказалъ князь.

— И по рублику идетъ,—отвѣчалъ Павелъ Павлычъ.

Вторую партію князь игралъ хуже: то промахъ дастъ, то стиксуетъ, то выброситъ шаръ за бортъ, который одинъ разъ даже задѣлъ по ногѣ чиновника, менѣе взволнованнаго, на что чиновникъ весьма разсудительно замѣтилъ: что такъ можно и въ окно попасть.

— Ну, третью,—сказалъ князь, проигравъ вторую.

— Извольте,—отвѣчалъ Павелъ Павлычъ — и третью выигралъ.

Князь бросилъ кій. Павелъ Павлычъ получилъ деньги.

— Саша! поѣдемъ домой, что-то не везетъ.

— Аещепартійку,—замѣтилъ Павелъ Павлычъ,—не угодно-съ?

— Нѣтъ-съ, не буду. Игра - то пустая, не стоитъ; если бы посерьезнѣе,—рубликовъ по 10, пожалуй

— По 10-ти—подумалъ Павелъ Павлычъ; отчего же не попробовать счастья? Надо во всемъ попытать; играетъ-то онъ незавидно, даромъ что князь. Притомъ же чуть что я и бросить могу.

— По 10-ти?—повторилъ онъ вслухъ,—извольте.

Князь вынулъ 10-ти рублевую бумажку и отдалъ маркеру за руки. Павелъ Павлычъ сдѣлалъ то же. Въ это время князь не безъ удовольствія замѣтилъ порядочное число пеструшекъ, которыя наполняли красный сафьянный бумажникъ Мурашкина.

Игра опять началась и Павелъ Павлычъ опять выигралъ.

Князь бросилъ кій, но, подумавъ немного, выкинулъ 25-ти рублевую бумажку и дрожащимъ голосомъ спросилъ:—не хотите ли ужъ и эту взять; посмотрите, такъ и просится.

Дѣйствительно, Павлу Павлычу показалось, что бумажка подняла одинъ уголокъ и жалобно говорила: баринъ, возьми пожалуйста и меня.

Сама просится, подумалъ Павелъ Павлычъ, а князь-то въ азартъ входитъ. Отчего не взять? Деньги чистыя, да и нажить то ихъ средство пустяк... Соблазнъ, да и только. Павелъ Павлычъ искусился, вынулъ 25-ти рублевую и игра опять завязалась. Но на этотъ разъ, послѣ второго удара, у Павла Павлыча вдругъ задрожала рука и онъ не попалъ въ шара.

— Первое правило забыто,—замѣтилъ равнодушно князь и поставилъ свой шаръ на перекатъ.

Павелъ Павлычъ поблѣднѣлъ; послѣ 4-хъ ударовъ обѣ бумажки перешли отъ маркера къ князю.

— Еще угодно?—спросилъ князь.

Павелъ Павлычъ не отказался, приписывая свой проигрышъ случайности. Въ слѣдующую за тѣмъ партію Павелъ Павлычъ сконфузился.

— Какъ, сухая?—замѣтилъ офицеръ.

— Пожалуйста, молчи, въ кои-то вѣка удалось и то хочется сглазить,—замѣтилъ князь, стараясь казаться серьезнымъ.

Павлу Павлычу стало жаль отданныхъ имъ денегъ, и онъ уже самъ предложилъ сыграть еще, и опять проигралъ, сдѣлавши не болѣе 30 очковъ.

— Угодно еще?—спрашивалъ хладнокровно князь.

— Извольте,—отвѣчалъ взволнованный Павелъ Павлычъ, въ надеждѣ воротить проигранное. Такимъ образомъ игра затянулась и Павелъ Павлычъ проигрывалъ уже 9-ю двадцатипяти-рублевую, какъ вдругъ кто-то шепнулъ ему сзади: бросьте играть,—это извѣстный игрокъ и вы ему проиграете все, что у васъ есть. Павелъ Павлычъ оглянулся: передъ нимъ стоялъ тотъ самый господинъ, который освѣдомился объ его здоровьѣ и жилъ въ одной съ нимъ гостиницѣ. Павелъ Павлычъ послушался, кончилъ игру; князь и офицеръ уѣхали.

— Какъ это вы связались съ этимъ княземъ. Онъ лучшимъ игрокамъ даетъ по 30 впередъ,—замѣтилъ добрый человѣкъ, обращаясь къ Павлу Павлычу съ видимымъ участіемъ.—Впрочемъ, прибавилъ онъ, извините, что я позволилъ себѣ предупредить васъ.

— Помилуйте, — отвѣчалъ сконфуженный Мурашкинъ, — помилуйте; я вамъ очень благодаренъ, вы мой спаситель. Я не могъ предполагать, чтобы князь воспользовался до такой степени моей неопытностью и сталъ бы передо мной приговаряться.

— Это и видно, что вы еще новичокъ и не знаете всѣхъ здѣшнихъ штукъ; ужъ если князь, такъ вы думаете, что долженъ быть честный человѣкъ; какъ бы не такъ; другой князь только называется княземъ, а душонка-то у него меньше булавочной головки.

— Вотъ, послѣ этого и узнавай людей.

— Охота же вамъ искать ихъ по трактирамъ. Порядочный человѣкъ если и зайдетъ сюда, такъ развѣ только пообѣдать, закусить, или такъ, отъ нечего дѣлать, а не играть на бильярдѣ, да обирать ближнихъ. Вѣдь, трактиръ не то что какой-нибудь клубъ, гдѣ cadaго знаешь вдоль и поперекъ; а если чуть замѣшался какой-нибудь двусмысленный, такъ его и часу не стануть держать; сейчасъ голубчика и вонъ, и вонъ.

— А это что такое клубъ,—спросилъ Павелъ Павлычъ.

— Клубъ,—это почти то же собраніе, только дамъ тамъ не бываетъ. Вы пріѣзжаете—угодно вамъ играть въ карты,—играйте, партія есть, не угодно—читайте всевозможные журналы, не исключая даже иностранныхъ,—къ вашимъ услугамъ. Не угодно читать, ходите, говорите, курите трубку, ужинайте, пейте чай—словомъ, дѣлайте все, что угодно, и когда угодно, никто вамъ не помѣшаетъ, вы дома, вы совершенно свободны; разумѣется, только нельзя быть въ халатѣ.

— А по какимъ днямъ туда можно?

— Хоть всякій день; запишитесь членомъ и ѣздите. Да ужъ общество-то одно чего стоитъ; изъ одного того, чтобы быть между порядочными людьми, записаться можно. Ну да какъ бы то ни было: членъ клуба, это имѣетъ свою пріятность. Можете сами привозить гостей, и нѣкоторымъ образомъ дѣлаетесь хозяиномъ.

— Вы членъ?

— О, нѣтъ! знаете, все собираюсь, да и пріѣзжаешь-то сюда не на долго, по дѣламъ, такъ оно некогда.

— Скажите, какъ же мнѣ туда записаться?

— Очень просто. Завтра утромъ поѣзжайте хоть въ купеческій, хоть въ дворянскій, въ какой хотите; заплатите 18 рублей, вамъ выдадутъ членскій билетъ и вы—членъ клуба.

— И это такъ легко. Я думаю, лучше въ дворянскій?

— Да, разумѣется, но, знаете... въ купеческомъ бываютъ иногда маскарады.

— А! тамъ и маскарады бываютъ?—перебилъ, испугавшись, Павелъ Павлычъ.

— Да, только въ купеческомъ.

— Такъ ужъ я лучше въ дворянскій запишусь, а то эти маски найдутъ; Богъ съ ними, не надо.

— Какъ хотите.

— Я вамъ чувствительно благодаренъ, и вы много обязали бы, если бы съѣздили со мной; я человѣкъ новый, не знаю.

— Полноте, полноте, какъ вамъ не стыдно. Я съ большимъ удовольствіемъ къ вашимъ услугамъ; да мы, кажется, и живемъ рядомъ. Ваша фамилія?

— Мурашкинъ.

— Отставной поручикъ Кизляркинъ.

— Очень радъ познакомиться.

— И я также. Вы теперь куда? Домой?

— Домой-съ.

— Поѣдѣмте вмѣстѣ; у меня денной, съ полозью. — Какой прекрасный человѣкъ этотъ поручикъ, можно сказать, — благодарный; надо съ нимъ познакомиться хорошенько; сейчасъ видно, что честный человѣкъ. А князь-то? Ай да князь, думалъ Павелъ Павлычъ, сходя съ лѣстницы; а еще князь!

На другой день Павелъ Павлычъ и Кизляркинъ утромъ отправились въ клубъ, гдѣ Мурашкину, показавъ всѣ правила, выдали членскій билетъ, и отставной поручикъ тутъ же поздравилъ его членомъ, просилъ записать на 1-й обѣденный день хорошаго его пріятеля, также пріѣзжаго, г. Побѣдкина, присовокупивъ при томъ, что онъ человѣкъ весьма аккуратный и ведетъ игру самую умѣренную. Павелъ Павлычъ никакъ не могъ предположить, что въ подобныхъ случаяхъ иногда отказываютъ, и тотчасъ же изъявилъ согласіе записать человѣка весьма аккуратнаго. Возвратившись домой, Павелъ Павлычъ, прежде чѣмъ снялъ шубу и шапку, сдѣлалъ довольно странный вопросъ своему Ильюшкѣ: — Знаешь ли ты, спросилъ онъ у него, кто теперь твой баринъ? Ильюшка рѣшительно не зналъ, что отвѣчать. Павелъ Павлычъ повторилъ свой вопросъ съ прибавленіемъ дурака; это знакомое словечко, повидимому, вразумило Ильюшку и онъ отвѣчалъ: не могу знать-съ. — Твой баринъ, произнесъ Павелъ Павлычъ, дѣлая при этомъ удареніе на каждомъ словѣ, т. е. я, теперь уже не просто Павелъ Павлычъ Мурашкинъ, а членъ московскаго дворянскаго клуба. И Павелъ Павлычъ началъ скидывать шубу. — Слушаю-съ, отвѣчалъ Ильюшка; хорошее дѣло, чѣмъ такъ-то проживаться; какая ни на есть — все должность, продолжалъ онъ самъ съ собою, когда баринъ ушелъ въ свою комнату. Давно бы пора за дѣло-то приняться, совсѣмъ избаловался. Точно какой миллионеръ.

Въ это время Павелъ Павлычъ снова крикнулъ: — Ильюшка!

— Чего изволите-съ.

— А что, если мы съ тобой здѣсь тысячъ въ 20 домъ купимъ?

— Да на что же мы купимъ-съ.

— Какъ на что? На деньги.

— Кто же намъ денегъ-то дастъ?

— Какъ кто? Всякій дастъ подъ залогъ дома.

— Котораго-съ?

— Который я купилъ.

— Что это вы, сударь, говорите, право такое? Легли бы немножко отдохнуть, — сказалъ Ильюшка, и вышелъ изъ чистой комнаты въ свою, тревожно посматривая на барина въ щелку и какъ бы ожидая чего-то недобраго. Между тѣмъ Павелъ Павлычъ не обратилъ никакого вниманія на слова Ильюшки и о чемъ-то крѣпко задумался. Вдругъ дверь отворилась и кто-то грубымъ голосомъ спросилъ: — здѣсь живетъ Павелъ Павлычъ? — Ахъ, мое почтеніе! — прибавилъ онъ, завидя Мурашкина, — готовы-съ?

— Прошу покорно, милости просимъ! — произнесъ Павелъ Павлычъ и голосъ его дрожалъ отъ волненія. Передъ нимъ стоялъ казинетовый сюртукъ.

— Нѣтъ - съ, извините, заходить мнѣ некогда. Поѣдемте, если хотите, а то не могу, другія дѣлишки есть.

Павелъ Павлычъ не настаивалъ и тотчасъ же, надѣвъ шубу, вышелъ изъ номера съ Ковыркинымъ.

У Павла Павлыча не было деннаго съ полозью, а потому онъ взялъ такъ - называемаго Ваньку, уступивъ мѣсто правой стороны казинетовому сюртуку. Павелъ Павлычъ зналъ приличіе. Онъ даже предложилъ своему спутнику сѣсть попокойнѣе и положить въ сани обѣ ноги, при чемъ самъ одну спустил наружу. Потомъ, взглянувъ на казинетовый сюртукъ, Павелъ Павлычъ не безъ участія спросилъ: не холодно ли вамъ? На что получилъ въ отвѣтъ: ничего-съ, мы ужъ такъ привыкли.

Проѣхавъ нѣсколько улицъ, нѣсколько переулковъ и нѣсколько монастырей *), они остановились на площади, возлѣ большого каменнаго дома.

*) Монастырями въ Москвѣ называются мѣста, прилежащія къ приходскимъ церквамъ, на которыхъ по большей части находятся дома причта того прихода, и черезъ эти монастыри почти всегда есть проѣзды.

— Вотъ вамъ и домъ, сказалъ казинетовый сюртукъ въ полголоса, слѣзая съ саней.

— О, о! да какой большой,—замѣтилъ Павелъ Павлычъ, и прочелъ на воротахъ съ одной стороны,—Дроздова, такой-то части и квартала, а съ другой—свободенъ отъ постоя.

— Да это еще что,—продолжалъ казинетовый сюртукъ,—обойдите кругомъ да взгляните на дворъ, какое строеніе. Капиталы, просто капиталы. Постойте, вонъ кто-то вышелъ къ воротамъ. Пойдемте ка, не узнаемъ ли чего? И они отправились къ воротамъ. Въ это время маленькій горбатенькій человекъ, съ плутовскими глазами и довольно длиннымъ носомъ, повертывался у калитки и, повидимому, кого-то ожидалъ. Завидя идущихъ къ нему, онъ сдѣлалъ непримѣтный знакъ головою казинетовому сюртуку и, обернувшись въ противоположную сторону, принялъ видъ человека солиднаго.

— Вы не здѣшній ли?—робко спросилъ казинетовый сюртукъ, подойдя къ длинному носу.

— Здѣшній конторщикъ; а вамъ кого нужно?

— Да мы, вотъ, изволите ли видѣть, хотѣли узнать...

— О чемъ?

— Домъ этотъ, такъ какъ мы наслышаны, что онъ продается...

— Да, продается.

— За сколько?

— Да тысячъ за пять купить можно. Баринъ-то нашъ проигрался, такъ деньги понадобились.

— А много приносить доходу?

— Тысячи двѣ съ половиной даетъ. Одинъ магазинъ платитъ около тысячи, да трактиръ 800, да квартиры есть.

— Такъ-съ.

— А когда можно видѣть барина?—спросилъ Павелъ Павлычъ.

— Во всякое время, только теперь нѣтъ, куда-то уѣхалъ.

Казинетовый сюртукъ толкнулъ Павла Павлыча, и оба, раскланявшись съ длиннымъ носомъ, отошли прочь. Павелъ Павлычъ хотѣлъ было садиться на извозчика, но казинетовый сюртукъ его остановилъ.

— Позвольте, сударь, я знаю, что значать конторщики. Народъ этотъ—мошенники, можетъ статья, онъ и сказки рассказываетъ; зайдѣмте ка сами и въ трактиръ и въ магазинъ, да отъ самихъ жильцовъ узнаемъ, что они платятъ. Павелъ Павлычъ не сказалъ ни слова; онъ только подивился честности и благорасположенію казинетоваго сюртука и послѣдовалъ за нимъ первоначально въ трактиръ, гдѣ казинетовый сюртукъ потребовалъ себѣ большой бокалъ очищеннаго и, закусивъ ветчиной съ огурцомъ, спросилъ приказчика обо всемъ подробно и даже узналъ, что контракту, заключенному на 5 лѣтъ, срокъ выйдетъ черезъ 4 года. Павелъ Павлычъ все слышалъ и съ удовольствіемъ заплатилъ деньги за водку. Оттуда они отправились въ магазинъ и тамъ слова длиннаго носа подтвердились. Здѣсь казинетовый сюртукъ взялъ фунтъ жукова да фунтъ леденцовъ, дѣтямъ гостинца, и Павелъ Павлычъ опять съ удовольствіемъ заплатилъ деньги за жуковъ, и за леденцы и покушался было зайти въ смежную съ магазиномъ рыбную лавку, возлѣ которой на скамеечкѣ сидѣлъ толстый старикъ, съ окладистой бородой; но казинетовый сюртукъ не допустилъ Мурашкина до дальнѣйшихъ изслѣдованій. Будетъ съ васъ и этого, а то можно подать подозрѣніе и васъ могутъ перебить въ покупкѣ. Теперь и самимъ смекнуть можно. По крайней мѣрѣ вы видите, что я васъ не обманывалъ. Павелъ Павлычъ былъ въ восторгѣ. Когда они пріѣхали въ номеръ, онъ бросился къ казинетовому сюртуку на шею и, оставаясь долго въ такомъ признательномъ положеніи, вынулъ Ильюшку покачать головой и замѣтитъ самому себѣ: баринъ-то, видно, рехнулся. Но онъ еще болѣе былъ изумленъ, когда Павелъ Павлычъ, отсчитавъ 500 рублей, отдалъ ихъ казинетовому сюртуку и съ радостью произнесъ: итакъ, домъ мой!..

Казинетовый сюртукъ торопливо положилъ деньги въ карманъ, торопливо раскланялся, и торопливо вышелъ, сказавъ, что завтра онъ зайдетъ сказать, когда можно ѣхать къ барину торговать домъ.

— А росписочку-то, росписочку,—закричалъ Павелъ Павлычъ, когда казинетовый сюртукъ скрылся.—Боже мой! не

подумалъ бы онъ, что я безчестный человѣкъ. Ильюшка! бѣги скорѣй, догоняй.

Ильюшка бросился со всѣхъ ногъ и, возвратившись черезъ четверть часа, объявилъ, что догнать никакъ не могъ, потому что...

— Потому что ты дуракъ,—перебилъ Павелъ Павлычъ и прибавилъ еще какое-то крѣпкое словцо.

— Нѣтъ-съ, не потому, а потому что онъ какъ выскочилъ изъ гостиницы, такъ взялъ извозчика и поѣхалъ подъ какія-то Подвязки.

Долго Павелъ Павлычъ беспокоился, чтобы его не почли за человѣка безчестнаго, долго бранилъ Ильюшку и наконецъ заключилъ тѣмъ, что пошелъ къ сосѣду, отставному поручику, и поѣхалъ съ нимъ въ клубъ.

Случалось ли вамъ, читатели быть когда-нибудь въ воскресный день у Сухаревки, или подъ Сухаревкой? Господи, твоя воля! Кого и чего только тамъ не встрѣтишь и не найдешь! мнѣ кажется только одного: это человѣка, котораго бы не хотѣли обмануть. Въ самомъ дѣлѣ,—загляните когда-нибудь на этотъ рынокъ и рассмотрите его хорошенько, повнимательнѣе, тогда вы вѣрно согласитесь со мной. Тамъ не только люди стараются обманывать такихъ же смертныхъ, какъ и они, но даже самыя вещи, предметы, какъ извѣстно, неодушевленные, и тѣ одушевляются, и тѣ смотрятъ не тѣмъ, что есть, и такъ нахально лѣзутъ въ вашъ карманъ за деньгами, какъ будто бы въ свой собственный. Въ лавкѣ поддержанную вещь вамъ продадутъ за новую и возьмутъ съ васъ вдвое, а здѣсь новую продадутъ за поддержанную и за это удовольствіе возьмутъ съ васъ вчетверо. Если бы я вздумалъ описывать все, чѣмъ изобилуетъ Сухаревка въ день воскресный,—едва ли бы достало моей жизни для составленія такого прейсъ-куранта, несмотря на то, что я еще въ цвѣтущей молодости и умирать не собираюсь.

Павелъ Павлычъ уже четвертый разъ проходилъ по рынку взадъ и впередъ и четвертый разъ спотыкался на разостланную двойную перину, приговаривая: тьфу ты проклятая! опять споткнулся и какой дуракъ тебя тутъ бросилъ; цыганской таборъ здѣсь, что ли? Въ это время онъ успѣлъ кой-что и ку-

пить; въ одной рукѣ у него была экономическая лампочка накладного серебра, купленная за 3 четвертака, а въ другой — большой янтарный мундштукъ, курительница, на манеръ помпейской, и чайное ситечко, изъ золота, неизвѣстно какого достоинства, но только блескомъ своимъ далеко превосходящаго 94-ю пробу.

Павелъ Павлычъ поднялъ глаза и увидѣлъ передъ собою движущуюся кучу. Кучу эту изображала баба, въ синей, нанковой шубкѣ, на бѣличьемъ мѣху сверхъ чернаго платка съ сѣрыми букетами по угламъ, которымъ повязана была ея голова, надѣто было двѣ женскихъ шляпки одна на другой; на плечахъ висѣли съ одной стороны кучерской кафтанъ и рубаха, а съ другой коверъ и нагольный тулупъ; въ лѣвой рукѣ она держала кругленькой столикъ на одной ножкѣ и кисеть, а въ правой валеные сапоги и маслянку, изображающую бѣлую корову въ лежачемъ положеніи, съ отбитыми рогами и немного попорченнымъ хвостомъ. Долго Павелъ Павлычъ никакъ не могъ разобрать, что такое: наконецъ, разглядѣвъ бабу, онъ не утерпѣлъ, чтобъ не засмѣяться и пошелъ дальше. — Озорникъ этакой! зубоскаль! что нашелъ смѣшного? — слышалось за нимъ изъ кучи.

— Не прикажете ли чего изъ рѣдкостей?

— И Павелъ Павлычъ остановился передъ столомъ, на которомъ разбросано было нѣсколько мѣдныхъ монетъ, двѣ медали — одна дворянская, а другая за турецкую кампанію; кружка, похожая на лазаретную; кинжалъ безъ оправы и маленькое зеркальце, оклеенное красною бумажкой, въ которое, по словамъ продавца, смотрѣлся князь Пожарскій, когда шелъ на Москву. Павелъ Павлычъ сталъ перебирать монеты. Въ это время онъ вспомнилъ о Кириллѣ Кузмичѣ и тотчасъ же сторговалъ восемь пятаковъ временъ Павла I и заплатилъ за нихъ по двугривенному.

— А это какія? — спросилъ онъ, указывая на двѣ мѣдныя копейки.

— Это-съ, одна Марѣы Посадницы, а другая — Мамаевская; монеты, доложу вамъ, очень древнія. Теперь ихъ нигдѣ нельзя достать, на охотника дадутъ большія деньги.

Павелъ Павлычъ ихъ купилъ по рублю серебромъ за штуку.

— Баринъ, пожалуйста сюда,—шепнулъ какой-то мастеровой въ затрапезномъ халатѣ, подозрительно оглядываясь кругомъ и тщательно скрывая лѣвую руку подъ полой.—Пожалуйте въ сторонку, гдѣ поменьше народу,—продолжалъ онъ,—я вамъ покажу рѣдкостную вещь и дешево бы отдалъ.

Вѣрно какая-нибудь темная,—подумалъ Павелъ Павлычъ и послѣдовалъ за затрапезнымъ халатомъ. Когда они отошли далеко въ сторону, халатъ снова осмотрѣлся и, высунувъ изъ-подъ полы руку, показалъ золотые часы съ цѣпочкой и кольцо, которые тотчасъ же опять спряталъ, прибавивъ: 25 рублей серебромъ за все.

Павелъ Павлычъ посулилъ 15, халатъ отвернулся. Въ это время къ нему подошелъ какой-то баринъ въ енотовой шубѣ и отрывисто спросилъ:

— Ну, что-жъ, отдаешь за 22 рубля?

— Никакъ нѣтъ-съ, себѣ дороже,—отвѣтилъ халатъ и снова приблизился къ Павлу Павлычу, которому очень понравились и часы, и цѣпочка.

— Ну,—сказалъ онъ, я дамъ, что даютъ, 22.

— Да мнѣ въ магазинѣ больше дадутъ,—произнесъ халатъ и снова отвернулся, а баринъ въ шубѣ снова подошелъ къ нему.

«Такую вещь жаль упустить, — подумалъ Павелъ Павлычъ: въ лавкахъ и на 50 не купишь».

— Послушай, эй!—прибавилъ онъ, обращаясь къ халату,—ну, уступи хоть что-нибудь.

— Ей Богу не могу-съ; вѣдь этотъ баринъ 24 даетъ и онъ указалъ на енотовую шубу.

— Ну, ну, такъ и быть; получай деньги, да смотри, золото ли это.

— Что вы, сударь? да развѣ мѣдъ такая бываетъ, тутъ и клеймо есть, только пожалуйста, не извольте при людяхъ разсматривать. Кто-жъ ихъ знаетъ, можетъ статься.... дѣло темное.

Темное,—подумалъ Павелъ Павлычъ: я и безъ тебя знаю, что темное и, заплативъ деньги, Павелъ Павлычъ обошелъ

площадь еще разъ и пробрался домой. Тутъ ему показалось, что енотовая шуба и затрапезный халатъ вмѣстѣ вошли въ трактиръ. Видно еще что-нибудь продаетъ,—сказалъ онъ самъ себѣ и поѣхалъ въ гостиницу, весьма довольный собой и покупками.

— Что, вчерашній баринъ еще не былъ?—спросилъ Павелъ Павлычъ у Ильюшки,

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Теперь долженъ быть скоро. Ильюшка! посмотри-ка, что я купилъ и Павелъ Павлычъ началъ разставлять и раскидывать по столу свои покупки.

— Вещи хорошія и часы богатѣйшія; чай сотни двѣ на все потратили.

Павелъ Павлычъ самодовольно улыбнулся.

— И сорока цѣлковыхъ не вышло.

— Экая дешевизна! поди-ка купи у насъ въ городѣ, да еще пожалуй и не найдешь такихъ штукъ.

— Жидъ Янка сто рублей дастъ. Какъ ты думаешь?—спросилъ Павелъ Павлычъ.

— Еще бы не дать; слова не скажетъ, вѣдь это золото, а проклятый жидъ за золото удавится, дѣло извѣстное. А зачѣмъ же это пятаки-то, сударь?

— Ты дуракъ, не понимаешь. Здѣсь есть такіе охотники, что за каждый пятакъ дадутъ по золотому.

— Ахъ ты, Господи! подумаешь, чѣмъ только люди-то не занимаются?

— Вотъ бы, сударь, вамъ сегодня съѣздить въ театръ, представленіе хорошее,—сказалъ Николай, войдя въ номеръ Павла Павлыча съ кушаньемъ.

— А какое?—спросилъ Мурашкинъ.

— Аскольдову могилу-съ играютъ.

— Ну, что-жъ, хорошо; пожалуй, поѣду; я слыхалъ и покойница тетюшка эту могилу хвалила; она часто въ театрахъ бывала.

— Тутъ есть очень занимательные сюжеты. Я самъ имѣлъ счастье раза два видѣть; пѣніе, можно сказать, первый сортъ.

Павелъ Павлычъ приказалъ Ильюшкѣ опять приготовить

свою нѣмецкую пару, но уже не ложился отдыхать, а все поджидаль вчерашняго барина и, когда пробило шесть часовъ, Павелъ Павлычъ одѣлся, строго наказавъ Ильюшкѣ не дѣлать изъ номера ни шагу и когда пріѣдетъ Ковыркинъ, сказать ему, что баринъ поѣхалъ въ театръ и просить его подождать немного...

Когда Павелъ Павлычъ пріѣхалъ въ театръ и, купивъ за гривенникъ афишку, подошелъ къ кассѣ, чтобы взять билетъ, ему объявили рѣшительно, что билетовъ на сегодняшнее представленіе нѣтъ ни на какое мѣсто, присовокупивъ: «не угодно ли будетъ взять на завтрашній день, пойдетъ «Нѣмецкій булочникъ», но Павелъ Павлычъ отказался смотрѣть «Нѣмецкаго булочника», еще, пожалуй, будутъ говорить по-нѣмецки,—думалъ онъ, а я что понимаю, только даромъ деньги отдамъ!

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю, ужъ я лучше въ другой разъ пріѣду пораньше, — сказалъ онъ громко и отошелъ отъ кассы.

— Не угодно ли будетъ взять у меня креслицы,—сказалъ какой-то человѣкъ въ дубленкѣ, подойдя къ Павлу Павлычу.

— А вы кто?

— Я господскій человѣкъ, баринъ взялъ билетъ, да его задержали гости, онъ и изволилъ послать смотрѣть меня, а наше дѣло, сами изволите знать, по театральной части не интересное, лучше съ пріятелями чайку выпить. Я дешево бы продалъ.

— А за сколько?

— Да казенная цѣна полтора рубля, пятиалтынничекъ прибавите, я и отдамъ.

— Разсчетъ не великъ, — подумалъ Павелъ Павлычъ, по крайней мѣрѣ не даромъ проѣздилъ и онъ, прибавивъ къ казенной цѣнѣ пятиалтынный, взялъ билетъ и отправился за добрыми людьми искать своего мѣста, гдѣ и помѣстился, но тутъ съ Павломъ Павлычемъ случилась маленькая непріятность. Въ половинѣ перваго акта, когда онъ только что было разохотился смотрѣть, начиная входить во вкусъ, въ партеръ вошелъ какой-то полковникъ въ сопровожденіи того самаго капельдинера, который указалъ кресло и Павлу Павлычу.

— Вашъ билетъ?—спросилъ онъ у Павла Павлыча.

Мурашкинъ растерялся и, едва отыскавъ билетъ въ карманѣ своего фрака, подалъ его капельдинеру.

— Это мой билетъ,—произнесъ полковникъ улыбаясь, я его потерялъ; онъ взятъ на мое имя и моя фамилія записана въ кассѣ.

— Но я-съ заплатилъ деньги, —выговорилъ Павелъ Павлычъ запинаясь,—я ей Богу не виноватъ.

— Я нисколько и не виню васъ. Вы, вѣрно, у кого-нибудь перекупили. Позвольте, извините.—Полковникъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ садиться на мѣсто, занятое Павломъ Павлычемъ.

— Пожалуйте со мною въ кассу,—сказалъ капельдинеръ, тамъ дѣло это разберутъ.

Павелъ Павлычъ повиновался и, опустивъ глаза какъ преступникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія, слѣдовалъ за капельдинеромъ. Ему даже послышалось, что, проходя мимо послѣдняго ряда креселъ, кто-то сказалъ довольно громко: должно быть какой-нибудь мошенникъ.

— Что это?—спросилъ квартальный, когда они вышли въ коридоръ.

— Ничего-съ, въ кассу веду, съ чужимъ билетомъ зашли.

Въ кассѣ дано было Павлу Павлычу изустное наставленіе въ видѣ совѣта, въ другой разъ покупать билеты только въ кассѣ, а не у барышниковъ, въ противномъ случаѣ вы легко можете подвергнуться отвѣтственности по законамъ,—замѣтилъ какой-то господинъ, откладывая билеты ложъ, изъ которыхъ повиднѣе, въ сторону.

— Ну что?—спросилъ тотъ же квартальный у капельдинера, когда онъ возвращался съ Павломъ Павлычемъ изъ кассы.

— Приказано отпустить.

Вслѣдствіе этого приговора квартальный такъ посмотрѣлъ на Павла Павлыча, что бѣдный Мурашкинъ чуть-чуть не уѣхалъ безъ шубы.

Странно, думалъ Павелъ Павлычъ, подъѣзжая къ гостиницѣ, очень странно, кажется и столица, а все есть ухабы, хоть маленькіе, да все-таки есть, ужъ видно безъ этого нельзя.

— А что, Ильюшка, вчерашній баринъ былъ?

— Никакъ нѣтъ, еще не бывали.

Павелъ Павлычъ задумался.

— Что же, сударь, представленіе-то хорошее было?— спросилъ Ильюшка.

— А тебѣ что за дѣло?

Ильюшка принялся чистить сапоги.

— Ильюшка?

— Чего изволите-съ.

— Ты хорошо узналъ Москву?

— А кто-жъ ее узнаеть-съ.

— Дуракъ! я тебя хочу послать съ письмомъ, найдешь?

— Отчего же не найти-съ, можно спросить.

— Ну такъ если баринъ этотъ не придетъ завтра, я тебя къ нему пошлю.

— Слушаю-съ.

На другой день Павелъ Павлычъ проснулся ранѣе обыкновеннаго и, тотчасъ же написавъ письмо къ Ковыркину, отдалъ его Ильюшкѣ, приказавъ отыскать непременно и къ 2-мъ часамъ быть дома, а самъ между тѣмъ легъ на диванъ и принялся разсматривать потолокъ; чувствуя въ себѣ небольшой ознобъ, онъ одѣлся тулупчикомъ изъ легкихъ барашковъ, и опять принялся разсматривать потолокъ.—Ну что, если этотъ Ковыркинъ меня обманулъ, — думалъ Павелъ Павлычъ, — вѣдь 500 рублей деньги. Да чѣмъ же онъ могъ меня обмануть? если онъ обманулъ меня, стало-быть онъ обманулъ и себя; вѣдь я же у него остался въ долгу, да и безъ росписки. Между тѣмъ какъ домъ онъ указалъ и я самъ могу ѣхать торговать; да по правдѣ-то сказать, Ковыркинъ мнѣ теперь и не нуженъ. Я завтра же самъ поѣду къ этому барину да и куплю. Правда, я поторопился отдать ему деньги; можно было и такъ... сказать придите денька черезъ два, а въ это время и купить, а послѣ... Ну, да вдругъ на эти вещи пускаться какъ - то неловко, прежде надо оглядѣться, попривыкнуть, а потомъ ужъ и заняться кое-чѣмъ этакимъ...—и Павелъ Павлычъ улыбнулся. Въ это время онъ почувствовалъ въ себѣ маленькій жаръ и сбросилъ съ себя тулупчикъ. Кто-то постучался въ дверь.

— Кто тамъ? — спросилъ Павелъ Павлычъ, вставая съ дивана.

— Это я, Павелъ Павлычъ,—послышался голосъ отставного поручика.—Поѣдемте обѣдать въ клубъ? жъ Четвертый часъ... Поѣдемте, посмотрите, какъ насъ накормятъ, объяденье! Вамъ непременно надо попробовать клубской кулебяки.

Павелъ Павлычъ отперъ дверь.—Право не знаю, — сказалъ онъ,—что-то не можется, такъ не по себѣ.

— Полноте; и Побѣдкинъ просить васъ опять его записать, а мы съ него за это выпьемъ бутылочку: онъ славный человекъ.

— Право не хочется; при томъ мнѣ нужно подождать Ильюшку; я его послалъ съ письмомъ по очень важному дѣлу; еще можетъ быть, и самому придется ѣхать. Экой разбойникъ! четвертый часъ, а его все нѣтъ,—прибавилъ Павелъ Павлычъ.

— Что у васъ тамъ такое за важное дѣло, съѣздить можно и завтра... Удружите, одѣвайтесь!

Павелъ Павлычъ не могъ устоять противъ неотвязчиваго поручика и началъ собираться.

Въ клубъ онъ пробылъ долго; все что-то его беспокоило, и ему хотѣлось поскорѣй вернуться домой и узнать, какой отвѣтъ принесъ Ильюшка. Отобѣдавъ и распивъ бутылочку замороженнаго на счетъ Побѣдкина, который въ весьма вѣжливыхъ словахъ выразилъ свою благодарность Мурашкину за то, что тотъ его записалъ, Павелъ Павлычъ обошелъ залы и, постоявъ минутъ съ 5 у стола, за который сѣли Побѣдкинъ и отставной поручикъ играть, уѣхалъ домой.

— Ну что?—спросилъ онъ дремавшаго въ корридорѣ Ильюшку.

— Въ 4-хъ кварталахъ былъ, такого дома, какъ вы изволили написать, нигдѣ нѣтъ,—отвѣчалъ Ильюшка, протирая глаза.

— Тебя куда ни пошли,—ничего не сумѣешь сдѣлать; дуракъ—дуракъ и есть; а переулокъ нашелъ?

— Переулокъ-то, какъ не найти, нашелъ-съ.

— Куда же дѣвался домъ-то?

— А кто жъ его знаетъ куда онъ дѣвался; въ кварталѣ, говорятъ, его никогда и не было; другіе всѣ тамъ, есть разные и каменные есть.

— А вѣтъ если я завтра поѣду самъ, да найду, такъ ты у меня смотри!

— Воля ваша, сударь, развѣ въ другомъ мѣстѣ, а тамъ нѣтъ, да и переулокъ-то весь не Богъ знаетъ какой.

Ночь Павелъ Павлычъ провелъ очень дурно, даже нѣсколько разъ вскрикивалъ, вслѣдствіе какого-то щекотанія невидимой руки по его затылку. Поутру онъ хотѣлъ открыться отставному поручику во всемъ и просить его совѣта; но отставной поручикъ, возвратившись въ 6 часовъ утра изъ клуба, не приказалъ никому себя беспокоить. И потому Павелъ Павлычъ отправился на поиски, не получивъ ни отъ кого совѣта. Нѣсколько разъ онъ прошелъ по небольшому кривому переулку, по обѣимъ его сторонамъ, и нѣсколько разъ останавливался у воротъ каждаго дома, прочитывая фамиліи ихъ владѣльцевъ, но нигдѣ не прочиталъ той, которая ему была нужна. Наконецъ онъ рѣшился заходить въ дома и спрашивать у живущихъ: — не знаетъ ли кто Ордаљона Степанова Ковыркина; — и съ одной стороны переулка побывалъ уже во всѣхъ, и вездѣ ему отвѣчали: а такого здѣсь нѣтъ. Онъ перешелъ на другую сторону.

— Да вы кого ищите? — спросилъ дворникъ большаго каменнаго дома, разгребая въ воротахъ снѣгъ. Павелъ Павлычъ несказанно обрадовался, видя такое участіе.

— Ордаљона Степаныча Ковыркина, — сказалъ онъ; — не знаешь ли, любезный, въ чьемъ домѣ?

— Ковыркинъ, — повторилъ въ раздумьѣ дворникъ, — гдѣ жъ бы это? Да онъ какой изъ себя? — спросилъ онъ, обращаясь къ Павлу Павлычу. — Такой высокій плотный?

— Да, да, — отвѣчалъ Павелъ Павлычъ, и надежда отыскать Ковыркина блеснула передъ нимъ.

— Онъ по-нѣмецки, что ли, ходитъ?

— Да, по-нѣмецки, въ сюртукѣ.

— Такого не знаю; есть тутъ одинъ Морковкинъ, да тотъ ходитъ по-русски, — замѣтилъ дворникъ и снова принялся за работу, прибавивъ: — спросите дальше.

Павелъ Павлычъ какъ будто въ яму свалился. Какъ все шло хорошо, думалъ онъ, и примѣтами казался сходенъ — и вдругъ, вмѣсто Ковыркина, Морковкинъ, — пойдѣмъ дальше.

— Позвольте узнать, — спросилъ Павелъ Павлычъ, отворяя дверь, — не здѣсь ли живетъ Ордаљонъ Степанычъ Ковыркинъ.

— Затворяй дверь-то; дверь-то затворяй; теперь не лѣто, — раздался на встрѣчу Павлу Павлычу грубый голосъ какой-то старухи.

Павелъ Павлычъ поторопился войти, и, извиняясь, повторилъ вопросъ.

— Какого тебѣ Ковыркина? кто онъ такой?

Павелъ Павлычъ молчалъ. А я-то почему знаю, — думалъ онъ, — кто онъ такой.

— Да какъ тебѣ сказано; въ чьемъ домѣ-то?

— Подлипаловой.

— А это чей? Поди-ка прочти, или грамотѣ-то не знаешь?

— Нѣтъ умѣю-съ, — отвѣчалъ съ достоинствомъ Павелъ Павлычъ, — написано: Тюриной.

— Такъ какого же ты здѣсь Ковыркина ищешь?

— Я такъ только спросилъ.

— Проваливай ко добро, проваливай! у меня ни чѣмъ не поживишься; знаемъ мы васъ, — говорила сердитая старуха, провожая Павла Павлыча и крѣпко хлопнула за нимъ дверью.

Павелъ Павлычъ вышелъ за ворота, не совсѣмъ въ пріятномъ расположеніи духа. Да ужъ Кривой-ли это переулокъ? — подумалъ онъ, — не ошибся ли я? — И Павелъ Павлычъ обратился съ слѣдующимъ вопросомъ къ какой-то женщинѣ, проходившей въ это время мимо его съ коромысломъ на плечѣ: — Послушай, милая, это Кривой переулокъ?

— Кривой, — отвѣчала та не останавливаясь

— А нѣтъ ли гдѣ здѣсь еще Кривого переулка?

— Кто жъ его знаетъ; здѣсь, почитай, всѣ переулки кривые, — и коромысло скрылось за уголъ.

Получивъ такой неудовлетворительный отвѣтъ, Павелъ Павлычъ рѣшительно сталъ въ тупикъ.

— Ну! — сказалъ онъ громко: — была не была, не нужно, все равно, къ черту Ковыркина! безъ него обойдемся. Взялъ извозчика и поѣхалъ. Черезъ полчаса онъ былъ у того самого дома, который намѣревался купить. У воротъ не было ни кого, а старичокъ съ окладистой бородой сидѣлъ по-прежнему на скамеечкѣ, возлѣ рыбной лавки. Павелъ Павлычъ подошелъ къ нему.

— Позвольте узнать,—сказалъ—онъ, гдѣ могу я найти хозяина здѣшняго дома?

Старикъ всталъ.—А что вамъ, сударь, угодно? Хозяинъ я самый.

Еслибы Павелъ Павлычъ обжегся горячими щами, которыя онъ такъ любилъ, вѣрно бы скорѣе справился, нежели послѣ такого отвѣта.

— Что-жъ вамъ угодно?—повторилъ старикъ, не замѣчая смущенія Мурашкина,—квартирку, что ли? Есть недорогая.

— Я васъ спрашиваю:—гдѣ хозяинъ?—повторилъ Павелъ Павлычъ съ отчаяніемъ.

— Да вѣдь я вамъ, кажется, по-русски отвѣчаю, что—я хозяинъ.

— Стало-быть вы ужъ купили этотъ домъ у г. Дроздова?

— У какого г. Дроздова? Я самъ купецъ Дроздовъ и ужъ лѣтъ пять какъ владѣю этимъ домомъ. Да позвольте узнать,—что же вамъ-то угодно?

Павелъ Павлычъ не отвѣчалъ. Онъ плакалъ, какъ ребенокъ, приговаривая: стало быть... 500 рублей... мошенникъ... обмануль!

Добрый старикъ свелъ его въ лавку, посадилъ на стулъ и съ участіемъ просилъ сказать: въ чемъ дѣло. Павелъ Павлычъ выпилъ воды, немного успокоился и рассказалъ случившееся съ нимъ, прося совѣта. Когда онъ кончилъ, купецъ вздохнулъ, покачалъ головою, погладилъ свою сѣдую бороду и не сказалъ ни слова.

— Что же мнѣ теперь дѣлать?—спросилъ снова Павелъ Павлычъ.

— Вотъ что,—сказалъ старикъ:—отыскать этого мошенника трудно и деньги ваши пропали. Мой совѣтъ: поѣзжайте-ка вы поскорѣй, откуда пріѣхали—въ деревню, да и живите, чѣмъ Богъ благословилъ. Деньги нажить вездѣ можно; я самъ вотъ теперь, слава Богу, купцомъ сталъ и капиталецъ есть; а все отчего?—оттого, что за чужое-то дѣло никогда не брался. По нашему вотъ какъ: мужикъ, такъ мужикъ, купецъ, такъ купецъ, а баринъ, такъ баринъ—и будь бариномъ.

Послѣ такого мудраго совѣта Павелъ Павлычъ не долго

оставался въ лавкѣ и поѣхалъ домой, съ твердымъ намѣреніемъ попытать счастья на остальные деньги. Павелъ Павлычъ былъ упрямъ... Проѣзжая по какой-то улицѣ, онъ замѣтилъ казака съ книжкою подъ мышкой; въ рукахъ у него была веревочка, на которой онъ велъ рядомъ съ собою какого-то человѣка, весьма гладко стриженнаго, и лицо этого человѣка показалося Павлу Павловичу не совсѣмъ незнакомымъ: какъ будто бы онъ его гдѣ-то видѣлъ. И дѣйствительно, надѣнь на него вмѣсто сѣраго кафтана казинетовый сюртукъ, да отпусти длинные волосы и Павелъ Павлычъ первый бы закричалъ: а! Ордадьонъ Ковыркинъ!—Но Павелъ Павлычъ былъ вообще человѣкъ очень жалостливый, и потому, поровнявшись съ казакомъ, онъ отвернулся въ другую сторону и что-то подумавъ—вздохнулъ, но все-таки не перемѣнилъ своего намѣренія остаться въ Москвѣ.

Павелъ Павлычъ возвратился домой весьма смущенный. Внутри его происходило сильная борьба онъ даже совѣстился признаться Ильюшкѣ въ томъ несчастіи, котораго онъ былъ жертвою, и весьма опасался, что Ильюшка самъ догадается или узнаетъ и станетъ рассказывать всѣмъ; напишетъ къ Максиму Ивановичу, Марьѣ Ивановнѣ, та разблаговѣститъ попадѣ, а та... всему уѣзду—исправнику, судѣ, засѣдателю—и поидетъ на всю губернію...

Но Ильюшка, повидимому, ничего такого не подозрѣвалъ, онъ только видѣлъ, что баринъ его былъ сердитъ, и потому старался уклониться отъ всякаго съ нимъ разговора, потомъ подумавъ:—вѣдь и за это, пожалуй, достанется,—рѣшился доложить.

— Безъ васъ, сударь, —сказалъ онъ, не показываясь въ чистую комнату,—Кизляркинъ раза три заходилъ сюда; имъ желательно васъ видѣть; приказали сказать—есть какое-то дѣло...

— Такъ и есть, —узналъ, непременно узналъ; да теперь всѣ знаютъ,—подумалъ смущенный Павелъ Павлычъ.

— Чего-жъ ты до сихъ поръ молчалъ? пошелъ! скорѣй, скажи, что я пріѣхалъ, а самъ не входи сюди, побудь въ корридорѣ; мнѣ нужно съ нимъ поговорить.

— Слушаю-съ—и Ильюшка вышелъ.

— Любопытно знать, кто ему сказалъ,—думалъ Павелъ Павлычъ.—Какъ это скоро все узнается, точно бѣсъ какой всѣхъ повѣстилъ.—Въ это время вошелъ Кизляркинъ; онъ сухо поклонился Павлу Павловичу.

— Извините,—сказалъ онъ,—со мной случилась маленькая непріятность, но я надѣюсь что вы, какъ благородный человѣкъ, не захотите себя компрометировать и заплатите за вашего гостя по клубу? г. Побѣдкинъ вчера проигралъ мнѣ и обѣщалъ отдать сегодня. Сегодня я къ нему прѣзжаю, а онъ уѣхалъ въ деревню; вамъ извѣстны правила клуба: членъ, записавшій гостя, за него отвѣчаетъ. Впрочемъ, я соблюлъ съ своей стороны все, что слѣдовало. Побѣдкинъ записанъ въ книгу—и вы можете записать его на черную доску.

Павелъ Павлычъ слушалъ и не понималъ.

— Вамъ угодно будетъ заплатить мнѣ за г. Побѣдкина? повторилъ Кизляркинъ.

— Но я, вѣдь, вамъ извѣстно, въ карты не играю, проговорилъ наконецъ Павелъ Павлычъ, совершенно безсознательно.

— Это все равно: вы его записали и обязаны за него заплатить, тѣмъ болѣе, что сумма небольшая, всего 1,895 рублей.

— Серебромъ? воскликнулъ Павелъ Павлычъ—и отступилъ назадъ.

— Натурально серебромъ.

— Помилуйте, это—капиталь...

— Что вы! какой же это капиталъ, бездѣлица! двухмѣсячный доходъ порядочнаго человѣка, не болѣе того.

— Воля ваша, заплатить такую сумму я не въ состояніи, да и не считаю себя обязаннымъ,—сказалъ рѣшительно Павелъ Павлычъ.

— Стало-быть я вынужденнымъ найдусь прибѣгнуть къ другому средству, отъ котораго, признаться, вамъ не совсѣмъ будетъ пріятно. Такъ вы рѣшительно отказываетесь платить за вашего гостя по клубу?—спросилъ Кизляркинъ такимъ тономъ, что Павелъ Павлычъ сдѣлалъ еще шагъ назадъ.

— Я васъ спрашиваю, слышите ли, въ послѣдній разъ?—Павелъ Павлычъ упорно молчалъ.

— Въ такомъ случаѣ, извините, если полиція васъ задержитъ и принудитъ расчитаться со мною, и Кизляркинъ, хлопнувъ дверью, вышелъ изъ номера съ видомъ человѣка, рѣшившагося на что-то не совсѣмъ хорошее, въ отношеніи Мурашкина.

— Боже мой, Боже мой!—завопилъ Павелъ Павлычъ, закрывъ лицо руками и опускаясь на любимый свой стулъ съ ямкой,—чтоже это со мной будетъ? Отдай ему почти 2.000 рублей—за что? Да и откуда я ихъ возьму? Хотьбы самъ проигралъ, по крайней мѣрѣ, сердце бы не болѣло, а то я даже не видалъ, какъ ихъ и проигрывали-то... А что будетъ, если я не заплачу—и сейчасъ-же уѣду въ деревню? Но развѣ въ деревнѣ меня не найдутъ? Для чегоже нибудь у меня брали мой видъ; стало-быть имъ извѣстно, кто я такой и гдѣ проживаю. Пожалуй, отнесутся въ нашъ уѣздъ, тогда еще хуже всѣ сосѣди на смѣхъ подымутъ, житья не дадутъ, а денежки все-таки отдай... Ха, ха, ха!—и Павелъ Павлычъ, опустивъ голову, хохоталъ какъ безумный.

Въ это время въ нумеръ опять вошелъ Кизляркинъ и, обращаясь къ Мурашкину, произнесъ голосомъ болѣе мягкимъ: — Послушайте, Павелъ Павлычъ! я немного погорячился съ вами; ну, да это не бѣда; между пріятелями еще и не то бываетъ. Вотъ что а вамъ хочу предложить: дѣйствительно отдать почти 2.000 вдругъ трудно, и потому вы мнѣ заплатите теперь только половину, а въ остальныхъ дадите заемное письмо хоть на годъ, и мы разстанемся друзьями, безъ непріятностей. — Хорошъ другъ! подумалъ Павелъ Павлычъ. — А то согласитесь сами, продолжалъ Кизляркинъ, — въ какое грустное положеніе я буду поставленъ, если вы вынудите меня прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. По-истинѣ сказать: я отъ души полюбилъ васъ и чувствую къ вамъ какую-то симпатію.

— Покорно васъ благодарю,—проговорилъ Павелъ Павлычъ,—но я, право, не знаю... въ настоящее время я въ такомъ положеніи, что... такая сумма... знаете....

— Полноте, какая это сумма! Скажите, пожалуйста, ваше имѣніе заложено?

— Давно.
— Все?
— Рѣшительно.
— Ну, а хлѣбъ нынѣшняго года, конечно, еще не проданъ?
— Нѣтъ, еще вовсе не продавалъ, жду цѣнъ.
— Знаете ли: я бы вамъ посовѣтовалъ его привезти сюда; посмотрите-ка какія здѣсь цѣны.

— Признаться вамъ сказать: я прежде самъ то же думалъ.

— Такъ за чѣмъ же дѣло? Напишите старостѣ вашему приказъ, чтобы, съ полученіемъ сего, онъ немедленно привезъ сюда весь хлѣбъ а тутъ ужъ мы распорядимся; я самъ вамъ отыщу покупателя честнѣйшаго; а то вѣдь здѣсь мошенники, только не догляди, — какъ разъ обмѣрять. А между тѣмъ, знаете ли что?—вамъ бы изъ гостиницы-то переѣхать на квартиру, — это будетъ много выгоднѣе. У меня есть для васъ на примѣтѣ флигелекъ у одной вдовушки, я самъ съ ней не знакомъ, но, знаете, много наслышанъ; прелюбезная барынька, у ней и дочка есть прехорошенькая, просто *superfaite*...—и Кизляркинъ прищелкнулъ языкомъ.— Кто знаетъ,—продолжалъ онъ,—можетъ-быть и судьба къ тому ведетъ, — понимаете?... А не худое дѣло, если бы достался вамъ этотъ кусочекъ; въ приданое 10 тысячъ годового дохода и мать не прочь ее выдать, лишь бы былъ хорошій человѣкъ. Ну, да объ этомъ послѣ; теперь пишите къ старостѣ приказъ, да на счетъ заемнаго-то письмаца, а другую половинку позвольте получить теперь. Право, и для васъ будетъ спокойнѣе!...

На этотъ разъ Павелъ Павлычъ только прищурился и даже улыбнулся, потомъ досталъ бумажникъ, вынулъ изъ него 600 рублей и, вручая ихъ Кизляркину, проговорилъ: теперь извините; больше отдать никакъ не могу; привезутъ хлѣбъ,—я съ вами окончательно рассчитаюсь; а между тѣмъ въ остальныхъ завтра вы получите отъ меня заемное письмо. Только позвольте васъ попросить объ одномъ: дѣйствительно жизнь въ гостиницѣ мнѣ дорого обойдется, и я охотно принялъ бы квартиру, о которой вы сейчасъ говорили.

— Такъ чтожь? за чѣмъ дѣло? Я дамъ вамъ адресъ, — и Кизляркинъ, написавъ адресъ вдовушки, весьма любезно про-

стился съ Мурашкинымъ до завтрашняго дня и, пожелавъ ему успѣха, — вышелъ.

Еще не все потеряно, — думалъ Павелъ Павлычъ, оставшись одинъ. — Ильюшка! крикнулъ онъ, — проворнѣй извозчика, лихача съ полостью!

Отличительныя черты характера Павла Павлыча были: необыкновенная самоувѣренность въ собственныхъ достоинствахъ; онъ былъ чрезвычайно какъ скоръ и рѣшителенъ на все, считая себя если не лучше, то ни въ какомъ случаѣ не хуже кого-либо. Онъ при каждомъ задуманномъ имъ новомъ предпріятіи заранѣе былъ увѣренъ въ успѣхѣ, потому только, что видѣлъ примѣръ, какъ то-же самое удавалось другимъ. Но обстоятельство, которое мы узнаемъ послѣ, скоро убѣдило бѣднаго Мурашкина въ томъ, что не все, легко достаемое одному, безъ труда дается другому, и что есть на бѣломъ свѣтѣ люди, которые дѣйствительно искусно обдѣлываютъ дѣла на чужой счетъ и ужь никакъ «своего не теряютъ».

Въ этомъ случаѣ онъ видѣлъ, что сама судьба ему благопріятствуетъ; а примѣръ сосѣда Б.... показалъ, что еще можно поправить дѣло. Вотъ хоть бы на примѣръ Б.... года два тому назадъ приходилось просто кусать нечего, а теперь живетъ припѣваючи. А какимъ образомъ это случилось? Очень просто: занялъ у кого-то деньжонокъ, да и маршъ въ Москву. Глядимъ: черезъ годъ пріѣхалъ съ хорошенькой женой и помѣщикомъ 500 душъ. Чѣмъ же я хуже Б...? Развѣ я не могу сдѣлать то-же? Незнаю только, чѣмъ лучше взять приданое — имѣніемъ или деньгами?... Конечно, деньгами.... съ имѣніемъ много хлопотъ, да притомъ же мнѣ и съ своимъ возиться надоѣло... То ли дѣло чистоганчикъ! — примѣрно сказать, тысячекъ полтораста... Впрочемъ при этомъ не мѣшаетъ и Подмосковную... такъ.... небольшую... — и право было бы съ меня.... больше не надо.... Ужъ то-то бы пожилъ.... — И онъ сталъ составлять планъ будущей жизни. Лѣто, разумѣется, я буду жить въ деревнѣ, только незнаю въ чьей лучше: въ моей, или въ жениной?... Нѣтъ, лучше въ своей; я какъ-то къ ней привыкъ... Зиму въ Москвѣ. Квартиру буду имѣть годовую... или домъ купить? Я думаю это выгоднѣе, а то таскаться по квартирамъ —

много хлопотъ... Домъ будетъ отдѣланъ въ послѣднемъ вкусѣ... какая мебель.... зеркала.... экипажъ.... лошади!.. И я иначе не буду ѣздить, какъ въ каретѣ... по баламъ, по собраніямъ.... Вездѣ нарочно буду давать жандармамъ на водку, чтобы погромче кричали: «карету Мурашкина!» А жена?..

Быть можетъ еще долго бы Павелъ Павлычъ рисовалъ себѣ блестящую будущность супружеской жизни, если бы камердинеръ Ильюшка не прервалъ восторга своего барина на самомъ интересномъ мѣстѣ, доложивъ ему, что извозчикъ готовъ. Павелъ Павлычъ отправился...

На одной изъ самыхъ длинныхъ улицъ Москвы стоитъ двухъэтажный домъ съ флигелемъ и палисадникомъ. Домъ этотъ принадлежитъ вдовѣ, коллежской совѣтницѣ Аксиныѣ Ивановнѣ Сониной. По наружности дома, на которую всегда невольно обратишь вниманіе, можно было судить, что хозяйка его изъ порядочныхъ и живетъ не такъ какъ нѣкоторые, только для себя, а доставляетъ удовольствіе и другимъ. Всегда отворенныя ворота ясно выражаютъ готовность ея принимать гостей во всякое время, а широкій дворъ, изрѣзанный полозьями саней, можетъ служить доказательствомъ, что гостямъ должно быть очень пріятно посѣщать Аксиныю Ивановну, — и они нерѣдко ѣздятъ сюда. По вечерамъ вы увидите въ окнахъ, сквозь кисейныя драпри и занавѣски, и круглыя шляпы, и султаны, и каски, и дамскія шляпки, и гасовые шарфики, — услышите фортепіано, и по нѣкоторой системѣ въ движеніи гостей вы угадаете, что тутъ танцуютъ. Не балъ, а такъ, что-называется — вечеринка за-просто. Подобныя вечеринки у Аксины Ивановны бывають не рѣдко и продолжаются иногда до часу до третьяго. По всему этому вы можете судить, что Аксиныя Ивановна живетъ порядочно, и должно быть у ней есть кто-нибудь, для кого все это дѣлается... Вы не ошиблись; у ней дочка на возрастѣ; а у кого есть дочки, тотъ хочешь-нехочешь — живи для нихъ какъ слѣдуетъ. Не такой товаръ, чтобы прятать, — показывай всѣмъ, пока свѣжъ, а то залежится, — не скоро сбудешь... Окна флигеля большую часть года были закрыты зелеными ставнями, а на простѣнкѣ была прибита бумажка съ надписью: въ семь домѣ отдается флигель со всѣми при-

надлежностями. Но теперь ставни его были открыты, бумажка сорвана, и вообще въ покояхъ замѣтна какая-то дѣятельность. Не мудрено, — кто нибудь нанялъ. Подобныя перемѣны въ Москвѣ очень обыкновенны; и дѣйствительно: по домовою книжкѣ хозяйки значится, что такого-то года, мѣсяца и числа, во флигель переѣхалъ помѣщикъ Н... губерніи, Павелъ Павлычъ Мурашкинъ, съ крѣпостнымъ его человѣкомъ Ильей Емельяновымъ. — И такъ, мы знаемъ теперь, кто живетъ во флигелѣ коллежской совѣтницы Сониной и, по старому знакомству съ помѣщикомъ, завернемъ къ нему на новую квартиру, посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Хозяина не было дома, а Ильюшка въ передней чиститъ сапоги, приговаривая: у насъ и въ губернскомъ городѣ нѣтъ такой ваксы... Экая свѣтлая, чудная вакса!... Вдругъ дверь отворилась и вошла хозяйская дѣвушка.

— Голубчикъ! не бралъ ли ты изъ кухни ведра?

— Ведро? Да на что мнѣ твое ведро?

— Я знаю что не нужно; я такъ только спросила, А что, милый, богатъ твой баринъ?

— Не такъ, чтобы очень, а душъ шестьдесятъ наберется.

— У одного, или съ братьями?

— У него ни братьевъ, ни сестеръ нѣтъ; одинъ, какъ перстъ, — отвѣчалъ Ильюшка, продолжая свою работу.

— А мать съ отцемъ живы?

— Давнымъ-давно нѣтъ; онъ ихъ и не помнитъ.

— А что, баринъ твой не хочетъ ли жениться?

— Отчего же и не женится.

— А на что онъ больше мѣтитъ: на богатство или на красоту?

— Да не мѣшало бы и то и другое; впрочемъ, о красотѣ то онъ не такъ хлопочетъ: былъ бы капиталецъ (*либо души*), — это вѣрнѣе красоты, — а безъ того и не подумаетъ. — Горничная хотѣла продолжать разговоръ, но въ это время на дворъ въѣхали парныя сани и съ нихъ соскочилъ Павелъ Павлычъ.

— Вотъ и баринъ пріѣхалъ, — сказалъ Ильюшка, бросая чистить сапоги и отворяя дверь.

Говорливая служанка воспользовалась этимъ случаемъ, шмыгнула въ двери и убралась во свояси.

— Ты, любезный, безъ меня гостей принимать изволишь? сказалъ баринъ, скидавая шубу.

— По вашему же дѣлу, сударь. Эта голубка забѣжала спросить: не бралъ ли я изъ кухни ведра, да и разговорилась про васъ: богаты ли вы? не хотите ли жениться?

— Ну что-же ты?

— Я, сударь, все, какъ вы мнѣ изволили приказывать, такъ и говорилъ.

— Молодецъ, Ильюшка, — люблю! А что, хозяйка дома, не знаешь?

— Была дома-съ.

Надо сходить къ ней. Третій день живу, а еще дочки не видалъ; а она мнѣ про нее много говорила

— Да, хороша, сударь, нечего сказать; вчера я ее видѣлъ подь окномъ.

— Сейчасъ отправлюсь.

И черезъ четверть часа Павелъ Павлычъ сидѣлъ уже въ гостиной Аксины Ивановны и любезничалъ съ ея дочкою Анной Тихоновной, которая дѣйствительно очень мила. Пусть его любезничаетъ на здоровье, а мы не будемъ терять золотого времени. — Позвольте мнѣ познакомить васъ съ хозяйкой и ея очень миленькой дочкой. Это сдѣлать не трудно, тѣмъ болѣе, что вѣрно вамъ уже случалось встрѣчаться съ Аксиной Ивановной и не одинъ разъ, если даже и не съ этой самой, то съ другими, а это все равно, потому что всѣ онѣ удивительно какъ схожи между собой: всѣ очень милы, любезны, внимательны и привѣтливы, особенно къ людямъ холостымъ, которые показываютъ видъ, что хотятъ жениться и дѣлаютъ комплименты ихъ дочкамъ. Впрочемъ и на холостыхъ есть исключеніе: человѣкъ, который, по словамъ Аксины Ивановны, не можетъ составить счастье ея дочки, по какимъ-нибудь причинамъ, а болѣе всего — по недостаточному состоянію, не пользовался тѣмъ же, чѣмъ другіе, и встрѣчаясь съ нимъ она не привѣтствовала его какъ тѣхъ: «вы совсѣмъ забыли насъ!» и, обращаясь къ дочкѣ, прибавляла: М-г N. у насъ скучно, а дочка, умильно взглянувъ на М-г N, вздыхала и будто хотѣла сказать: «Богъ съ вами! Ужь кажется васъ ли я не занимаю!»

И, несмотря на то, что подобныя привѣтствія повторялись иногда нѣсколько разъ въ день и разнымъ лицамъ, Анна Тихоновна всегда съ одинаковымъ чувствомъ вздыхала и томными взорами каждому порознь говорила одно и то же. Съ людьми, на которыхъ Аксиныя Ивановна «мѣтила», любимый предметъ разговора ея былъ о воспитаніи дочери, о ея талантахъ и состояніи, которое она даетъ за ней; когда же люди благоразумные, повѣряя слова ея и узнавая стороной обо всемъ сказанномъ ею подробнѣе, начинали рѣже посѣщать домъ Аксиныи Ивановны и менѣе искать въ прекрасной дочкѣ, тогда горѣ имъ,—Аксиныя Ивановна весь свой гнѣвъ изливала на бѣдныхъ, называла ихъ нестоющими никакого вниманія; клеветала, рассказывала про нихъ небылицы, разумѣется съ невыгодной стороны, и заключала такъ: «я всегда думала, что N дурной человѣкъ: вотъ и всѣ говорятъ то же (между тѣмъ какъ про N никто ничего ни говорилъ дурного, кромѣ нея); не даромъ мнѣ не хотѣлось принимать его у себя; да и съ чего онъ взялъ ухаживать за Аннушкой,—ну, пара ли она ему?...» и т. д.

Новое знакомство съ женихомъ достаточнымъ—для Аксиныи Ивановны было совершенный кладъ. Теперь, разузнавъ все, что ей нужно было о Мурашкинѣ, черезъ вѣрную горничную, Аксиныя Ивановна, мигомъ смекнувъ дѣло, тутъ же рѣшила судьбу его, положивъ, во что бы то ни стало, женить на Аннушкѣ. Вотъ какова была Аксиныя Ивановна! И если вы хотите повѣрить меня во всемъ сказанномъ мною, то прислушайтесь къ разговору ея съ любезнымъ гостемъ. Въ это время представивъ дочку Мурашкину и рассуждая съ нимъ о томъ, о другомъ, она незамѣтно перешла къ любимому своему предмету и, начавъ съ талантовъ дочери, толковала, что ей стоило воспитаніе ея, удивляясь, какъ люди безъ состоянія могутъ жить въ Москвѣ, и, наконецъ, что получая около 10 тысячъ годового дохода, она только-что можетъ доставить себѣ и дочери самое необходимое, находясь въ высшемъ кругу общества. Этого довольно было, чтобы вскружить голову провинціальному гостю.

«Десять тысячъ годового дохода!—подумалъ Павелъ Павлычъ,—да этого-то мнѣ и нужно, это совершенный кладъ!» И онъ

сталъ еще любезнѣе съ дочкой, а хозяйка еще внимательнѣе къ гостю. Когда же матушка сказала, что если ей Богъ благословить выдать Аннушку за хорошаго человѣка, то она сейчасъ бы все отдала ей, Павелъ Павлычъ былъ внѣ себя, и даже по возвращеніи домой—Аннушка и 10 тысячъ годового дохода не выходили у него изъ головы. Ильюшка было предложилъ ему свои услуги—отыскать сваху, но Павелъ Павлычъ рѣшительно отказался, говоря: «нѣтъ, любезный! ни одна твоя сваха не найдетъ такой певѣсты, какая у меня напрімѣтъ; въ это время онъ подмигнулъ правымъ глазомъ на домъ хозяйки, прибавивъ—и не далеко!»

Не даромъ называютъ матушку Москву гостепріимной; нечего сказать—радушна и привѣтлива старая хлѣбосолка, не то, что Петербургъ. Здѣсь только и слышишь: безъ церемоніи, запросто, во всякое время.—Такъ обыкновенно приглашаютъ всѣхъ и cadaго. Такъ приглашала хозяйка Павла Павлыча, который, разумѣется, пользовался приглашеніями тоже безъ церемоніи, тѣмъ болѣе, что имѣлъ въ томъ свои виды: посѣщая часто Аксиною Ивановну онъ находилъ случай видѣть Анну Тихоновну, или, лучше сказать, олицетворяемая ею 10 тысячъ годового дохода, на которыя онъ, уже не шутя, сталъ мѣтить. Анна Тихоновна тоже не церемонилась съ нимъ; показывала ему свои таланты, играла на фотрeпiано, распѣвала разные романсы; а Аксиныя Ивановна въ это время всегда находила какой-нибудь предлогъ уходить (должно-быть по хозяйству) и оставляла ихъ такимъ-образомъ, какъ говорится, глазъ-на-глазъ. Павелъ Павлычъ не терялъ удобнаго времени: когда поцѣлуетъ ручку у милой музыкантши, когда плечико, и Аннѣ Тихоновнѣ, повидимому, не были въ тягость подобныя нѣжности; напротивъ, она въ свою очередь пожимала руку Павла Павлыча и частенько надъ самымъ ухомъ его такъ вздыхала, что у бѣднаго Мурашкина—мурашки по кожи пробѣгали. Наконецъ Павелъ Павлычъ до того пришелъ въ восторгъ, что однажды, когда Анна Тихоновна пожала ему руку, соскочилъ съ своего мѣста, опрокинулъ стулъ и, не помня себя, напечатлѣлъ жаркій поцѣлуй на розовыхъ губкахъ красавицы. Но представьте его положеніе, когда, вслѣдъ за пламеннымъ «чмокъ» раздалось

позади: «Анна Тихоновна! Это что значить!»! Голосъ былъ Аксиныи Ивановны. Павелъ Павлычъ растерялся... Первая мысль, блеснувшая въ головѣ героя, была—провалиться сквозь землю; но развѣ это возможно? Между имъ и землей былъ прекрасный дубовый полъ, а у ногъ—Анна Тихоновна лежала въ обморокѣ. Долго не зналъ на что ему рѣшиться. Другой на его мѣстѣ, поопытнѣй, сейчасъ бы нашелся—что дѣлать; но Павелъ Павлычъ человѣкъ прямой, ему въ голову не приходило о возможности поправить свою ошибку.

Въ это время Аксиныя Ивановна, съ распростертыми къ небу руками и разинутымъ ртомъ, стояла предъ дерзкимъ; въ довершеніе картины изъ дверей выглядывала страшная человѣческая фигура, съ предлинными усами, къ которой Аксиныя Ивановна оборотилась и, спустя нѣсколько минутъ молчанія, почти сквозь слезы сказала: «вотъ, любезный куманекъ, теперь вы сами свидѣтелемъ, до какой степени Павелъ Павлычъ употребляетъ во зло нашу къ нему довѣренность; видите, до чего довелъ онъ вашу крестницу—эту невинную жертву...» Усы зашевелились и грозно приближались къ Павлу Павлычу, который, видя въ первый разъ незнакомое лицо, съ фізіономіей весьма недоброжелательной,—певольно отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ, бормоча про себя: «Ей Богу я не виновать! сама Анна Тихоновна...» Затѣмъ онъ еще хотѣлъ что-то принести въ свое оправданіе; но незнакомецъ увлекъ его въ другую комнату, куда потомъ пришли и Аксиныя Ивановна съ Анной Тихоновной. Долго они говорили тамъ, а о чемъ говорили?—неизвѣстно. Только Павелъ Павлычъ возвратился домой поздно и очень веселъ. Когда Ильюшка, раздѣвъ барина, вышелъ вонъ,—баринъ, потирая отъ удовольствія руки, говорилъ въ полголоса: Эхъ, подумаешь. Все дѣлается къ лучшему,—ну, не видать бы мнѣ, какъ своихъ ушей, Аннеточку, а теперь сами настаиваютъ, чтобъ я женился.... А, каково?... Вотъ что значить умѣнье!... Даромъ, что провинціаль, а выкинулъ штуку... другому и столичному не удастся! Теперь я вправѣ похвалиться, что не я искалъ въ нихъ; а они во мнѣ. Даромъ, что провинціаль! Ха, ха, ха! А здѣшніе франтики, чай, тоже увивались около нея, да нѣтъ, шалите, голубчики. Мы—почище!»

На другой день была помолвка Павла Павлыча съ Анной Тихоновной, а на третій сватьба—и фигура съ предлинными усами была шаферомъ у Мурашкина. Невѣста вѣнчалась вся въ брильянтахъ. Балъ задали на славу!—А потомъ молодые тотчасъ-же уѣхали въ Тимшенскую деревню, въ которой Павелъ Павлычъ и по сіе время чахнетъ и дѣятельнѣе всѣхъ своихъ сосѣдей ведетъ переписку съ опекуескимъ совѣтомъ.

— Странное дѣло! Казалось бы, отчего это ему чахнуть, спрашивалъ я судью, бывшаго начальника Павла Павлыча. Всѣ неудачи, которыя онъ имѣлъ, должны были загладиться выгодной женитьбой. Вѣдь 10 тысячъ годового дохода, согласитесь, развѣ это мало?

— Особенно на словахъ,—и очень недостаточно!—отвѣчалъ мнѣ судья; на дѣлѣ же оказалось у жены только 50 душъ въ Саратовской губерніи, и то послѣ смерти дяди, который прошлаго года женился и Богъ вѣсть когда умереть.

— А брильянты?

— Всѣ, до одного камушка, были взяты напрокатъ, и на другой же день возвращены ювелиру, подъ предлогомъ передѣлыванія.

— По крайней-мѣрѣ домъ!

— И того не дали! Мать только имъ и живетъ.

Понимаете? Въ Бѣлокаменной-то, видно, не то, что у насъ! «На чужой каравай, ротъ не разѣвай!»

ДѢЛЦЫ.

I.

Сейчасъ получилъ изъ суда бумагу, въ которой сказано, что я утвержденъ наслѣдникомъ послѣ покойнаго моего дяди Кирилла Кириллыча. Царство ему небесное, добрый былъ человекъ, и состояніе оставилъ прекрасное; до 600 душъ чистаго имѣнія въ одной окружной межѣ; при немъ 11 тысячъ десятинъ земли, изъ которой 4 тысячи подъ лѣсомъ; говорятъ, строевой лѣсъ удивительный: есть такія деревья, что троимъ

въ обхватъ. Кромѣ этого по имѣнію протекаетъ большая судоходная рѣка. Слѣдуетъ устроить пристань. Да около такого имѣнія есть чѣмъ позаняться! Не знаю только, каковы мужики. Не избалованы ли? Впрочемъ, покойный дядя, хотя и добрый былъ старикъ, а потачки, кажется, не любилъ давать никому.

Я помню, какъ онъ однажды при мнѣ выговаривалъ фореитору Гришкѣ за то, что тотъ не хотѣлъ жениться на Агашѣ, а просилъ за себя другую. — «Я, говоритъ, щенокъ этакой, тебѣ добра желаю, а ты моей волѣ противиться можешь!» Не понимаю, что за охота не дѣлать сразу того, что приказываютъ. Нѣтъ, какъ можно, надо поломаться, показать свой форсъ, да навлечь на себя неудовольствіе; рѣшительно не понимаю. Ну, еще еслибъ вслѣдствіе этого форса дѣлалось по-нашему, такъ туда-сюда, отчего при случаѣ и не форснуть; а то вѣдь, я знаю, Гришка давно женатъ на Агашѣ. Спрашивается: изъ чего же онъ кобенился? Нѣтъ, я увѣренъ: дядюшкины мужички не должны быть избалованы.

II.

Лошади поданы; отправляюсь въ новыя свои владѣнія. Странно, отчего это мнѣ какъ-то неловко, не по-себѣ. Боленъ не боленъ, а чувствую что-то такое не совсѣмъ пріятное, вѣроятно вслѣдствіе дурно-проведенной ночи, въ продолженіе которой я раза четыре просыпался. Вообще я спалъ сегодня очень дурно, и сны снились все такіе-то странные; то будто я переѣзжаю широкую рѣку по тонкому осеннему льду, который трещить и колеблется подо мною; то быстро несусь подъ гору, а подъ горой тьма людей, стоятъ они съ открытыми головами и, завидя меня, всѣ съ ужасомъ жмутся другъ къ другу, вѣроятно изъ опасенія быть раздавленными. Я даже слышалъ отчаянные вопли женъ и дѣтей... То снился мнѣ покойный дядя въ своемъ камлотовомъ длиннополомъ сюртукѣ, съ любимой березовой палкой въ рукахъ, имѣющей натуральный набалдашникъ въ видѣ сабельнаго эфеса. Угрюмое лицо старика было еще угрюмѣе. — «Вася, говорилъ онъ мнѣ таинственнымъ голосомъ, какъ мнѣ жаль, что ты бѣденъ, да я и самъ теперь кромѣ этого сюртука ничего не имѣю; посмотри: усадьба, лѣса, деревни мои,

все горить. Пускай все горить и останется одно гладкое поле, тогда мы съ тобой примемся за хозяйство. Тогда...» но въ это время меня разбудили и я не дослушалъ почтеннаго дядюшку; а жаль, интересно знать, какъ бы мы стали хозяйничать.

III.

Наконецъ я въ дорогѣ. Говорятъ, кто не былъ на морѣ, тотъ не умѣетъ Богу молиться. Не знаю, насколько это справедливо, потому что мнѣ на морѣ быть не случилось; но эту же самую поговорку безъ преувеличенія могу смѣло примѣнить и къ твердой землѣ. Кто не ѣздилъ по нашимъ дорогамъ въ то время года, когда, по положенію, вмѣсто пары впрягаютъ тройку, тотъ положительно не умѣетъ молиться Богу. Представьте себѣ, что со мною случилось: не съѣзжая съ большой дороги, я сбился съ пути и попалъ въ канаву середь дороги. Конечно ночью, а не днемъ; однако отъ этого мнѣ было не легче. Съ перваго взгляда подобное приключеніе можетъ показаться совсѣмъ не правдоподобнымъ; на самомъ дѣлѣ оно весьма естественно: извѣстно, что земля русская обширна, слѣдовательно и большія дороги въ ней также должны быть обширны, иначе не было бы никакой гармоніи. Русскій человѣкъ любитъ просторъ, въ этомъ ему отказать нельзя: и потому неудивительно, что дорога, по которой я ѣхалъ, была ширины непомѣрной и вдобавокъ изрытая, какъ водится, по всѣмъ направленіямъ глубокими колеями, и представляла большое неудобство какъ для лошадей, такъ и для экипажа, почему догадливые мужички, не имѣя возможности укатать дорогу во всю ея ширину, укатываютъ постоянно такое пространство, по которому телѣга ихъ катится спокойно и безопасно. Такимъ образомъ на дорогѣ является еще дорожка, которая и гуляетъ себѣ зигзагомъ изъ стороны въ сторону, вслѣдствіе чего иногда совершенно неожиданно приходится дѣлать верстъ на сто по крайней мѣрѣ двадцать лишнихъ. Не правда ли, это не послѣднее наслажденіе, особенно если вамъ время дорого и вы куда-нибудь спѣшите. Но если дорога не вся укатывается, т.-е. проѣзжающіе ѣздятъ только по извѣстному мѣсту, что очень натурально, нѣтъ никакой надобности и мосты дѣлать на поперечныхъ канавахъ

въ ширину всей дороги: весьма достаточно устроить мостикъ такой, по которому бы могла перебраться только одна тройка; о перилахъ также хлопотать много нечего, потому что они гниютъ, да и пьяный мужикъ, ѣдучи съ базара, легко можетъ нанести имъ вредъ колесомъ или дровнями: стало-быть, перила — послѣднее дѣло. Ради такой логики мостики дѣлаются узенькіе и почти всегда безъ перилъ. Темная ночь не позволила моему ямщику рассмотреть хорошенько впереди себя, и онъ, сбившись съ накатанной дороги, попалъ на мостъ только двумя колесами экипажа, а остальные два на мостъ не попали, а вмѣстѣ съ пристяжной въѣхали въ канаву, по счастью не глубокую; такимъ образомъ, я очутился на одномъ боку въ коляскѣ, а вскорѣ съ коляской въ канавѣ... Теперь вы понимаете, что сбиться съ пути на нашихъ дорогахъ такъ же легко, какъ, гуляя по Невскому проспекту, встрѣтиться съ какимъ-нибудь франтомъ или франтихой.

IV.

— Зачѣмъ это сдѣлали такую дорогу? — спрашиваю я ямщика, — ширина непомѣрная, а ѣздить по ней нельзя.

— Да какъ же, сударь, сдѣлать меньше-то, вѣдь у насъ ѣзда не малая. Ужъ такая, знать, слѣдуетъ.

— Что же въ томъ пользы?

— Вѣстимо, пользы никакой нѣтъ, только одна забота старостамъ, значить — насчетъ починки.

— А ее-таки починяютъ?

— Починять-то не починяютъ, а народъ на нее ежегодно раза по два сгоняется.

— Зачѣмъ же сгоняется?

— Вишь, управляющій приказываетъ.

— Что же этотъ народъ дѣлаетъ?

— Извѣстно что, дней пятокъ поживетъ, да и разойдется.

— А староста это знаетъ?

— Что жъ староста? онъ у насъ парень славный и самъ знаетъ, что нашимъ мужичкамъ здѣсь дѣлать нечего.

— Отчего же?

— Да оттого, что тутъ надо пять тысячъ человѣкъ грабровъ съ хорошимъ инструментомъ: съ тачками, да съ заступами; а ихъ придетъ человѣкъ тридцать, либо сорокъ, съ деревянными лопатами, а другой съ однимъ топоромъ; либо съ веревкой, такъ нешто дорогу исправить съ веревкой возможно? Стало быть и староста это дѣло знаетъ.

— Почему же не донесутъ о томъ управляющему?

— Что ему доносить-то, когда онъ здѣсь самъ еженедѣльно проѣзжаетъ въ свою вотчину. Намедни, сердечный, подъ самой деревней завязъ, — знаешь, дожди были, такъ всей деревней насилиу вытащили. Оно, вѣстимо, кабы дорогу-то починить, такъ можетъ статья она и поисправнѣе будетъ, да вишь, говорятъ, плантъ портить нельзя... Подъ гору, баринъ, тебѣ не выйти ли, а то спускаться къ парому несовсѣмъ благонадежно, оборони Богъ, не попасть бы въ рѣку; гора здѣсь каменистая, да такая, Христось съ ней, вычурная, того и гляди, что на поворотахъ съ конями не совладаешь. А то сиди, авось, Господь и пронесетъ.

Но я всегда плохо рассчитывалъ на авось, и потому поспѣшилъ выдти. Въ самомъ дѣлѣ, гора, по которой спускался мой экипажъ, была почти отвѣсно крута, и при томъ дорога по ней поворачивала то вправо, то влѣво, по камнямъ, колеямъ и пригоркамъ, съ крутымъ поворотомъ къ парому. Нужно было имѣть особенную сноровку ямщика, чтобы удержать коляску въ равновѣсіи, и смѣлость, свойственную только человѣку русскому—рѣшиться оставаться на козлахъ, рискуя ежеминутно упасть и размозжить себѣ голову.

— Неужели вы ѣздите здѣсь и по ночамъ?—спросилъ я.

— Для чего жъ не ѣздить, ѣздимъ. Во всякую пору, ничего, Богъ милуетъ; оно точно, спервоначала какъ будто бы боязно; а послѣ помаленьку привыкаешь, надо же какъ-нибудь хлѣбъ добывать, ну, и привыкаемъ.

— А это какой перевозъ, казенный?—перебилъ я ямщика, чтобъ перемѣнить разговоръ, который, не знаю почему, начиналъ меня тяготить.

— Вѣстимо казенный; а вонъ тамъ на большомъ трактѣ, и почта поджидаетъ.

V.

Село Хвощино, цѣль моего странствованія, лежитъ не на большой дорогѣ. Отъ почтовой станціи «Амешины-дворы» оно считается верстъ семнадцать вправо, и потому, пріѣхавъ на эту станцію, я долженъ былъ позаботиться о вольныхъ. Станціонный смотритель объявилъ мнѣ, что здѣсь ямъ большой и достать лошадей можно очень скоро.

— А между прочимъ, — прибавилъ онъ, — не прикажете ли самоварчикъ поставить, или чего нибудь покушать; у меня, ваше высокоблагородіе, жена прекрасно готовить.

Но, несмотря на голодъ, который я началъ ощущать еще со второй станціи моего пути, вслѣдствіе постныхъ дней, я предпочелъ отказаться отъ того и другого, изъ опасенія имѣть дѣло съ нелуженымъ самоваромъ или березовыми грибами, ровестниками Аделаиды Семеновны, у которой восемь лѣтъ тому назадъ умерла внучка, женивъ своего сына первенца. Отказъ мой, повидимому, огорчилъ смотрителя, и онъ, покосившись на меня, вышелъ въ другую половину избы; а я между тѣмъ послалъ своего мальчика Васю, который ѣхалъ при мнѣ въ качествѣ лонъ-лакея, за ямщиками. Но едва онъ успѣлъ подойти къ двери, чтобъ исполнить мое приказаніе, какъ въ комнату вошли три мужика. Набожно помолясь въ передній уголъ иконамъ, они всѣ трое отвѣсили мнѣ ровный, низкій поклонъ и, встряхнувъ головами, стали какъ вкопанные.

— Что вамъ надо? — спросилъ я ласково.

— Да мы слышали, что вашей милости требуется ѣхать въ сторону, такъ насчетъ лошадокъ пришли, — проговорилъ одинъ изъ нихъ, потупясь и переступая съ ноги на ногу.

— Село Хвощино знаете? — спросилъ я.

— Какъ не знать Хвошню, — проговорили почти въ одинъ голосъ всѣ трое.

— Ну, такъ меня надо туда везти.

— Ладно, что жъ и туда свезти можно, — замѣтилъ молодой парень.

— А сколько верстъ вы считаете отсюда до Хвощина.

— Кто жъ его знаетъ, ваше благородіе, вамъ вѣрнѣй знать, —

возразилъ чернобородый,—надо полагать версть около тридцати будетъ....

— Нѣ, дядя Микита,—перебилъ парень,—тридцати не будетъ.... Нешто съ чѣмъ-нибудь двадцать; а тридцати не быть.

— Много ты знаешь,—замѣтилъ въ свою очередь третій;—ты, чай, по этой дорогѣ-то и не ѣзжалъ николи. Поморье-то отсюда по твоему сколько будетъ?

— Сколько?

— Ну сколько? а тамъ Ластаиха, а тамъ Боры, а тамъ.... Тутъ завязался между ними горячій споръ о томъ, какое разстояніе между деревнями по направленію къ Хвощину. Побѣдителемъ остался молодой парень; онъ мужественно выдержалъ напоръ двухъ своихъ противниковъ, ихъ толчки локтями, насмѣшки и легкую побранку, и доказавъ какъ дважды два—четыре, что до Хвощина съ небольшимъ двадцать двѣ версты (тогда какъ ихъ было всего семнадцать), предложилъ доставить меня на мѣсто тройкой, не болѣе, какъ черезъ два часа.

— Сколько же ты съ меня возьмешь?—спросилъ я.

— Что тутъ, сударь, долго калякать, по двугривенничку на версту дадите, да мѣрку овсеца, такъ сейчасъ и впрягать стану.

— Ну, а вы бы сколько взяли,—спросилъ я дядю Никиту и его товарища.

— Да что выпрошено, ваше благородіе, пожалуй и мы за то же съѣдемъ.—отвѣчалъ дядя Микита.

— За что же такъ дорого?—спросилъ я,—вѣдь это вы хотите взять съ меня почти впятеро противъ казенныхъ прогоновъ.

— А по той причинѣ, сударь, что дорога-то пойдетъ проселкомъ; да и опричь насъ троихъ здѣсь никто не нанимается.

Причина уважительная, подумалъ я и заключилъ свое сужденіе мыслями: отчего вольнымъ ямщикамъ не положить таксы, а то съ ними просто бѣда,—при нуждѣ хоть шубу продайте, а заплатите, что потребуетъ съ васъ какой-нибудь дядя Микита. Мнѣ кажется, справедливо бы было назначить таксу для вольныхъ, положимъ хоть двѣ копейки серебромъ съ лошади на версту, если только необходимо платить имъ дорожке почтовыхъ, а содержателей обязать такими же билетиками, какими обя-

зываютъ извозчиковъ въ городахъ, взимая съ нихъ извѣстный процентъ съ каждой лошади. Это принесло бы пользу казнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ освободило бы проѣзжающаго отъ платы, зависящей лишь отъ одного произвола ямщика, который никогда не положить охулки на руку, если ему представится случай притиснуть.

Подумавъ о томъ, я посулилъ за лошадей три рубля съ половиной. Добрые люди, отъ которыхъ въ настоящее время зависѣло продолженіе моего пути, сначала поторговались со мной, потѣмъ вышли, опять вошли и опять поторговались, наконецъ, выпросивъ пятиалтынный прибавочки, согласились доставить меня въ село Хвощино.

— Кто же изъ васъ поѣдетъ?—спросилъ я.

— А кому, ваше благородіе, достанется по жеребью: можетъ статья намъ, а можетъ и ему,—прибавилъ чернобородый, указывая на парня,—для насъ все-едино.

— Ну, закладывайте проворнѣй.

Прошу покорно разгадать натуру русскаго возницы: за минуту передъ тѣмъ дядя Никита казался заклятымъ врагомъ молодого ямщика, а едва коснулось дѣло до пользы, они не перебиваютъ ее другъ у друга, дѣйствуютъ единодушно и охотно покоряются случайности жеребья. Да, удивительная натура. Что, еслибъ можно было примѣнить такую натуру къ пользѣ общественной. Я думаю, изъ того великая бы была польза.

Бѣхатъ со мной досталось молодому парню: лошади у него были лихія, и потому черезъ четверть часа станція осталась далече позади насъ.

— Какъ же станціонный смотритель сказалъ, что у васъ большой ямъ,—спросилъ я ямщика,—а васъ всего трое.

— Это, сударь, онъ балясничаетъ, чтобы проѣзжающіе не торопились отъѣздомъ; да попили бы у него чайку, либо водочки. Онъ такой перець, что не приведи Богъ,—безъ двугривеннаго никому никакой работы взять не позволить, наговорить проѣзжающему, что и лошади-то у него безноги, и ѣздить-то онъ не умѣетъ; а вотъ, скажетъ, на такого-то можно положиться—значить, тотъ ему заплатилъ. Ну, проѣзжающій—

извѣстное дѣло — тебя и прогнать, а того возметь. Да оно, сударь, все ничего, двугривенный для чего не дать, только бы Богъ далъ работки, а то работа-то нонѣ что-то стала плоха; бывало, по полтиннику съ купцовъ на чай получали, а теперь, что купецъ, что господинъ — все-едино: семикопеешникъ суютъ.

VI.

Солнце было еще довольно высоко, когда я вѣхалъ въ село Хвощино. Признаюсь, первое впечатлѣніе, сдѣланное на меня селеніемъ, было не совсѣмъ пріятно, и нисколько не соотвѣтствовало моимъ ожиданіямъ. Дядя мой былъ человѣкъ одинокій, жилъ всегда довольно и умѣренно, никогда не требовалъ отъ крестьянина ничего лишняго; даже мальчишки, приносившіе ему лѣтомъ грибы, и тѣ получали за труды свои по грошу, или по два, смотря по величинѣ мастинки и по достоинству набранныхъ грибовъ. За что помѣщица Толстоумова всегда ужасно какъ сердилась и однажды даже рѣшилась замѣтить покойнику. «Что это, вы, батюшка, говорила она, развѣ можно до такой степени баловать своихъ домашнихъ, ужъ и грибовъ-то они вамъ даромъ принести не могутъ, на что это похоже. Нѣтъ, воля ваша, съ вами и по сосѣдству-то жить опасно, вы, того гляди, и нашихъ-то избалуете; пожалуй, скоро придется и за все имъ платить».

«Намедни и такъ стала я бранить Оеклушку-ключницу, что потакаетъ бабамъ, принимая отъ нихъ орѣхи да чернику не въ полномъ количествѣ, такъ что-бъ вы думали, она мнѣ отвѣчала: напрасно, говорить, сударыня, изволите гнѣваться, въ другихъ мѣстахъ и вовсе отъ господъ такихъ поборовъ не полагается, по той причинѣ, что ягода-то или орѣхъ, сами по себѣ, ничего не стоятъ, да ходить-то за ними надо въ рабочую пору. — Какъ вамъ это понравится, присовокупила взволнованная Толстоумова. Что же я, послѣ этого, какая буду госпожа? а все, батюшка, по вашей милости, вы избаловали. Хвощинскіе всѣмъ какъ бѣльмо на глазу! — Дядя сначала смѣялся, какъ помѣщица хорохорилась, а потомъ и самъ осерчалъ.

— Да вамъ-то, сударыня, до Хвоцинскихъ какое дѣло: за-

хочу, говорить, такъ всѣмъ буду платить за труды, не ваше дѣло, въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходять, я въ ваше управленіе не вмѣшиваюсь, прошу и моего не касаться.—Управленіе дяди было не понутру не одной Толстоумовой; другіе сосѣди также посматривали на него косо, и если иногда извиняли легкомысленные, по ихъ мнѣнію, поступки старика, то единственно потому, что онъ былъ человѣкъ холостой; семейному же, говорили они, дѣло извѣстное, такъ жить не приходится: ему больше, надо нежели холостому. По ихъ мнѣнію, выходитъ такъ, что къ помѣщику, у котораго есть свое семейство, разсудительный крестьянинъ никогда не долженъ являться съ нуждою; а если какой-нибудь такой явится, значить онъ лѣнтяй и проку отъ него не жди. Но не такъ разсуждалъ мой дядя: онъ хорошо зналъ нужды своихъ крестьянъ и закромы его постоянно были открыты для каждаго изъ нихъ, а въ случаѣ надобности, бывало, и деньжонками выручить, и избенку дать, и скотинушку подарить. Вотъ каковъ былъ у меня дядюшка, царство ему небесное, зато мужички и по сю пору его благословляютъ.

Отчего же наружный видъ села Хвощина ничего не говоритъ въ пользу бывшаго его владѣльца, такъ хорошо понимавшаго нужду крестьянина и всегда готоваго пособить ей? Отчего Хвощино ничѣмъ не отличается отъ другихъ селеній, которыхъ на своемъ вѣку я много проѣхалъ? Тѣ же полуразвалившіеся гуменники, до половины покрытые гнилою соломою, тѣ же покачнувшіеся на сторону дворы, тѣ же курныя избы, заваленныя по самыя окна хворостомъ, и, наконецъ, то же бессмысленно-тупое выраженіе лицъ крестьянъ.

Отчего, спрашиваю самъ себя, все это сдѣлалось достояніемъ и села Хвощина, тогда какъ управленіе моего дяди не походило на управленіе другихъ помѣщиковъ. Неужели этотъ беспорядокъ, это не радѣніе къ самимъ себѣ, эта жалкая апатія до такой степени обуяли людей, что они охотно мирятся съ настоящимъ своимъ положеніемъ, и повидимому не желаютъ ничего лучшаго.

Такъ думалъ я, подъѣзжая къ тесовому крыльцу господскаго дома.

VII.

Наружный видъ дома, къ которому я подѣхалъ, и его архитектура, не представляли ничего особеннаго; это былъ длинный деревянный, на каменномъ фундаментѣ, флигель, обшитый тесомъ и выкрашенный какою-то бурою краской. Одинъ конецъ его доходилъ до желѣзной рѣшетки сада, а другой примыкалъ къ пруду или, правильнѣе, небольшой саженкѣ, вырытой, какъ я узналъ послѣ, по приказанію дядюшки, исключительно дворовыми людьми, собственно для того, чтобы занять ихъ какимъ-нибудь дѣломъ и не давать даромъ мѣсцены. Прочія, надворныя строенія, жилыя и не жилыя, какъ то: конюшни, сарай, баня, погребъ и людскія избы, которыя выстроены были полуциркулемъ противъ дома, также обшиты тесомъ и выкрашены тою же бурою краской, мѣстами смытой дождемъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ торчали деревянные шесты съ жестяными флюгерами, пѣтухами и конями (послѣдніе представлены были взвившимися на дыбы), вѣроятно работы какого-нибудь артиста-кузнеца.

Когда я выходилъ изъ коляски, то человѣкъ десять разнаго пола и возраста, выбѣжавъ изъ людскихъ и суетливо обгоняя другъ друга, спѣшили къ дому. Одинъ изъ нихъ, со связкою ключей въ рукахъ, повидимому, торопился болѣе другихъ и подбѣжалъ ко мнѣ первый.

— Здравствуйте, батюшка Александръ Петровичъ, пожалуйста ручку, сказалъ онъ, низко кланяясь и хватая мою руку, которую, впрочемъ, я успѣлъ отнять.

— А, это ты Андрей!— Не надо, не надо, старикъ, я своей руки цѣловать никому не даю. Не надо.

— Ну, все ли у васъ благополучно?

— Все, батюшка, слава Тебѣ, Господи, только безъ господъ-то намъ какъ будто бы скучненько.

— Скажи, пожалуйста, зачѣмъ же они всѣ бѣгутъ сюда,— спросилъ я, указывая на бѣжавшихъ.

— А какже, батюшка, не бѣжать-то: вѣдь имъ тоже желательно посмотрѣть своего барина, вашу-то милость.

— Спасибо, я самъ очень радъ ихъ видѣть. Только скажи

имъ, что теперь я съ дороги усталъ и хочу немного отдохнуть, а чтобъ они пришли ко мнѣ завтра. Отпирай же домъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ комнатахъ. Судя по вымытымъ поламъ, по стертой со столовъ и прочей мебели пыли и отсутствію по угламъ и потолку паутины, нетрудно было угадать, что меня ждали. Въ этомъ самомъ домѣ въ послѣдній разъ я былъ еще ребенкомъ, лѣтъ двадцать пять тому назадъ; когда я вошелъ въ него теперь и прошелъ по всѣмъ комнатамъ, то мнѣ показалось, будто бы я только вчера выѣхалъ отсюда, — вокругъ меня такъ все было неизмѣнно..... Тотъ же круглый дубовый столъ посреди залы; а надъ нимъ та же люстра изъ папье-маше, изображающая купидона въ лодкѣ; по стѣнамъ тѣ же самые плетеные стулья съ высокими спинками, гостиная попрежнему уставлена диванами и креслами краснаго дерева съ волосяными подушками, овальный столъ покрытъ тою же ярославскою салфеткой. Третья комната, раздѣленная ширмами съ разноцвѣтными стеклами на спальню и кабинетъ, также оставалась въ прежнемъ своемъ видѣ и заключала въ себѣ двое вольтеровскихъ креселъ, нѣсколько стульевъ и большой письменный столъ съ безчисленнымъ множествомъ ящичковъ. Въ одномъ углу помѣщался каминъ, а въ другомъ шкафъ съ книгами, изъ которыхъ большая часть была приходо-расходныхъ; по стѣнамъ висѣло нѣсколько фамильныхъ портретовъ. Когда я вошелъ въ спальню покойнаго, то на меня вдругъ повѣяло какимъ-то холодомъ и пустотой. Странная вещь: я не видалъ кончины дяди, но услужливое воображеніе не замедлило нарисовать ее передо мною, и, взглянувъ на кровать, я невольно отступилъ: мнѣ показалось, что борьба смерти съ жизнью на ней еще продолжалась; я видѣлъ искаженное лицо умирающаго и слышалъ его послѣдніе стоны..... Да, нечего сказать, воображеніе иногда бываетъ очень услужливо.

VIII.

Сегодня я имѣлъ длинный разговоръ съ Андреемъ, который состоитъ при имѣніи въ качествѣ управляющаго; онъ пришелъ ко мнѣ съ просьбой уволить его отъ должности, которая становится ему не подъ силу.

— Отчего же она тебѣ не подь силу,—спрашиваю я его.

— Да ужъ, батюшка, какіе мои года-то,—скоро шестьдесятъ стукнетъ, и глаза плохо смотрѣть стали: а съ этимъ народомъ надо глаза да глаза.

— Что же, развѣ ты недоволенъ крестьянами?

— Да вотъ, сударь, поживете, такъ увидите сами; на нихъ, кажется, никто не угодить. Покойный баринъ, царство ему небесное, всѣхъ такъ перебаловалъ, что теперь съ ними и не сообразишь.

— Однако, это скверно,—подумалъ я.—Что же, они пьянствуютъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, пьянствовать-то не пьянствуютъ, попусту обижать нечего.

— Стало-быть, въ воровствѣ часто попадаются?

— Ну, и этого грѣхъ сказать, вотъ я, почитай, съ малолѣтства около ихъ, а всего никакъ двое замѣчены.

— Такъ что же они дѣлаютъ, чѣмъ ты ими недоволенъ?

— Дисциплины, сударь, никакой ни имѣютъ, вотъ чѣмъ.

— Стало быть не исполняютъ твоихъ приказаній?

— То-то что не слушаются. Мы, говорятъ, барина хотимъ знать, а не тебя. Да не одного меня, сударь, и приказчиковъ-то и старость въ усъ не дуютъ, одно слово—народъ избалованный.

— Плохо; чего же имъ хочется?

— Да ужъ и самъ не знаю, а сбиваетъ ихъ все больше Аграфена ключница. Вотъ ее такъ слушаютъ, и за совѣтомъ все больше къ ней ходятъ.

— Должно быть умная женщина,—подумалъ я.

— Вотъ бы, сударь,—продолжалъ Андрей,—управляющаго-вамъ взять изъ Миклушинской вотчины, что за рѣкой,—чай изволили знать; намереніи я слышалъ, говорятъ миклушинскіе господа его отпускаютъ по той причинѣ, что тамъ у нихъ что-то съ барыней вышло.... А управляющій, можно сказать, у насъ первый по уѣзду. Тамъ насчетъ машинъ какихъ, или осушки болота, или лѣсъ произвести—супротивъ его никто не будетъ. Ну, да и то сказать, самъ господинъ не нашему брату чета: никакъ душъ тридцать собственныхъ, родовыхъ

было,—года четыре только какъ съ акціона продали. Значить, порядокъ-то ему весь извѣстенъ не въ примѣръ лучше чѣмъ крѣпостному; да и съ мужикомъ-то ему обращаться способнѣе. Явите божескую милость—увольте, заставьте на старости лѣтъ за себя вѣчно Богу молить. И приказчики также хотятъ вашу милость утруждать, не смѣните ли ужъ и ихъ.

— Нѣтъ, Андрей, теперь я никого не уволю, пусть каждый занимается своимъ дѣломъ попрежнему; нельзя же баловать крестьянъ; нужно непременно заставить ихъ слушаться и управляющаго и приказчиковъ. Я не могу жить всегда съ вами. Ты знаешь: я служу, на мнѣ лежитъ обязанность другого рода. Ты понимаешь?

— Какъ не понимать, сударь: извѣстное дѣло, вамъ нельзя оставаться съ мужиками.

— Ну, такъ видишь ли, стало-быть мнѣ надо прежде раз-
узнать, почему именно мужики не повинуются вамъ, а послѣ, пожалуй, на твое мѣсто я могу назначить другого и если будетъ нужно, то и приказчиковъ смѣню, а до тѣхъ поръ, пожалуйста, поступай такъ, какъ ты поступалъ прежде.

Андрей почесалъ затылокъ и вышелъ, повидимому, не совсѣмъ довольный моимъ распоряженіемъ.

IX.

Аграфена-ключница, та самая, которую слушали мои мужики и приходили къ ней за совѣтами, была дочь Мокея, камердинера моего дѣда (отца дяди); мать ея, купленная у премьеръ-маіора Заварынского, собственно за красоту, находилась долго въ услуженіи у моей бабки, въ качествѣ первой горничной, а послѣ дѣдъ выдалъ ее замужъ за своего камердинера, разумѣется, съ приличнымъ награжденіемъ за усердную службу..... Отъ этого-то брака и родилась Аграфена Мокеевна. Вотъ что я узналъ объ ней. Въ молодости своей она была очень хороша собой, и потому почти всѣ дворовые молодые люди находились въ числѣ ея поклонниковъ, и каждый изъ нихъ искалъ ея руки. Больше же всѣхъ ухаживалъ за нею Андрей, тотъ самый, который теперь жаловался мнѣ, что она сбиваетъ мужиковъ. На всѣ происки обожателей Агра-

фена отвѣчала холоднымъ равнодушіемъ, а Андрею объявила наотрѣзъ, что лучше надѣнетъ себѣ петлю на шею, нежели пойдетъ за него. Но Андрей не унялся этимъ; онъ упалъ въ ноги покойному дядѣ и объявилъ рѣшительно, что если онъ не прикажетъ Грушкѣ выдти за него замужъ, такъ его завтра же не будетъ въ Хвошнѣ. Несмотря на то, что дядя мой былъ человѣкъ строгій, но на дерзкую выходку Андрея онъ захохоталъ и только проговорилъ: что ты, дуракъ, съ ума, что ли, сошелъ, или пьянъ,—и потому приказалъ ему идти проспаться, и на другой день явиться къ нему. Андрей повиновался, несмотря на то, что вовсе не былъ пьянъ. Послѣ этого дядя пошелъ въ кабинетъ и, позвавъ къ себѣ Аграфену, имѣлъ съ нею слѣдующій разговоръ, который передалъ мнѣ одинъ изъ друзей покойнаго, съ его собственныхъ словъ.

— Ты знаешь, что Андрей хочетъ на тебѣ жениться.

— Знаю-съ.

— Такъ я согласенъ, позволяю.

— Какъ вамъ угодно, а я за него не пойду.

— А если я прикажу?

— Все-таки не пойду.

Дядя вышелъ изъ себя, затопалъ ногами и закричалъ: ты смѣешь мнѣ это говорить, мнѣ, своему барину? Завтра же будетъ твоя свадьба. Вотъ я посмотрю, какъ ты у меня не пойдешь.—Слезы градомъ брызнули изъ глазъ бѣдной дѣвушки; она зашаталась и готова была упасть. Какъ ни былъ раздраженъ мой дядя, однако онъ, подхвативъ ее, толкнулъ въ вольтеровское кресло и пошелъ къ двери, чтобы позвать людей и приказать имъ отнести Грушу въ людскую; но вдругъ глаза его встрѣтили висѣвшій на стѣнѣ портретъ своего отца. Дядя остановился. Какая-то мысль внезапно поразила его. Въ эту минуту тонкія черты дѣвушки показались ему необыкновенно схожими съ портретомъ. Онъ невольно обратился къ Грушѣ, пристально посмотрѣлъ на нее, потомъ снова взглянулъ на портретъ, и гнѣвъ мгновенно исчезъ съ суроваго лица дяди. Онъ уже не пошелъ звать людей, но возвратился къ кресламъ, на которыхъ лежала Груша, и съ чувствомъ взявъ ее за руку, крѣпко сжалъ въ своей. Глаза дѣвушки были

закрыты, грудь медленно колыхалась, щеки ея горѣли какимъ-то неестественнымъ румянцемъ. Когда дядя взялъ ее за руку, она открыла глаза, бросилась передъ нимъ на колѣни и снова зарыдала.

— Полно, Груша, встань, — сказалъ дядя, поднимая ее: я пошутилъ; ну, не хочешь идти за Андрея, такъ какъ хочешь, я принуждать не буду, мы и другого жениха найдемъ.

— Ни за кого, прошептала дѣвушка.

— Ну, пожалуй, хоть ни за кого; на-ка, возьми выпей воды: посмотри, на что ты похожа. И дядя подаль ей свою кружку съ водой.

Груша схватила руку барина и крѣпко прижала ее къ губамъ.

— Что же это значить, что ты замужъ-то не хочешь, — спросилъ полунасмѣшливо дядя; — вѣдь тебѣ только 18 лѣтъ, да и собой, посмотри, какая красавица, жениха найдемъ такого, что чудо, — купца.

Нѣтъ, сударь, ни за кого нехочу, воля ваша; я буду служить вамъ покуда жива; буду работать, покуда достанетъ моихъ силъ, и больше мнѣ ничего не надо.

— Ну, ну, хорошо, я тебя никому не отдамъ, только ты у меня — смотри не шалить, я самъ буду за тобой смотрѣть: слышишь ли: самъ, — прибавилъ онъ, потрепавъ ее по плечу. При послѣднихъ словахъ дѣвушка задрожала, румянецъ еще больше вспыхнулъ на ея щекахъ, и она снова бросилась цѣловать руки барина. На другой день дядя объявилъ Андрею, что если онъ не желаетъ служить ему, такъ пусть сейчасъ же убирается куда хочетъ, а чтобы о Грушѣ не смѣлъ и думать. Съ этой минуты Андрей возненавидѣлъ Грушу и всячески старался ей повредить. Долго послѣ этого жители села Хвощина удивлялись, почему баринъ ихъ, такъ скоро убѣдившій фореитора Гришку жениться на Агашѣ, не могъ заставить Грушу выйти за Андрея.

Х.

Теперь Аграфенъ лѣтъ сорокъ слишкомъ, но умное, выразительное лицо ея до сихъ поръ говорить еще о прежней красотѣ своей. По пріѣздѣ моемъ она почтительно привѣтство-

вала меня, и на вопросъ мой: хорошо ли идетъ хвощинское хозяйство, отвѣчала, что въ чужія дѣла она не вмѣшивается, а за исправность обязанности собственно своей—отвѣчаетъ.

Послѣ разговора моего съ Андреемъ, я вечеромъ отправился къ Аграфенѣ, которая занимала три комнаты въ одномъ изъ людскихъ флигелей, противъ самаго дома. Когда я пришелъ къ ней, она ставила самоваръ; приходящая съ русской печкой служила въ то же время и кухней. Завидя меня, она поспѣшила ко мнѣ навстрѣчу, помогла снять пальто и провела въ слѣдующую комнату, повидимому нисколько не стѣсняясь моимъ визитомъ. Небольшая комната въ два окна, съ зелеными занавѣсками, служила вмѣстѣ и столовой и гостиной; направо стоялъ шкафъ съ посудой и нѣсколько стульевъ, налѣво диванъ, и передъ нимъ рабочій столикъ. Надъ диваномъ висѣли два портрета: одинъ дяди, а другой, какъ я узналъ послѣ, отца Аграфены; въ простѣнкѣ между окнами висѣло небольшое зеркало, подъ которымъ помѣщался ломберный столъ. Въ противоположной сторонѣ было двѣ двери, одна изъ прихожей, а другая въ спальню, въ которой стояла кровать съ кисейнымъ пологомъ и небольшой красный комодъ. На Аграфенѣ надѣтъ былъ черный шерстяной капотъ и креповый, съ густыми оборками, чепчикъ. Со дня кончины дяди нарядъ этотъ она не оставляла, несмотря на то, что время, назначенное для траура, уже давно прошло.

— Что это, Аграфена Мокеевна, ты за самоваромъ хлопочешь сама, спросилъ я; неужели тебѣ ужъ некому и послужить.

— Да кому же, сударь? Когда былъ живъ покойный вашъ дядюшка, такъ онъ, дай Богъ ему царство небесное, приказывалъ прислуживать мнѣ садовниковой дочери Машѣ, а теперь отецъ съ матерью ее не пускаютъ, говорятъ, что я такая же, какъ и она холопка и могу дѣлать все сама. Да вѣдь меня сударь, и не любятъ здѣсь; Богъ знаетъ, что-то не понутру я имъ пришлась, видно за то, что господское добро берегу; и компаніи водить не охотница.

— Знаешь ли, ужъ мнѣ на тебя жаловались.

— Ну, вотъ, изволите видѣть, успѣли,—и она засмѣялась.— Кто же это? чай, Андрей.

— Да.

— Такъ и есть, а про себя-то, да про своихъ помощниковъ, онъ вамъ ничего не докладывалъ?

— Просился уволить отъ управительской должности.

— Разумѣется, какъ не проситься: дочь въ пансіонъ отдалъ, двѣсти рублей платить, такъ ужъ, стало-быть, будетъ съ него: руки-то нагрѣлъ порядкомъ. Да и приказчикамъ-то дорогу показалъ. Что же онъ вамъ про меня говорилъ?

— Что ты сбиваешь съ толку мужиковъ, да не велишь имъ слушаться старшихъ.

— А если старшіе-то приказываютъ дѣлать не то, что слѣдуетъ, и отъ ихъ распоряженій всему имѣнію разореніе, стало-быть и вамъ убытокъ,— такъ какъ же тутъ не сказать. Вѣдь я это дѣлаю не изъ своей корысти; на примѣръ: крестьяне выберутъ старосту, а онъ возьметъ съ какого-нибудь пьяницы деньги, да и посадить его на мѣсто избраннаго,—этотъ, говорить, лучше, и дѣлаетъ изъ него что хочетъ, а міръ терпи, не смѣй никто и слова сказать; я, говорить, изображаю лицо господина. Или опять какіе налоги на мужиковъ налагаетъ,—барину, говорить, не доплати, а мнѣ отдай, потому-что я хлопочу и могу тебя сдѣлать несчастнымъ. Такъ развѣ это можно? Оттого теперь на имѣніи-то на вашемъ тысячъ до четырехъ недоимки есть, и крестьяне на половину безъ лошадей. И все это сдѣлалось въ какіе-нибудь три года.

— Что же дядюшка-то смотрѣлъ?—спросилъ я.

— Ужъ очень ввѣрился въ своего Андрея. Бывало, я что-нибудь начну говорить, что вотъ тутъ-то нехорошо, тутъ-то неладно, съ этого надо взыскать, тому нужно помочь,—куда тебѣ, и слушать не хочетъ, да еще и прикрикнетъ: никто, говорить, не жалуется, Андрей молчитъ, стало-быть все хорошо. А кому Андрей заблагоразсудитъ оказать милость, такъ ужъ окажетъ, хоть бы тамъ, гдѣ совсѣмъ и не слѣдуетъ,—резоны такіе представить, что наподи.

— Отчего же на него не было жалобъ?

— Да какъ же можно было, сударь, на такого человѣка жаловаться,—онъ бы и со свѣта сжилъ; воля-то ему дана была непомерная. Опять до барина у насъ никому доступа не было.

А ужъ послѣднее-то время онъ и самъ на все рукой махнулъ: завязалась у него эта тяжба съ Миклушинскими господами, изволите знать: вѣдь они отъ нашего - то полвотчины хотѣли отнять. Ну, какъ пошли по судамъ хлопотать, барину-то ужъ и не до хозяйства было. Мнѣ, говорить, немного надо, на мой вѣкъ достанетъ, десять Андреевъ не разорять. А тамъ, что Богъ дастъ. Такъ вотъ оно все и шло. Когда-нибудь надосугѣ, если позволите, я вамъ расскажу всѣ здѣшнія проказы, а между-тѣмъ вы и сами посмотрите... Да мужичками - то своими не брезгайте, и ихъ послушать надо, потому что у каждаго своя нужда есть, да и положеніе - то ихъ не равно. Иной просить помощи отъ жадности или отъ своей лѣни, а другой и въ самомъ дѣлѣ нуждается, такъ и это разобрать надо.

— Но вѣдь дядя ихъ слушалъ и помогалъ каждому?

— То-то и худо, что каждому, кого только допускалъ Андрей; а допускалъ онъ ихъ; разумѣется, не даромъ, стало-быть и пособіе шло пополамъ съ нимъ другимъ-то ничего и не доставалось, и бились они вѣкъ свой, какъ рыба объ ледъ.

— Ну, а каковъ у насъ народъ-то характеромъ: побуянить любить?

— Нѣтъ, сударь, ужъ этого объ нихъ нельзя сказать, всѣ окружные господа ихъ въ примѣръ ставятъ. Воля помѣщика для нихъ законъ. Да вотъ хоть бы на счетъ управляющаго, — у насъ все говорятъ: видно такое распоряженіе, барину угодно, и молчать.

Побесѣдовавъ еще нѣсколько времени съ Аграфеной и выпивъ у ней стаканъ чаю, я отправился домой и тотчасъ же занялся составленіемъ новаго способа управленія.

Вотъ главные черты нововведенія:

1) Уничтожилъ управляющаго и конторщиковъ.

2) Предоставилъ крестьянамъ право избирать изъ своей среды начальниковъ, какъ - то: старость, десятскихъ, сборщиковъ и проч., на срокъ, какой они найдутъ для этого удобнымъ и, наконецъ,

3) Прошу, и прошу убѣдительно, Аграфену Мокеевну писать мнѣ обо всемъ, что бы она ни замѣтила дурного за кѣмъ бы то ни было изъ моихъ людей, не исключая и старость. Но

еще согласится ли на это Аграфена Мокеевна? Не обидѣлась бы она, не подумала бы, что я хочу сдѣлать изъ нея шпиона, доносчика? Впрочемъ, чѣмъ бы тутъ обижаться? Я докажу ей, что отъ этого будетъ зависѣть благосостояніе собственно мое и моихъ крестьянъ, а она, кажется, ихъ любить. Скажу, что безъ этого всякій порядокъ, какой бы я ни завелъ, никуда не будетъ годиться, потому что его легко могутъ исказить, и исказить безнаказанно, въ надеждѣ, что это до меня не дойдетъ, а если и дойдетъ, такъ еще когда? Другой староста въ это время успѣетъ и умереть, и откупиться—поди тогда, ищи его... Нѣтъ, Аграфена Мокеевна, какъ женщина умная, непременно должна согласиться на мою просьбу, иначе я долженъ буду усумниться въ ея чистосердечіи и желаніи добра моимъ мужикамъ...

XI.

Сегодня я былъ въ полѣ и обошелъ усадьбу свою кругомъ. Удивляюсь, отчего это мы не любимъ деревень и предпочитаемъ имъ города, не говорю уже столицы, въ которыхъ есть и оперы, и клубы, и Невскій проспектъ, и Кузнецкій Мостъ—словомъ, все такое пріятное—не говорю объ нихъ,—а просто города обыкновенные, въ которыхъ рѣшительно ничего нѣтъ, нетолько пріятнаго, но даже и полезнаго для здоровья; воздухъ всегда тяжелый, квартиры сырыя, жизнь дорогая, ну что тутъ хорошаго? То ли дѣло деревня, вся природа кругомъ тебя въ настоящемъ своемъ видѣ: не подстриженная, не поддѣланная, не подрумяненная... смотри да любуйся, да благословляй Творца Небеснаго, что все это онъ отдалъ въ твое собственное распоряженіе. Посѣешь ли какое-нибудь сѣмячко, и весело смотришь какъ выходитъ оно изъ-подъ земли на Божій свѣтъ, зеленой травкой, и привольно травкѣ этой цвѣсти на широкомъ полѣ, и кропитъ ее роса Божія и пригрѣваетъ ее красное солнышко; не страшна травкѣ непогода: послѣ нея встрепенется она съ новой силой и выше прежняго подыметъ свою зеленую головку.—Одного боится травка, чтобы ее не примяли, да не втоптали въ землю, тогда не оживять ее ни роса Божія, ни красное солнце.

Да, хорошо въ деревнѣ: и люди-то кажутся тамъ какъ-будто бы добрѣе, и работаютъ-то прилежнѣе. Напримѣръ, посмотрите на этого старика.— Солнце давно уже перешло за полдень, а онъ еще и не думаетъ отпрягать своего гнѣдка, да похлебать молочка, которое старуха его давно уже принесла въ кувшинѣ, заткнутомъ тряпкой, вмѣстѣ съ краюхой черного хлѣба. Нѣтъ, старику еще рано отдыхать, онъ не оставитъ полосы своей до тѣхъ поръ, пока не добороздитъ ее. Трудись, добрый человѣкъ, многіе будутъ тебѣ благодарны и позавидуютъ твоей долѣ. Не даромъ ты доживаешь седьмой десятокъ, не даромъ миришься съ нуждой-злодѣйкой... Отчего же подобныя мысли никогда не приходили мнѣ на умъ въ городѣ?

Отчего же при видѣ Никанора Ивановича, также семидесятилѣтняго старца, который служить у насъ въ департаментѣ прихода-расходчикомъ и ходить постоянно въ изорванномъ мундирѣ и постоянно жалуется на свою бѣдность, я никогда не думалъ, что онъ не даромъ мирится съ нуждой-злодѣйкой, и никогда не завидовалъ его долѣ. Неужели Никаноръ Ивановичъ, просидѣвшій слишкомъ тридцать лѣтъ на одномъ стулѣ, подушка котораго значительно опустилась, менѣе приносить пользы своими трудами, нежели тотъ старикъ, котораго я сейчасъ видѣлъ. Этого не можетъ быть. Никаноръ Ивановичъ кончилъ курсъ въ гимназіи, стало-быть уже онъ человѣкъ образованный, а образованнаго человѣка развѣ можно сравнить съ какимъ-нибудь деревенскимъ мужикомъ, который никогда ничему не учился; да и какъ могло мнѣ въ голову придти подобное сравненіе? Вотъ чѣмъ нехороша деревня, что въ ней отъ нечего дѣлать вдругъ выдумаешь что-нибудь такое, чего ни одинъ журналистъ напечатать не возьмется, — однимъ словомъ—несообразное.

Такъ думалъ я, когда въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, изъ-за пригорка, показался человѣкъ съ ружьемъ и собакой. На немъ надѣто было бѣлое парусинное пальто, такіе же шаровары, маленькій голубенькій галстучекъ, высокіе охотничьи сапоги и новенькая съ широкими полями соломенная шляпа; сверхъ пальто опоясанъ былъ щегольской патронташъ.

Поровнявшись со мной, онъ на минуту остановился, вста-

вилъ въ глазъ стеклышко и, посмотрѣвъ на меня пристальнѣе, произнесъ не безъ удивленія:—Александръ, это ты? Я въ свою очередь вглядываюсь и узнаю въ охотникѣ своего школьнаго товарища, Баржанова.

— Баржановъ! какими судьбами ты здѣсь?—воскликнулъ я протянувъ ему руки и отъ души радуясь нечаянной встрѣчѣ съ человѣкомъ, котораго всегда считалъ добрымъ малымъ и хорошимъ товарищемъ.

— Нѣтъ, прежде расскажи, какъ ты-то сюда попалъ?—спросилъ меня Баржановъ.

Я передалъ ему, что пріѣхалъ посмотреть имѣніе, которое досталось мнѣ послѣ дяди.

— Bravo! стало-быть мы съ тобою сосѣди будемъ; не знаю только надолго ли,—прибавилъ онъ съ улыбкой.

— А твое имѣніе далеко отсюда?

— Было, братъ, далеко, а теперь и нигдѣ нѣтъ. Добрые люди распорядились продать его съ публичнаго торга за то, видишь ли, что я распорядился надѣлать долговъ.

— Что же ты здѣсь-то дѣлаешь, служишь?

— Еще-бы! нѣкоторымъ образомъ, своего рода пользу приношу.

— А смѣю спросить: чѣмъ?

— Занимаюсь агрономіей, управляю, имѣніемъ твоего сосѣда Миклушинскаго.

— Такъ это ты здѣсь у всѣхъ въ такой славѣ? Слышалъ, братъ, слышалъ, и радуюсь за тебя. Занятіе, которое ты выбралъ, не легко: надо имѣть особенное призваніе, чтобы исполнять его добросовѣстно.

— Какое, чортъ, призваніе! Я и своими-то никогда не управлялъ, терпѣть не могу возиться съ мужиками, просто нужда заставила; надо же какъ-нибудь добывать себѣ насущный хлѣбъ. Если пойти въ коронную службу, такъ, во-первыхъ, такого жалованья не дадутъ; во-вторыхъ, надо дѣло дѣлать, а въ-третьихъ, можетъ быть, и отвѣтственность—пожалуй, подъ судъ угодишь. Вотъ я, какъ все это сообразилъ, и нашелъ, что партикулярная служба несравненно лучше: отвѣтственности никакой, занимайся когда вздумаешь, а жалованье

даютъ генеральское. Въ это время подвернулось мѣсто управляющаго; думаю зѣвать нечего, мѣсто хорошее, мужики богатые, душъ много, жалованья до 2-хъ тысячъ серебромъ. Баринъ постоянно живетъ въ Москвѣ, чего жъ лучше? подавай его сюда. Заплатилъ 150 руб. камердинеру за рекомендацію, меня и взяли. Такъ ужъ, знаешь, посчастливилось, а охотниковъ было много.

— Мѣсто хорошее, однако, я съ тобой не согласенъ, чтобы на немъ не было никакой отвѣтственности.

— Да вѣдь оно партикулярное, такъ посуди самъ, какая же можетъ быть отвѣтственность. Рѣшительно никакой. Мой послужной списокъ всегда при мнѣ, и замарать его никто не имѣетъ права. Чуть что, взялъ шапку, да и мое почтеніе. Я самъ такой же дворянинъ, и потому не позволю никому себя компрометировать.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что ты дворянинъ; значить, вступая въ управленіе чужими крестьянами, ты вѣрно не захочешь употребить во зло довѣріе владѣльца, и потому берешь на себя отвѣтственность за благосостояніе ввѣренныхъ тебѣ людей гораздо болѣе, нежели за собственныхъ своихъ, принимая въ соображеніе то, что самъ помѣщикомъ ты могъ сдѣлаться случайно, даже безъ всякаго съ твоей стороны къ этому призванія, между тѣмъ какъ теперь, принимать или не принимать на себя обязанность управляющаго, зависѣло совершенно отъ тебя.

— Нѣтъ, братъ, не отъ меня, а отъ моихъ обстоятельствъ; вѣдь я тебѣ говорилъ, что нужда заставила; въ ту пору не только управлять имѣніемъ, мнѣ кажется, если бы предложили лѣчить кого-нибудь, такъ я бы и отъ этого не отказался. Право, ей Богу. Чтожъ прикажешь дѣлать, не умирать же съ голоду. А что ты говоришь насчетъ отвѣтственности за благосостояніе крестьянъ, такъ это, я тебѣ скажу, братецъ, все пустяки, одно воображеніе и больше ничего. Такую отвѣтственность даже и Францъ Ивановичъ на себя не беретъ, а ему-бы скорѣй можно: четыре тысячи цѣлковыхъ получаетъ, и живетъ у князя на всемъ на готовомъ. По моему, если объ ихъ благосостояніи не заботится самъ помѣщикъ, такъ ужъ нашему брату тутъ дѣлать нечего.

— Послѣ этого, зачѣмъ же и управляющіе, когда они не исполняютъ своего назначенія?

— Кто жъ тебѣ сказалъ, что мы не исполняемъ своего назначенія? Ошибаешься. Разбери хорошенько, почему у насъ берутъ управляющихъ: или потому, что владѣлецъ не можетъ управлять имѣніемъ своимъ, или потому, что онъ этого не хочетъ; въ обоихъ случаяхъ, управляющій долженъ замѣнить помѣщика.—Ну, мы, по возможности, и замѣняемъ ихъ, т. е. поступаемъ совершенно такъ, какъ поступаютъ сами владѣльцы. И потому, если бы пришлось отвѣчать за благосостояніе крестьянъ, такъ ужъ, конечно, не намъ...

— Зачѣмъ же принимать на себя то, что не въ силахъ исполнить?

— Да развѣ есть что-нибудь такое, чтобы русскій человѣкъ не былъ въ состояніи исполнить? Развѣ онъ передъ чѣмъ-нибудь остановится. Ему все по плечу, въ этомъ-то и заключается все богатство нашей народной силы, въ этомъ-то и состоитъ настоящій русскій духъ. Да оно, съ одной стороны, такъ и должно быть; въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не боги же горшки лѣпятъ, не родится же управляющій съ надписью на лбу: управляющій; стало-быть никому не запрещено ни горшки лѣпить, ни быть управляющимъ, только умненько берись за дѣло, такъ еще какой управляющій-то будетъ, просто на славу.

— Какъ ты, напримѣръ?—замѣтилъ я смѣясь.

— А что ты думаешь, хоть бы и я. Посмотри-ка, здѣсь всѣ помѣщики за мной волочатся, за совѣтами пріѣзжаютъ; по всей Россіи, говорятъ, только и есть два агронома,—Францъ Ивановичъ, да я; прочіе все дрянъ, только даромъ деньги берутъ. Нѣмецъ прославился тѣмъ, что выдумалъ какую-то машину, мужиковъ учить, а я развелъ необыкновенно-вкусную спаржу. Видишь ли, вотъ тебѣ и слава. Теперь я только заикнись, что отхожу отъ Миклушинскихъ, такъ хоть десять мѣстъ сейчасъ къ моимъ услугамъ.

— А ты думаешь отходить?

— Да, можетъ быть.

— Отчего же, когда тебѣ и здѣсь хорошо?

Видишь ли, его жена жила нынѣшнее лѣто здѣсь... ну, я

съ ней познакомился... Она очень образованная женщина, недурна собой—мы сошлись... Ну, да однимъ словомъ, она мнѣ предлагаетъ мѣсто въ Москвѣ, къ сыну ея сестры, не то чтобы учителемъ, а такъ, знаешь, въ свободное время, съ нимъ чѣмъ-нибудь заняться; мальчику 9-й годъ, такъ надо же его познакомить съ науками.

— И ты берешься?

— Отчего же не взяться? Жалованье то же, да еще и жить въ Москвѣ. Я думаю, отъ этого никто бы не отказался, тѣмъ болѣе, что и учить то его не Богъ знаетъ чему—только дать понятіе о предметахъ. Да хоть бы и учить, вѣдь мы съ тобой, помнишь, и дифференціалы и интегралы проходили. Чортъ знаетъ для чего насъ пичкали всякимъ вздоромъ. Спроси меня теперь по совѣсти, такъ, право, надъ тройнымъ правиломъ задумаюсь. Впрочемъ, кромѣ выгодъ карманныхъ, мѣсто это можетъ доставить мнѣ и кой что другое... Миклушинская шибко хлопочетъ, чтобы я переѣзжалъ въ Москву... По правдѣ тебѣ сказать, она ко мнѣ равнодушна. Пожалуйста только, чтобы это было между нами. Ты долго здѣсь пробудешь?

— Съ недѣлю.

— Ну, такъ я къ тебѣ на дняхъ приѣду; надѣюсь, что и ты меня посѣтишь. Посмотри, какъ я живу—у меня, братецъ, вина другого не найдешь, какъ отъ Депре, а третьяго дня такого пармезана изъ Москвы прислали, такъ ужъ я тебѣ скажу. Приѣзжай, а то хочешь шестерикомъ карету за тобой пришлю орловскихъ.

— Нѣтъ, благодарю. Я приѣду на своихъ.

— Ну, какъ хочешь, до свиданья! и онъ протянулъ мнѣ руку.—Куда же ты? зайдѣмъ ко мнѣ, хоть покурить сигары.

— Теперь никакъ не могу. Завтра въ Москву отходить почта, а меня дожидается мужикъ, который хочетъ откупиться, такъ если, переговоривъ съ нимъ, я найду это возможнымъ... значить, сегодня же надо будетъ писать помѣщику, понимаешь?... Тутъ, братъ, своего рода дифференціалы... Прощай... Леста! ісі....—и Баржановъ поспѣшно удалился.

— Какова натура-то—русская, подумалъ я:—на всѣ руки бьетъ.

Н и щ і й.

(РАЗСКАЗЪ.)

Въ Москвѣ Бутырки почти то же самое, что въ Петербургѣ Галерная гавань. Бутырки удалены отъ центра города и составляютъ какъ бы его предмѣстье. Они такъ же, какъ петербургская Гавань, изобилуютъ ветхою деревянною постройкой и служатъ исключительнымъ мѣсторожденіемъ, а въ послѣдствіи и мѣстожителемъ, безчисленнаго множества коллежскихъ регистраторовъ, губернскихъ секретарей, титулярныхъ и другихъ совѣтниковъ, большею частью людей богатыхъ только дѣтьми, сестрами, тетками, дальними родственницами, изрѣдка курами, поросятами, да сердитыми дворняшками, находящимися, большею частью, на собственномъ своемъ продовольствіи, но, впрочемъ, несмотря на это, обязанныя строго стеречь хозяйское добро, и въ случаѣ какой-либо оплошности, или подкупа со стороны недобраго человѣка, соблазнившаго какую-нибудь Жучку кускомъ черстваго хлѣба, либо пустой костью, не только сама виновница, Жучка, но и всѣ ея подруги наказываются нещадно. Это дѣлается, по увѣренію мѣстныхъ жителей, больше для того, чтобы *дать псамъ отрастку* и приучить ихъ держать ухо востро.

Высокіе дома въ Москвѣ вообще какъ-то неупотребительны и встрѣчаются очень рѣдко на самыхъ лучшихъ улицахъ столицы. Взбираться на пятый, четвертый и даже на третій этажъ — не въ характерѣ москвичей. Имъ все какъ бы пониже, да пошире, т.-е. попросторнѣе. Просторъ для москвича — это то же самое, какъ бы вамъ сказать... ну, хоть то же, что для петербуржца итальянская опера, публичныя чтенія и прочія тому подобныя насущныя потребности. Да и за чѣмъ москвичамъ тѣсниться. Посмотрѣли бы вы, какъ у нихъ вездѣ просторно. За чѣмъ имъ подыматься къ небесамъ, когда все необходимое для жизни разсыпано по землѣ, стоитъ только руку протянуть — и бери, и пользуйся, и наслаждайся?... Признайтесь, читатель, что и насъ вѣдь только нужда гонитъ куда-нибудь подъ крышу, а то бы и мы съ вами не прочь отъ того, чтобы пожить по-

ниже, да поудобнѣе, такъ, примѣрно, ступенекъ на пятнадцать отъ земли. Бутырцы вполнѣ сознають удобства такой невозвышенности... У нихъ домики преимущественно одноэтажные, и рѣдко-рѣдко у кого съ мезониномъ, который большею частью, служить жильемъ только въ лѣтніе мѣсяцы, зимой же бутырскіе мезонины необитаемы, по той весьма уважительной причинѣ, что въ нихъ не дѣлается печей. Еще одна изъ особенностей бутырскихъ домовъ заключается въ томъ, что всѣ они непременно окрашиваются дикою краской, и всѣ безъ исключенія имѣють ставни, на одной половинкѣ которыхъ вырѣзывается сердечко; но замѣтите, оно вырѣзывается на такомъ разстояніи кверху, что вечеромъ, когда закрыты ставни, вашъ глазъ никакимъ образомъ не могъ бы заглянуть въ это свѣтленькое въ то время сердечко, которое такъ привѣтно и такъ прямо смотреть на васъ.

Тиха и однообразна жизнь бутырцевъ въ продолженіе осени и зимы. Весной и лѣтомъ она оживляется и дѣлается какъ-будто суетливой, даже шумной, потому что тотчасъ за Бутырками начинаются дачи, а нѣкоторые даже нанимають ихъ въ самыхъ Бутыркахъ, вытѣсняя, такимъ образомъ, домовладѣльцевъ въ какой-нибудь сарайчикъ, построенный на дворѣ на скорую руку. Наконецъ, оживленію Бутырокъ много способствуетъ близость ихъ къ любимымъ гуляньямъ москвичей: Петровскому парку, Марьиной рошѣ и Останкину.

Шумъ экипажей и пестрая толпа праздныхъ гулякъ нерѣдко соблазняютъ и мирныхъ бутырцевъ, — они увлекаются, подобно всѣмъ смертнымъ и, покинувъ свои любимыя мѣста у воротъ на лавочкахъ, отправляются за толпой и держатъ путь преимущественно къ Марьиной рошѣ. Тамъ, подъ сѣнью какой-нибудь столѣтней сосны, они располагаются за самоваромъ, по сосѣдству съ которымъ, Богъ знаетъ откуда являются графинчикъ, колбаска и пеклеванничекъ. При такой обстановкѣ самодовольные бутырцы часто спрашиваютъ другъ друга: — что жъ, развѣ мы хуже людей? Развѣ намъ не такъ весело, какъ вотъ и тѣмъ, которые въ каретахъ-то развѣзжаютъ? Да, еще пожалуй, повеселѣй ихняго будетъ? Тутъ, что называется, послѣдняя копейка ребромъ!» И точно, бутырцы умѣють весе-

литься, объ этомъ знаетъ даже самъ частный приставъ Сущевской части... Впрочемъ объ этомъ лучше всего вамъ разскажутъ прелестныя обитательницы Бутырокъ. А ужъ какія онѣ охотницы до розсказней, упаси Господи! Не подумайте, однако, чтобы въ этомъ случаѣ онѣ стремились кого-нибудь оклеветать, разсказать про человѣка неправду, очернить его. Ничуть не бывало. Про постороннихъ вы не услышите отъ нихъ никогда ни полслова; но зато своихъ, ужъ извините, не пощадаютъ: отца родного, брата, мужа, свекра—всѣхъ выведутъ на чистую воду, всѣмъ, что называется, кишечники промываютъ, и опять таки за правду, а не то, чтобы просто, по злобѣ; на примѣръ: какъ-то титулярный совѣтникъ Подгруздинъ не ночевалъ дома, былъ, видите ли онъ съ товарищемъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія, да тамъ запоздалъ что ли, ужъ не знаю, только приплелся домой на другой день. Такъ, какъ бы вы думали, Анна Тихоновна, его дражайшая половина, сама первая разсказала всѣмъ сосѣдямъ о такомъ странномъ поступкѣ своего сожителя, и при этомъ описала его въ такомъ мрачномъ цвѣтѣ, что повивальная бабка, проживающая на Бутыркахъ, съ годъ пугала Подгруздинымъ своихъ питомцевъ, которыхъ у ней въ одно время набралось болѣе десятка. Этого мало: Анна Тихоновна, чтобы еще больше дать почувствовать своему титулярному совѣтнику всю глубину его предосудительнаго поступка, недѣли три не выпускала его изъ дому, приказала рапортоваться больнымъ и заставила разматывать шерсть. Вообще надо замѣтить, что женское народонаселеніе Бутырокъ пользуется чрезвычайнымъ вліяніемъ на тамошнихъ мужчинъ; послѣдніе не только прекословить, въ чемъ бы то ни было, но даже подчасъ и пикнуть не смѣютъ противъ женщины, и это вліяніе до такой степени усвоилось тамъ, что если бы кто-нибудь вздумалъ ему противодѣйствовать, такъ его сочли бы за человѣка сумасшедшаго. Однажды вотъ какой былъ случай: Миронъ Николаичъ, всѣмъ извѣстный на Бутыркахъ, коллежскій совѣтникъ (замѣтьте, чинъ-то какой!), отправляясь къ кому-то изъ своихъ сосѣдей на именины, заблагоразсудилъ надѣть новый вицъ - мундиръ. Ну, казалось бы, что тутъ за бѣда, захотѣлось пощеголять, надѣлъ обновку, да и все тутъ, ступай съ Богомъ! Нѣтъ, не

туть то было! Дѣло это разыгралось весьма серьезно, даже до управы благочинія доходило. Сестрица Мирона Николаича, доставшаяся ему послѣ его родителей въ видѣ маленькаго наслѣдства и проживающая съ нимъ безъ малаго около 50 лѣтъ дѣвицей изъ дворянъ, обратила вниманіе на то, что ея братецъ надѣлъ новый вицъ-мундиръ. Дѣвственное воображеніе дѣвицы изъ дворянъ тотчасъ же представило ей, что братецъ Миронъ Николаичъ надѣлъ новый вицъ-мундиръ не даромъ. Для чего же онъ его надѣлъ? спрашиваетъ она сама себя, и тайное предчувствіе говоритъ ей, что надѣлъ братецъ новый вицъ-мундиръ для того, чтобы поманить чье-нибудь сердце, а если онъ поманить его, то еще, пожалуй, задумаетъ жениться, приведетъ въ домъ молодую хозяйку, тогда, очевидно, дѣвицѣ изъ дворянъ житья такого не будетъ. На этомъ основаніи она начала просить Мирона Николаича, чтобы онъ снялъ новый вицъ-мундиръ и шелъ бы въ старомъ, представляя въ резонъ, что новое платье слѣдуетъ берегать на Христовъ праздникъ. Миронъ Николаичъ не слушался, упорствовалъ. Дѣвица изъ дворянъ стала громче настаивать на своемъ, но и это не помогло; тогда она осердилась не на шутку и схватила своего брата за воротникъ, вѣроятно, желая насильственнымъ образомъ стащить съ коллежскаго совѣтника новый вицъ-мундиръ, но къ несчастью, по неосторожности, вмѣстѣ съ воротникомъ, она захватила въ руку и братцевы волосы, часть которыхъ отъ затылка такъ и осталась у ней въ рукахъ... Вотъ по этому случаю и завязалось дѣло. Однако братецъ былъ на именинахъ все таки въ старомъ вицъ-мундирѣ...

Но вѣдь всѣхъ примѣровъ деспотизма бутырскихъ дамъ не перечтешь. Правда, есть и между ними исключенія, но они такъ рѣдки, что совершенно теряются и являются чѣмъ-то необыкновеннымъ. Такъ, на примѣръ, за какое диво рассказывали мнѣ, что коллежскій секретарь Говорухинъ вовсе не боится своей жены, что онъ отъ нея никогда грубаго слова не слыхалъ.—«Ну, да впрочемъ ей и говорить-то не приходится, вѣдь изъ нищихъ взята, побиралась, говорятъ, стало быть, не важная птица, поневолѣ не возвышаетъ голоса».

Я нѣсколько разъ слышалъ, что Говорухинъ женатъ на дочери нищаго, чего, впрочемъ, взглянувъ на его жену и поговоривъ съ нею, вовсе нельзя сказать. Она женщина очень неглупая и, какъ видно, довольно много читала, наконецъ играетъ недурно на фортепіанахъ и понимаетъ нѣсколько по-французски. Какимъ образомъ всему этому могла научиться дочь нищаго и гдѣ? Наконецъ одинъ мой знакомый, знавшій Говорухину еще дѣвочкой, какъ-то на досугѣ рассказалъ мнѣ ея біографію, которая показалась мнѣ довольно интересною, не столько въ отношеніи самой Говорухиной, сколько въ отношеніи ея отца. Въ этомъ человѣкѣ привычка нищенствовать, просить ради Христа, была замѣчательнымъ психологическимъ явленіемъ.

Василій Короткій, такъ прозывался отецъ Александры Васильевны Говорухиной, былъ крестьянинъ какого-то графа. По ревизіи онъ значился Орловской губерніи Брянскаго уѣзда, деревни Павлюкова. У графа всего считалось душъ тысячъ до пяти, изъ нихъ чуть ли не четвертая часть титуловалась дворовыми, садовниками, конюхами и просто рабочими людьми при огромной усадьбѣ его сіятельства, служившей постоянною его резиденціей. И чего только не было въ этой усадьбѣ: и театръ, въ которомъ съ горемъ пополамъ разыгрывали и выплясывали доморощенные актеры и актрисы... и парки, и фруктовые сады, и сады англійскіе, разведенные на нѣсколько верстъ въ окружности, и конный дворъ съ двумя манежами; ну, словомъ сказать, заведено было все на барскую ногу. Графъ жилъ, какъ подобаетъ жить столбовому барину земли русской, и какъ, читатель, ни намъ съ вами, ни нашимъ дѣтямъ жить ужъ навѣрно не придется, потому что будь они хоть семи пядей во лбу, а все же будутъ *бездушными*, стало быть и распоряжаться имъ такъ, какъ распоряжались въ старину, будетъ не кѣмъ. Графъ былъ послѣдній въ родѣ: вдовъ, бездѣтенъ и необыкновенно крѣпкаго здоровья, хотя ему уже было лѣтъ подъ шестьдесятъ. Все это такъ случайно сгруппированное около пяти тысячъ душъ, очевидно, должно было болѣе или менѣе отразиться на нихъ не совсѣмъ благопріятно, по той естественной причинѣ, что человѣку, сколько ни дай, ему

все будетъ мало, а тѣмъ болѣе такому, который сознаетъ, что ему не долго осталось пожить, пусть же, думаетъ, добрые люди меня помянутъ, какъ слѣдуетъ, и въ досужій часъ разскажутъ своимъ внукамъ, что вотъ-де какъ живалъ его сіятельство графъ. Разливное море было во всемъ. И точно у графа было разливное море: и званымъ и незванымъ, всѣмъ одинаково отворялись двери. Въ огромныхъ каменныхъ флигеляхъ то и дѣло смѣнялись гости, да пріѣдутъ, бывало, не то что на денекъ, на два, а живутъ по недѣлямъ, по мѣсяцамъ, другіе до того обживутся, что, забывшись, и годъ прогостятъ. Графъ любилъ такихъ гостей, и не то чтобы тяготиться ими, а еще самъ упрашивалъ не торопиться отъѣздомъ: «чѣмъ, говоритъ, вамъ у меня не житье, умру, другого такого дурака не скоро найдете. Не ѣздите, погостите еще денька три». Нѣкоторыхъ изъ своихъ гостей графъ, говорятъ, не зналъ даже по фамиліи. Зато его всѣ знали и каждый за счастье считалъ встрѣтиться съ нимъ нѣсколько разъ въ день и поклониться ему въ поясъ.

Наконецъ, умеръ графъ, а съ нимъ умерло и гостепріимство и радушіе стариннаго графскаго дома. Непривѣтно какъ-то стали смотрѣть его почернѣвшія отъ времени стѣны, а на дверяхъ повисли тяжелые замки. Жилище послѣдняго изъ могокановъ сдѣлалось какою-то твердыней, ни для кого недоступной. Виновать, впрочемъ, однажды новый земскій исправникъ проѣзжая мимо, приказалъ отворить домъ графа и изъ любопытства осмотрѣлъ его до послѣдней комнаты. Осмотромъ этимъ онъ, повидимому, остался весьма недоволенъ, и сходя съ крыльца сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «фу ты гадость какая, ничего-то послѣ старика не осталось достойнаго вниманія».

Отдали мужички послѣдній долгъ его графскому сіятельству, такъ обыкновенно они величали своего барина, да и стали думать думу крѣпкую: кому-то теперь они достанутся? Вскорѣ дошли до нихъ слухи, что отыскался какой-то наслѣдникъ и достанутся они этому самому наслѣднику. Слухи были вѣрны. Наслѣдникъ къ имѣнію графа дѣйствительно отыскался, только во владѣніе наслѣдствомъ вступить не заблагоразсудилъ по той

весьма уважительной причинѣ, что послѣ графа осталось разныхъ долговъ, казенныхъ и партикулярныхъ, ровно въ трое болѣе противъ того, сколько стоитъ все имѣніе, если продать его на самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. А мужички до такой степени не богаты, что для возстановленія ихъ благосостоянія непременно потребуется значительный капиталъ, котораго у наслѣдника, къ сожалѣнію, не имѣлось. Такимъ образомъ имѣніе графа въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ состояло то подъ опекой, то подъ наблюденіемъ земской полиціи — находилось, такъ сказать, въ состояніи переходномъ до тѣхъ поръ, пока окончательно не было признано выморочнымъ и не поступило въ казенное управленіе.

Василій Короткій, прозванный такъ по своему малому росту, съ молоду назначенъ былъ состоять при конномъ дворѣ въ званіи водоноса; вскорѣ, по распоряженію управляющаго, онъ тѣмъ же чиномъ переведенъ былъ къ оранжереямъ. Графъ зналъ его лично; но только зналъ не совсѣмъ съ выгодной стороны. Короткій съ перваго шага вступленія своего въ дѣйствительную службу при дворѣ графа зарекомендовалъ себя отъявленнымъ лѣнтяемъ. Сначала жаловались на него кучера, а потомъ нѣмецъ садовникъ, что онъ положительно не исполняетъ своей обязанности какъ слѣдуетъ и требуетъ безпрестаннаго понужденія. За понужденіями остановки не было, онъ сыпались на Василья въ разныхъ видахъ и въ разныхъ размѣрахъ. Такая жизнь скоро наскучила ему, т.-е. какъ скоро — лѣтъ черезъ восемь, онъ нашель ее не совсѣмъ для себя удобною и вслѣдствіе этого сталъ проситься въ деревню, изъ которой былъ взятъ. Управляющій графа не любилъ потакать никакимъ человѣческимъ слабостямъ, хотя самъ имѣлъ ихъ безчисленное множество, и потому, вмѣсто того, чтобы исполнить просьбу Василья, онъ приказалъ, кому слѣдовало, удвоить за нимъ надзоръ и заставлять его работать болѣе другихъ. Такое распоряженіе окончательно не понравилось Короткому и онъ въ одно прекрасное утро скрылся изъ усадьбы графа. Въ то время ему было лѣтъ девятнадцать. По врожденной склонности исключительно къ лѣни, Василій дѣйствительно оказался ни къ чему неспособнымъ; оставшись на свой

собственный произволъ, первая мысль, которая пришла ему въ голову, была, безъ сомнѣнія, та: какимъ бы образомъ прокормиться и не умереть съ голоду. Возвращаться въ свою деревню онъ и не думалъ, потому что очень хорошо зналъ своихъ крестьянъ и былъ вполне увѣренъ, что каждый изъ нихъ выдалъ бы его тотчасъ же, и тогда какая будущность ожидала его? Конечно, прошедшее въ сравненіи съ нею было бы ничто... Разсуждая такимъ образомъ, онъ незамѣтно уходилъ отъ родины все дальше и дальше безъ всякой цѣли. Между тѣмъ голодъ не тетка, съ нимъ долго бороться не будешь, онъ какъ разъ одолѣетъ человѣка и крѣпко пристанетъ къ нему, требуя удовлетворенія. Кусокъ чернаго хлѣба, взятый Васильемъ на дорогу, былъ уничтоженъ во время завтрака, послѣ перехода нѣсколькихъ верстъ. Но какъ промыслить себѣ на обѣдъ, гадалъ Короткій, входя въ какую-то деревню, попытать нешто Христовымъ именемъ? И не долго думая, онъ тихонько постучалъ въ окно покривившейся на сторону избенки, пропѣвъ жалобнымъ голосомъ: «Христа ради». Черезъ нѣсколько минутъ грязная тряпица, которою заткнуто было небольшое отверстіе въ ветхой рамѣ, лишенной въ этомъ мѣстѣ стекла, была вынута и вмѣсто ея просунулась костлявая рука старухи съ кускомъ черствой ржаной лепешки, при этомъ старушка произнесла обычное: «Прими Христа ради». Василій принялъ и перекрестился. Но куса черствой лепешки ему показалось недостаточно, онъ пошелъ дальше стучаться, деревня была большая, дворовъ много, и потому въ продолженіе получаса онъ набралъ столько хлѣба и варенаго картофеля, что не зналъ куда съ нимъ дѣваться. Сумой, необходимой для человѣка, промысляющаго Христовымъ именемъ, Василій еще не успѣлъ обзавестись. Къ вечеру добрые люди пустили его переночевать Христа ради. На другой день онъ уже спокойно продолжалъ свой путь съ полной увѣренностью, что съ голоду не помретъ и безъ работы. Такого рода промыселъ къ прокормленію показался Василью самымъ пріятнымъ и при томъ вовсе незамысловатымъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ положительно остановился на немъ и болѣе уже не задумывался на счетъ *завтрашняго дня*. Богъ дастъ день, Богъ

дать и пищу, думалъ онъ, зато, по крайней мѣрѣ, вольная птица: нѣтъ надъ тобой ни управляющаго, ни нѣмца-садовника, самъ себѣ господинъ».

Я уже сказалъ, что Василій шелъ безъ всякой опредѣленной цѣли, и потому онъ совершенно случайно попалъ на дорогу къ Москвѣ. Ему было все равно куда ни идти, лишь бы только уйти подальше отъ своего дома, да не попасться на глаза какому-нибудь рьяному исправнику или становому приставу, которые, безъ сомнѣнія, по свойственной имъ проницательности, тотчасъ догадались бы, что этотъ гусь бродить безъ паспорта, и тогда расправа коротка... Василій это очень хорошо разумѣлъ, и потому, выйдя на большую дорогу, онъ не пошелъ по ней, а сталъ придерживать стороны, и только изрѣдка завертывалъ въ имѣнія и то предварительно прислушавшись, не звенитъ ли гдѣ колокольчикъ, непремѣнный спутникъ чиновниковъ земской полиціи.

Однажды, въ сумеркахъ, онъ пробирался по опушкѣ лѣса. Василью слышались чьи-то голоса, они разговаривали довольно тихо; отчасти изъ любопытства, отчасти изъ опасенія быть замѣченнымъ людьми неизвѣстными, Короткій остановился и, притаивъ дыханіе, сталъ прислушиваться.

— Ты мнѣ не толкуй,—говорилъ женскій голосъ,—а когда у тебя на рукахъ младенецъ, такъ тебѣ всякій скорѣй подастъ. Вонъ Маланья ходитъ съ младенцемъ, такъ смотри-ка, какую она милостыню собираетъ. Позапрошлый годъ мужъ у ней съ полгода пролежалъ въ больницѣ, такъ она и оброкъ за него заплатила и сама прокормилась.

— Пожалуй, что твоя и правда,—отвѣчалъ другой женскій голосъ.—Зато съ младенцемъ-то и хлопотъ больше.

— Да ужъ безъ этого нельзя,—перебилъ мужской голосъ.—А тебѣ-бы все хотѣлось безъ хлопотъ. Нѣтъ, если хочешь съ нами ходить, такъ носи своего младенца, а то намъ невыгодно съ тобой дѣлиться: намъ-то подадутъ грошъ, а тебѣ копейку, да и той еще, пожалуй, не подадутъ: смотри, какая ты здоровенная, быка убьешь.

— А ты-то больной какой, что-ли?

— Больной не больной, а все же увѣчный. Родитель мой,

царство ему небесное, ослѣпилъ меня на третьемъ году отъ рожденія... Зато, бывало, и подавня какія собиралъ. Онъ больше по церквамъ ходилъ и становился на паперти всегда первымъ. Собирать милостыню у церквей, особенно гдѣ храмовой праздникъ, я вамъ скажу, братцы, дѣло—самое выгодное; тутъ ужъ хлѣбомъ не подадутъ, а все копейками.

— Такъ-то, такъ, только мѣста-то нынче дороги стали,—замѣтилъ четвертый голосъ;—намедни въ селѣ Макарьевскомъ я своему брату-нищему заплатилъ семь копеекъ, чтобъ только пустилъ стать на свое мѣсто; а подали-то всего шесть копеекъ, такъ вотъ вамъ и выгода.

— Да ты не былъ ли пьянъ, такъ можетъ стать отъ тебя виномъ пахло; тогда, извѣстно, плохо ждать подавня.

— Какой пьянъ! маковой росинки во рту не было, мимо кабака не проходилъ, чтобъ не соблазниться; стоялъ, какъ водится, на костыляхъ и обѣ руки обвертѣлъ тряпицами.

— Не знаю, по моему, прибыльнѣе всего стоять на паперти,—разсѣянно замѣтилъ первый голосъ.

На ловца и звѣрь бѣжитъ, подумалъ Василій. Это такіе же, видно, промышленники, какъ и я. Надо мотать на усъ, гдѣ нашему брату прибыльнѣе, только не хотѣлось бы мнѣ ни съ кѣмъ дѣлиться, и потому приставать къ ихъ артели не слѣдуетъ, а то еще, пожалуй, и тутъ найдутся старшіе. Разсуждая такимъ-образомъ, Василій обошелъ компанію нищихъ и отправился своей дорогой. Тутъ онъ положительно рѣшился идти въ Москву, гдѣ, какъ извѣстно по преданію, церквей сорокъ-сороковъ, стало быть нищей братіи—пожива хорошая. Только вотъ что смущало его: во-первыхъ, молодость и совершенное здоровье, которыми дышало лицо Василья; а во-вторыхъ, какъ прожить въ городѣ безъ паспорта. Вѣдь не увѣчить же себя, думалъ Василій, да и какъ изувѣчишь себя? Богъ знаетъ, еще можетъ статься на тотъ свѣтъ пойдешь, а боли то какія? Все это хорошо дѣлать съ ребячества, когда еще человѣкъ ничего не разумѣетъ, а теперь тяжело и походить за тобой не кому. Долго разсуждалъ Василій самъ съ собой объ этомъ предметѣ, весьма впрочемъ многознаменательномъ для такой профессіи, каково нищенство, и пришелъ къ такому заключенію,

что если не увѣчить себя на самомъ дѣлѣ, то, во всякомъ случаѣ, необходимо притвориться увѣчнымъ. Подвязать руку, подогнуть ногу,—все это казалось ему дѣломъ слишкомъ простымъ и мало возбуждающимъ состраданіе или участіе, поэтому онъ рѣшился притвориться полунѣмымъ, и началъ выпрашивать милостыню какими-то несвязными звуками, въ родѣ мычанья, крестясь и указывая на свой языкъ. Въ то же время онъ силился мимикой объяснить, что даръ слова потерянь имъ еще съ дѣтства. Попытка эта удалась какъ не надо лучше. Василью стали подавать не только хлѣбомъ, но и деньгами. Деревенскіе жители и проѣзжіе господа смотрѣли на него съ видимымъ участіемъ. Когда у Василья появились деньжонки, онъ тотчасъ же справилъ себѣ суму, насчетъ одежды пока беспокоиться было нечего, потому что на дворѣ стояло лѣто. Замѣчательно, что когда Короткій былъ при господскомъ домѣ, его частенько видали пьяненькимъ, нерѣдко даже старухамать жаловалась на него бурмистру, что онъ послѣднюю рубашку изъ дому тащитъ въ кабакъ, а теперь у него около рубля и онъ не думаетъ на нихъ пьянствовать, напротивъ, завернувъ въ нѣсколько тряпочекъ запряталъ въ свой лапотъ и безпрестанно смотрѣлъ, тутъ ли его капиталъ. Каждую копейку, каждую денежку, которую ему подадутъ, онъ хваталъ съ какой-то жадностью и спѣшилъ присоединить ее къ другимъ такимъ же, имѣвшимся у него. Алчность къ деньгамъ развивалась въ немъ все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ онѣ у него прибавлялись. Однажды кто-то выкинулъ ему изъ экипажа копейку, которая упала въ кучу камня, приготовляемаго для шоссейныхъ дорогъ и сложеннаго пирамидально по бокамъ самой дороги. Василій два дня искалъ эту копейку, и въ продолженіе этого времени не пилъ и не ѣлъ, до такой степени онъ встревоженъ былъ пропажею ея. Таковъ былъ Василій, когда пришелъ въ Москву.

Въ народѣ слыветъ поговорка: «на хорошее не скоро найдешь товарищей, а на худое такъ ихъ не оберешься». Поговорка эта вполне оправдалась надъ Василиемъ. Онъ скоро сошелся съ такими же лѣнтяями, какъ самъ — братьями по ремеслу, и въ непродолжительномъ времени узналъ отъ нихъ

всѣ плутовскія сноровки, служившія болѣе вѣрнымъ средствомъ для того, чтобы выманить грошъ. Тутъ же нашлись добрые люди, которые, за извѣстную плату, составили Василью паспортъ, съ которымъ онъ зажилъ припѣваячи, гдѣ-то за заставой, являясь каждый день рано утромъ на Москворѣцкій мостъ. Это было его постояннымъ мѣстопробываніемъ въ продолженіе цѣлаго дня. Погода и непогода, бывало, — все ни о чемъ, Василій сидитъ себѣ съ протянутой рукой на тротуарѣ, да мычитъ, вслѣдствіе чего копеечки сострадательныхъ москвичей то и дѣло переходили къ нему въ руки. Мѣсто, избранное имъ, было одно изъ самыхъ бойкихъ, народъ безпрестанно сновалъ мимо его. Такимъ образомъ прошло два года и у Василя составилось незамѣтно около сотни рублей. По мѣрѣ того, какъ накаплились у него мѣдныя деньги, онъ ихъ размѣнивалъ на бумажки и аккуратно зашивалъ ихъ въ свой изорванный кафтанъ, въ которомъ онъ ходилъ и лѣто и зиму. Бывало, сидитъ, сердечный, весь посинѣвшій отъ стужи, а все-таки продолжаетъ прятать деньги. Купить какой-нибудь поношенный тулупишко онъ и не думалъ, потому что для этого нужно было разстаться съ рублемъ или двумя изъ собранныхъ имъ денегъ.

На побѣгъ изъ графской вотчины Василья тамъ почти никто не обратилъ вниманія. Случай этотъ считался дѣломъ весьма обыкновеннымъ.

— Ну, бѣжалъ, такъ бѣжалъ туда ему и дорога, — замѣтилъ графъ, когда ему доложили, что Василій неизвѣстно куда скрылся. — Развѣ у меня мало этого добра, не разыскивать же мнѣ его. не беспокоить же себя изъ-за такой ничтожности. Но при всемъ томъ, графъ не любилъ, чтобы у него люди считались въ бѣгахъ. Онъ былъ вполне убѣжденъ, что человѣкъ, бѣжавшій отъ своего господина, долженъ непременно его компрометировать; поэтому въ подобныхъ случаяхъ онъ всегда отдавалъ своему управляющему секретное приказаніе, стараться по возможности, разыскивать бѣжавшаго, но въ случаѣ, еслибы онъ не отыскался въ продолженіе года, то заготовить ему вольную и поднести ее къ подписанію графа въ какой-нибудь большой праздникъ и потомъ объявить объ этомъ семейству виновнаго въ побѣгѣ такимъ образомъ: — «что вотъ-де графъ, не желая

имѣть у себя такихъ слугъ, которые отъ него уходятъ, строго приказывается, чтобы такого-то бѣжавшаго, въ вотчину не принимали, если онъ вздумаетъ возвратиться, поэтому ему и выдается вольная на всѣ четыре стороны». Повидимому, мѣра эта была не совсѣмъ радикальная для того, чтобы отучить людей отъ побѣга; напротивъ, казалось бы, что она еще должна поощрять ихъ къ самовольнымъ отлучкамъ, въ надеждѣ получить въ послѣдствіи вольную. Оно дѣйствительно можетъ быть такъ бы и было, если бы отъ графа не было отдано управляющему другого секретнаго приказанія на подобные случаи. Приказаніе это заключалось въ томъ, что все семейство виновнаго навсегда оставалось подъ опалой, т.-е. на него возлагалось работы болѣе, нежели на другихъ, а иногда увеличивался оброкъ и дѣлались лишніе поборы. Эти обстоятельства обуздывали многихъ, кто хотъ сколько-нибудь былъ привязанъ къ своей семьѣ; но Василью, какъ видно, и горя было мало до другихъ, онъ думалъ только о самомъ себѣ. Впрочемъ и думать-то ему было больше не о комъ. У него была мать, да и та жила въ чужой семьѣ, слѣдовательно, отчасти положеніе ея онъ считалъ обезпеченнымъ. Притѣснить ее также было не чѣмъ. Въ самомъ дѣлѣ, что взять съ одинокой бабы, такъ сказать, бобылки, рѣшительно нечѣмъ, развѣ лишній фунтъ сухихъ грибовъ, да аршинъ холста, такъ за этимъ вѣрно никто не погонится.

Когда отъ вотчинной конторы графа заявлено было, куда слѣдуетъ, формальнымъ порядкомъ о побѣгѣ Василья и когда прошелъ годъ, а Василій все еще на мѣсто своего жительства не являлся, тогда управляющій, въ день тезоименитства графа доложилъ его сіятельству, что всѣ мѣры, принятыя къ розысканію Короткаго, оказались тщетными, и потому предложилъ вовсе уволить его изъ вотчины, выдавъ ему вольную. Графъ согласился и подписалъ вольную. Это была послѣдняя вольная, которую подписалъ графъ. Вскорѣ послѣ этого онъ умеръ. Прошло года два, одинъ изъ крестьянъ той же деревни, къ которой принадлежалъ Василій, бывши въ Москвѣ, случайно встрѣтился съ Короткимъ, и объявилъ ему, что теперь онъ человѣкъ свободный, графъ волею Божіею померъ, и ему не-

чего опасаться, возвратиться на родину, по крайней мѣрѣ за тѣмъ, чтобы воспользоваться отпускной законнымъ образомъ.

Василій порадовался такой милости покойнаго графа, тѣмъ болѣе, что жизнь съ волчьимъ паспортомъ не совсѣмъ благо-надежна: не сегодня, завтра, пожалуй, можно и поплатиться. Поэтому онъ немедленно отправился въ свой уѣздный городъ за полученіемъ вольной. Сборы были недолги, котомку за плечи, да и пошелъ съ Богомъ, опять тѣмъ же мірскимъ подаяніемъ. На святой Руси Христовымъ именемъ можно далеко уйти. Прошло много лѣтъ послѣ рассказаннаго мною, Василій успѣлъ уже состарѣться. Въ это время онъ жилъ въ одномъ изъ отдаленныхъ переулковъ за Москвой-рѣкой; но жилъ не одинъ, при немъ явилась лѣтъ двѣнадцати дѣвочка, которую онъ называлъ Сашей и любилъ какъ дочь. Была ли она дѣйствительно его дочь, или только пріемышъ — это положительно никто не зналъ; впрочемъ извѣстно было навѣрное, что Василій женатъ никогда не былъ. Когда въ послѣдствіи Саша сама спрашивала его о своемъ происхожденіи, онъ обыкновенно отвѣчалъ ей:

— Зачѣмъ тебѣ, радость моя, знать объ этомъ; съ матерью своей ты здѣсь никогда не встрѣтишься, кромѣ меня у тебя родныхъ никого нѣтъ, называй меня отцомъ, я о тебѣ буду заботиться какъ о дочери. Больше тебѣ ничего не надо.

— По крайней мѣрѣ, батюшка, скажите мнѣ, кто была моя мать?

— Твою мать звали Настасьей, она была простая, но честная и добрая женщина. Молись за нее.—Этимъ обыкновенно оканчивался разговоръ о Сашиной матери, которую дѣвочка знала только по имени.

Съ тѣхъ поръ, какъ Саша стала жить съ Васильемъ, образъ его жизни совершенно измѣнился, впрочемъ только въ домашнемъ быту, остальное все шло по прежнему, т.-е. Василій также выпрашивалъ милостыню на Москворѣцкомъ мосту въ продолженіе цѣлаго дня, возвращался домой къ обѣду и на ночь, несмотря на то, что у него, очевидно, были деньжонки и, при томъ, повидимому, въ такомъ количествѣ, что старикъ могъ бы и безъ милостыни жить безбѣдно.

Онъ нанималъ квартиру, состоящую изъ кухни и чистой

комнаты. Отъ кухни отдѣленъ былъ чуланчикъ, въ которомъ жилъ Василій, а въ комнатѣ помѣщалась Саша. Тутъ былъ диванъ, небольшое зеркало, нѣсколько стульевъ, комодъ, столъ и кровать. Все это было чрезвычайно просто, даже бѣдно; но, несмотря на это, чистота и порядокъ видны были повсюду.

Трудно описать до какой степени старикъ былъ привязанъ къ дѣвчкѣ; когда случалось, что она была больна, онъ не отходилъ отъ ея постели, просиживалъ подлѣ нея ночи, покупалъ ей лакомства и обновы почти всякій день. Словомъ сказать, кто зналъ Василья прежде, тотъ не узналъ бы его теперь. Бывало, ему истратить грошъ было труднѣй, нежели пробыть два, три дня не ѣвши, между тѣмъ какъ теперь онъ тратитъ рубли для своей Саши и тратитъ ихъ безъ всякаго сожалѣнія. Но эти расходы сдѣлали старика еще жаднѣй къ милостыни, онъ сталъ ранѣе выходить со двора и возвращался позднѣе со своего промысла. Чтобъ Саша не оставалась одна, онъ взялъ къ себѣ какую-то бѣдную старуху-мѣщанку и не только содержалъ ее, но еще платилъ ей, кажется, по полтиннику въ мѣсяцъ. Когда Саша начала подростать, Василій сталъ думать, какъ бы выучить ее грамотѣ, да рукодѣлью. Въ этомъ случаѣ сама судьба помогла ему. Въ той же улицѣ, въ которой жилъ Василій, черезъ нѣсколько домовъ отъ его квартиры, жила вдова какого-то отставного капитана. Она была женщина образованная, но бѣдная до крайности; поэтому, чтобъ имѣть хоть малѣйшія средства къ существованію, она открыла у себя что-то въ родѣ пансіона. Болѣе десяти дѣвочекъ ходило къ ней брать уроки по-русски, по-французски, ариѳметикѣ, священной исторіи и даже музыкѣ и танцамъ. За свои труды бѣдная женщина брала баснословно дешево: самая дорогая цѣна, которую платилъ ей приходскій дьячокъ за свою дочь, состояла изъ двухъ рублей серебромъ въ мѣсяцъ, нѣкоторые платили даже по рублю, дѣлая при этомъ въ продолженіе года рублей на пять разныхъ подарковъ. Василій обратился къ капитаншѣ съ просьбою взять на выучку его Сашу, съ платою за то 20 рублей въ годъ, но только съ условіемъ, чтобы Саша выучена была всему. Капитанша согласилась и дѣвочка стала ходить къ ней всякій день. Не глупая отъ при-

роды, тринадцатилѣтняя Саша въ короткое время оказала большіе успѣхи. Капитанша была отъ нея въ восхищеніи, и замѣтя въ ней склонность къ музыкѣ, сама вызвалась, не ограничиваясь положенными часами для уроковъ на фортепьяно, давать ихъ Сашѣ отдѣльно отъ другихъ дѣвочекъ, бесплатно. Старикъ съ радостью принялъ это предложеніе и сталъ посылать Сашу къ капитаншѣ иногда и по праздникамъ. Года черезъ три Саша кончила свое образованіе.

Въ шестнадцать лѣтъ она была очень недурна собой: блондинка, съ большими черными глазами, высокаго росту, съ стройною таліей и пріятнымъ звучнымъ голосомъ, Саша правилась даже женщинамъ. Весь кругъ знакомыхъ Саши ограничивался только домомъ капитанши, поэтому она большею частію сидѣла въ своей комнатѣ съ книгою въ рукахъ—чтеніе было любимымъ ея занятіемъ; впрочемъ, въ то же время она не упускала изъ виду свое маленькое хозяйство, которое теперь все сосредоточилось на ней одной: она и на рынокъ ходила, и кушанье готовила, и комнату убирала. Саша часто задумывалась надъ своимъ положеніемъ и спрашивала сама себя: что ожидаетъ меня въ будущемъ? кто я и какое мое назначеніе въ жизни? Такого рода вопросы не разъ тревожили ея молодое воображеніе, и она совершенно терялась въ догадкахъ, стараясь хоть сколько-нибудь объяснить себѣ свое существованіе. Говорятъ, я дочь нищаго, думала она, но развѣ нищіе живутъ такъ, какъ я живу? Отецъ мой не отказываетъ мнѣ не только въ необходимомъ, но даже исполняетъ нѣкоторыя мои прихоти, стало быть, у него есть средства баловать меня; а если они есть, то зачѣмъ же онъ проситъ милостыню, зачѣмъ самъ ходитъ въ такомъ рубищѣ и протягиваетъ руку, выпрашивая Христа-ради? Можетъ быть, на деньги, которыя онъ собираетъ такимъ образомъ, и которыя мы тратимъ подчасъ безъ особенной нужды, цѣлое семейство истинно бѣдное было бы сыто въ продолженіе недѣли, между тѣмъ ихъ лишаютъ этой милостыни и подаютъ ее намъ? Справедливо ли мы ею пользуемся? Мысль эта еще болѣе встревожила ее, когда однажды она увидала, что отецъ, доставъ изъ сундука цѣлую пачку ассигнацій, принялся ее пересчитывать.

— Батюшка, это все ваши деньги?—спросила она съ изумленіемъ.

— Да, Саша, мои, только ты, пожалуйста, никому не говори, что ты у меня ихъ видѣла, а то мнѣ перестанутъ подавать милостыню. Это все я набралъ Христовымъ именемъ. Сколько здоровья потратилъ я въ сорокъ слишкомъ лѣтъ, чтобъ собрать столько—здѣсь слишкомъ три тысячи рублей; а нужды-то сколько я претерпѣлъ, такъ это только одному Богу извѣстно: стужа, зной, и голодъ—все было. Пожалуйста, никому не сказывай; теперь вѣдь ужъ для тебя собираю—все отдамъ тебѣ, моя радость, на приданое. Самому мнѣ немного надо.

— Знаете ли что, батюшка,—начала было Саша. —Не надо мнѣ никакого приданого; я обѣщаю вамъ, что не выйду никогда замужъ, и прошу только объ одномъ, не просите вы больше милостыни. Этими деньгами мы съ вами проживемъ весь свой вѣкъ, кромѣ того, я еще могу работать.

— Нѣтъ, Саша, ужъ ты мнѣ лучше этого не говори. Проживши слишкомъ сорокъ лѣтъ мірскимъ подаваніемъ и вдругъ отъ него отказаться—этого нельзя!

— Да вы разсудите, настаивала Саша,—вѣдь у васъ, слава Богу, теперь есть чѣмъ жить, за что же вы у другихъ-то будете отымать, у тѣхъ, которые, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ умираютъ съ голоду. Право, батюшка, это и передъ добрыми людьми совѣстно, да и передъ Богомъ грѣшно призывать Его имя всуе. Ну, вы попробуйте день-другой не ходить, посмотрите, что въ короткое время и совсѣмъ отстанете. Вамъ самимъ опротивить побираться. Старичокъ только моталъ головой. Саша не на шутку пристала къ нему, чтобы онъ отказался отъ нищенства, и почти всякій день начала упрашивать его пробыть нѣсколько времени дома. Наконецъ, однажды онъ рѣшился исполнить просьбу дѣвушки и цѣлое утро просидѣлъ дома. Не даромъ говорится: «привычка вторая натура». Во все время, которое онъ обыкновенно проводилъ на мосту, дома ему было невыносимо скучно, онъ какъ тѣнь бродилъ изъ угла въ уголъ, нѣсколько разъ порывался уйти и только убѣдительныя просьбы Саши могли удержать его. Послѣ обѣда онъ не могъ болѣе владѣть собой и почти выбѣжалъ изъ дому. Въ

этотъ день онъ оставался на мосту долѣе обыкновеннаго, вѣроятно, желая вознаградить себя за потерянное имъ время утромъ.

Саша въ другой разъ попробовала удержать старика дома, но онъ едва не заболѣлъ съ тоски и плакалъ какъ ребенокъ. Съ тѣхъ поръ она его уже болѣе не удерживала.

II.

Каждое лѣто Василій переѣзжалъ на дачу, какъ онъ самъ выражался, т.-е. переходилъ съ Москворѣцкаго моста на Кремлевскій бульваръ. Бульваръ этотъ идетъ подлѣ самой кремлевской стѣны, со стороны Москвы-рѣки, и въ лѣтнее время служить любимомъ мѣстомъ прогулокъ москвичей средняго класса, и преимущественно чиновниковъ и чиновницъ комиссаріата, проживающихъ, большею частью, за Москвой-рѣкой по набережной, для того, чтобы быть поближе къ своему присутственному мѣсту, которое красуется на берегу рѣки и смотреть въ лоно ея безмятежныхъ водъ такъ же спокойно и весело, какъ иной сортировщикъ смотреть на молодого прапорщика, явившагося за пріемкой подкладочнаго холста... Но виновать, мы на бульварѣ, да и на прекрасномъ, очаровательномъ бульварѣ. Какихъ только сценъ не бываетъ свидѣтелемъ этотъ милый бульваръ, по выраженію комиссаріатскихъ барышень! Во-первыхъ, онѣ тутъ дѣлаютъ неописанный фуроръ своими кринолинами и радужнаго цвѣта платьями и бурнусами; о шляпкахъ нечего и говорить—шляпки окончательно поражаютъ васъ, при видѣ ихъ на головкахъ, или, вѣрнѣе, на затылкахъ, даже ниже, московскихъ красавицъ, вы невольно задаете вопросъ: на чемъ же это онѣ держатся? неужели ни на чемъ? Вотъ въ этомъ-то и штука, въ этомъ-то весь и секретъ, чтобы шляпка держалась ни на чемъ, т.-е. положительно ни на чемъ, даже не на затылкѣ, а такъ-себѣ, зефиры поддерживаютъ. Искусство носить такимъ образомъ шляпки посѣтительницами Кремлевскаго бульвара доведено до высшей степени совершенства. Во-вторыхъ, кавалеры поименованнаго выше бульвара являются на немъ всегда въ вицъ-мундирахъ, что называется, съ иголочки,

съ усиками, слегка подфабреными, съ фізіономіями сладко улыбающимися, которыя, какъ извѣстно, тоже что-нибудь да значать, на такія фізіономіи наши бюрократы не щедры и не станутъ выставлять ихъ, ни съ того ни съ сего, на показъ всякому встрѣчному. Послѣ этого, читатель, я увѣренъ, вы тотчасъ же догадаетесь, что можетъ происходить на бульварѣ. Вы знаете очень хорошо, что въ природѣ существуютъ не одни чиновники, но есть и чиновницы, что чиновники и чиновницы стремятся другъ къ другу — вамъ и это также понятно; такъ теперь поймите же, что стремленіе это чаще всего обнаруживается на Кремлевскомъ бульварѣ. Здѣсь начинается безчисленное множество тѣхъ водевилей, комедій, трагедій, драмъ и мелодрамъ, которыя люди условились называть семейнымъ счастьемъ или несчастьемъ. И если бы вы знали, какъ просто онѣ начинаются, такъ удивились бы, не повѣрили... Посмотрите, занавѣсъ подымается.

На скамейкѣ сидитъ чиновница съ молоденькою дочкой и обѣ молчатъ. Господинъ въ вицъ-мундирѣ, лѣтъ 23-хъ, отдуваясь, садится рядомъ съ ними. Молчаніе продолжается.

Вдругъ чиновница чихаетъ.

Господинъ въ вицъ-мундирѣ немедленно обращается къ чихнувшей и желаетъ ей быть здоровой.

Та, разумѣется, благодаритъ его и спѣшитъ прибавить:— «это отъ табаку».

— А какой вы изволите употреблять?—начинаетъ вкрадчиво господинъ въ вицъ-мундирѣ.

— Віоле-розе съ бергамотомъ.

— У меня батюшка тоже его нюхаетъ, отличный табакъ, вы у Хатунцева берете.

— У Хатунцева... я всегда у него. Вотъ и Пелагея Ивановна Чихардина тоже у него беретъ, она мнѣ и рекомендовала.

— Какая это Чихардина, супруга Власа Петровича?

— Да. А вы ихъ знаете?

— Какже-съ, имѣю счастье. Я прежде у нихъ подъ начальствомъ состоялъ.

— А ваша какъ фамилія?

— Травкинъ-съ.

— Вамъ не родственникъ ли Травкинъ, котораго недавно у насъ сдѣлали столоначальникомъ?

— Это я самый-съ.

— Такъ это вы перешли къ намъ изъ казенной палаты?

— Я-съ.

— Такъ вы вмѣстѣ съ моимъ мужемъ служите. Леночка, помнишь, отецъ про нихъ сказывалъ.

— Помню, маменька.

— Такъ прошу быть знакомымъ: я жена титулярнаго совѣтника Шепотова; слыхали?

— Какже-съ, помилуйте, вмѣстѣ служимъ.

— А это моя дочь, Леночка. Приходите когда къ намъ.

— Чувствительно благодаренъ.

Вотъ вамъ и знакомство готово. Завтра Травкинъ непременно явится къ Шепотовымъ, послѣ завтра пойдутъ вмѣстѣ на завѣтный бульваръ, и будутъ ходить, ходить и, наконецъ, доходятся до того, что въ одно прекрасное утро титулярный совѣтникъ и титулярная совѣтница дадутъ свое родительское благословеніе Леночкѣ, вслѣдствіе чего въ формулярномъ спискѣ Травкина впишется роковое слово «женать». А чѣмъ это все кончится, только Богу извѣстно.

Происходятъ на бульварѣ и иного рода случаи. Идетъ человекъ здоровъ и невредимъ, только пошатывается, вдругъ навстрѣчу ему какая-нибудь береза или липа, да прямо по лбу; смотришь, человекъ и упалъ, какъ снопъ. Бываетъ, двое идутъ, и, кажется, чинно идутъ, разговариваютъ только громко, а то ничего особеннаго не замѣтно; и придетъ имъ охота помѣряться силой, на видъ, кажется, оба богатыри, — не тутъ-то было: какой-нибудь хилый будочникъ побѣдитъ обоихъ и представить по начальству, яко бы озорниковъ. Впрочемъ, такія курьезныя похожденія на бульварѣ случаются рѣдко; тамъ больше насчетъ амура прохаживаются. Зато, если бы вы видѣли, какъ всѣ гуляющіе счастливы, какъ они довольны и сами собой и окружающими ихъ. Эдемъ, суцій Эдемъ, и кому только пришла счастливая мысль устроить этотъ бульваръ!

Василій всегда садился на землѣ, при входѣ на бульваръ,

у самой лавочки. Всѣ до одного изъ постоянныхъ посѣтителей Кремлевскаго бульвара знали старика и каждый изъ нихъ, хоть изрѣдка, а непременно сунетъ ему въ руку монетку. А одинъ какой-то добрый человѣкъ, прогуливающійся всегда въ камлотовомъ пальто, такъ аккуратно каждый день подавалъ старику по копеечкѣ. Старикъ замѣтилъ его и они встрѣчались уже какъ знакомые. Этому доброму человѣку было лѣтъ двадцать восемь; онъ былъ брюнетъ, высокаго роста и очень недурень собой; кромѣ того, въ лицѣ молодого человѣка было столько доброты и скромности, что онъ невольно располагалъ къ себѣ всякаго, кто только видѣлъ его. Самъ черствый Василій всегда ждалъ своего знакомаго барина съ какимъ-то нетерпѣніемъ, и не за тѣмъ только, чтобъ получить отъ него милостыню, а просто такъ, чтобъ его увидать. Бываютъ же вѣдь такіа счастливыя наружности, на которыя такъ вотъ и хочется посмотрѣть!

На этотъ разъ такая счастливая фізіономія принадлежала, какъ бы вы думали кому? — канцелярскому чиновнику Говорухину.

Владиміръ Николаевичъ Говорухинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ личностей, которыхъ судьба долго упрямится признать своими законными дѣтьми, а считаетъ ихъ какъ-будто пасынками и при всякомъ удобномъ случаѣ норовитъ чѣмъ-нибудь обдѣлить. Такъ, напримѣръ, года черезъ два послѣ появленія на свѣтъ Володи Говорухина у него умеръ отецъ, единственная подпора своей семьи, состоящей изъ больной жены и троихъ дѣтей, изъ которыхъ двое старшихъ сыновей были отъявленными негодьями и не только не помогали матери, но еще послѣднее тащили изъ дому вонъ; наконецъ, когда они увидѣли, что дома взять болѣе нечего, то вовсе оставили мать, что называется, на произволъ судьбы, а сами пошли мыкаться по бѣлому свѣту, по широкой землѣ Русской... не лежитъ ли у кого что-нибудь плохо. Деньги, носовые платки, часы, сапоги, платье, все привлекало ихъ вниманіе, молодцы ни чѣмъ не пренебрегали, и хозяинъ вещей, положенныхъ плохо, не успѣетъ опомниться, какъ ихъ ужъ и нѣтъ. Это дѣло не миновало рукъ Говорухиныхъ, — подумаетъ онъ, да тѣмъ и по-

кончить свои розыски, потому что взятки-то съ нихъ гладки. Тяжба обойдется дороже пропажи... А если гдѣ, бывало, нельзя попользоваться на чистую, т.-е. руки не подходят, опасно, тамъ они, бывало, пускаютъ въ ходъ разныя хитрости и всякаго рода уловки: подпоятъ, обыграютъ въ карты, обмануть, словомъ сказать—свое возьмутъ. Правда, подчасъ случалось и имъ платиться за подобныя штуки, но плата эта была такого рода, что для нихъ рѣшительно ничего не стоила; въ самомъ дѣлѣ, ну что стоило, наприимѣръ, для нихъ, позволить пересчитать себѣ ребрышки, или подбить глазъ, или раскраснѣется одна щека больше, нежели другая — сущіе пустяки. Они очень хорошо понимали, что «безъ печали невозможно вѣкъ прожить»; да и какая же это печаль, день, — другой, ну недѣля и все прошло, только въ спину какъ-будто покалываетъ — пустяки.

На все были доки братья Говорухины, изъ воды сухи выходили, только съ однимъ не совладѣли съ кутикумскимъ уѣзднымъ судомъ: попались они туда, да тамъ и застряли; года черезъ три ихъ видѣли на Владимиркѣ, идутъ себѣ рука объ руку, да пѣсенки попѣваютъ, а удалой казакъ сзади ихъ подтягиваетъ:

Ужъ ты Сибирь, матушка Сибирь,
Край холодный, край холодный, да привольный.

Прослышала Говорухина, что дѣтки ея въ дальній путь собираются, продала, сердечная, послѣднее свое шелковое платье, да послала имъ на дорогу по три рубля каждому; они хоть-бы спасибо сказали. Съ тѣхъ поръ о нихъ и помину нѣтъ, только мать порой видаеть ихъ во снѣ, да на утро и скажетъ своему Володѣ:

— Снились, Володя, мнѣ сегодня твои братья, что-то живы ли они, промолвить вздохнувъ старушка и крѣпко-крѣпко зажмурится, будто кто ее укололъ.

Вы спросите, читатель, чѣмъ же жила Говорухина? Да чѣмъ жила: во-первыхъ, жила она пенсіономъ своего мужа, получая аккуратно каждое первое число изъ казначейства полтора цѣлковыхъ; во-вторыхъ, ей помогали добрые люди, такъ что она расходовала въ годъ рублей пятьдесятъ.

Да вѣдь это такая ничтожность! — возразите вы, получающіе три-четыре тысячи годового дохода, которыхъ, разумѣется, вамъ не достаетъ. Вполнѣ соглашаюсь съ вами, что 50 р. въ годъ—ничтожность; но представьте себѣ, что такими кушами ограничивается большинство, и живетъ, и благодарить Господа Бога, и подчасъ радуется, смѣется, даже веселится. Ничтожность! Да что же не ничтожность-то?.. укажите мнѣ.

Образованіе Володи Говорухина ограничилось приходскимъ училищемъ, далѣе онъ не пошелъ,—не пошелъ не потому, чтобы не хотѣлъ или не имѣлъ способностей продолжать науки, а единственно потому, чтобы поскорѣй начать добывать деньги, которыхъ, очевидно, не доставало у его матери на многое необходимое для существованія. Не приспособленный ни къ какому ремеслу, Володя искушался въ правописаніи и чистописаніи. Черезъ знакомыхъ чиновниковъ онъ доставалъ изъ сената и другихъ мѣстъ цѣлыя стопы бумагъ для переписки, съ платою за работу отъ пяти до семи копеекъ съ листа. Какъ труженикъ, онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ не разгибаясь, а иногда, при спѣшной работѣ, просиживалъ напролетъ и ночи, и все это за какіе-нибудь семьдесятъ или восемьдесятъ копеекъ въ сутки. Объ общественныхъ удовольствіяхъ онъ зналъ только по слухамъ, но самъ никогда не участвовалъ въ нихъ; иногда, утомившись писать, онъ оставлялъ перо и задумывался, задавая себѣ резонный вопросъ:—«неужели такое жалкое прозябаніе человѣка, какъ мое, называется жизнью? неужели міръ не могъ обойтись безъ меня?» Потомъ онъ иронически замѣчалъ: «Видно я тоже не послѣдняя спица въ колесницѣ», и между тѣмъ чей-то голосъ жужжалъ ему въ уши: пиши, пиши, вѣдь срочное... ни минуты покоя, забыться не дадутъ. Вотъ ѣдетъ мимо оконъ карета. Володя приподнялся со своего мѣста, чтобы посмотрѣть на нее и оробѣлъ: изъ кареты слышался сердитый голосъ барина:—«дуракъ, куда завезъ, пошелъ дальше!»

«И посмотрѣть-то на себя не дадутъ, сердятся»,—подумалъ Володя и снова принялся за свою работу. Шибко стучитъ карета по мостовой, громко похлопываетъ кнутомъ обиженный

кучеръ, наконецъ звуки эти становятся все тише и тише, и вотъ они смолкли. Володя вздохнулъ свободнѣе.

Съ помощью добрыхъ людей, Володя опредѣлился на службу и ему положили жалованье такое, какое обыкновенно полагается только-что вступающимъ въ касту жрецовъ Ѡемиды, и на которое, какъ извѣстно, можно досыта пообѣдать не болѣе трехъ разъ въ мѣсяцъ, а въ остальные за тѣмъ двадцать семь дней никто не мѣшаетъ питать себя надеждою въ послѣдствіи обѣдать гораздо чаще.

Сдѣлавшись чиновникомъ и въ то же время продолжая заниматься попрежнему перепиской бумагъ, Володя, какъ говорится, немного пооперился, т.-е. завелъ себѣ фильдекосовыя перчатки и перцового дерева тросточку съ двумя кисточками и бронзовымъ набалдашникомъ, изображающимъ голову какого-то свирѣпаго животнаго. Перчатки и тросточка однажды соблазнили его пройтись по Кремлевскому бульвару. Прогулка эта понравилась ему и съ тѣхъ поръ онъ началъ посѣщать бульваръ каждый день, иногда одинъ, иногда съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ товарищей.

Какъ-то прошло дня три, Володя не показывался на бульваръ. Василій напрасно высматривалъ его въ пестрой толпѣ гуляющихъ, напрасно ожидалъ, что вотъ подойдетъ его знакомый баринъ и положить ему въ руку копеечку; не тутъ-то было, знакомый баринъ не показывался. «Видно захворалъ, — подумалъ старикъ, вставая съ своего мѣста и собираясь идти домой. А должно быть добрый человѣкъ этотъ баринъ, — рассуждалъ самъ съ собою Василій, только надо полагать не изъ богатыхъ, по лицу видно, что нужду терпитъ. Вотъ другой, что съ нимъ прохаживается, такъ долженъ быть порядочный стрекулистъ, а этотъ ничего». Въ это время старикъ поровнялся съ церковью Василя Блаженнаго и положилъ три земныхъ поклона.

На другой день, часовъ въ семь вечера, Василій сидѣлъ на своемъ мѣстѣ на бульварѣ, подлѣ лавочки, и думалъ о добромъ баринѣ. На этотъ разъ Володя былъ легокъ на поминѣ. Онъ показался на противоположномъ концѣ бульвара, въ сопровожденіи того самаго господина, котораго старикъ назы-

валъ стрекулистомъ. Это былъ пріятель Володи, также чиновникъ, только другого вѣдомства; Говорухинъ называлъ его Мишей.

Пріятели подходили къ скамейкѣ, у которой сидѣлъ Василій и о чемъ-то серьезно разговаривали. Лицо Володи было печально.

— Сядемъ тутъ, я усталъ, — замѣтилъ Миша, поровнявшись съ скамейкой. — Да расскажи, пожалуйста, изъ чего же все это у васъ вышло? Вѣдь, кажется, прежде онъ къ тебѣ благоволилъ?

Молодые люди сѣли.

— Изъ чего вышло? Да я и самъ не знаю изъ чего. Думаю изъ-за его именинъ: а впрочемъ не знаю.

— Чтожъ такое именины?

— Видишь ли, въ Петровъ день онъ былъ именинникъ, вотъ наканунѣ и приказывается, черезъ экзекутора, всѣмъ намъ прибыть къ нему для поздравленія въ одиннадцать часовъ утра, чтобъ непременно всѣ были въ мундирахъ, а канцелярскіе чиновники въ форменныхъ кафтанахъ. А у меня, ты знаешь, кафтана нѣтъ, да и сшить-то его еще не на что; поэтому я и разсудилъ вовсе къ нему не ходить съ поздравленіемъ, думаю, во множествѣ не замѣтитъ, тутъ ли я или нѣтъ. Только какъ наши-то всѣ къ нему собрались, онъ вышелъ къ нимъ, поздоровался, да и спрашиваетъ экзекутора:

— Что, говоритъ, Модестъ Модестовичъ, всѣ здѣсь?

Тотъ засуетился, сталъ высматривать и отвѣчалъ:

— Никакъ нѣтъ-съ: Хвостиковъ, Полоскинъ и Говорухинъ еще не прибыли.

— Отчего же они не прибыли? Кажется, чиновники не крупные, а заставляютъ себя ожидать. Либеральствомъ заразились, что ли? Впрочемъ, господа, семеро одного не ждутъ, мнѣ самому нѣкогда, можете отправиться по домамъ.

— Черезъ день увидѣлъ меня въ канцеляріи, я поклонился, а онъ и косыми не смотритъ, отвернулся. Съ тѣхъ поръ и началось гоненіе: перепишу ли что, составлю ли самъ, все не такъ, все перемараешь. Наконецъ вчера прислалъ мнѣ рапортъ къ министру переписать. Переписалъ отлично, ни одной ошиб-

ки, ни одного лишняго штриха, вся канцелярія любовалась. Ну, думаю, угожу. Чтожъ бы ты думалъ? Понесъ рапортъ, а дорогой какъ-то проклятая муха на него и сядь; я этого ничего не замѣтилъ, подалъ бумагу и отошелъ въ сторону. Вдругъ какъ онъ крикнетъ на меня, да пальцемъ на то мѣсто, гдѣ сидѣла муха, и давай тыкать. «Это, говоритъ, что такое? Какъ ты, говоритъ, смѣешь подавать мнѣ такую бумагу съ такими знаками? и пошелъ и пошелъ браниться, а самъ бумагу комкаетъ.—Либеральничать такъ твое дѣло, а вычистить, переписать бумагу, такъ не умѣешь! Завтра же подавай въ отставку и убирайся, куда знаешь, съ глазъ долой». Вышелъ я отъ него точно ошпаренный кипяткомъ пудель. Только въ канцелярії опомнился, смотрю, а вслѣдъ за мной экзекуторъ. «Говорухинъ, за вами, говоритъ, есть три рубля, такъ вы ихъ завтра непременно принесите». А я ихъ дѣйствительно взялъ у него въ счетъ жалованья три рубля. Теперь не знаю, что дѣлать, чѣмъ отдать, сегодня потому и въ присутствіе не пошелъ. Да это бы все еще ничего, будь я одинъ, я бы не тужилъ, одна голова не бѣдна, кой-какъ перебился бы, а вѣдь ты знаешь, что у меня старуха на рукахъ. Узнай теперь она, что меня изъ службы выгоняютъ, просто сума сойдетъ, и ни за что не повѣритъ, чтобъ въ этомъ не было моей вины. А я чѣмъ виновать, разсуди самъ.

— А ты еще матери про это не сказывалъ?

— Нѣтъ, боюсь! Старуха не переживетъ, и такъ ужъ не мало ей на ея вѣкъ было горя. Одна надежда была на меня и вдругъ... Миша, голубчикъ, помоги мнѣ, если можно; посоветуй, что мнѣ дѣлать? Нѣтъ ли у васъ какого мѣстечка, я подалъ бы въ переводъ и пошелъ бы служить хоть безъ жалованья. Нельзя не служить.

— Постои, въ гражданской палатѣ, я слышалъ, на дняхъ откроется вакансія писца. Хочешь туда, у меня тамъ шуринъ служить. Я его попрошу хоть сейчасъ, онъ сегодня дежурный.

— Сдѣлай одолженіе, сходи пожалуйста, я тебя подожду здѣсь.

— Хорошо. Это дѣло можно устроить; у шурина, я знаю,

случай есть къ засѣдателю отъ купцовъ. До свиданья. Дожидайся, я черезъ полчаса вернусь. И Миша поспѣшно удалился.

— Нѣтъ, видно и стрекулистъ добрый человѣкъ,—подумалъ Василій, слышавшій весь разговоръ пріятелей.—А жаль сердечнаго!

Когда Миша ушелъ, Говорухинъ на нѣсколько минутъ призадумался, потомъ вдругъ выпрямился и, махнувъ рукой, бодро посмотрѣлъ вокругъ себя, какъ-будто желая сказать: «Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ». Въ это время онъ замѣтилъ старика.

— А, старинушка, ты тутъ!—произнесъ онъ шутя. — Помнится, я тебѣ давно не подавалъ, постой, посмотрю, кажется у меня гдѣ-то былъ грошикъ.

Съ этимъ словомъ Говорухинъ сталъ ощупывать свои карманы и, вынувъ дѣйствительно грошъ, единственный, который былъ у него, подалъ старику. — Прими Христа ради! Послѣдній.

— Дай Богъ вамъ много лѣтъ здравствовать, — отвѣчалъ старикъ, принимая подаеніе.—Помяни Господи вашихъ родителей и пошли вамъ всякаго благополучія!

— Какое тутъ благополучіе, ужъ тутъ не до благополучія, только унеси ты мое горе.

— Слышалъ, батюшка, какъ вы товарищу-то своему рассказывали. Вѣдь есть же, подумаешь, такіе злые люди. Можетъ статься, не могу ли я вамъ чѣмъ пособить.

— Ты? — произнесъ протяжно Говорухинъ, съ усмѣшкой посматривая на старика. — Развѣ поучишь, какъ просить милостыню, когда придется и мнѣ такъ же, какъ тебѣ, надѣть суму.

— Зачѣмъ милостыню, вы человѣкъ молодой, проживете и своими трудами, да не только одни, а пожалуй еще и съ хозяйшкой и съ дѣтками, если Богъ благословить.

— Да какая дура за меня пойдетъ, вѣдь я, братъ, голъ какъ соколъ.

— Отчего за такого молодца не пойти, напрасно сумлѣваетесь. Пойдетъ и не дура, только бы полюбились ей, да она

бы вамъ приглянулась, право слово! И старикъ окинулъ взглядомъ Говорухина съ головы до ногъ.

— Да что ты въ самомъ дѣлѣ болтаешь, есть у тебя на примѣтѣ невѣста, что ли? Такъ давай ее сюда, только бы не такую нищую, какъ мы съ тобой; я тебѣ за это, пожалуй, кафтанъ сошью.

— Куда мнѣ кафтанъ, прохожу и въ этомъ!

— Ну, поблагодарю деньгами.

— Отъ васъ мнѣ и денегъ не надо.

— Такъ чего же ты хочешь?

— Объ этомъ не беспокойтесь, потолкуемъ послѣ.

— Ты въ самомъ дѣлѣ невѣсту мнѣ сватать хочешь, что ли?..

— Можно и посватать, если угодно.

— А приданое-то у ней есть ли какое-нибудь.

— Тысячки три серебромъ наберется.

— Такъ сдѣлай милость. Да она изъ какихъ?

— Послѣ узнаете, теперь не скажу.

— Гдѣ же можно ее видѣть?

— Если не побрезгаете, такъ приходите хоть сегодня ко мнѣ. И старикъ разсказалъ, гдѣ его отыскать.— Тамъ потолкуемъ,—прибавилъ онъ.

Чортъ знаетъ, что это такое,—подумалъ Говорухинъ. Нищій сватаетъ невѣсту, у которой три тысячи рублей приданого. Не понимаю. Однако, отчего не посмотреть, хоть изъ любопытства. Какихъ чудесъ не бываетъ?

— Хорошо, я непременно зайду сегодня же, даже сейчасъ,—отвѣчалъ Володя, готовый въ своемъ критическомъ положеніи рѣшиться на все.

Между тѣмъ къ нему подходитъ Миша.

— Ну что?—спросилъ Говорухинъ, идя къ нему навстрѣчу.—Отказъ?

— Какой отказъ, вакансія не занята и шуринъ обѣщалъ объ этомъ похлопотать. Зайди къ нему завтра въ палату, спроси Исаева. Онъ говоритъ, что ты легко можешь поступить на это мѣсто.

— Спасибо, дружище! Стало быть, дѣло идетъ на ладъ.

— А вотъ это, — прибавилъ Миша, подавая Говорухину пятирублевую бумажку, — я взялъ у шурина для тебя, расплатиться съ экзекутсромъ, да на гербовую бумагу для прошенія. Послѣ отдашь, когда у тебя будутъ деньги.

Володя забылъ, что онъ на бульварѣ и отъ радости обнялъ своего друга.

— Ну, братъ Миша, не знаю какъ мнѣ тебя и благодарить!..

— Да никакъ, — отвѣчалъ тотъ флегматически. — Если, братъ, мы другъ другу помогать не будемъ, такъ просто ложись да умирай, потому что намъ ужъ навѣрно никто не поможетъ. Однако прощай! Шуринъ велѣлъ зайти къ нему домой, сказать, чтобы ему прислали подушку съ одѣяломъ, да чего-нибудь закусить; прощай, до свиданья, не забудь же завтра зайти къ нему! Друзья разстались. Старика тоже на своемъ мѣстѣ не оказалось. Начинало смеркаться. Говорухинъ скорыми шагами отправился къ Василью на квартиру.

Не удивляйтесь, читатель, что Говорухинъ такъ скоро увлекся словами нищаго и такъ легко повѣрилъ, что онъ можетъ высватать ему невѣсту. Тутъ рѣшительно нѣтъ ничего не только удивительнаго, но даже страннаго, а почему, я сейчасъ объясню. Къ числу безчисленнаго множества достопримѣчательностей Москвы нужно отнести особенную характеристику тамошнихъ жениховъ и невѣстъ. Въ этомъ случаѣ у нихъ свой, такъ сказать, московскій взглядъ на вещи, и своя самобытная московская логика, на основаніи которой, по ихъ убѣжденію, сватовство не должно составлять профессію какого-нибудь исключительнаго класса людей, а можетъ быть одинаково доступно для всѣхъ. Словомъ сказать, на эту отрасль промышленности въ Москвѣ монополіи не существуетъ, тамъ всѣ занимаются этимъ дѣломъ съ одинаковой любовью и съ одинаковымъ успѣхомъ. Правда, въ послѣднее время и тамъ, говорятъ, начали появляться привилегированные сваты и свахи, только я васъ увѣряю, что привилегія эта не болѣе какъ пустой звукъ, иллюзія, въ сущности ея нѣтъ. Я это могу доказать фактически. Одинъ мой знакомый, человѣкъ извѣстный своею ученостью, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ

изучалъ быть, характеры, нравы и склонности москвичей и пришелъ къ такому заключенію, что они болѣе всего пристрастны къ сватовству, къ женитьбѣ и къ замужеству. По этому случаю онъ замѣчаетъ, что число сватовъ и свахъ въ Москвѣ равняется всему народонаселенію столицы, за исключеніемъ дѣвочекъ до двѣнадцатилѣтняго возраста, а мальчиковъ до 15 лѣтъ. Прошу вѣрить авторитету моего ученаго друга, вѣдь онъ почтенный членъ какого-то общества, чуть ли не гидравлическаго.

Послѣ этого, само собою разумѣется, нѣтъ ничего необыкновеннаго,—ни въ предложеніи, сдѣланномъ Василиемъ Говорухину, ни въ томъ, что Говорухинъ охотно принялъ это предложеніе и не усумнился нисколько, что и нищій можетъ высватать невѣсту, точно такъ же какъ какая нибудь чиновница пятаго класса, вродѣ Катерины Семеновны Одуванчиковой, проживающей на Большой Дмитровкѣ, подъ фирмою «Chambres garnies».

Что это, подумаешь, куда судьба не забрасываетъ человѣка и съ кѣмъ только она его не сводитъ. Такъ рассуждалъ самъ съ собою Говорухинъ, подходя къ квартирѣ Василія. Ну, ожидалъ ли я, подавая старику милостыню, что мнѣ придется быть у него въ гостяхъ, да еще мало того, кто знаетъ, можетъ быть отъ него будетъ зависѣть мое счастье на всю жизнь. Что если въ самомъ дѣлѣ онъ предоставитъ мнѣ невѣсту съ тремя тысячами рублей! Что тогда? Три тысячи—кушъ и кушъ для нашего брата-чиновника значительный! Я бы зналъ, какъ распорядиться ими, у меня бы они хорошенькіе процентики давали. Сейчасъ бы пустилъ ихъ подъ ручные залоги, по 5 копеечекъ въ мѣсяцъ—въ годъ шестьдесятъ; ну, положимъ въ оборотѣ будетъ постоянно только двѣ тысячи, итого тысяча двѣсти рублей дохода. Великолѣпно! И плакаться на меня никто не будетъ, берутъ же наши ростовщики по десяти копеекъ въ мѣсяцъ, да чуть день просрочилъ, такъ и пиши пропало, а у меня и отсрочка будетъ. Надо вникать въ положеніе бѣдныхъ людей, а то Богъ накажетъ... Впрочемъ, что я очень-то размечтался. Ну, откуда нищему взять невѣсту съ такими деньгами; найдутся люди и безъ него, которые такую

высватаютъ?.. А съ другой стороны, немудрено, что и онъ это дѣло устроить можетъ. Кто знаетъ? Какая-нибудь богатая барыня помогаетъ ему, онъ вхожъ къ ней въ домъ, а у этой барыни есть воспитанница невѣста, которую, разумѣется, слѣдуетъ пристроить замужъ съ награжденіемъ. Вотъ она какъ-нибудь и сообщила объ этомъ старику, а можетъ онъ и самъ вызвался: «что вотъ-де, матушка - благодѣтельница, пора бы твоей голубкѣ и голубка искать»; а та по обыкновенію: «порато, старикъ, пора, да хорошихъ людей нынче вишь совсѣмъ мало; нѣтъ ли у тебя кого на примѣтъ, ты вѣдь много по домамъ-то ходишь, отъ тебя скрываться не стануть, можешь все развѣдать въ подробности...» Вотъ старикъ и хлопочетъ; или нѣтъ ли у него какой-нибудь двоюродной тетки въ торговыхъ, можетъ статья, ее не просилъ ли кто насчетъ женишка, а она, въ свою очередь, не имѣя зъ наличности подходящаго, поручила старику поискать... Все случиться можетъ, вѣдь здѣсь матушка Москва. Насчетъ сватанья пренебрегать никѣмъ не слѣдуетъ...

Тукъ, тукъ, постучалъ Говорухинъ въ запертую калитку дома, въ которомъ жилъ Василій. А на дворѣ между тѣмъ совсѣмъ смерклося и въ окнахъ кой гдѣ зажглись огоньки. Со двора слышались шаги и черезъ минуту самъ Василій отворилъ калитку и, впустивъ гостя, заперъ ее снова, приговаривая:

— Милости просимъ, батюшка; какъ ваше имя-то да отчество?

— Владиміръ Николаичъ.

— Ну вотъ, Владиміръ Николаичъ; а по фамиліи-то какъ?

— Говорухинъ.

— Ну вотъ, Говорухинъ,—повторилъ старикъ.—Пожалуйте, Владиміръ Николаевичъ, вотъ сюда; благодарю покорно, что не побрезгали нищенскимъ кровомъ. Тихонько тутъ, въ яму не попадите... Чистили, знаете, третьяго дня, а закрыть-то, проклятые, не закрыли по сю пору. У насъ хозяинъ такой безпутный, ни до чего ему дѣла нѣтъ, только бы съ жильцовъ деньги обирать. Отвратительный запахъ ударилъ Говорухину прямо въ носъ, онъ отшатнулся и обошелъ яму.—Легонько

тутъ. Не ушибитесь о притолку, совсѣмъ опустилась, того и гляди, что обрушится. Обидно только, что не на хозяйскую голову,—продолжалъ старикъ, отворяя дверь въ кухню, въ которой теплился ночникъ съ постнымъ масломъ. Пламя его то какъ будто подмигивало, то вытягивалось кверху, оканчиваясь черною струей копоти, вьющейся до потолка, а тамъ, гуляя себѣ на свободѣ, копоть эта расписывала самые фантастическіе узоры, и нецеремонно садилась всюду, гдѣ только ей заблагоразсудится.

Совсѣмъ другое представляла чистая комната, въ которой жила Саша и въ которую Василій поспѣшилъ ввести Говорухина. Видно, что полъ ея былъ вымытъ незадолго до прихода гостя, вслѣдствіе чего отъ двери до дивана постлана была толстая бѣлая холстина, замѣняющая ковровую дорожку. Кровать Саши покрыта новымъ ситцевымъ одѣяломъ, еще не утратившимъ свою глянцовитость, изъ подъ одѣяла выглядывала какъ снѣгъ простыня и такой же бѣлизны наволочки красовались на двухъ подушкахъ, взбитыхъ довольно высоко. По угламъ комнаты и на окнахъ нигдѣ ни соринки, ни пылинки, ни лоскутика. На комодѣ, подлѣ небольшого туалетнаго зеркала, лишнее все прибрано, а остальное уставлено въ порядкѣ, симметрически; такъ напримѣръ, если съ одной стороны зеркала лежала головная щетка, полотенце, то съ другой вы непременно увидите гребенку и фаянсовую мыльницу, представляющую гробницу, на крышкѣ которой покоится купидонъ, въ натуральномъ видѣ, съ отбитыми крылышками. На столѣ передъ диваномъ зажжены двѣ экономическія свѣчки, вставленныя въ мѣдные подсвѣчники, передъ которыми сидѣла Саша и что-то работала. Она была въ кисейномъ съ полосками платьѣ и черномъ коленкоровомъ фартукѣ. Волоса ея были гладко причесаны и подобраны подъ сѣтку, сотканную изъ узенькихъ бархатныхъ, а можетъ быть и плисовыхъ ленточекъ. Саша, какъ я уже сказалъ, была очень недурна собою, и потому, принарядившись, она казалась еще лучше, и могла понравиться хоть кому угодно.

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что Василій, возвратясь домой, не сказалъ дочери ни слова о разговорѣ своемъ съ Говору-

хинимъ, а только объявилъ, что добрый баринъ общалъ къ нимъ зайти, и потому просилъ ее поскорѣй все вымыть, прибрать въ комнатѣ. Между тѣмъ прежде Василій не разъ говорилъ съ Сашей и о добромъ баринѣ, который подаетъ ему всякій день милостыню, описывалъ его наружность, называлъ красивымъ и вообще отзывался о немъ такъ, что Саша подчасъ не прочь бы была на него взглянуть. Поэтому не удивительно, что дѣвочка употребила всѣ силы, все свое умѣнье, для того, чтобъ сдѣлать на гостя пріятное впечатлѣніе, какъ собой, такъ и всѣмъ ее окружающимъ. Желаніе приглянуться мужчинѣ, желаніе понравиться ему и желаніе побѣдить его—это синонимы, все различіе которыхъ зависитъ отъ положенія женщины въ свѣтѣ. Неугомонный змій не оставляетъ ни одну изъ нихъ въ покоѣ, отъ временъ Адама и до сихъ поръ онъ продолжаетъ пѣть одну и ту же пѣсню,—и поетъ ее одинаково сладко, одинаково соблазнительно, какъ за бархатными портьерами въ будуарахъ великосвѣтскихъ дамъ, такъ и за перекосившимися дверьми бѣдныхъ труженицъ, на долю которыхъ выпадаютъ нерѣдко насмѣшки, обиды и даже самый позоръ.

Саша не только думала о себѣ, она уговорила и отца принарядиться по этому случаю. И Василій нехотя досталъ изъ своего сундука единственный нанковый кафтанъ, который надѣвалъ только въ свѣтлый праздникъ и то на нѣсколько часовъ послѣ обѣдни, такъ что къ вечеру въ этотъ же день онъ отправлялся уже въ обыкновенномъ своемъ костюмѣ.

Предчувствіе ли то было какое, или просто непривычка видѣть у себя чужихъ, только Саша работала, а въ головѣ у ней было другое, и то ей вдругъ становилось жарко, то холодно, между тѣмъ сердечко билось и иголка то и дѣло выпадала изъ рукъ.

— Не прогнѣвайтесь, батюшка, Владимиръ Николаевичъ, живемъ-то мы не по-господски, а просто по-нищенски, — говорилъ старикъ, вводя гостя въ чистую комнату.—Вотъ это моя дочка Саша, хозяйка отмѣнная, безъ нея я бы пропалъ. Саша, согрѣй-ка намъ самоварчикъ, для дорогого гостя можно сегодня и чайкомъ побаловаться. Послѣднія слова относились

къ Сашѣ. Комната Саши и сама она дѣйствительно произвели на Говорухина желаемое впечатлѣніе. Онъ пріостановился отъ изумленія, представляя себѣ жилище нищаго далеко не такимъ, какимъ онъ его нашелъ. Наконецъ пара черныхъ глазъ Саши, ея розовенькія щечки и привѣтствіе, въ которомъ она упомянула, что по рассказамъ батюшки давно знакома съ Говорухинымъ и давно знаетъ его подъ именемъ добраго барина,— все это такъ пріятно подѣйствовало на молодого человѣка, что онъ сейчасъ же оправился и понялъ... или лучше сказать, онъ ничего не понималъ, а просто угадалъ инстинктивно, какъ слѣдуетъ ему вести себя въ обществѣ знакомыхъ.

Саша пошла ставить самоваръ, а Василій, посадивъ на диванъ Говорухина, самъ помѣстился подлѣ него на стулѣ. Разговоръ, разумѣется, не замедлилъ склониться на критическое положеніе Владимира Николаевича, который повторилъ отъ слова до слова вчерашній свой рассказъ пріятелю и между прочимъ отчасти коснулся своихъ семейныхъ дѣлъ. Упомянувъ о братьяхъ, о матушкѣ, онъ заключилъ тѣмъ, что вся его жизнь, всѣ его труды теперь только для старухи-матери, какъ бы успокоить ее, а самому ничего не надо.

— Похвальныя рѣчи говорите, Владимиръ Николаевичъ, замѣтилъ Василій.—Родители—великое дѣло, благословеніе ихъ много дѣйствуетъ на дѣтей; безъ него, говорятъ, человѣкъ пропадаетъ, какъ червь. Повѣрьте мнѣ, старику, если будете такъ жить, какъ теперь, Господь не оставитъ васъ. Родительская молитва, сказываютъ, со дна морского вынимаетъ дѣтище. Вотъ что-съ. Теперь, къ примѣру сказать, хоть-бы у меня дочка и грамотная и на² клавикордахъ разыгрываетъ, даже по-французскому умѣетъ, а тоже какая почтительная ко мнѣ: дай Богъ ей самой въ своихъ дѣтяхъ видѣть такое почтеніе.

— Гдѣ же тво... ваша дочь научилась по-французски?—спросилъ Владимиръ Николаевичъ нерѣшительно.

— У капитанши въ пансіонѣ, три года платилъ за нее. Ну, и грѣхъ Бога гнѣвить, не даромъ, поняла, говорятъ, всѣ науки отмѣнно. Вотъ то-то я и говорю, другая бы на ея мѣстѣ мужика отца неграмотнаго и знать не захотѣла, а она такъ совсѣмъ другое.

Между тѣмъ, Саша подала чай и сама сѣла на диванъ подлѣ Говорухина. Владимиръ Николаевичъ разговарился съ ней, и къ удивленію своему увидѣлъ дѣвушку не только не глупую, но даже нѣсколько развитую. Ужъ не ее ли старикъ хочетъ мнѣ сватать, — подумалъ Говорухинъ. — Впрочемъ, онъ говорилъ, что за невѣстой приданаго три тысячи, а у ней какія же могутъ быть деньги? Владимиръ Николаевичъ нѣсколько разъ началъ заговаривать съ старикомъ о женитьбѣ вообще и о невѣстахъ въ особенности, но Василій постоянно отвѣчалъ какъ то уклончиво. Видно старикъ меня вчера надулъ, кажется отъ него никакого толку не будетъ, думалъ Говорухинъ и началъ прощаться. Саша и Василій просили его не забывать ихъ и когда будетъ въ ихъ сторонѣ, не проходить мимо. Старикъ проводилъ Говорухина до воротъ.

— Что же, — спросилъ Владимиръ Николаевичъ старика, когда они вышли на дворъ, — насчетъ невѣсты-то общалъ, или ничего нѣтъ?

— Вотъ что баринъ, — началъ старикъ, оглядѣвшись кругомъ, — не хотѣлъ я тебѣ говорить объ этомъ при дочери, ну, а теперь можно; полюбился ты мнѣ и, видя твою нужду, хочу я тебя осчастливить. Невѣста, о которой я тебѣ говорилъ — моя дочь; любя она тебѣ или нѣтъ, говори правду. Приданое какое посулилъ, то и дамъ; ты не смотри, что я нищенствую, это больше все по привычкѣ. Если хочешь, отдамъ я тебѣ ее, только съ уговоромъ — не обижай мою Сашу, да береги меня старика.

Слова старика ошеломили Говорухина несравненно больше, нежели послѣдняя головомойка начальника. Онъ не прочь бы жениться и на Сашѣ, еслибъ она была 3-й гильдіи купчиха, а то вѣдь что же это въ самомъ дѣлѣ, дочь нищаго. Ну, а съ другой стороны — три тысячи, можно отдавать деньги подъ ручные проценты, поправить свои дѣлишки, экипироваться, да и дѣвочка-то сама по себѣ хорошенькая, по-французски понимаетъ, стало быть образованная... не какая-нибудь... Всѣ эти соображенія въ минуту наполнили голову Владимира Николаевича, и онъ стоялъ въ нерѣшимости, что ему дѣлать, какъ отвѣчать старику. Наконецъ чувство самосохраненія за буду-

щее взяло верхъ и онъ отвѣчалъ положительно: «согласенъ». Этимъ словомъ рѣшена была судьба Саши. Возвратившись къ ней, Василій повелъ такую рѣчь.

— Что, Саша, нравится ли тебѣ этотъ баринъ?—Саша покраснѣла. — Отвѣчай, глупенькая, вѣдь онъ хочетъ на тебѣ жениться.

— Что вы, батюшка, женится онъ на такой?

— Ей Богу хочетъ и завтра просилъ дать отъ тебя отвѣтъ будешь ли ты согласна. По моему, Саша, онъ, кажется, человѣкъ хорошій, и если только тебѣ не противенъ, то съ Богомъ, я благословляю.

Саша заплакала.

— О чемъ же ты плачешь, не хочешь, такъ какъ хочешь, принуждать тебя никто не станетъ. А все-таки скажу, что женихъ хорошій, будешь чиновница, попадешь въ дворянскую компанію.

— А какъ его мать меня не приметъ, — произнесла сквозь слезы Саша, —если она ему не позволить жениться на мнѣ.

— Позволить, ужъ онъ такъ устроить, что позволить. Это его дѣло. Скажи только, ты-то согласна ли?

— Если ваше благословеніе будетъ, такъ я согласна, — почти шопотомъ отвѣчала Саша.

— Ну вотъ и дѣло сдѣлано, — сказалъ весело старикъ.

На другой день Говорухинъ уже ждалъ его на бульварѣ, и тутъ Василій пересказалъ ему разговоръ съ дочерью отъ слова до слова. Между тѣмъ и Владимиръ Николаевичъ успѣлъ приготовить свою мать къ тому неожиданному сюрпризу, который ожидалъ ее.

Время дорого и въ важныхъ случаяхъ терять его понапрасну не слѣдуетъ, разсуждалъ Владимиръ Николаевичъ, и поэтому устроилъ такъ, что черезъ недѣлю Саша уже была его женой. Многіе дивились этой свадьбѣ и, какъ водится, поговорили, посудили да и перестали. Въ самый день свадьбы Говорухинъ получилъ черезъ шурина Миши мѣсто писца въ гражданской палатѣ. Обѣщанныя Васильемъ деньги въ приданое за дочерью употреблены были на покупку на Бутыркахъ деревяннаго домика о трехъ окнахъ на имя Саши. Въ этомъ домикѣ посели-

лись молодые, и съ ними мать Говорухина и Василій. Послѣдній, по старой привычкѣ, всякій день отправлялся зимой на Москворѣцкій мостъ, а лѣтомъ на Кремлевскій бульваръ. Ни просьбы зятя, ни слезы дочери, ничто не могло удержать старика отъ того, чтобы онъ не просилъ милостыни.—«Батюшка, говорили ему дѣти, вѣдь вы насъ срамите, подумаютъ, что мы васъ не хотимъ содержать, и потому вы христарадничаете».— Пускай думаютъ, что хотятъ, какое дѣло. Я знаю, что вы меня любите и почитаете, больше мнѣ ничего не надо. А привычку свою оставить я не въ силахъ». И точно, видно старикъ былъ не въ силахъ оставить своей привычки. Когда онъ уже до такой степени одряхлѣлъ и изнемогъ отъ старости, что не въ состояніи былъ выходить изъ дому, то садился посреди комнаты на полу и упрашивалъ своихъ маленькихъ внучатъ, которыхъ въ то время у него было человѣкъ девять, проходить мимо его и подавать ему милостыню; для этого мать раздавала имъ мѣдныя деньги, которыя старикъ не возвращалъ, но копилъ въ холстинномъ мѣшечкѣ и берегъ у себя подъ подушкой. Въ комнатѣ старикъ также вѣрно исполнялъ роль нищаго, какъ и на улицѣ. Онъ кланялся своимъ внучатамъ и получивъ отъ нихъ подаеніе, причитывалъ извѣстныя фразы, употребляемыя нищею братіею. Дѣтямъ нравилась эта комедія; они иногда повторяли ее по нѣскольку разъ въ день, къ величайшему удовольствію старика. Наконецъ, онъ умеръ. Послѣднее слово его было «Христа ради», и одна рука осталась протянутой, какъ бы просящей подаенія; большого труда стоило потомъ согнуть ее и положить на грудь покойника.

Вскорѣ умерла и мать Говорухина, оставивъ сына своего въ чинѣ губернскаго секретаря.

Теперь родъ Говорухиныхъ въ Москвѣ значительно размножился, у Владимира Николаевича народилось тринадцать сыновей и современемъ надо ожидать еще большаго размноженія этого рода.

Размножайтесь, господа Говорухины, размножайтесь, земля Русская велика и обильна... На ней будетъ мѣсто всѣмъ...

Вакантное мѣсто.

День былъ пасмурный. Сѣрое петербургское небо нахмурилось болѣе обыкновеннаго; непривѣтливо смотрѣло оно на жителей столицы, но зато радушно охватывалъ ихъ со всѣхъ сторонъ густой туманъ, который опускался на землю едва замѣтной для глазъ изморозью. Сыро было въ воздухѣ, еще сырѣе подъ ногами; а упрямое ноябрьское солнце никакъ не хотѣло показываться, и мы его не видали уже болѣе недѣли. Какъ видите, читатель, погода была не заманчивая, словомъ сказать, весьма похожая на ту, въ которую, по русскому повѣрью, добрый хозяинъ безъ нужды не выгонитъ на дворъ своей животинки. Однако, несмотря на это, по улицамъ Петербурга обычное снованіе людей, лошадей и экипажей продолжалось своимъ порядкомъ. Въ этомъ случаѣ петербуржцы не обращаютъ вниманія на погоду, они свое дѣло дѣлаютъ. Удивительная дѣятельность! Не принадлежа къ числу дѣятелей, дѣйствующихъ съ самоотверженіемъ, относительно собственнаго своего здоровья, я рѣшилъ не выходить въ такую погоду никуда и сталъ заниматься тѣмъ, чѣмъ обыкновенно занимаются люди, когда имъ нечего дѣлать: т.-е. закурилъ сигару и легъ на диванъ. Сначала мысли мои заняты были только предметами меня окружающими; потомъ, мало-по-малу, перешли на предметы болѣе отдаленные, даже на отвлеченные, и ни съ того ни съ сего—остановились на Мальвинѣ Ѳедоровнѣ. Мнѣ было лѣтъ семнадцать, когда я услыхалъ въ первый разъ это имя и, какъ теперь помню, какими злыми насмѣшками осыпали меня мои товарищи, болѣе опытные, когда я спросилъ ихъ: «кто это такой—Мальвина Ѳедоровна? въ то время порядочному человѣку не знать Мальвину Ѳедоровну вмѣнялось въ такое же невѣжество, въ какое вмѣнили бы нынѣ незнаніе, что на Святой Руси возникаетъ гласность, образуется общественное мнѣніе и, по мѣрѣ возможности, пресѣкаются людямъ всѣ темные пути, посредствомъ которыхъ они прежде уходили далеко....

Чтобы поправить свою ошибку, я тутъ же далъ себѣ слово,

во что бы то ни стало, если не познакомиться съ Мальвиной Ѳедоровной, то по крайней мѣрѣ найти случай увидѣть ее, какъ можно скорѣй. Случай этотъ не заставилъ себя долго ожидать. Дня черезъ два я встрѣтилъ на Невскомъ проспектѣ въ числѣ гуляющихъ даму, въ синемъ бархатномъ бурнусѣ, отдѣланномъ дорогими соболями. Она шла подъ ручку съ какимъ-то очень старымъ и очень важнымъ господиномъ. «Смотри, смотри, Мальвина Ѳедоровна идетъ!» шепнулъ мнѣ одинъ изъ моихъ пріятелей, указывая на даму въ синемъ бархатномъ бурнусѣ. Я остановился и долго смотрѣлъ на милую незнакомку; она показалась мнѣ до такой степени обворожительной что я съ трудомъ могъ отвести отъ нея глаза; кромѣ того, ея богатый костюмъ говорилъ такъ много въ ея пользу, что я позавидовалъ очень старому и очень важному господину. Вотъ что значить неопытность! Впослѣдствіи оказалось, что въ этомъ случаѣ слѣдовало позавидовать не господину, а Мальвинѣ Ѳедоровнѣ, ибо она была ни больше ни меньше, какъ его фаворитка!

Фаворитка богатаго и при томъ почтеннаго человѣка съ чѣмъ можно сравнить ея положеніе? Какое перо въ состояніи описать ту жизнь, которою она пользуется, и то вліяніе, какое она имѣетъ на участь смертныхъ, осужденныхъ пресмыкаться и искать покровительства у ея почтеннаго мецената. Положительно можно сказать, что обѣщанный Магометомъ рай со всѣми его прелестями—ничто въ сравненіи съ земной жизнью такой фаворитки. Вотъ хоть бы взять Мальвину Ѳедоровну: чего недостаетъ этой женщинѣ? Блескъ, роскошь и почетъ окружаютъ ее со всѣхъ сторонъ. Да еще какой почетъ, которому позавидовала бы жена любого предводителя дворянства, даже губернскаго.

Что жъ, что родовой гербъ Мальвины Ѳедоровны не украшенъ никакой короной и на его щитѣ не имѣется пернатыхъ, не только плотоядныхъ, но даже и такихъ, которыя кромѣ конопли ничего не клюютъ? За такими пустяками Мальвина Ѳедоровна и не гонится; она очень хорошо знаетъ, что ей стоитъ только пожелать и къ ея услугамъ тотчасъ явится гербъ такой, въ которомъ будутъ и птицы, и горы, и звѣзды...

— Дома?—послышался изъ передней голосъ моего пріятеля, того самаго, который указаль мнѣ въ первый разъ Мальвину Оедоровну.

— У себя-съ,—отвѣчалъ лакей.

Пріятель мой вошелъ ко мнѣ довольно поспѣшно; что обыкновенно случалось съ нимъ, когда онъ хотѣлъ сообщить что-нибудь новенькое, и при томъ пріятное. Но на этотъ разъ онъ привезъ мнѣ вѣсть вовсе непріятную.

— Слышалъ новость?

— Какую?

— Мальвина Оедоровна умерла.

— Неужели?

— Ее-Богу! Теперь всѣ петербургскія камеліи въ страшныхъ хлопотахъ.

— Да имъ-то что?

— Какъ, братецъ, что? открылась вакансія; Александра Николаевна не на шутку мѣтитъ ее занять; впрочемъ, я думаю, Эльвира скорѣй успѣетъ: у ней больше шансовъ—гамбургская уроженка. Вѣдь у насъ, чортъ знаетъ, въ этомъ случаѣ рѣшительно нѣтъ никакого патріотизма.

— Да, съ этимъ почти можно согласиться. Любопытно знать, кому-то достанется вакантное мѣсто.

Пріятель, побывъ у меня еще нѣсколько времени, разсказаль мнѣ еще кой-какіе городскіе новости и слухи, основанные болѣе или менѣе на правдоподобіи, и отправился отъ меня, весьма довольный самимъ собой, вѣроятно оттого, что ему удалось встрѣтить во мнѣ человѣка, который, выслушивая новости до конца, не объявляетъ съ презрѣніемъ, что новости ему уже давно извѣстны.

Признаюсь, извѣстіе о смерти Мальвины Оедоровны сдѣлало на меня впечатлѣніе самое грустное. «Вотъ тебѣ и Мальвина Оедоровна!» думаль я, «окончилось ваше блистательное поприще,—теперь ужъ никто больше не позавидуетъ вамъ. Впрочемъ, судьба видимо баловала васъ и постепенно вела все къ лучшему, да къ лучшему, не измѣнивъ ни разу такъ, какъ измѣняетъ она зачастую вашимъ подругамъ, которыя большею частію кончаютъ свою карьеру въ нищетѣ».

Спустя нѣсколько дней, пріятель мой снова заѣхалъ ко мнѣ и снова вошелъ довольно торопливо.

— Право, — началъ онъ, — нынче Петербургъ хуже всякой провинціи.

— А что такое?

— Помилуй, сплетни страшныя.

— А именно?

— Да, вѣдь, Мальвина-то Оедоровна и не думала умирать.

— Ну что жъ, тѣмъ лучше для нее.

— Для нее-то, конечно, лучше, а каково-то бѣдной Эльвирѣ, которая въ полной увѣренности занять мѣсто Мальвины окончательно рассорилась съ Сержемъ Помотинымъ.

— Напрасно же она такъ поспѣшила.

— Ты судишь точно ребенокъ! Поспѣшила! Какъ же ей было не спѣшить? Въ такихъ обстоятельствахъ иногда минута дорога.

— Признаюсь, есть изъ-за чего дорожить временемъ, замѣтилъ я съ улыбкой.

— Еще бы! Когда дѣло идетъ о счастіи, быть можетъ, на всю жизнь.

Вотъ вамъ и разсуждайте послѣ этого, что такое счастіе и что несчастіе?

Пріятель.

— Что вы, Семень Семенычъ, еще до сихъ поръ безъ мѣста? — спросилъ я одного своего знакомаго, почтеннаго старичка, обремененнаго семействомъ и оставившаго гражданскую службу, по домашнимъ обстоятельствамъ, только на время.

— Безъ мѣста, батюшка, безъ мѣста, все хлопочу; вотъ съ февраля пойдетъ четвертый годъ, какъ стараюсь, хоть бы куда-нибудь пристроиться; да все никакъ не удастся, даже и надежды-то никакой нѣтъ. Правду сказать, тяжеленько приходится, сами знаете — семья, расходы большіе, все вынимаешь изъ кармана, а въ карманы ничего.

— А помните, вы мнѣ какъ-то говорили, что теперь васъ

скоро можно будет поздравить, что одинъ изъ вашихъ пріятелей, какъ вы тогда выразились, человѣкъ солидный, и при томъ занимающій видное мѣсто, вызываетъ васъ въ Петербургъ и обѣщаетъ свое покровительство.

Семень Семенычъ вздохнулъ. — Да, нечего сказать, оказалъ покровительство. Не дай Богъ никому такого. По милости его, положеніе мое вдвое ухудшилось.

— Странно! зачѣмъ же вы разсчитывали на такого человѣка?

— Еслибъ вы знали наши отношенія и видѣли тѣ письма, которыя онъ писалъ ко мнѣ, вѣрно не сдѣлали бы мнѣ подобнаго вопроса, и на моемъ мѣстѣ не задумались бы поступить точно такъ же, такъ и я, т.-е. повѣрить плуту на слово.

— Ужъ и плуту?

— Да какъ же не плуту, разсудите сами.

— Извините, Семень Семенычъ, въ этомъ случаѣ я плохой судья, потому что не знаю всѣхъ обстоятельствъ дѣла.

Семень Семенычъ крикнулъ. — Обстоятельствъ дѣла, — прошепталъ онъ, какъ бы разсуждая самъ съ собой. Хорошо-съ, — продолжалъ старикъ, обращаясь ко мнѣ, извольте я вамъ расскажу всѣ обстоятельства, только съ условіемъ: прошу быть справедливымъ.

«Когда я еще учился въ гимназіи, рядомъ со мной сидѣлъ Вася Капровскій — мальчикъ съ большими способностями, но только лѣнтяй и шалунъ въ высшей степени; бывало, не проходило дня, чтобы онъ не былъ наказанъ. Я былъ постарше его тремя годами и, не знаю почему, сошелся съ нимъ и даже подружился скорѣй, чѣмъ съ другими; несмотря на это, по характеру между нами ничего не было общаго. Начальство это замѣтило и въ то же время замѣтило мнѣ, что дружба съ такимъ воспитанникомъ, какъ Капровскій, можетъ повредить мнѣ во многомъ, и потому настоятельно требовало, чтобы я рѣшительно удалялся отъ него, какъ благонравный. Отчего же это, думалъ я, дурныя склонности Капровскаго могутъ имѣть на меня вліяніе; а я своимъ благонравіемъ не могу быть ему полезенъ? Этого не можетъ быть, — и въ первый разъ въ жизни я усомнился въ справедливости своихъ начальниковъ. Надо вамъ сказать, что настойчивость постоянно была отличительною

чертой моего характера; вслѣдствіе этого, я не только не сталъ удаляться отъ Капровскаго, но еще болѣе сблизился съ нимъ, давъ себѣ слово, во что бы ни стало доказать, что и я, въ свою очередь, могу имѣть вліяніе на другихъ. Въ этомъ случаѣ, мнѣ дѣйствительно посчастливилось; я, какъ нянька за ребенкомъ, слѣдилъ за каждымъ шагомъ своего пріятеля, занимался съ нимъ по классамъ, дружески останавливалъ его отъ шалостей, убѣждалъ всевозможными доводами обратить вниманіе на тѣ способности, которыя онъ имѣетъ, и употребить ихъ въ дѣло; доказывалъ, что, современемъ, по своему уму онъ можетъ быть человѣкомъ замѣчательнымъ; словомъ, старался пробудить въ немъ въ высшей степени самолюбіе, и этимъ хотѣлъ заставить, чтобы онъ, сознавъ собственное свое достоинство, перемѣнилъ о себѣ мнѣніе начальства. Молодая, но слабая натура Капровскаго скоро окончательно подчинилась мнѣ и черезъ годъ въ гимназіи его никто не узнавалъ; передъ выпускомъ онъ попалъ на красную доску и на послѣднемъ экзаменѣ мы только двое получили золотыя медали. Надо было ѣхать въ университетъ. Капровскій не имѣлъ рѣшительно никакого состоянія; а поступать на казенный счетъ ему не хотѣлось: «Богъ знаетъ, куда пошлютъ послѣ», — говорилъ онъ. «Воспитываясь на казенный счетъ, нельзя располагать своей службой въ будущемъ». Жаль мнѣ стало моего товарища и я рѣшился предложить ему жить со мной. Отецъ мой въ то время назначилъ мнѣ тысячу рублей въ годъ, и потому я надѣялся, что мы нуждаться не будемъ; при томъ въ виду были кондиціи, слѣдовательно, существованіе наше могло быть вполне обезпечено. Капровскій, съ чувствомъ благодарности, охотно принялъ мое предложеніе, какъ отъ товарища, и мы снова стали учиться вмѣстѣ.

«Быстро и разнообразно потекла наша студенческая жизнь. Было въ ней много и радости и печали; но что такое печаль, въ молодости? она омрачаетъ насъ, почти всегда не надолго и очень рѣдко оставляетъ по себѣ слѣды, которыхъ не сгладилъ бы со временемъ разсудокъ; такъ легкое, прозрачное облако на минуту омрачаетъ ясный день и ложится по землѣ черною тѣнью; но по мѣрѣ того, какъ бѣжитъ тучка, не остается и слѣда тѣни, за которой снова свѣтло и привольно.

«Съ тѣхъ поръ, какъ мы стали жить вмѣстѣ, дружба наша сдѣлалась еще тѣснѣй; при всемъ этомъ Капровскій не переставалъ быть мнѣ признательнымъ и часто въ минуты откровенныхъ бесѣдъ со мною, не шутя, признавался, что, если изъ него вышелъ порядочный малый, то этимъ, конечно, онъ обязанъ никому больше, какъ мнѣ.

«На послѣднемъ курсѣ Капровскій случайно досталъ себѣ урокъ въ одномъ изъ аристократическихъ домовъ столицы; ему поручено было приготовить молодого человѣка въ лицей; порученіе это онъ исполнилъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ—и родители молодого человѣка, въ знакъ благодарности, предложили Капровскому свою протекцію, съ помощію которой онъ, тотчасъ по окончаніи курса въ университетѣ, занялъ мѣсто довольно видное; между тѣмъ, я поступилъ въ военную службу. Такимъ образомъ мы разстались, давъ слово не забывать другъ друга, и дѣйствительно лѣтъ десять мы постоянно находились въ перепискѣ. Въ это время Капровскій дослужился до статскаго совѣтника и управлялъ какою то отдѣльною частью. Когда я женился и вышелъ изъ военной службы въ отставку, то хотѣлъ съѣздить въ Петербургъ, чтобы похлопотать объ мѣстечкѣ куда-нибудь по гражданской части; но на этотъ разъ дѣло обошлось и безъ поѣздки въ Петербургъ; я получилъ мѣсто, какъ вамъ извѣстно, совѣтника въ губернскомъ правленіи. Наконецъ, когда я оставилъ эту службу, и мнѣ снова встрѣтилась надобность искать мѣста, которое на этотъ разъ не давалось такъ скоро, — я рѣшился обратиться къ Капровскому, и просить его содѣйствія, въ полной увѣренности, что онъ по старой дружбѣ сдѣлаетъ для меня все, что отъ него зависитъ, а теперь отъ него уже многое зависитъ. Черезъ нѣсколько времени я получаю отъ него письмо, наполненное изліяніями дружбы и совершенной готовности къ моимъ услугамъ; даже онъ упрекалъ меня, почему я не обратился къ нему раньше, просилъ меня пріѣхать, какъ можно скорѣе, въ Петербургъ и, между прочимъ, прибавляя, чтобы я на всякій случай распорядился своими финансовыми средствами такъ, чтобы мнѣ достало ихъ на прожитокъ въ столицѣ по крайней мѣрѣ мѣсяца на четыре. Лучше, говорить, имѣть лишнее, нежели терпѣть

недостатокъ; зато въ это время (увѣрялъ меня честию) я могу рассчитывать навѣрное получить мѣсто такое, какое мнѣ хочется». — Ну, думаю себѣ, слава Богу — дѣло въ шляпѣ! Говорю женѣ: поздравляй меня вицъ-губернаторомъ». Та не повѣрила. Я ей показываю письмо Капровскаго. «Ну, вотъ», говоритъ, «теперь повѣрю», и перекрестилась; — «только гдѣ же ты возьмешь денегъ?» Я думаю: много надо. «А твои брильянты - то», говорю, «на что, можно ихъ на время и по боку». Заложилъ брильянты, да еще рублей четыреста занялъ и поѣхалъ въ Петербургъ. Приѣзжаю прямо къ Капровскому; обрадовался непомѣрно. «Ты, говоритъ, и не думай останавливаться въ номерахъ: у меня для тебя и комната готова». Я не спорилъ и согласился остаться у него, только подумалъ: напрасно же я занималъ деньги, чтобъ прожить въ Петербургѣ; на всемъ готовомъ, для меня достало бы и тѣхъ, которыя я получилъ за брильянты.

«День, въ который я приѣхалъ, у Капровскаго былъ пріемный, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенный для доклада высшему начальству; а вечеромъ пріятель мой отправился въ клубъ и потому я видѣлъ его, въ продолженіе цѣлаго дня, не болѣе двухъ часовъ, и онъ только успѣлъ подтвердить мнѣ все то, что писалъ въ письмѣ.

«На другой день, часу въ 9-мъ утра, я былъ еще въ постели, ко мнѣ вошелъ Капровскій, совсѣмъ одѣтый.

— Что это такъ рано, — спросилъ я, — не по-петербургски? Вѣдь у васъ встаютъ, кажется, часовъ въ одиннадцать.

— Да, кому нечего дѣлать, а я такъ всегда встаю въ 7. Послушай, я къ тебѣ съ маленькой просьбой — одолжи пожалуйста рублей двѣсти дня на три.

— Съ удовольствіемъ — возьми; ну, когда же ты за меня-то примешься.

— Сегодня, конечно, сегодня: откладывать не надо. Мы вечеромъ поѣдемъ съ тобой въ клубъ, я тебя тамъ кой-кому представлю, а завтра ты можешь съѣздить къ этимъ господамъ самъ и объясниться; а ужъ я попрошу ихъ съ своей стороны.

«Мы отправились вечеромъ въ клубъ. Онъ, дѣйствительно, представилъ меня какимъ-то двумъ директорамъ, къ которымъ

я отправился на другой же день и объяснилъ причину моего прїѣзда къ нимъ; но тотъ и другой рѣшительно объявили мнѣ, что отъ нихъ ничего не зависитъ и въ этомъ случаѣ они не могутъ быть мнѣ полезны ничѣмъ, и вообще оба приняли меня довольно холодно.

«Когда я рассказалъ объ этомъ Капровскому, онъ захохоталъ и началъ увѣрять меня, что въ Петербургѣ у всѣхъ такая манера для прїема просителей, и что еще ни одинъ проситель не слыхалъ, чтобы съ перваго разу обѣщали сдѣлать для него такъ, какъ ему хочется. Это, говоритъ, здѣсь не въ модѣ, нужно прежде хорошенько разобрать просителя, да потомъ ужъ и обѣщать ему свое покровительство, а иначе нельзя.

«На третій день Капровскій повезъ меня обѣдать къ какому-то французскому повару, чтобъ показать мнѣ петербургскую аристократію. Тутъ на мою долю пришлось заплатить рублей 18 за обѣдъ съ виномъ, и, кажется, понапрасну, потому что я никакой аристократіи не видалъ; пришли какихъ-то два повѣсы, развалились въ креслахъ, ноги положили чуть не на столъ, спросили себѣ по чашкѣ кофе, обругали лакея, и потомъ ушли, не заплативъ денегъ.

«На четвертый день Капровскій опять взялъ у меня на три дня двѣсти рублей, вѣроятно, для ровнаго счета, чтобы послѣ отдать четыреста; а на пятый, познакомивъ меня съ какой-то дамой, велѣлъ купить для нее букетъ изъ бѣлыхъ камелій.

«Дама эта, какъ я узналъ послѣ, чья то фаворитка, и многимъ въ свою жизнь протезировала; навѣрно, и мнѣ бы не отказала въ своемъ покровительствѣ, если бы, кромѣ букета, я предложилъ ей что-нибудь повещественнѣе, въ родѣ серебрянаго сервиза или кровнаго рысака. Но для такихъ роскошей я не имѣлъ средствъ; и потому 25 рублей, заплаченные мною за букетъ, не принесли для меня никакой пользы.

«Потомъ Капровскій сдѣлалъ у себя вечеръ, на который пригласилъ знакомыхъ уже мнѣ двухъ директоровъ и засадилъ меня съ ними играть въ преферансъ, а самъ всталъ за моимъ стуломъ, и всякій разъ, какъ только придетъ ко мнѣ игра,— онъ и говоритъ: «Брось, братецъ, что тутъ думать, говори пасъ, а самъ и толкнетъ меня локтемъ. Ну что жъ, думаю себѣ,

вѣрно такъ нужно и кричу: пасъ. А между тѣмъ партнеры мои все играютъ да играютъ; свои ремизы кончили, за мои принялись, смотрю—ужъ и моихъ нѣтъ. Стали разсчитываться, мнѣ и пришлось заплатить съ чѣмъ-то полтора.

«Послѣ спрашиваю Капровскаго, для чего же это ему хотѣлось непременно, чтобы я проигралъ? — Ахъ ты, говорить, провинція, такой проигрышъ здѣсь считается выигрышемъ, развѣ полтора рубля тебя разорятъ? По крайней мѣрѣ, Станиславъ Ивановичъ и Владимиръ Петровичъ будутъ имѣть тебя въ виду, какъ чиновника благонадежнаго, для котораго сто-полтора рублей ничего не значить. Такой человѣкъ, разумѣется, не польстится на взятки.

«Прошло двѣ недѣли, бумажникъ мой видимо отоцалъ: то Капровскій возьметъ займы дня на три; то нужно заплатить за какое-нибудь удовольствіе для пріобрѣтенія связей; то проиграть для собственной своей репутаціи, — словомъ сказать—отъ восьми сотъ рублей, которые я взялъ изъ дому, у меня и двухъ сотъ не осталось, а мѣста никакого, даже и въ виду-то нѣтъ. Думаю — дѣло худо, нужно дѣйствовать рѣшительно; по крайней мѣрѣ хотъ бы то вернуть, что далъ Капровскому.

«Не тутъ-то было: только - что я заикнулся, что у меня остается мало денегъ, какъ мой пріятель перебилъ меня слѣдующими словами:—Ну, братецъ, хороши же мы съ тобой: у меня у самого только полтинникъ въ домѣ; да, кажется, раньше какъ черезъ мѣсяцъ больше и не будетъ.

— Какъ черезъ мѣсяцъ!—воскликнулъ я,—а самого такъ въ жаръ и бросило,—я думалъ, ты мнѣ отдашь то, что бралъ, сегодня же; срокъ ужъ давно прошелъ.

— Что дѣлать? я и самъ думалъ, да обстоятельства такія вышли. Впрочемъ, тебѣ что спѣшить: вѣдь ты еще мѣсяца два или три у меня проживешь.

— Помилуй, что жъ я буду дѣлать здѣсь, ты видишь, мѣсто не дается.

«Пріятель мой на минуту задумался. — Постой. Я придумалъ самое вѣрное средство. Ты могъ бы получить мѣсто завтра же.

— Какимъ образомъ?

— У тебя есть дѣти?

— Есть.

— И дочери есть.

— Есть одна, ужъ другой годъ, какъ изъ института вышла.

— Вотъ жаль, что ты ее съ собой не взялъ.

— Да зачѣмъ же было ее брать, только лишніе расходы.

— Ты, братецъ, все не то говоришь. Видишь ли: есть здѣсь одинъ старичокъ, человѣкъ почтенный, всѣми уважаемый, имѣетъ доступъ всюду, и готовъ хлопотать за cadaго; добрѣйшая душа, только имѣетъ одну слабость, чтобы просили его дамы,—знакомыя ли, незнакомыя—это для него все равно. Для дамы онъ готовъ сдѣлать все на свѣтѣ; знаешь, придерживается рыцарскаго правила: угождать прекрасному полу, идти за него въ огонь и въ воду. Вотъ если бы дочь-то твоя была здѣсь,—она могла бы къ нему съѣздить и попросить за тебя; тогда, нѣтъ никакого сомнѣнія, что ты получилъ бы мѣсто, какое угодно.

— Чтожъ, если это правда, такъ за ней можно съѣздить.

— И прекрасно сдѣлаешь.

«Впрочемъ, на этотъ разъ я не совсѣмъ повѣрилъ словамъ моего пріятеля, и сталъ узнавать о добромъ старичкѣ стороной. Оказалось, что старичокъ дѣйствительно былъ съ рыцарскими наклонностями, и еще не было примѣра, чтобы онъ отказывалъ въ чемъ-нибудь дамѣ. Тогда я рѣшился ѣхать за дочерью, съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ Петербургъ черезъ мѣсяцъ, а къ этому времени Капровскій обѣщалъ мнѣ выслать взятые у меня деньги, потому, что безъ нихъ я не только съ дочерью, но и одинъ не могъ бы повторить своего путешествія.

«Такимъ образомъ я возвратился домой.

«Прошелъ мѣсяцъ, другой, и вотъ теперь идетъ пятый—отъ Капровскаго не только денегъ, даже и письма нѣтъ; писалъ я ему нѣсколько разъ и другомъ-то его называлъ и подлецомъ—ничего не беретъ, хоть что хотите дѣлайте.

«Ну, разсудите сами, какъ же онъ, послѣ этого, не каналья».

Бесѣда о быломъ.

Въ голь-голодовской гостиницѣ для прїѣзжающихъ—только три комнаты, да и тѣ никогда въ одно время заняты не бывають, и потому одна изъ нихъ служитъ общей залой. Въ этой общей залѣ собираются иногда приказные люди города Гольголодовска распить парочку другую чайку, или раскупорить бутылку тенерифу, отъ котораго пахнетъ чѣмъ-то такимъ, чего ни въ какой аптекѣ отыскать невозможно; сюда же заходитъ и высшее голь-голодовское купечество, со своими оптовыми покупателями, коробочниками, появленія которыхъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ по деревнямъ бабы, чтобы вымѣнять у нихъ на разное тряпье нѣсколько поясковъ, мѣдную ухвертку, частый гребень или пестрый бумажный платокъ. Здѣсь, въ этой залѣ, заключающей въ себѣ не болѣе пяти квадратныхъ аршинъ и заставленной столами, накрытыми синими салфетками, также приличнымъ количествомъ стульевъ, съ кожаными протертыми подушками, именитое голь-голодовское купечество устанавливаетъ цѣны на хлѣбъ и прочія сельскія произведенія, долженствующія поступить въ продажу отъ помѣщиковъ. При этомъ нужно только удивляться, до какой степени здѣшнее купечество входитъ въ положеніе каждаго изъ помѣщиковъ: вотъ гдѣ истинная гуманность, настоящая филантропія! Тутъ не только ищутъ случая доставить помѣщику средства перестроить усадьбу по новому плану, или разбить англійскій садъ, или оклеить покои французскими обоями. Нѣтъ, здѣсь, такъ сказать, проникають въ самыя сокровенныя нужды каждаго изъ помѣщиковъ и, не менѣе ихъ самихъ, заботятся о своевременномъ вносѣ процентовъ въ опекунскій совѣтъ; и потому сроки этихъ платежей именитому голь-голодовскому купечеству, занимающемуся исключительно сельскими произведеніями, извѣстны гораздо лучше, нежели самимъ владѣльцамъ.

Вотъ почему, благодарное голь-голодовское дворянство изстари гордится своею аккуратностію, въ отношеніи кредитныхъ установленій, и дѣйствительно: въ голь-голодовскомъ уѣздѣ

почти нѣтъ ни одного имѣнія, которое бы не продавалось; но всѣ они продаются по вольной цѣнѣ, по волѣ самого помѣщика, единственно для того, чтобы какъ-нибудь отвязаться отъ Безбородовыхъ, Синебрюшиныхъ, Голоснинкиныхъ и прочихъ благодѣтелей, такъ великодушно покупающихъ хлѣбъ еще на корню; оттого-то имѣнія продаются, отнюдь не по указу кредитнаго установленія, какъ это дѣлается въ прочихъ мѣстахъ. Въ этой же самой залѣ и начальникъ, за графинчикомъ березовки, отдаетъ свои приказанія разсыльнымъ — изловить ему къ январю мѣсяцу такого разбойника, у котораго была бы непременно рыжая борода, и который былъ бы вдвое плечистѣе и головой выше того, котораго поймалъ исправникъ сосѣдняго уѣзда, за что и получилъ благодарность отъ высшаго начальства... Господи, Твоя воля!—подумаешь: въ такой маленькой комнаткѣ сколько возникаетъ и дѣлается дѣлъ, и дѣлъ большихъ, достигающихъ иногда такой толщины, что не всякому объ ней и подумать можно.

На этотъ разъ въ общей залѣ, кромѣ меня и мѣщанина Жульдина, занимавшагося перепиской моихъ бумагъ, и съ которымъ я познакомился вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Голголовскъ, никого изъ гостей не случилось, и потому мы бесѣдовали вдвоемъ. Многое рассказывалъ мнѣ Жульдинъ про свое житье-бытье, и все хвалилъ нынѣшнія времена.

— Да скажи ты мнѣ пожалуйста, чѣмъ же нынѣшнія-то времена лучше?—спросилъ я его.

— Что вы, Алексѣй Петровичъ? — возразилъ онъ: какъ можно! Супротивъ прежняго времени нынѣшнее и ровнять нельзя. Нынѣ порядковъ не въ примѣръ больше: вы возьмите хоть прежнее начальство, вѣдь между нимъ никакого дружелюбія не было; а ужъ извѣстное дѣло, когда паны дерутся, такъ у хлопцевъ чубы болятъ. У насъ, я вамъ доложу, въ губернскомъ городѣ было, тоже по этой самой несвоевременности, какое дѣло: однажды, весной, была такая большая вода, что никто такой и не запомнить, а рѣчка наша, хоть и не изъ крупныхъ, а таки быстренька, и все она какъ-то больше къ берегамъ быстроту свою имѣетъ; отъ этого въ одномъ мѣстѣ, противъ самага собора, и повредило набережную, сдѣлало

такую промоину да обвалъ, что по берегу проѣзда не стало. Извѣстное дѣло, въ губернскомъ городѣ нельзя оставить улицу, по которой не было бы проѣзда, а приступить къ починкѣ опять-таки нельзя, по той причинѣ, что надо просить разрѣшенія начальства, а потому первоначально составили смѣту, и вышло, что на починку набережной слѣдуетъ 530 руб. серебромъ; дума представила смѣту въ комиссію, комиссія на другой годъ отправила ее куда-то, гдѣ дѣлъ не въ примѣръ больше, чѣмъ въ комиссіи. Къ другому пришла просьба ужъ года черезъ полтора, да у того никакъ столько же времени пробыла на просмотрѣ, да на разъясненіи, а потомъ тѣмъ же порядкомъ и къ намъ возвратилась. Сдѣлали торги, а на торгахъ-то не только убавлять цѣну, и за эту-то починять никто ужъ не берется; просятъ четыре тысячи, по той причинѣ, что разрѣшеніе испрашивалось года три слишкомъ тому назадъ, а въ это время набережную почти до половины размыло, работы-то и прибавилось; а если бы поправить ее съ самаго начала, такъ подрядчикъ бы и изъ 530 р., пожалуй, сотенку скинулъ; значитъ, все зависитъ отъ своевременности. Такъ-то и въ крестьянскомъ быту. Ну, а какъ довѣрія-то отъ высшаго начальства низшему въ достаточномъ количествѣ не было, стало быть и своевременности требовать нельзя, оттого отъ самого и въ дѣлахъ, бывало, конца края не отыщешь: одинъ рѣшить его такъ, другой перерѣшить по своему, а третій только въ рукахъ поваляется, потому что надѣется на четвертаго, и тотъ поступаетъ какъ ему заблагоразсудится, потому что самыя обстоятельства-то дѣла для него предметъ заглазныи, а ужъ такъ по навыку, да по примѣру прочихъ дѣлъ и напишетъ свое мнѣніе, а если когда недосугъ, такъ спихнетъ къ дополненію; глядишь, дѣло-то и опять завязалось, словно новенькое, и станешь придумывать, чѣмъ бы его дополнить, коли требуютъ. Въ наше время это бывало зачастую: иной разъ изъ такого дѣла и пользу себѣ извлечешь, потому что начнешь зацѣплять къ нему свѣженькихъ, будто бы по прикосновенности. А иной разъ и съ того же виновнаго въ другой разъ возьмешь, за то собственно, что дѣло-то это опять попало къ тебѣ въ руки. . . .

Да, батюшка! было времячко.

З а м ѣ т к и.

І. Подкидышъ.

Происхожденіе мое покрыто для меня мракомъ неизвѣстности. Я не знаю ни отца ни матери, зато и они не знаютъ о моемъ существованіи. Меня, говорятъ, полиція нашла еще въ пеленкахъ, подъ заборомъ одной изъ улицъ нашего губернскаго города, и тотчасъ же передала въ сиротскій домъ, на попеченіе людей, которымъ я былъ совершенно чужой. Впрочемъ, это не помѣшало имъ вынянчить меня, вырастить и научить благодарить судьбу, сохранившую мнѣ жизнь — и это единственное, что я до сихъ поръ имѣю и, какъ кажется, единственная цѣль моего существованія.

Въ заведеніи, въ которомъ я выросъ и воспитывался, было два отдѣленія: мужское и женское, и насъ, дѣтей, было очень много; къ нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей ходили по праздникамъ отцы или матери, одни изъ нихъ съ участіемъ посматривали на меня и иногда приказывали своимъ дѣтямъ дѣлиться со мной принесенными имъ гостинцами; а другіе, напротивъ, отворачивались отъ меня съ какимъ-то пренебреженіемъ и сердились, когда ихъ дѣти называли меня товарищемъ. Даже нашъ дядька, отставной унтеръ-офицеръ, прозванный нами Курилкинъ, потому что постоянно курилъ табакъ, завертывая его въ старыя тетради и дѣлая такимъ образомъ что-то вродѣ папирось—и тотъ отличалъ меня и другихъ такихъ же безродныхъ счастличиковъ, отъ тѣхъ воспитанниковъ, у которыхъ были родные, отъ времени до времени ссужавшіе Курилкина, за его труды и попеченія, пяточками и гривенничками. Однажды, не помню за что-то, мы съ нимъ поссорились и онъ сквозь зубы назвалъ меня такъ нехорошо, что послѣ, когда я, побранившись съ однимъ изъ моихъ товарищей, вздумалъ назвать его такъ же, то меня тутъ же высѣкли и хотѣли оставить на хлѣбѣ и водѣ до тѣхъ поръ, пока не признаюсь отъ кого я выучился такъ браниться. Однако, несмотря на это, я твердо рѣшился не выдавать Курилкина, и пробывъ безъ обѣда трое сутокъ, объявилъ рѣшительно: «что угодно дѣлайте, а я не

помню отъ кого»... Послѣ я узналъ, что слово, употребленное мною такъ некстати, въ переводѣ на языкъ обыкновенный значить «дитя любви». Итакъ, я сынъ любви... открытіе утѣшительное! Не утѣшительно только то, что моя дражайшая родительница на первый случай уложила меня на мостовую; неужели ни она, ни виновникъ моего рожденія на свѣтъ не могли озаботиться найти для своего сына колыбельку—помягче и попокойнѣе. Впрочемъ, объ этомъ нечего беспокоиться,—колыбель для человѣка самое послѣднее дѣло, какъ бы она ни была роскошна.—Вчера, я видѣлъ, мимо меня провезли подъ парчевымъ балдахиномъ малиновый бархатный гробикъ; судя по его величинѣ, онъ принадлежалъ младенцу лѣтъ трехъ; сзади ѣхало нѣсколько каретъ и въ одной изъ нихъ сидѣла дама, вся въ траурѣ. Едва сдерживая рыданія, она не отымала отъ глазъ батистоваго платка; это была мать умершаго. Скажите, пожалуйста, не согласилась ли бы она, по крайней мѣрѣ въ эту минуту, лучше видѣть своего ребенка въ рубищѣ, но живымъ, нежели въ бархатѣ—достояніемъ земли. —Послѣ этого стоитъ ли завидовать колыбели малютки. Какая бы она ни была, въ ней все-таки лежитъ существо живое: надежда и утѣшеніе окружающихъ... Правда, надежды эти бывають иногда и обманчивы; но тѣмъ не менѣе онѣ утѣшительны. Вотъ мои родители, такъ вѣрно на нихъ никогда и не рассчитывали, и потому отказались отъ меня добровольно, быть можетъ прежде нежели я родился... «Однако не слишкомъ ли я строгъ къ нимъ? не ошибаюсь ли, осуждая поступокъ ихъ въ отношеніи меня; могло случиться и то, что они вынуждены были поступить именно такъ, а не иначе, обстоятельствами отъ нихъ совершенно не зависящими, такъ, напримѣръ, бѣдностью, или страхомъ... въ такомъ случаѣ имъ не легко было разставаться со мною, и кто знаетъ, сколько горя стоила имъ эта разлука. А я, неблагодарный, ихъ же обвиняю...

Сначала изъ меня хотѣли сдѣлать живописца, потому что еще съ дѣтства я чувствовалъ въ себѣ призваніе къ этому благородному искусству. Я помню, во всѣхъ классахъ, которые я проходилъ, рисунки мои были первыми и учителя наши гордились ими, пророча мнѣ блестящую будущность, полную

славы и извѣстности; но увы! ничего этого не случилось... Передъ послѣднимъ экзаменомъ директору вздумалось позвать меня къ себѣ для переписки какой-то бумаги, требующей особенно красиваго почерка; почеркъ въ то время у меня дѣйствительно былъ замѣчательный какъ по своей отчетливости, такъ и по красотѣ, и невольно бросался въ глаза отсутствіемъ въ немъ всякихъ крючковъ, росчерковъ и неумѣстныхъ заковычекъ, составляющихъ въ то время *idée fixe* всей вообще канцелярской братіи. На бѣду я еще постарался—это окончательно привело въ восторгъ моего благодѣтеля и онъ тутъ же рѣшилъ, чѣмъ я долженъ быть въ будущемъ.

— Твоя какъ фамилія-то?—спросилъ онъ.

Я отвѣчалъ: Буринъ.

— Ты изъ какихъ?

Я замялся.

— А да, помню. И прекрасно, стало быть, по положенію, ты долженъ прослужить заведенію восемь лѣтъ—и прекрасно! Я тебя возьму къ себѣ въ канцелярію. Ты, братецъ, очень мнѣ нравишься. Только смотри у меня держать ухо востро, не баловаться, а то вѣдь я по свойски...

Послѣ такой привѣтливой рѣчи директора, я, разумѣется, поспѣшилъ напомнить ему, что иду по отдѣленію искусственному и готовлюсь быть учителемъ рисованія и что мнѣ, какъ бы ни было лестно, служить подъ его начальствомъ, но что я чувствую себя къ этой службѣ рѣшительно неспособнымъ.

Директоръ насупился и довольно строго замѣтилъ мнѣ, что разсуждать о томъ, къ чему я способенъ или не способенъ, дѣло начальства, а вовсе не мое.

Впослѣдствіи я въ этомъ убѣдился. По окончаніи курса меня оставили при нашей канцеляріи въ званіи канцеляриста.

Такъ какъ въ заведеніи нашемъ воспитанниковъ и воспитанницъ было человѣкъ до восьмисотъ, да человѣкъ сорокъ учителей и другихъ служащихъ, и всѣ они состояли подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ директора, слѣдовательно въ канцеляріи его постоянно было много дѣла; между тѣмъ какъ весь штатъ ея въ то время заключался изъ правителя дѣлъ, бухгалтера и трехъ писцовъ. Занимаясь пятнадцать часовъ въ

сутки, мы едва успѣвали своевременнымъ исполненіемъ дѣлъ, и потому думать о какихъ-нибудь постороннихъ занятіяхъ было рѣшительно невозможно. Итакъ, пюпитръ и палитра оставлены были мною навсегда, а вмѣстѣ съ ними и мои надежды... посвятить себя искусству.

Теперь я часто въ душѣ смѣюсь надъ тѣми родителями, которые, замѣчая въ своемъ сынѣ какую-нибудь способность, заранѣе опредѣляютъ чѣмъ онъ долженъ быть и какая предстоитъ ему карьера. Счастливы, они все видятъ въ розовомъ цвѣтѣ и, повидимому, нисколько не подозреваютъ, что розы безъ шиповъ не растутъ...

II. Офицеръ.

Я утвержденъ въ офицерскомъ чинѣ и получилъ званіе старшаго писца, почему окладъ моего жалованья увеличился вдвое. Самъ Петръ Николаевичъ поздравилъ меня и пожелалъ дослужиться до генерала. А пріятно, чортъ возьми! Быть офицеромъ. Съ чиномъ дѣлаешься гораздо самостоятельнѣе, даже характеръ мѣняется: становишься какъ-то строптивѣе, взыскательнѣе—не говорю къ себѣ, но покрайней мѣрѣ къ другимъ. Напримѣръ, прежде я очень хладнокровно смотрѣлъ какъ сторожъ нашъ проходилъ мимо меня въ шапкѣ, или просилъ передать ему со стола чернильницу, чтобы подлить въ нее чернилъ; а теперь совсѣмъ другое: встрѣчаясь съ нимъ, такъ и хочется напомнить ему, что онъ ни больше ни меньше какъ сторожъ и вѣкъ свой останется сторожемъ; а я могу быть и надворнымъ и даже дѣйствительнымъ статскимъ. А передать чернильницу можетъ и писецъ Дорошеевъ, которому до перваго чина надо служить еще одиннадцать лѣтъ съ половиной. Мнѣ даже непріятно, что нашъ правитель канцеляріи, по старой привычкѣ, обращается со мной какъ съ писцомъ, называетъ по фамиліи и говоритъ мнѣ «ты». Я когда-нибудь замѣчу ему, что такого рода фамиллярность съ человѣкомъ, имѣющимъ офицерскій чинъ, неумѣстна, особенно со стороны титулярнаго совѣтника; это подаетъ дурной примѣръ прочей *мелюзгѣ*. И такъ, намеренъ бухгалтеръ посылаетъ Дорошеева на почту, а

онъ вдругъ и говоритъ ему: «что это, Абрамъ Васильичъ, вы все меня да меня посылаете, я съ этой почтой совсѣмъ сталъ безъ сапогъ; могъ бы и Буринъ сходить, онъ жалованья-то побольше моего получаетъ, ему и извозчика взять ничего не значить. Посмотрите-ка какая слякоть, тутъ какъ разъ придешь безъ подметокъ». Какъ это вамъ понравится, понятія-то какія? Какой варварскій взглядъ на офицерское достоинство! Хорошо еще, что у насъ бухгалтеръ человѣкъ образованный и тотчасъ же объяснилъ этому глупому Дороееву, до какой степени безразсудны его требованія, и какъ онъ заблуждается, полагая, что внѣшнее отличіе человѣка не составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ его внутренняго достоинства и не даетъ права обходиться посредствомъ другихъ, тѣмъ болѣе, когда онъ чѣмъ-нибудь рискуетъ, а въ такую погоду, какъ была тогда, я разумѣется, рисковалъ простудиться. Но кажется г. Дороеевъ не совсѣмъ понялъ то, что старался внушить ему Абрамъ Васильичъ, и каждый разъ, отправляясь на почту, посматривалъ на меня какъ-то свирѣпо. Да вѣдь мнѣ отъ этого не холодно, пожалуй свирѣпствуй, а на почту-то все-таки ступай.

III. Ночная встрѣча.

Вчера я довольно поздно гулялъ въ нашемъ городскомъ саду. Гуляющихъ оставалось не много, большею частью молодежь, которая сидѣла возлѣ кофейной за маленькими столиками, разговаривала и смѣялась довольно громко, вѣроятно вслѣдствіе усерднаго поклоненія Бахусу, потому что прислуга по минутно убирала отъ посѣтителей пустыя бутылки, и взамѣнъ ихъ приносила новыя.

Между посѣтителями были и дамы въ дорогихъ бурнусахъ и съ раскраснѣвшимися щечками. Онѣ неистово затягивались папиросами, набитыми табакомъ Самсона, напѣвали водевильныя куплеты, и нисколько не отставая отъ собесѣдниковъ, дружно осушали свои бокалы одинъ за другимъ. Послѣ я узналъ, что такого рода собранія лѣтомъ здѣсь бываютъ всякій день и пирующие не рѣдко встрѣчаютъ за этими самыми столиками утро другого дня. Веселая жизнь! Но при всемъ томъ

грустно какъ-то становится за тѣхъ, на чью долю она выпала, несмотря на то, что въ ней много увлекательнаго и что многимъ она легко достается...

Отъ одной изъ группъ отдѣлилась женщина, одѣтая проще другихъ, и не совсѣмъ твердымъ шагомъ направилась къ сосѣдней аллеѣ; ея соломенная шляпка была немного на сторону, большой ковровый платокъ, спустившись съ одного плеча, тащился по землѣ. Судя по ея свѣженькому личику и не совсѣмъ еще сложившимся формамъ, можно было безошибочно сказать, что это была дѣвочка очень молоденькая.

— Глаша, Глаша! Куда же ты?—закричалъ вслѣдъ уходившей господинъ безъ галстука, тщетно стараясь подняться со стула.

— Должно быть пошла помечтать о суетѣ мірской,—отозвался довольно комически какой-то купчикъ, тряхнулъ головой и погладилъ свою козлиную бородку.

Взрывъ общаго одобрительнаго смѣха былъ отвѣтомъ на выходку замоскворѣцкаго моншера.

— Оставьте ее, сидите,—проговорила сосѣдка господина безъ галстука, удерживая его за руку.

— Какъ оставьте,—продолжалъ неугомонный баринъ;—ты видишь, что она не допила своего стакана.

— Да понимаете ли, я вамъ говорю, что она много пить еще не можетъ; вы забываете, что ей только семнадцатый годъ.

— А мнѣ что за дѣло, я знать ничего не хочу,—у меня пить такъ пить; а не то и къ чорту!—Эй, Глаша! Сюда!—При этомъ неугомонный баринъ такъ сильно рванулся впередъ, что едва не опрокинулъ столъ.

— Ну постойте, сидите, я сейчасъ ее приведу, только смотрите, съ условіемъ—больше ей не наливать.

— Идетъ! Не буду, ей-Богу не буду. Только пускай допьетъ свой стаканъ. У меня такая манера; терпѣть не могу, когда вижу стаканъ съ виномъ. — Въ это время изъ кармана его выпалъ портмоне, набитый довольно туго.

— Подымите вашъ бумажникъ,—сказала сосѣдка господину безъ галстука.

— Сама подыми и спрячь къ себѣ; а то я потеряю.

— Давайте.—И туго набитый портъ-моне перешелъ въ карманъ Саши, которая побѣжала за своей подругой и черезъ минуту привела ее блѣдную, едва державшуюся на ногахъ.

— Глаша, Леониду Дмитричу непремѣнно хочется, чтобъ ты допила свой стаканъ. Докажи, что ты его любишь,—допей.

— Право не могу, прошептала блѣдная дѣвушка.

— А если я приказываю. Понимаешь!—грозно завопилъ неугомонный баринъ, поднявъ кверху руку.

— Пожалуйста не отговаривайся, выпей для меня,—шепнула подруга, а то ты его не знаешь, онъ сейчасъ сдѣлаетъ исторію.

Глаша быстро схватила стаканъ и, зажмурившись, проглотила вино вмѣстѣ съ кусочкомъ льду, который въ немъ плавалъ.

— Вотъ люблю, за это стоитъ поцѣловать, теперь баста! больше не дамъ,—весело проговорилъ Леонидъ Дмитричъ. Ну, а мы съ тобой выпьемъ?... и неугомонный баринъ затянулъ

Выпьемъ, *Саша*,

Съ холода да съ горя...

но голосъ ему измѣнилъ, онъ поперхнулся... и потомъ крикнулъ: Эй! человѣкъ! бутылку Редереру!

Между тѣмъ Глаша опять скрылась и я пошелъ ее отыскивать. Можетъ быть ей дурно, думалъ я, и никто объ ней не позаботится. Не знаю почему, но мнѣ казалось, что въ эту минуту, если бы кто вздумалъ бросить въ нее камень, то, навѣрно, Провидѣніе покарало бы того. Я былъ убѣжденъ, что она еще только на пути къ пороку....

Глашѣ дѣйствительно было дурно. Она сидѣла возлѣ скамейки на травѣ, одна рука ея опиралась на лавку и поддерживала голову, а другая закинута была назадъ къ поясу. Шляпка и платокъ лежали въ сторонѣ. Я приблизился къ ней и долго любовался ея граціозною позой, которая такъ шла къ этому хорошенькому, полному жизни личику. Большія черныя рѣсницы были опущены, отчего глаза ея казались какъ будто бы открытыми и если бы судорожное движеніе лица по временамъ не измѣняло беззаботно-спокойному положенію дѣвушки, то, взглянувъ на нее, скорѣе можно было подумать,

что она просто задумалась, нежели спить или находится въ безпамятствѣ. Я взялъ ее за руку. Глаша открыла глаза, пристально поглядѣла на меня, и, отдернувъ свою руку, произнесла какъ-то несвязно:—что вамъ отъ меня нужно?

— Ничего. Встань съ травы, посмотри, она мокрая. Ты можешь простудиться.

— А вы меня угостите?

Этотъ вопросъ рѣшительно поставилъ меня втупикъ. Я молчалъ.

— Ну, такъ подите же прочь, когда угощать не хотите.

— Боже мой, Боже мой! что они съ тобой дѣлаютъ,—воскликнулъ я.—Опомнись, какого еще тебѣ угощенія надо. Посмотри на себя, на что ты похожа? Что, если у тебя есть отецъ, мать!—При этихъ словахъ Глаша вздрогнула и поспѣшно закрыла лицо руками.—Ну, если бы они увидѣли тебя въ такомъ положеніи,—продолжалъ я, догадавшись, что случайно задѣлъ живую струну, на звукъ которой можетъ быть откликнутся въ несчастной и разсудокъ и совѣсть:—вѣдь ты убила бы ихъ.

— Клянусь вамъ, я ничѣмъ не виновата,—прошептала сквозь слезы Глаша.—Ради Бога спасите меня —и она протянула ко мнѣ обѣ руки.

Я поднялъ ее и посадилъ на скамейку. Съ нею сдѣлалась лихорадка, она едва могла говорить; но, несмотря на то, я все-таки узналъ отъ нея, что она единственная дочь одного бѣднаго чиновника Корежина, что матери она лишилась еще ребенкомъ, что Саша, ея пріятельница, жила сначала у кого-то, въ гувернанткахъ, а теперь живетъ одна и живетъ очень хорошо.... имѣетъ свой экипажъ. Она познакомилась гдѣ-то съ Корежинымъ, потомъ подружилась съ Глашей, стала дѣлать ей подарки, начала возить ее съ собой въ театры, въ маскарады, на загородныя гулянья и этимъ до такой степени умѣла внушить къ себѣ довѣріе и даже уваженіе добраго Корежина, что онъ часто говаривалъ своей дочери: «смотри, Глаша, Богъ тебя накажетъ, если ты когда-нибудь забудешь благодаренія Александры Андреевны. Безъ нея я не имѣлъ бы средствъ ни одѣвать тебя, какъ куклу, ни доставлять тебѣ тѣхъ удоволь-

ствій, которыми ты, по милости ея, пользуешься». Выслушавъ Глашу, я взялъ съ нея честное слово, что больше она никогда и никуда не поѣдетъ съ Александрой Андреевной, обѣщаль познакомиться съ ея отцемъ и ни подъ какимъ видомъ не обнаруживать передъ нимъ то, чему былъ свидѣтелемъ. Дѣвушка успокоилась и просила меня сейчасъ же проводить ее домой. Долго шли мы по кривымъ переулкамъ давно уснувшего города, не сказавъ другъ другу ни слова, да и зачѣмъ намъ было говорить, когда мы и безъ того знали, что на душѣ каждого изъ насъ лежало такъ много грустнаго въ прошедшемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отраднаго въ будущемъ. Въ этомъ случаѣ слова легко бы могли нарушить гармонію тѣхъ чувствъ, которыя въ это время такъ хорошо сложились въ насъ.

— Здѣсь,—произнесла наконецъ Глаша, остановившись у воротъ небольшого деревяннаго домика.—Благодарю васъ,—продолжала она, протянувъ мнѣ руку.—Послѣ отца я буду молиться за васъ. Не забудьте вашего обѣщанія познакомиться съ папенькой.—Съ этимъ словомъ она отворила калитку и скрылась.

Когда я подходилъ къ своей квартирѣ, то на востокѣ померкла сначала одна звѣздочка, потомъ другая, потомъ третья.... и черезъ минуту перламутровый цвѣтъ неба возвѣстилъ приближеніе дня, который взглянетъ, быть можетъ, не на одну оргію, не на одну жертву, увлеченную порокомъ другихъ.

IV. Г л а ш а.

Глаша сдержала свое слово. Она окончательно разошлась съ Александрой Андреевной. Сегодня я былъ въ первый разъ у Корежиныхъ, и познакомился съ отцомъ Глаши. Александра Андреевна также заѣзжала къ нимъ, съ тѣмъ, чтобы звать Глашу куда-то за городъ; но она отказалась. Отецъ, повидимому, остался очень недоволенъ этимъ отказомъ, а еще болѣе холодною дочери, съ которою она встрѣтила свою подругу. Александра Андреевна почти насильно хотѣла увести ее, и потому обратилась къ Корежину, полупутя, полусерьезно требуя, чтобы онъ употребилъ въ этомъ случаѣ свое отцовское вліяніе и заставилъ бы свою дочь сдѣлать удовольствіе для

той, которая любить ее какъ родную сестру. Однако, я успѣлъ шепнуть Александрѣ Андреевнѣ, чтобы она навсегда отказалась отъ Глаши, въ противномъ случаѣ я обнаружу передъ всѣми тѣ грѣшки, которые за ней водятся; а для вѣщаго убѣжденія напомнилъ ей Леонида Дмитрича и городской садъ. Послѣ этого она болѣе не настаивала и, надувъ губки, тотчасъ же уѣхала. Надо было видѣть, съ какимъ презрѣніемъ, садясь въ экипажъ, взглянула она на окно, подлѣ котораго стояла Глаша, и какъ гордо завертывала свои ножки въ пунцовую турецкую шаль, которую Александра Андреевна постоянно оставляла въ экипажѣ.

— Славный старикъ этотъ Корежинъ. Онъ мнѣ очень понравился: человекъ безъ всякихъ претензій и вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не глупый. Жаль, что не получилъ образованія и принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые рождаются подъ звѣздой величины постоянной, и потому для нихъ не существуетъ будущаго, да едва ли есть и прошедшее, я разумѣю прошедшее, которое не было бы отравлено настоящимъ...

Корежинъ болѣе тридцати лѣтъ на службѣ, двадцать пятый годъ въ офицерскомъ званіи, имѣетъ нѣсколько знаковъ отличія,—и только столоначальникъ, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ его товарищей, по его словамъ, ничѣмъ особенно себя не ознаменовавшіе — уползли далеко отъ него и теперь къ нимъ не подступайся. «Знать ужъ такое счастье,—добавилъ старикъ: видно кому что на роду написано, тотъ того не минуетъ». Добрый человекъ! онъ охотно мирится съ своей долею, потому что видитъ въ ней какую-то необходимость, какое-то предопредѣленіе судьбы, какъ будто бы она съ пеленокъ клеймитъ насъ: кого столоначальникомъ, кого губернскимъ почтмейстеромъ, а кого и выше.

V. Безпокойная жена.

Нѣтъ, это уже ни на что не похоже! Какая это жизнь? Да это хуже всякой каторги. Только и дѣла дѣлай, что съ квартиры на квартиру переѣзжай. Укладывайся, да раскладывайся вотъ и все. Я рѣшительно ничѣмъ не могу заняться, потому

что некогда,—эти переѣзды столько отнимаютъ времени, что, право, мнѣ кажется, не будь ихъ, такъ я бы успѣлъ написать цѣлую книгу, да такую книгу, въ которой бы все было: и политика, и любовь, и чиновники, и желѣзныя дороги... словомъ сказать—все такое... современное, и смѣю васъ увѣрить, что книга моя вышла бы очень, даже очень полезная, и тотчасъ бы разошлась. Особенно если при ней назначить покупателямъ какую-нибудь премію, напримѣръ хоть такую: кто купитъ сто экземпляровъ моего сочиненія, тотъ получаетъ безденежно портретъ китайскаго императора, раскрашенный самыми яркими красками. Согласитесь, что для покупателей, особенно иногороднихъ, это будетъ очень заманчиво... а вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ была бы и моя собственная польза. Да что жъ вы сдѣлаете, когда совсѣмъ нѣтъ времени. Представьте себѣ, что въ продолженіе одного мѣсяца я перемѣнилъ 3 квартиры. Сначала жилъ на Пескахъ, потомъ въ Коломнѣ, и наконецъ, на Выборгской; ну, какое надо имѣть терпѣніе, чтобы дѣлать подобные скачки; а я ихъ дѣлалъ, и вотъ теперь опять Богъ знаетъ куда судьба броситъ. Хозяинъ сегодня рѣшительно объявилъ мнѣ, чтобы я съѣзжалъ. Боже мой, Боже мой, гдѣ же тутъ справедливость! Деньги плачу аккуратно, постоянно за мѣсяць впередъ, а все-таки съѣзжай. Если бы я былъ одинъ, такъ это бы еще ничего: взялъ подъ мышку свой чемоданчикъ, да и переѣхалъ, а шутка ли подниматься съ семьей? Сколько всякій разъ одной мебели перепортишь, то потрется, то изломается, а женины картонки съ чепцами да шляпками, а дѣтскіе пуховички, а сундуки съ бѣльемъ, а домашняя утварь и всякая посуда... Обозъ, рѣшительно обозъ, а плуты извозчики такъ скверно кладутъ, что десяти подводъ намъ мало. Вотъ она ваша, гласность-то до чего доводитъ! Что вы такъ удивились? Конечно, гласность! Если бы жена моя не была пропитана до такой степени гласностью, т.-е. не имѣла бы способности обо всемъ разглашать, такъ можетъ быть мы и теперь бы жили на Пескахъ. А какая тамъ квартира-то была? Съ какими удобствами! И все пошло къ чорту. Впрочемъ, надо правду сказать—по дѣломъ. Ну, напримѣръ, какое вамъ дѣло, что домъ, въ которомъ вы живете выстроенъ

изъ кирпича, оставшагося отъ какой-нибудь казенной печки. Вѣдь это для васъ рѣшительно все равно, былъ бы онъ тепелъ, да принадлежалъ честному человѣку; потому что добросовѣстный хозяинъ для постояльца первое дѣло. А изъ какого кирпича онъ выстроенъ, вы и знать не хотите. Жена же моя, напротивъ, этого добивалась, ну и добила, да какъ разузнала обо всемъ, послала за Анной Даниловной, такъ и такъ, говорить, матушка Анна Даниловна, домъ-то, вѣдь, вотъ какимъ манеромъ выстроенъ.—Что вы?.. восклицаетъ почтенная старушка.—Ей Богу. — Ахъ Ты, Господи, подумаешь, какая аккуратность; умѣютъ же люди соблюдать такія экономіи... Пошла, да какъ водится, рассказала своему куму, кумъ Татьянѣ Семеновнѣ, а Татьяна Семеновна вхожа къ одному частному приставу, ему передала; а тотъ возьми да хозяину-то нашему и брякни: сначала завелъ рѣчь о безпаспортныхъ, а послѣ о каменныхъ постройкахъ, да такимъ манеромъ и дошелъ до такого заключенія, что безъ капитала нельзя даже произвести сорную яму, не то что домъ... На другой день хозяинъ приходитъ ко мнѣ, да и говоритъ:—«мнѣ, мой почтеннѣйшій, васъ хоть и очень жалко, потому что вы человѣкъ смирный, а все-таки поищите себѣ другую квартиру, возьмите назадъ и деньги, которыя заплатили впередъ. Богъ съ вами, не надо мнѣ ничего. Свое спокойствіе дороже».—Да развѣ я васъ чѣмъ обезпокоилъ? спрашиваю я.—Съ вами-то жить можно, отвѣчалъ хозяинъ, а вотъ съ вашей супругой, такъ я вамъ скажу... трудновато... Нужно имѣть большую привычку, а безъ привычки съ ней никто не уживется».

— Да почему же? — «А потому, что она всякую вещь постигнуть хочетъ до тонкости; ну, согласитесь, женское ли это дѣло? Намедни даже жильцы жаловались, такой крикъ подняла на свою горничную, что хоть изъ дому вонъ бѣги; а какъ бы вы думали за что? За то, что та не могла сказать ей, отчего надворный совѣтникъ Будниковъ держитъ кухарку, а губернской секретарь Подонкинъ нанимаетъ повара, да еще изъ англійскаго клуба; ну, какая ей нужда? Нѣтъ, ужъ вы пожалуйста квартирку-то мнѣ очистите», заключилъ хозяинъ. Нечего дѣлать, очистилъ, переѣхалъ съ Песковъ въ Коломну.

Нанялъ у совѣтника Березкина отдѣльный флигель, такой, въ которомъ жильцовъ кромѣ насъ не было никого; ну, думаю, здѣсь проживемъ; если жена и пошумитъ немножко (въ домашнемъ быту безъ этого нельзя), такъ никто не провѣдаетъ. Не тутъ-то было, и отсюда согнали. Надо вамъ сказать, что Березкинъ умѣлъ поставить свое хозяйство такъ мило, что никогда не покупалъ ни чаю, ни сахару, а между тѣмъ и то и другое у него не переводилось. Жена объ этомъ узнала и говорить мнѣ однажды. — Знаешь ли, мой другъ, вѣдь м-г Березкинъ взятки беретъ! — Ну, что жъ, говорю, на здоровье, кто жъ ихъ не беретъ. — Какъ, говорить, кто не беретъ, — да ты первый. — А позволь, говорю, тебя спросить, за что мнѣ брать? Да и какой дуракъ дастъ? Ты знаешь, что мѣсто мое такое, на которомъ я не могу ровно ничего сдѣлать. — Вотъ это безподобно! закричала моя дражайшая половина. Такъ вы потому не берете, что вамъ не даютъ? Стыдитесь, сударь. Ужъ то время прошло, когда такъ разсуждали! Нынче, посмотрите, всякій заботится объ общемъ благѣ; и пошла, и пошла, да такую подняла баталію, что дворникъ прибѣжалъ узнать, не горимъ ли мы. Она и на него: ты, должно быть такой же мошенникъ, какъ и твой баринъ, потому что столько времени живешь съ нимъ и до сихъ поръ не можешь заявить въ полицію, что онъ человѣкъ вредный, взяточникъ, только жильцовъ развращаетъ, а у меня дѣти растутъ, мужъ на службѣ. Какой имъ можетъ быть примѣръ? Дворникъ слушалъ, слушалъ, да наконецъ и говорить: «помилуйте, сударыня, мое ли это дѣло объ этомъ заявлять; если намъ этимъ заниматься, такъ некогда будетъ и улицы подмести, да и нанимать-то никто такого не станетъ... Кому нужда». — Какъ! такъ ты не хочешь помогать общему дѣлу — искорененію злоупотребленій, не хочешь оглашать низкихъ поступковъ твоего барина, боишься, что у тебя пропадетъ какихъ-нибудь семь цѣлковыхъ въ мѣсяць, и потому молчишь... Такъ-то вы всѣ, бездѣльники, разсуждаете... погоди же... — Полно, говорю я, Надежда Дмитревна, полно! Ну чего ты изъ себя-то выходишь, вѣдь насъ съ тобой сумасшедшими назовутъ. Ну, развѣ можно, чтобъ какой-нибудь дворникъ училъ своего барина, вѣдь онъ черезъ это мѣсто

потеряетъ, а пользы-то все-таки никакой не сдѣлаетъ... Куда тебѣ, и слушать не хочетъ,—заладила, что онъ обязанъ заявить въ полицію, да и все тебѣ. Дворникъ пошелъ да обо всемъ Березкину и рассказалъ, а тотъ, разумѣется:—«Хочу, говоритъ, полы перекрашивать,—извольте съѣзжать». А какая въ декабрѣ можетъ быть перекраска половъ. Просто захотѣлось выжить. Такимъ образомъ мы и перебрались изъ Коломны на Выборгскую. Теперь, извольте видѣть, и отсюда гонять. А за что? Надежда Дмитриевна рассказала всѣмъ жильцамъ, будто бы хозяинъ нашъ получилъ мѣсто, собственно, за то, что вылѣчилъ начальника отъ какихъ-то ранъ симпатическими средствами, а если бы не этотъ случай, такъ ему бы никогда не служить; потому, видите ли, что онъ горькій пьяница, и имѣетъ дурной аттестатъ. Точно, прости Господи, ей бѣсъ какой обо всемъ нашептываетъ. Наконецъ, если ужъ у ней съ нимъ такая дружба, такъ по крайней мѣрѣ знай про себя, не болтай никому; а то вѣдь нѣтъ, рассказываетъ, всѣмъ рассказываетъ. А тутъ по ея милости хлопочи, переѣзжай съ мѣста на мѣсто,—нечего сказать, славная жизнь, вездѣ прославимся; я думаю, скоро ни одинъ хозяинъ къ себѣ не пуститъ, потому что будутъ смотрѣть на насъ, какъ на какихъ-нибудь шпионовъ, которые могутъ рассказать про ближняго всякую правду, всякую гадость. Вчера я серьезно далъ замѣтить женѣ, что такъ жить нельзя, что здѣсь не губернский городъ, тутъ такого фейфера зададутъ, что послѣ и самъ не радъ будешь. Что жъ бы вы думали: не вѣрить, говоритъ, не можетъ быть... Удивительный характеръ. Женщина въ высшей степени безпокойная, и знаете ли, что это съ ней сдѣлалось не такъ давно; прежде, покуда отецъ ея служилъ по виннымъ откупамъ, она была смирна какъ агнецъ, бывало, ей ни до кого нѣтъ дѣла, кто какъ хочетъ, такъ и живи, а тутъ вдругъ какъ точно на нее нашло, такъ вотъ и шныряетъ по всѣмъ угламъ, такъ и доискивается нѣтъ ли о комъ чего узнать, чтобъ послѣ разблаговѣстить по добрымъ людямъ. Она и купечества-то въ покоѣ не оставляетъ, изволить рассказывать, будто у нихъ въ лавкахъ ничего купить нельзя, потому что они употребляютъ насчетъ своего товара

разныя хитрости, напрімѣръ покажетъ вамъ какую-нибудь матерію цвѣтомъ лиловую, да задернетъ окно зеленой занавѣской, матерія-то и выйдетъ такого цвѣта, какого вамъ нужно, а чуть не потрафитъ, мигнетъ приказчику, чтобъ тотъ перемѣнилъ занавѣску—и готово. Разумѣется, какъ домой-то принесешь, да развернешь—оно и окажется, что на матеріи-то только пятна одни такого цвѣта, какого хотѣлось. Я понимаю, что это должно быть для покупателя не совсѣмъ пріятно, да зачѣмъ же объ этомъ рассказывать? Зачѣмъ дѣлать подрывъ коммерціи? Ну, ужъ смотри, Надежда Дмитревна, когда-нибудь подкараулятъ тебя промышленники,—а они, я знаю, шутить не любятъ: такого зададутъ трезвону, что вовсе сдѣлаютъ безгласной. Тогда оставишь ты меня вдовцомъ, а бѣдныхъ дѣтей своихъ сиротами, между тѣмъ какъ Березкины, Подонкины и разноцвѣтныя занавѣски попрежнему будутъ красоваться и попрежнему будутъ вводить въ соблазнъ *легковѣрныхъ*.

VI. Мухоморы.

О, прогрессъ! О цивилизація! Благоговѣю и преклоняюсь передъ вашимъ могущественнымъ вліяніемъ надъ нами смертными, и можно ли не благоговѣть, когда видишь передъ собой цѣлую кучу новорожденныхъ журналовъ, журнальчиковъ и листковъ, созданныхъ на пользу... (я не говорю, общую). Можно ли не преклоняться, когда все создалось, издалось и разошлось такъ быстро, такъ неожиданно. Да, февральскій снѣгъ нынѣшняго года имѣлъ, какъ видно, на нашу литературу то же самое дѣйствіе, какое имѣетъ на грибы, и преимущественно на мухоморы, хорошій лѣтній дождь. Простите за сравненіе, которое, съ перваго раза, можетъ показаться сумазброднымъ и даже грубымъ. Въ самомъ дѣлѣ, казалось бы, что можетъ быть общаго между грибомъ и литературой? Между новорожденнымъ журналомъ и мухоморомъ? Я самъ сознаю, что за подобное сравненіе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, меня бы предали такому позору, что никуда бы носа не показалъ, а теперь, благосклонный читатель, сравненіе мое васъ забавляетъ: вы смѣетесь и, обращаясь къ сосѣду, замѣчаете: «а что вы думаете,

вѣдь это правда; дѣйствительно, журналы у насъ растутъ какъ грибы». И тотъ въ свою очередь съ вами согласится. Но вы еще больше будете смѣяться, когда я расскажу вамъ случай, который былъ со мною на дняхъ. Вотъ онъ. Нѣсколько чело-вѣкъ изъ моихъ дворовыхъ людей ходятъ въ Петербургъ по паспортамъ и постоянно являются ко мнѣ съ оброкомъ два раза въ годъ, въ іюнѣ къ Петрову дню, и въ декабрѣ къ новому году. Одинъ изъ нихъ, именно Оедька-маляръ, закутилъ и въ назначенный срокъ къ новому году съ оброкомъ ко мнѣ не явился. Я, разумѣется, послалъ за хозяиномъ, у котораго онъ жилъ, и объявилъ ему, чтобы деньги, слѣдующія за Оедькину работу, онъ отдалъ мнѣ. Чтожъ бы вы думали, денегъ то ему ничего не приходится! Каналья такъ распорядился, что забралъ жалованье мѣсяца за три впередъ, да все и спустилъ. Дѣлать нечего, надо прибѣгать къ исправительнымъ мѣрамъ... Распорядился, послалъ за бездѣльникомъ... Отправилъ куда слѣдуетъ, а оброку все-таки нѣтъ; подумалъ было сдѣлать разсрочку, да послѣ разсудилъ, что разсрочки эти ровно ни къ чему не ведутъ,—я знаю это по опыту: мнѣ тоже опекунскій совѣтъ раза четыре разсрочивалъ; и потому почелъ за лучшее зачислить оброкъ этотъ пропащимъ, такъ отмѣтилъ и въ своей прихода-расходной книжкѣ. Третьяго дня, послѣ обѣда, вдругъ является ко мнѣ мой Оедька, завитой, съ полисонами и во фракѣ.

— Это что значить?—спрашиваю я его.

— Ничего-съ, принесъ вашей милости прошлагоднюю недоимочку, а если прикажете, могу заплатить еще хотъ за годъ впередъ.

— Да гдѣ-жъ ты живешь?

— У себя на квартирѣ-съ.

— Стало быть, мастерскую открылъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, я теперь другимъ дѣломъ занимаюсь.

— Какимъ же?

— Насчетъ изданія-съ.

— Какъ насчетъ изданія?

— Издаю разныя статейки.

— Оедька, да ты никакъ съ ума сошелъ?!

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Что же ты издаешь?

— Листокъ-съ.

— Да вѣдь ты и писаное то съ трудомъ читаешь, какъ же можно тебѣ что-нибудь издавать.

— Оно точно-съ, одному трудно, а съ товарищами ничего. Добрые люди помогаютъ.

— И что-жъ, листокъ твой расходится выгодно?

— Такъ, сударь, выгодно, что лучше и требовать нельзя. Вотъ бы вашей милости заняться этимъ дѣломъ; говорятъ, эта часть лучше откуповъ пойдетъ, — значить, въ моду взошла. При томъ же тутъ ничего не требуется: ни капитала, ни ума, была бы охота.

— Какже, братецъ, это ума то не требуется. Кого жъ ты заставишь читать глупости и долго ли наконецъ такой журналъ наживетъ?

— А какое, сударь, мнѣ дѣло, что недолго, если я въ годъ выручу столько, что другой ученый и въ пять лѣтъ того не возьметъ; а насчетъ чтецовъ-то—тоже беспокоиться нечего, у насъ ихъ будетъ невпримѣръ больше, потому по самому, что не всѣмъ же нужно умное, а похохатать-то всякому желательно, при томъ умнаго-то за эту цѣну и не купишь. Вотъ, не угодно ли посмотрѣть; цѣна самая умѣренная, по семеркѣ листокъ, а сюжета много. — Съ этимъ словомъ онъ подалъ мнѣ печатный листокъ, который я приобщилъ къ прочимъ такимъ же, обѣщая на досугѣ прочесть... Не правда-ли, благосклонный читатель, я угадалъ: брюшко ваше начинаетъ колебаться все больше и больше, вы отъ души хохочете надъ моимъ рассказомъ, съ нетерпѣніемъ желаете взглянуть на Оедьку, называете его проказникомъ,—нѣтъ, что я говорю! вы называете его умнымъ малымъ, молодцомъ, человѣкомъ современнымъ, а мы съ вами развѣ люди несовременные, развѣ также не молодцы, или въ свою очередь не проказники, развѣ надъ нами нельзя похохотать также отъ души... и... Что это? вы, кажется, обидѣлись? Успокойтесь; я шучу, видите ли—я даже смѣюсь. Неужели вы не хотите принять отъ меня такой невинной шутки, вы, которые такъ снисходительно принимаете

ее отъ всякаго пустозвона, и постоянно платите смѣхомъ за смѣхъ. Да перестаньте же, дайте руку. Ну вотъ и прекрасно; а то обижаться! Какъ вамъ не стыдно. Неужели же я хуже вашихъ пріятелей, которые такъ безцеремонно веселятся на вашъ счетъ. При томъ, съ кѣмъ же нынче не шутятъ? и надъ чѣмъ же не забавляются? Въ послѣднее время шутки до такой степени обуяли насъ, что о серьезномъ намъ рѣшительно некогда подумать. Да, впрочемъ, зачѣмъ объ немъ думать, когда и шутя можно нажить деньги. А знаете ли: мнѣ кажется, намъ бы еще рано шутить. Не далѣе какъ прошлаго года мы все толковали, что «наконецъ - то мы взялись за умъ, наконецъ - то поняли, что намъ надо дѣло дѣлать». Ну и принялись, и горячо принялись; все подняли на ноги, все расшевелили: и злоупотребленія, и общественное мнѣніе, литературный фондъ... словомъ сказать — все... И... и давай смѣяться. Оно, если вы хотите, съ одной стороны — нельзя не смѣяться. Представьте себѣ, что какой-нибудь почтенный литераторъ, котораго вы привыкли уважать, даже слушаться, и который постоянно являлся къ вамъ за тѣмъ, чтобы сказать что-нибудь дѣльное, поучительное — вдругъ, въ одно прекрасное утро, пустится передъ вами въ присядку и начнетъ дѣлать всякія гримасы, увѣряя въ то же время, что все это дѣлается имъ съ цѣлью пріохотить васъ къ слушанію его умныхъ рѣчей. Разумѣется, вы расхохочетесь, невольно потеряете къ нему то довѣріе, которымъ онъ пользовался у васъ прежде, и охотнѣе будете смотрѣть на гримасы вашего наставника, нежели выслушивать его мораль.—Грустно, а надо сознаться, что изъ нашей литературы нѣкоторые хотятъ сдѣлать почти то же самое. Они, какъ видно, имѣютъ намѣреніе преобразовать ее всю въ одинъ безконечно-длинный и безконечно - бессмысленный смѣхъ, съ цѣлью извлечь изъ этого смѣха свою выгоду. Съ тѣхъ поръ, какъ мы убѣдились въ необходимости распространенія народной грамотности, первымъ дѣломъ людей добросовѣстныхъ было — указать на недостатокъ нашихъ литературныхъ произведеній, доступныхъ болѣе или менѣе каждому. Многіе положительно утверждали (и были совершенно правы), что низшему классу у насъ рѣши-

тельно нечего читать. И вотъ, вслѣдствіе такого замѣчанія (не говорю убѣжденія), люди болѣе предприимчивые явились со своими услугами, своими изданіями. Одни изъ нихъ предлагаютъ намъ смѣхъ, какъ будто бы все наше благополучіе зависитъ отъ смѣха, другіе потчуютъ пустозвономъ. И все это входитъ въ литературу подъ видомъ распространенія народной грамотности, а можетъ быть и просвѣщенія, и, къ несчастію, предлагается за самую умѣренную цѣну, чтобъ сдѣлать доступнымъ каждому. Не правда ли, что такія милыя произведенія чрезвычайно какъ должны способствовать распространенію народной грамотности, и имѣть самое утѣшительное вліяніе на нравственность читателей?.. Меня только одно удивляетъ, почему—если вы хотите открыть какое-нибудь мастерство, напримѣръ хоть башмачное, такъ васъ требуютъ въ ремесленную управу и тамъ, въ видѣ экзамена, заставляютъ скроить двѣ или три пары башмаковъ; а если вы хотите сдѣлаться издателемъ какого-нибудь литературнаго *смѣха*,—такъ для этого отъ васъ ровно никакихъ познаній не требуется, даже не спросятъ: умѣете ли вы держать перо въ рукахъ. Воля ваша, это несправедливо, между тѣмъ какъ бѣднымъ ремесленникамъ и безъ того право на вывѣску почти всегда обходится не дешево...

Если вы полагаете, гг. издатели всевозможныхъ потѣхъ, что намъ смѣхъ нуженъ, такъ дайте же намъ его, дайте намъ смѣхъ благородный, въ которомъ бы проглядывали умъ и наблюдательность, которымъ мы осмѣивали бы наши собственные недостатки, однимъ словомъ — дайте намъ смѣхъ такой, какой подмѣтилъ Гоголь у зрителей во время представленія его ревизора, — тогда мы будемъ вамъ очень благодарны и вполне согласимся съ вами, что такого смѣха у насъ нѣтъ или очень мало. А вы намъ что даете? — не смѣхъ, а горе, котораго у насъ и такъ, кажется, довольно. Намъ и безъ того грустно, что мы до сихъ поръ не охотно привыкаемъ къ дѣлу, а вы, кажется, и послѣднюю охоту хотите отбить, наполняя свой журналъ такими пустяками, которые не могутъ нравиться даже и любителямъ одного *процесса чтенія*...

Ну, скажите пожалуйста, какая намъ польза отъ такихъ жур-

наловъ, въ которыхъ читателю не надъ чѣмъ остановиться, въ которыхъ онъ напрасно ищетъ смысла, и наконецъ вся задача которыхъ, какъ кажется, состоитъ именно въ томъ, чтобы доказать публикѣ, какъ шатки бываютъ ея убѣжденія. Давно ли мы утверждали, что литература должна способствовать проявленію народной дѣятельности, что она должна быть свѣтильникомъ для людей *темныхъ*, что назначеніе ея высоко — и вдругъ передъ нами цѣлый рядъ листовъ, которые не только не въ состояніи пробудить собой какую бы то ни было дѣятельность, но еще отрываютъ насъ отъ дѣла совершенно безъ всякой пользы. Такимъ образомъ, свѣтильникъ меркнетъ, потому что елей, который подливаютъ въ него, не горитъ, а только трещитъ. Гдѣ же то высокое назначеніе литературы, на которомъ мы основывали свои надежды? и наконецъ, къ чему послужить намъ самая грамотность, если съ помощью ея мы будемъ знакомиться только со смѣхомъ и пустозвономъ? Поймите, гг. издатели всего, по вашему мнѣнію, смѣшного, что намъ совсѣмъ не этого нужно, не этого хотимъ мы отъ литературы. Намъ надо слово, теплое слово, въ которомъ была бы мысль, и на которое бы каждый изъ насъ отозвался, и потому для того, чтобы брать на себя изданіе какого-нибудь журнала или листка, я полагаю, недостаточно одного желанія быть издателемъ, или въ предпріятіи этомъ видѣть только одну цѣль — нажить деньги. Мнѣ кажется, что прежде всего вамъ слѣдовало бы выучиться уважать то общество, передъ которымъ вы являетесь, къ какому бы классу оно ни принадлежало — это все равно, за то, что оно вѣритъ вамъ на слово (а въ нынѣшнее время это не послѣдняя находка). Потомъ вы должны бы были добросовѣстно изучить потребности этого общества, и наконецъ необходимо, чтобы изданіе ваше было осмысленно и, имѣя видъ произведенія литературнаго, заключало бы въ себѣ что-нибудь полезное. Только при такихъ условіяхъ публика не имѣетъ права сѣтовать на издателя.

VII. Воинъ-педагогъ.

Было время (конечно, читатель, мы съ вами этого не припомнимъ), когда люди получали должность независимо не только

отъ способностей, но даже не имѣя необходимыхъ познаній; въ ту пору всѣмъ управляла судьба, знаете ли—время такое было, фатализмъ, должно быть, забрелъ къ намъ прямо изъ Турціи. Забрелъ да и давай всѣхъ учить ничего не дѣлать: вы, говорить, хоть стѣну лбомъ пробейте, а все ничего не возьмете, по той причинѣ, что на очереди и безъ васъ много... Послѣ этого чего хотѣть,—разумѣется, у всякаго руки сами собой опускались... Нечего сказать, время было тяжелое; слава Богу, что мы съ вами тогда не жили... а то, можетъ быть, и на нашу долю выпало бы что-нибудь такое обидное... Впрочемъ, Богъ знаетъ, могло бы и посчастливиться такъ же, какъ и Харлампію Гавриловичу. А вы знаете, какъ ему посчастливилось? Видите ли, Харлампій Гавриловичъ, кромѣ воинскаго духа и вафельной доски, отъ родителей своихъ рѣшительно ничего не наслѣдовалъ, потому что все остальное имущество, принадлежавшее когда-то его старикамъ, со смертью ихъ перешло къ одному изъ дальнихъ родственниковъ малолѣтняго, сначала въ опеку, а потомъ и совсѣмъ, по документу, выданному будто бы отъ лица наслѣдника, при поступленіи его на службу. Тогда же почтенный опекунъ передалъ ему и вафельную доску, присовокупивъ при томъ: видишь ли, мой другъ, я давно предвидѣлъ то время, когда ты будешь самъ заводить-ся домкомъ, и сберегъ вещицу въ хозяйствѣ весьма необходимую, а для тебя даже драгоценную, потому что она когда-то принадлежала твоимъ родителямъ. Съ этими словами онъ отдалъ доску Харлампію Гавриловичу, который, принявъ ее съ чувствомъ, до такой степени растроганъ былъ предусмотрительностью своего бывшего опекуна, что рѣшился спросить: не осталось ли послѣ родителей какой-нибудь кастрюлечки. Но кастрюлечки не оказалось... Итакъ, вы видите, что Харлампій Гавриловичъ былъ человѣкъ небогатый, а небогатому человѣку одно утѣшеніе—служба. Стало-быть и Харлампію Гавриловичу также надо было служить и потому онъ опредѣлился въ какой-то судъ, но, обуреваемый воинскимъ духомъ, прослужилъ въ немъ не долго. Дѣло вышло изъ пустяковъ. Однажды въ присутствіи члена ему вздумалось доказывать, что изъ секретаря можно сдѣлать окрошку. Секретарь подивился такому ис-

кусству, а членъ посовѣтовалъ Харлампію Гавриловичу оставить въ покоѣ судъ и ѣхать на Кавказъ.—Повѣрьте, замѣтилъ онъ, что тамъ такой человѣкъ, какъ вы, далеко пойдеть, и имя ваше долго будетъ жить въ потомствѣ. Предсказаніе члена исполнилось. Харлампій Гаврилычъ послушалъ его совѣта, поѣхалъ на Кавказъ. Экзаменовъ въ то время никакихъ не требовалось, и потому ему не трудно было перемѣнить вѣсы Оемиды на мечъ Марса и съ нимъ дослужиться до большого чина. Честность и распорядительность его не ускользнули отъ глазъ бдительнаго начальства, которое обратило на него особенное свое вниманіе... Но увы! подъ луной ничего не бываетъ вѣчнаго. Идутъ года, съ ними проходитъ молодость, а съ молодостью... Чего не проходитъ съ молодостью? Даже воинскій духъ Харлампія Гавриловича, и тотъ не устоялъ и мало-помалу почти совсѣмъ улетучился. Съ большимъ трудомъ сажился на коня шестидесятилѣтній воинъ, и частенько сталъ жаловаться на ломъ въ костяхъ. Что дѣлать, старость—такой непріятель, котораго до сихъ поръ еще никто побѣдить не могъ....

Въ это, давно впрочемъ прошедшее, время открывалось какое-то учебное заведеніе, въ которомъ недоставало наибольшаго. Вспомнили о Харлампіи Гаврилычѣ, вспомнили о его честности и воинскихъ заслугахъ, обо всемъ вспомнили и пишутъ ему: прибыть немедленно туда-то для надзора за воспитаніемъ юношества и наблюденіемъ за преподавателями, дабы они исполняли дѣло свое какъ слѣдуетъ.

Со слезами на глазахъ прочиталъ Харлампій Гаврилычъ о новомъ своемъ назначеніи и, перекрестившись, подумалъ: спасибо имъ, что берегутъ старика, жаль только, что самъ-то я по ученой части не маракую, а то бы еще показалъ себя. Впрочемъ, мнѣ кажется, стоитъ только вникнуть, не можетъ же быть, чтобы ученая часть была мудренѣе нашей . . .

.

Итакъ, Харлампій Гаврилычъ начинаетъ вникать. Онъ ежедневно посѣщаетъ классы, прислушивается къ лекціямъ и дѣлаетъ воспитанникамъ строгіе выговоры за то, что они носятъ слишкомъ длинные волосы и позволяютъ себѣ застегиваться не на всѣ пуговицы. Преподавателей проситъ избѣ-

гать грязныхъ выраженій Гоголя и сладострастной поэзіи Пушкина, назначаетъ по одному изъ учениковъ къ себѣ на дежурство, и послѣ обѣда, ради моціона, гуляетъ съ нимъ въ ногу. Самъ разсматриваетъ сочиненія воспитанниковъ, поправляетъ ихъ содержаніе и обращаетъ особенное вниманіе на то, чтобъ послѣ точки стояла такая большая буква, которая бы всякому въ глаза бросалась. Во время такихъ прогулокъ Харлампій Гаврилычъ любилъ побесѣдовать и о наукахъ, даже поспорить, и никогда не сердился, если его оспаривали или опровергали то мнѣніе, которое онъ высказывалъ. — За дѣло правое, говорилъ онъ, всякій обязанъ стоять грудью, передъ кѣмъ бы то ни было... Одного не любилъ Харлампій Гаврилычъ: если ему скажутъ что-нибудь такое, чего доказать на дѣлѣ нельзя, а между тѣмъ безъ доказательства повѣрить трудно. Въ такомъ случаѣ онъ обыкновенно сердился, и утверждалъ, что послѣ этого и учиться незачѣмъ, когда доказать не можешь, — и тотчасъ же уходилъ въ кабинетъ и принимался за чтеніе о 12-мъ годѣ.

— Ну, Боткинъ, что же у васъ сегодня читали? — спросилъ однажды Харлампій Гаврилычъ одного изъ воспитанниковъ, во время прогулки съ нимъ.

— Естественную исторію.

— О чемъ же именно?

— О бегемотѣ.

— Что же интересно?

— Чрезвычайно. Представьте, какое огромное количество сѣна сѣдаетъ это животное въ сутки.

— Напримѣръ?

— 100 пудовъ.

— Смотрите, чтобы я васъ за это въ карцеръ не отправилъ, — сердито замѣтилъ Харлампій Гаврилычъ.

— За что же-съ, извольте спросить хоть у преподавателя: онъ самъ читалъ.

— Этого не можетъ быть! Я убѣжденъ, что вы или вздумали шутить со мной, или были невнимательны во время лекціи, — въ обоихъ случаяхъ обѣщаю посадить васъ на хлѣбъ и воду на столько дней, сколько пудовъ вы прибавили — понимаете.

Въ этотъ день Харлампій Гаврилычъ былъ не въ духѣ и потому, обидѣвшись выходкою воспитанника, по его мнѣнію дерзкою и вовсе неумѣстною, отправился въ свой кабинетъ и по обыкновенію въ сотый разъ принялся перечитывать Михайловскаго-Данилевскаго.

Дня черезъ три былъ какой-то табель. Харлампій Гаврилычъ принималъ поздравленія. Въ такіе торжественные дни онъ постоянно бываетъ веселъ, и потому, замѣтя въ числѣ посѣтителей преподавателя естественныхъ наукъ, обратился къ нему со слѣдующимъ вопросомъ полусуто, полусердито.

— А, пожалуйста-ка сюда? Правда ли это, что я объ васъ слышалъ?

— Что такое?

— Будто бы вы на дняхъ читали на одной изъ вашихъ лекцій, что бегемотъ съѣдаетъ въ сутки 100 пудовъ сѣна? а? правда?

— Да-съ; но это... гипотеза.

— Такъ вы бы такъ и говорили, что гипотеза, — это совсѣмъ другое дѣло, я знаю, она и больше съѣсть; но бегемотъ, согласитесь сами, гдѣ съѣсть такую пропасть. Пожалуйста, въ другой разъ объясняйте яснѣй, а то вѣдь молодые люди разсѣяны. Хорошенько недослушаютъ, а послѣ и путаютъ.

Присутствующіе поспѣшили не улынуться... а преподаватель естественныхъ наукъ склонилъ разговоръ на дѣйствія англичанъ въ Индіи... Но увы! Подъ луной ничего не бываетъ вѣчнаго. Идутъ года, а съ годами проходятъ люди, — такъ въ свою очередь прошелъ и Харлампій Гаврилычъ.

VIII. В е с н а.

Какое странное вліяніе имѣетъ на меня весна! Въ это время мнѣ дѣлается скучнѣй обыкновеннаго, несмотря на то, что вокругъ меня все дышитъ жизнію, и каждый листокъ, каждая травка радостно трепещутъ на своихъ стебелькахъ. Привольно имъ подъ крылышкомъ матери-природы, и не страшитъ ихъ неумолимое время, въ которомъ они будутъ жить долго, долго, постоянно обновляясь и переживутъ, такимъ образомъ, не одну

безплотную силу разума, которая, устарѣвъ, уже и ничѣмъ не обновится... Я рѣдко восхищаюсь природой и какъ-то тупо смотрю на ея безконечную красоту. Да и зачѣмъ къ ней быть слишкомъ пристрастнымъ, когда убѣжденъ, что она первая откажется отъ моихъ восторговъ и первая отыметъ отъ меня навсегда, не только мое настоящее, или прошедшее, но и самое будущее. Тогда прости и гордый умъ, и свободная воля — всѣ признаки человѣческаго достоинства, которыми мы такъ кичимся.

Кстати, что такое умъ и свободная воля человѣка! Я часто задумываюсь надъ этими громкими словами и тщетно стараюсь примѣнить ихъ къ дѣлу. Неужели безнравственность подъ личиною морали или искусство сильного жить на счетъ слабаго есть порожденіе того ума, который долженъ составлять нашу гордость.

А свобода воли? Развѣ она можетъ быть умѣстна тамъ, гдѣ люди не всегда охотно сознаютъ человѣческое достоинство въ каждомъ изъ своихъ собратовъ, — конечно, нѣтъ. Въ такомъ случаѣ чѣмъ же мы гордимся? Мнѣ кажется, стоитъ только обратить вниманіе на причины, изъ которыхъ вытекаютъ наши дѣйствія или желанія, тогда всякій самъ легко убѣдится, насколько то и другое зависитъ отъ произвола, собственно, нашего. Послѣ этого что же такое свободная воля человѣка? — не болѣе какъ мечта, которую осуществить или не осуществить могутъ только обстоятельства или случай; само собою разумѣется, что то и другое почти никогда не зависятъ отъ насъ самихъ.

Меня нисколько не удивить, если какой-нибудь Власъ Андреичъ сегодня хвалить трехпробную, завтра начинаетъ ее бранить, объясняя всѣмъ и каждому, что въ хваленой трехпробной имъ открыто болѣе нежели на половину лигатуры (конечно, не винной), но, тѣмъ не менѣе, лишашей напитокъ всякой пробы, а слѣдовательно и вкуса; наконецъ, послѣ завтра, купить этого самаго снадобья цѣной необъятной и начнетъ имъ угощать православныхъ, которые будутъ пить не ради желудка, а ради недуговъ другихъ... и на четвертый день Власъ Андреичъ можетъ снова бранить трехпробную сколько

его душѣ угодно. Чего не дѣлають обстоятельства и кого не мѣняетъ время, а еще если къ этому какъ-нибудь случайно замѣшивается презрѣнный металлъ. Тогда свободной волѣ рѣшительно нѣтъ никакого спасенія, она какъ разъ влетитъ въ западню, въ которой разсыпана золотая приманка. Послѣ этого спросать, гдѣ же собственныя-то убѣжденія? — Да какія же собственныя? ихъ никогда и не было, они заимствованы были только на время, и притомъ тогда, когда по всѣмъ вѣроятіямъ, могли принести собой пользы болѣе нежели трехпробная. Но это счастливое время прошло и Власъ Андреичъ, не желая пользоваться чужою собственностью, возвращаетъ ее по принадлежности.

Таковъ законъ природы: сколько волка ни корми—онъ все въ лѣсъ смотреть.

Червоточина.

Охъ, старость не радость, а побалагурить все еще хочется добрымъ людямъ на потѣху, а злымъ... Ну, да что о злыхъ толковать; злему человѣку Богъ и смѣху не далъ. У насъ одинъ такой былъ, изъ служащихъ; однако, слава Богу, теперь выѣхалъ. Его, изволите видѣть, чиномъ повысили, такъ мѣсто, которое онъ здѣсь занималъ, для него сдѣлалось не соотвѣтственно; его и перевели въ другую губернію какимъ-то начальникомъ... Богъ съ нимъ. Не добрый человѣкъ; бывало, никогда не улыбнется, все какъ будто бы сердится. А ужъ какой былъ фокусникъ, такъ, я вамъ доложу, на картахъ такія дѣлалъ превращенія, что, право, кажется, лучше и требовать не надо, или опять съ монетами, какую хотите дайте ему, хоть цѣлковый, проглотить и не поморщится, точно пилюлю. Я видалъ, профессоръ Германъ, чай и вы его изволите знать, тоже глотаешь монеты, такъ тотъ хоть бровями пошевелить, а этотъ ни-ни, ничѣмъ, да еще, что говорить, будто бы проглотить цѣлковый для него гораздо способнѣе, нежели какой-нибудь двугривенный или четвертакъ. Мы, признаться сказать, видя такой талантъ, совѣтовали ему ѣхать въ

столицу, такъ не хочетъ; должно быть еще не усовершенствовался, на себя не надѣется, а современемъ надо думать, онъ непременно туда отправится, потому что человѣкъ-то талантливый, жаль только, что Богъ не далъ ему смѣху—все какъ будто сердится. За это, за самое, у насъ и прозвали его бирюкомъ, такъ онъ съ этимъ прозвищемъ и уѣхалъ. Здѣсь есть обыкновеніе давать имячко всякому, кромѣ того, которое дается при св. крещеніи; имена эти такъ бываютъ свойственны и такъ крѣпки, что ужъ если какое дадутъ, съ такимъ и въ могилку пойдешь. Вотъ, напримѣръ, я вамъ доложу про себя: настоящее мое прозвище Веселонправовъ, а здѣсь меня всѣ величаютъ Ежемъ; ну Ежъ, да и все тебѣ.—Помилуйте, господа, какой же я ежъ, я просто Веселонправовъ.—Нѣтъ, говорятъ, вы ежъ. Опять начнешь имъ доказывать, что ежи совсѣмъ не такіе бываютъ: что и мордочками мы не похожи, у нихъ черненькія, а у меня большая да бѣлая, наконецъ, ежи всѣ въ иголкахъ—колются, свертываются въ комочекъ и, въ случаѣ опасности, прячутъ свои головки въ себя такъ, что никто ихъ и не отыщетъ, а я ни одной иголки на себѣ не имѣю, въ комочекъ не свертываюсь и голову не только никуда не прячу, напротивъ того, по случаю слабаго зрѣнія, становлюсь на носки, вытягиваю шею, и высовываю ее впередъ, вмѣстѣ съ головою, чтобы какъ-нибудь не споткнуться, да хорошенько разсмотрѣть, что дѣлается подальше. Стало-быть, что же во мнѣ ежеваго? Совершенно ничего; а между тѣмъ прозвище это я ношу ужъ годовъ съ двадцать, и такъ я къ нему привыкъ, что даже прежнюю свою фамилію вовсе отбросилъ: вездѣ пишу Ежемъ, и въ присутственныхъ мѣстахъ такимъ же манеромъ подписываюсь. Продалъ я свой домишко, такъ надо было въ гражданской палатѣ купчую совершать; ну, тамъ и совершили, я послѣ секретарю-то и говорю: хорошо ли молъ, что фамилію-то я подписалъ не настоящую, а приватную.

— Ничего, говорить, сойдетъ. Ну, сойдетъ, такъ и ладно. А сказать ли вамъ, по какой причинѣ домишко-то я свой продалъ—прелюбопытное дѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ для меня и прискорбное. Кажется вѣкъ бы не разстался съ родительскимъ

кровомъ, вѣдь домъ-то еще покойный батюшка строилъ, царство ему небесное, хотѣлъ внутри и снаружи его штукатурить да не успѣлъ, померъ, а моихъ то силъ не хватило, такъ онъ все и стоялъ, и долго бы еще простоялъ въ такомъ видѣ, по той причинѣ, что лѣсъ былъ здоровенный,—да бѣда случилась, и какъ это она случилась, *Богъ ее знаетъ*. Извольте видѣть, сижу я однажды, послѣ обѣда, въ своихъ вольровскихъ креслахъ, подъ окошечкомъ, да читаю «Московскія Вѣдомости», а возлѣ меня на полу Амишка, маленькая собачка, расположилась, должно быть послѣ баранинки вздремнуть немножко; въ комнатѣ было тихо, только въ футлярѣ стѣнныхъ часовъ тюкалъ маятникъ, да изрѣдка слышался изъ кухни стукъ тарелокъ, которыя перемывала моя Мавруша, такая же старуха, какъ и я.

Не помню долго ли я читалъ, и теперь не могу вамъ даже сказать, что именно, только меня одолѣла дремота и я, прислонившись къ высокой спинкѣ креселъ, забылся. Вдругъ, слышу, Амишка тявкнула.

— Должно быть, что-нибудь во снѣ пригрезилось, подумалъ я; только нѣтъ, слышу опять рычить; я открылъ глаза, окликалъ ее—она все рычить. Что за чудо, ужъ не вошелъ ли кто чужой въ прихожую, всталъ, посмотрѣлъ—никого нѣтъ.

— Амишка, Амишка, кричу ей, что ты, дура, на кого рычишь? Я нагнулся, смотрю, возлѣ нея ползетъ букашка не букашка, червячокъ не червячокъ, а такъ какое-то насѣкомое: спинка бѣленькая, брюшко красненькое, головка черненькая. Признаться, я люблю заниматься природой, люблю разсматривать созданія Божія и дивиться величію милосердія Творца небеснаго, которое Онъ проявляетъ ко всякому дыханію, и не взирая на его ничтожность, согрѣваетъ его тѣмъ же лучемъ, которымъ озаряетъ и великія дѣянія великихъ людей; дивлюсь, и всегда прихожу къ такому заключенію: какъ бы не было въ глазахъ нашихъ ничтожно созданіе Божіе, но давить его никогда не слѣдуетъ; ибо въ общей цѣпи мірозда-нія оно составляетъ такое же звено, какъ и каждый изъ насъ, и также должно быть необходимо для порядка, какъ необхо-

димы въ уѣздахъ исправники, становые и прочіе должностные люди.

— Впрочемъ, ради науки, можно дѣлать нѣкоторыя исключенія, такъ напримѣръ, если бы вы пожелали изучить какое-нибудь насѣкомое въ точности, то почему не посадить его на булавочку или не оторвать ему крылышки; это ничего, я допускаю, и грѣха въ этомъ никакого не вижу, оттого, что тогда вы дѣйствуете во имя науки, разумно, съ цѣлью принести пользу, а не изъ одной пустой прихоти или желанія показать, что я де не въ примѣръ сильнѣй какого-нибудь таракана, и потому могу давить его сколько моей душѣ угодно. Извините меня, что я немножко заболтался, простите старику, вѣдь только одно утѣшеніе и осталось, что поболтать втихомолочку; прежде, бывало, и въ картишки поигрывалъ, и на дворянскіе выборы ѣзжалъ, и съ губернаторомъ насчетъ земскихъ повинностей бесѣдовалъ, а теперь прошло то золотое времячко, никому старика не надо—молодежь впереди, да еще надъ тобой же глумится. Ну, чтожъ, пускай ихъ... Каждому своя очередь. Эхъ, потрянулъ бы старинкой да мочи-то моей нѣтъ... На чемъ *бишь* я остановился? Да, на томъ, что люблю заниматься природой. Такъ точно. Вотъ какъ я увидалъ, что на полу ползетъ насѣкомое, до того мною невиданное, я и полюбопытствовалъ разсмотрѣть его поближе и нагнулся къ нему, чтобы взять въ руки, а онъ меня какъ ужалить да въ щель. Жалить оно, я вамъ доложу, точно также, какъ муравей—больно не больно, а таки чувствительно. Нечего грѣха таить, на старости лѣтъ, струсилъ, потому больше, что, кто жъ его знаетъ, можетъ стать, насѣкомое-то и ядовитое какое. Однако, немного погода, оправился, и, какъ боль прошла, любознательность-то во мнѣ опять зашевелилась; такъ вотъ и подмываетъ разсмотрѣть букашку, а какъ ее достанешь,—не половицу же подымать. Вотъ, я подумалъ, подумалъ, да и ухитрился: пошелъ, вынулъ изъ чернильницы перышко, и опустилъ его въ щелку; только что я это сдѣлалъ, вдругъ оттуда и пошли разныя насѣкомыя, да вѣдь видимо не видимо, точно саранча какая,—и пошли, и пошли, и по полу-то, и по мнѣ-то, и по стѣнамъ-то, и по шкафамъ, и по

комодамъ; ну, думаю себѣ, пропалъ, заѣдятъ, лучше бы мнѣ ихъ не беспокоить, а Амишка такъ и надрывается—лаетъ. Прибѣжала изъ кухни Мавруша, да какъ увидала, что случилось, только руками всплеснула и была такова, безъ паспорта со двора долой сбѣжала—до сихъ поръ не является и слуху о себѣ не даетъ, а насѣкомыя-то все выползаютъ. Была у меня картина прекрасной итальянской работы, изображающая судъ царя Соломона; какъ я на этотъ судъ-то взглянулъ, Господи, Твоя воля, такъ сердце кровью и облилось—Соломона-то совсѣмъ не видать—эти проклятыя его облѣпили; вотъ тебѣ и Соломонъ, а если бы вы знали, какъ я картину-то эту любилъ, кажется, при всей моей бѣдности миллионъ бы за нее не взялъ. Однако, вижу, время терять нечего, надо поскорѣй принимать какія-нибудь мѣры. Отряхнулся, схватилъ шапку, набросилъ шубу и кинулся за почтеннымъ Адамъ Адамычемъ, нашимъ аптекаремъ. Такъ и такъ, говорю, посмотрите, отецъ родной, что у меня сдѣлалось, не знаете ли чѣмъ пособить.—А вотъ, говоритъ, мы сейчасъ повидаемъ и, дай Богъ ему здоровье, ту же минуту отправился поглядѣть, вмѣстѣ со мной.—Ну, что, какъ вы думаете, что это такое? спросилъ я Адамъ Адамыча, когда мы пришли въ комнату.—Ничего, это маленькіе червячки—они во всякомъ дому бывають.—Помилуйте, говорю я, гдѣ же вы найдете ихъ такую пропасть?

— Повѣрьте, вездѣ, утѣшалъ меня Адамъ Адамычъ, только напрасно вы ихъ тревожили; такую дрянъ слѣдовало бы уничтожить, по мѣрѣ того, какъ они выползали, по одиночкѣ, а теперь, разумѣется, трудно.—Однако, есть для этого какое-нибудь средство?—Да, стоитъ только дня на два растворить всѣ двери и окна.—Помилуйте, куда же я дѣнусь, не забудьте, что на дворѣ до 20 градусовъ мороза.—Тѣмъ лучше, они скорѣй замерзнуть.

— Но мнѣ же каково будетъ?—Да, вамъ тоже будетъ холодно, замѣтилъ весьма основательно Адамъ Адамычъ; впрочемъ, продолжалъ онъ, я васъ долженъ предупредить нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ такое свойство, что въ тѣхъ мѣстѣхъ снова оживаютъ и снова могутъ беспокоить

потому я вамъ совѣтую лучше совсѣмъ переѣхать отсюда, отдавать домъ въ наймы или совсѣмъ продать его.

— Вотъ что присудилъ Адамъ Адамычъ, и, съ чувствомъ пожавъ мнѣ руку, удалился въ свою лабораторію составлять золоченныя пилюли. Отдавать домъ въ наймы, подумалъ я, пустить въ него жильцовъ, домъ, въ которомъ я родился и выросъ, въ которомъ каждый уголокъ дорогъ и милъ моему сердцу. Все это можетъ только посовѣтовать одинъ безчувственный Адамъ Адамычъ, который произошелъ на свѣтъ въ Гамбургѣ, выросъ въ Ригѣ, а умереть, можетъ быть, въ Красноуфимскѣ, да и какъ будто бы я не знаю, что такое жильцы. За примѣромъ ходить не далеко: у нашего частнаго пристава, Петра Герасимовича, жильцы-то эти какой домину въ одну зиму испортили, да еще и домъ-то былъ каменный—барышито отъ нихъ плохіе.

— Поэтому по самому я и разсудилъ, что домишко свой мнѣ лучше совсѣмъ продать, нежели отдать его на поддержаніе въ чужія руки; по крайней мѣрѣ какой ни на есть хозяинъ, да все-таки будетъ хозяинъ, а не жилецъ, стало быть и попеченіе приложить хозяйское. Такимъ образомъ я и продалъ его одному моему пріятелю, Власу Власычу, на заемное письмо. Вотъ тоже чудакъ этотъ Власъ Власычъ, только тѣмъ и занимается, что покупаетъ всякую всячину въ долгъ, да ѣздитъ по знакомымъ, выпрашиваетъ у нихъ займы денегъ, и если бы вы видѣли, какъ онъ вѣжливо просить, какъ вѣжливо беретъ и какъ ловко кланяется, такъ, я вамъ доложу, послѣднее бы отдали. Отмѣнный человѣкъ. Зато ужъ какъ и мы ему всѣ кланяемся, для того больше, знаете, чтобы онъ какъ бы нибудь объ насъ не забывалъ; ну, и грѣхъ сказать, чтобы онъ не помнилъ. Помнить, даже отъ времени до времени въ своемъ списокѣ дѣлаетъ кредиторамъ перемѣщеніе, такъ, напримѣръ, я стоялъ у него 98, а нѣмецъ-портной 4. Вчера нѣмецъ-то при мнѣ и повздорилъ съ нимъ: подавай, говоритъ, деньги за мою работу, а то худо тебѣ будетъ, я и такъ, говорю, восьмой годъ жду—«больше мой ждать не можетъ». Бы вы думали сдѣлалъ мой пріятель? Сначала все алъ его ласковымъ манеромъ, по нѣмецки, а послѣ

видить, что нѣмецъ не унимается, такъ и ершится, давай съ нимъ по-русски. Ахъ ты, говорить, нѣмецкая твоя утроба, не понимаешь добраго слова, такъ я же тебѣ докажу дружбу; смотри, ты, у меня стоялъ по списку четвертымъ, понимаешь ли мошенникъ ты этакой, — значить, когда бы я заплатилъ первымъ тремъ, ты былъ бы на первой вакансіи и первый бы получилъ, а теперь смотри. Съ этимъ словомъ онъ взялъ перо да нѣмца-то и вычеркнулъ изъ списка совсѣмъ, а меня на его мѣсто записалъ; такъ нѣмецъ-то послѣ кланялся, кланялся, насилу упросилъ, чтобы онъ его хоть на мое мѣсто, девяносто восьмымъ помѣстилъ, а то и того не хотѣлъ — я, говорить, и такъ буду помнить. Ужъ не мало я дивился на этого нѣмца; какъ же это всѣ говорятъ, что нѣмцы народъ хладнокровный и пользу свою понимаютъ. Ну, какую же пользу получилъ себѣ хотя бы этотъ портной, сами разсудите. Нѣтъ, русскій человѣкъ въ такомъ случаѣ не въ примѣръ разсчетливѣе; онъ сейчасъ смекнетъ у кого нѣтъ денегъ, стало быть и ходить къ тому не зачѣмъ.

Побесѣдовалъ бы я съ вами и еще, да признаться сказать, усталъ, крѣпко усталъ, силы-то мои стали плохи и глаза застилаетъ; съ нѣкотораго времени съ моими глазами стало дѣлаться что-то такое странное, чего я и самъ не понимаю: то, вдругъ, начинаютъ видѣть такъ хорошо и такъ далеко какъ будто бы у семнадцатилѣтняго; ну, и порадуешься, и на душѣ сдѣлается легко и отрадно, а послѣ въ ушахъ подымется такой шумъ, словно во всѣхъ церквахъ въ набатъ бьютъ; въ это время сердце у меня сожмется и зрѣніе до такой степени ослабнетъ, что даже подъ носомъ разобрать ничего не могу. Совѣтовался было я съ нашимъ городовымъ врачомъ, да онъ, кажется, въ этихъ болѣзняхъ не смысленъ: уши велѣлъ закладывать хлопчатой бумагой, а глаза не трудить чтеніемъ; это, говорить, у всѣхъ теперь такъ, такое повѣтріе. Только и сказалъ. Ужъ не знаю, что будетъ дальше, боюсь — не пришлось бы на теплыя воды ѣхать.

Тюремный смотритель.

— Ну что, какъ идетъ твоя служба? — спросилъ я своего пріятеля, съ годъ тому назадъ опредѣлившагося смотрителемъ долговой тюрьмы.

— Ничего, слава Богу, по маленьку идетъ,—отвѣчалъ онъ.

— Не знаю, что Богъ дастъ нынѣшнюю Святую, а въ прошлую таки перепало, ну къ Рождеству, къ Новому году,—а то и такъ случается перепадаетъ при выкупѣ заключенныхъ, слава Богу жить можно.

— Да скажи пожалуйста, откуда же это перепадаетъ? Вѣдь въ вашу тюрьму сажаютъ тѣхъ, которымъ нечѣмъ платить свои долги; стало быть съ нихъ ужъ взятки гладки, а займодавцу также, мнѣ кажется, нѣтъ никакого разсчета тратить на благодарности, потому что ему и безъ того убытокъ явный: не получаетъ своей собственности, да еще вносить за должника кормовыя.

— Э, да, ты братецъ, какъ я вижу, не имѣешь никакого понятія о нашей службѣ, у насъ доходы совсѣмъ другого рода. Видишь ли, есть такіе франты, которые, можно сказать, живутъ какъ птицы небесныя: не орутъ, не пахутъ, не сѣютъ и не собираютъ въ житницу, а такъ себѣ пробавляются день да ночь и сутки прочь, даже не имѣютъ себѣ настоящаго пристанища. Вотъ эти молодцы и надаютъ другъ другу заемныхъ писемъ, разумѣется безденежныхъ,—каждое рублей на пятьдесятъ, на сто, бываетъ и на полтораста рублей даютъ, только рѣдко. Въ этомъ случаѣ, чѣмъ меньше кушъ, тѣмъ выгоднѣе для обоихъ, и пригоняютъ такъ, чтобы срокъ платежа подошелъ недѣли за три до Пасхи или до Рождества. Подходить срокъ, должникъ, безъ сомнѣнія, не платитъ,—заемное письмо представляется ко взысканію вмѣстѣ съ кормовыми деньгами, и раба Божьяго приводятъ къ намъ. Смотримъ, вечеромъ мнимый кредиторъ ужъ и и приходитъ.

— Вы, говорить, господинъ смотритель?

— Я, что вамъ угодно?

— Вотъ, говорить, сегодняшняго числа я представилъ къ

вамъ такого-то, который состоитъ мнѣ должнымъ столько то, такъ ужъ будьте такъ добры, — на случай выкупа къ празднику заключенныхъ, не откажите отрекомендовать его; съ нашей стороны будетъ вамъ благодарность. Тутъ и условишься съ нимъ, — смотря по капиталу, — на третью или на четвертую часть, иногда бываетъ, и на половину. Послѣ какъ пріѣдетъ какой нибудь благодѣтель, больше пріѣзжаютъ изъ купечества, да объяснить, что онъ имѣетъ намѣреніе къ празднику сдѣлать доброе дѣло, — выкупить двухъ — трехъ человѣкъ, которые содержатся за малые долги. Тутъ ему и начнешь расписывать бѣдственное положеніе того, котораго ужъ обѣщана частичка: что человѣкъ-то онъ семейный, что и дѣтей-то у него охапка, наконецъ, что несчастіе его и сыскать нельзя; да такъ разжалобишь, что благодѣтель — то думалъ на полтораста рублей выкупить троихъ, а тутъ выкупить только одного; смотришь — рублей пятьдесятъ смотрителю за рекомендацію и есть, а остальные должникъ и заимодавецъ раздѣляютъ поровну. И это бываетъ сплошь да рядомъ. Я знаю двухъ такихъ господъ, которые постоянно другъ друга сажаютъ, и поэтому случаю, завели между собою очередь, такъ ужъ и знаешь, если передъ Рождествомъ сидѣлъ Полатковъ, такъ къ Святой приведутъ Масяткина; и оба отличные люди: при расплатѣ какіе честные, что приведи Богъ всякому. Разъ какъ-то, не на что было имъ заемнаго письма совершить, а ужъ времени-то до праздника оставалось не много: вотъ они и приѣзжали ко мнѣ оба. «Будь, говорятъ, благодѣтель — выручи: вотъ такъ и такъ, не на что заемнаго письма совершить, послѣ, говорятъ, вычтешь: вѣдь изъ твоихъ рукъ не уйдемъ». Нечего дѣлать, далъ пять цѣлковыхъ, потомъ при расчетѣ отдали, — слова не сказали. Что смотришь-то? выдумка, братъ хорошая: и они-то къ празднику съ деньгами, да и смотритель то же. Ну, а то отъ калачей, отъ подавій разныхъ, все нѣтъ — нѣтъ, да и останется, нельзя, изъ того служимъ; жалованье то не Богъ вѣсть какое, а на отопленіе, да на освѣщеніе нынче рассчитывать нельзя: все обрѣзано, вишь, будто бы, изъ видовъ экономіи.

— Однако, послушай, вѣдь тутъ иногда такой грѣхъ возмешь себѣ на душу, что послѣ за него и не замолишь.

— Это какимъ образомъ?

— А такимъ, что, напримѣръ я хочу выкупить двухъ несчастныхъ, отъ свободы которыхъ зависитъ, можетъ быть, денное пропитаніе ихъ семейства, а ты мнѣ рекомендуешь такихъ, которые завтра же все пропьютъ.

— Оно такъ, разумѣется, тутъ не безъ грѣха. Да на это смотрѣть нечего: въ этомъ случаѣ слѣдуетъ всегда рассуждать такъ: ну, положимъ, я рекомендую тѣхъ несчастныхъ, о которыхъ ты-то говоришь, и ихъ выкупать; да вѣдь и послѣ нихъ останутся такіе же, чѣмъ же тѣ-то хуже? Вотъ, если бы можно было всѣхъ несчастныхъ освободить, ну тогда другое дѣло, а то двумя больше, двумя меньше,—въ общей массѣ несчастливцевъ, право не составитъ никакой разницы.

Прогрессисты нашего времени.

Вы знаете до какой степени петербуржцы дорожатъ своимъ временемъ, до чего они, почти всѣ безъ исключенія, заняты и озабочены. Это я говорю вообще о петербуржцахъ, а если взять изъ нихъ такихъ, которые постоянно обязаны дѣломъ срочнымъ, т.-е. что называется хоть умри да сдѣлай, и сдѣлай вотъ именно къ такому-то числу, да чтобы это было и хорошо и выгодно... О, къ такимъ господамъ лучше и не суйся, они озабочены несравненно болѣе другихъ, а вслѣдствіе этого являются въ высшей степени прихотливыми, раздражительными и даже злыми (послѣднее само собою разумѣется, относится къ труженикамъ менѣе цивилизованнымъ); съ такими господами, не приведи Богъ никому заводить знакомства, а тѣмъ болѣе являться къ нимъ съ какою нибудь просьбою, хотя бы самою ничтожною; они на первомъ же шагу озадачатъ васъ, и вы не будете знать, какъ вамъ отъ нихъ выбраться, какъ извиниться, что побеспокоили посѣщеніемъ и, наконецъ что объ нихъ подумать, когда вы спуститесь съ послѣдней ступеньки ихъ лѣстницы и будете уже внѣ всякой опасности...

«Постой же, любезный,—говорите вы, выходя отъ одного

изъ такихъ господъ, — я тебѣ отплачу за твою непривѣтливость, завтра же узнаю, кто твой начальникъ, поѣду къ нему и расскажу каковъ ты гусь!» Но увы! Господинъ, который принялъ васъ такъ непривѣтливо, самъ начальникъ... Остается одно — отдать его на судъ общественнаго мнѣнія, рассказать объ немъ во всѣхъ гостиныхъ, но и тутъ неудача: общественное мнѣніе давнымъ давно на сторонѣ того господина, который васъ обидѣлъ, и привлечь его на свою сторону вамъ будетъ не совсѣмъ легко. Вы спросите, почему же такая несправедливость? А потому, что господинъ этотъ пользуется въ обществѣ громаднымъ авторитетомъ: его называютъ передовымъ человекомъ, прогрессистомъ и т. п. Вѣдь это можетъ случиться, что тогда вы будете дѣлать? Ничего больше какъ только положеніе не завидно. Впрочемъ, недавно я узналъ, что оно не безысходно.

На-дняхъ мнѣ случилось быть въ одномъ домѣ, куда собралось нѣсколько человѣкъ короткихъ знакомыхъ. Небольшое общество наше, состоящее изъ хозяйки дома, женщины среднихъ лѣтъ, пользующейся въ Петербургѣ особеннымъ уваженіемъ, двухъ статскихъ (въ томъ числѣ былъ я) и одного военнаго съ Георгіемъ въ петлицѣ и съ Анной на шеѣ. Разговоръ былъ оживленъ прежде всего любезностью хозяйки, потомъ петербургскими новостями и наконецъ утѣшительными надеждами на будущее... Странное дѣло, насъ было четверо и, судя по лѣтамъ, по роду занятій и по положенію въ свѣтѣ, казалось между нами ничего не могло бы быть общаго, но, несмотря на это, въ убѣжденіяхъ нашихъ не было разногласія, и они очевидно сглаживали собой ту *неровность*, которая такъ часто бросается въ глаза закоренѣлымъ поклонникамъ табели о рангахъ.

Разговоръ на минуту прекратился; но одинъ изъ собесѣдниковъ возобновилъ его.

— Ахъ, Боже мой, началъ онъ весело обращаясь къ хозяйкѣ, я и забылъ сказать вамъ, знаете ли, ваше имя дѣлаетъ чудеса.

— Это какимъ образомъ?

— Очень просто, стоитъ только произнести его и самый свирѣпый онагръ, становится смиренѣе ягненка.

— Вы вѣрно дѣлали этотъ опытъ у Крейцберга.

— О, нѣтъ, я такъ далеко не ходилъ; я просто дѣлалъ его въ одномъ домѣ на Невскомъ.

— Я васъ не понимаю.

— А между тѣмъ дѣло очень просто; вотъ какъ это было. У меня была просьба къ одному господину, который слыветъ у насъ извѣстнымъ прогрессистомъ и по этому случаю пользуется въ своемъ кругу общимъ уваженіемъ. Да вы его знаете, онъ у васъ бываетъ. Сначала я отъ души порадовался, что приходится имѣть дѣло именно съ нимъ; но послѣ, виновать, разочаровался...

— Я догадываюсь кто этотъ господинъ, перебила хозяйка, только не понимаю, чѣмъ онъ могъ васъ разочаровать?

— Послушайте, какъ онъ меня принялъ. Во первыхъ не смотря на то что я пріѣхалъ къ нему въ первый разъ, онъ встрѣтилъ меня безъ сюртука. Потомъ, когда я вошелъ, онъ даже не далъ себѣ труда привстать, и только спросилъ: «что вамъ отъ меня угодно?» Другой на моемъ мѣстѣ послѣ такого пріема или вовсе растерялся бы, или сказалъ хозяину что нибудь не совсѣмъ для него пріятное; но я не сдѣлалъ ни того, ни другого, а очень хладнокровно объяснилъ причину своего визита, и спросилъ, могу ли надѣяться, что онъ приметъ участіе въ моемъ дѣлѣ, которое во всѣхъ отношеніяхъ справедливо, а между тѣмъ его ведутъ не такъ какъ бы слѣдовало.

— Да,—отвѣчалъ машинально господинъ, но у меня такъ много дѣлъ, что если каждое изъ нихъ разбирать самому—на это не достанетъ никакихъ человѣческихъ силъ, впрочемъ, дайте мнѣ коротенькую записку изъ всего дѣла, какъ-нибудь на досугѣ я ее просмотрю.

Записка у меня была готова и я положилъ ее на столъ. Послѣдовало минутное молчаніе.

— Хорошо-съ, заѣзжайте недѣли черезъ двѣ, къ тому времени я, можетъ быть, успѣю...—сказалъ г. прогрессистъ, очевидно желая отъ меня поскорѣе отдѣлаться.

Положеніе мое мнѣ самому надоѣло и я, чтобы не испытывать его въ другой разъ, сказалъ, что недавно познакомился

съ вами и какъ онъ также бываетъ у васъ, то, вѣроятно, мы когда нибудь встрѣтимся, и тогда я прямо отъ него могу узнать въ какомъ положеніи мое дѣло. Нужно было видѣть, что стало съ этимъ господиномъ, когда онъ услыхалъ ваше имя. Онъ тотчасъ же вскочилъ съ своего мѣста, бросился ко мнѣ съ извиненіями, что принялъ меня въ такомъ костюмѣ, побѣждалъ за сюртукомъ; возвратясь, снова началъ извиняться и собственноручно подвигалъ для меня то стулъ, то кресло... Какъ вамъ нравится такая переменѣна. Что касается до меня, то откровенно сказать, я нахожу въ ней что-то неестественное, оскорбительное для того, кто уважаетъ не человѣка, а только его чины или связи.

Если бы господинъ, который принялъ меня такъ нерадушно, выдержалъ бы роль нелюбезнаго человѣка до конца—тогда въ моихъ глазахъ онъ стоялъ бы несравненно выше; наконецъ, если бы при всемъ этомъ онъ не выдавалъ себя за передового человѣка, прогрессиста... Въ это время въ гостиную вошло новое лицо и разговоръ собесѣдника былъ прерванъ.

СЫТЫЙ ГОЛОДНАГО НЕ РАЗУМѢЕТЪ.

Трудно опредѣлить, какое изъ двухъ золъ хуже—взяточничество или казнокрадство. Въ сущности между тѣмъ и другимъ разницы не существуетъ, потому что тотъ, кто покушается на собственность, принадлежащую государству, безъ сомнѣнія вредитъ каждому изъ его членовъ, и наоборотъ, кто, посягая на собственность частную, становится пристрастнымъ, и пристрастіе это облекаетъ въ судъ неправильный, противозаконный, тотъ вредитъ цѣлому государству; потому, что судья, который, дѣйствуетъ несправедливо, стараясь исказить законы,—очевидно внушаетъ недовѣріе къ закону, и фальшивое понятіе, что, если дѣло дойдетъ до суда, то за извѣстную плату судья—поступки ихъ всегда будутъ оправданы.

Первое, т.-е. взяточничество, иногда бываетъ слѣдствіемъ нужды, бѣдности, недостатка средствъ къ существованію, по-

слѣднее же (казнокрадство), напротивъ, чаще всего является между людьми, положеніе которыхъ достаточно обезпечено. Покушеніе на казенный интересъ со стороны чиновниковъ, получающихъ незначительное содержаніе, до такой степени рѣдко, что случаи эти уже выходятъ изъ ряду обыкновенныхъ, а потому и поражаютъ насъ несравненно болѣе тѣхъ продѣлокъ, которыя мы видимъ передъ собой ежедневно и съ которыми какъ будто бы свыклись.

«Мы взятки не беремъ, напротивъ, мы преслѣдуемъ взяточниковъ, даже гонимъ ихъ совсѣмъ изъ службы; потому что хотимъ общей пользы, смотрите на насъ. Мы первые подаемъ собой примѣръ, пользуясь только должнымъ, только тѣмъ, что намъ слѣдуетъ». Такъ проповѣдуютъ наши старички, и надо сознаться, что достопочтенные старички отчасти правы; нерѣдко они дѣйствительно пользуются только тѣмъ, что имъ слѣдуетъ, да при этомъ въ нихъ одно не хорошо: зачѣмъ они не хотятъ понять, что и другимъ тоже что-нибудь да слѣдуетъ или по крайней мѣрѣ должно слѣдовать. Оттого фраза: «мы пользуемся только тѣмъ, что намъ слѣдуетъ», въ устахъ этихъ господъ звучитъ тѣмъ, что напоминаетъ львиный дѣлежъ. Могучій левъ доказалъ, какъ дважды два четыре, что всѣ части добычи принадлежать исключительно ему, а одна (вѣроятно казенная) остается неприкосновенною.

Тутъ невольно рождается вопросъ: остается ли она неприкосновенною для тѣхъ, кто слабѣе льва? Во всякомъ случаѣ левъ получилъ то, что слѣдовало ему по разнымъ уважительнымъ причинамъ, нисколько не заботясь о томъ, что прочіе его товарищи, безъ которыхъ быть можетъ и самая добыча не была бы поймана, останутся голодными. Видно сколько ни хлопочи, а сытый голоднаго никогда не уразумѣетъ.

Пистолетъ.

Недѣли за двѣ до экзаменовъ я пошелъ въ отпускъ. Это было какъ теперь помню, «5» апрѣля. Передъ тѣмъ, какъ мнѣ возвратиться въ училище, ко мнѣ зашли два товарища, съ

тѣмъ, чтобы отпавиться вмѣстѣ. Одинъ изъ нихъ, замѣтивъ на окнѣ пистолетъ Монте Кристо, который лежалъ у меня безъ всякаго употребленія, сталъ просить, чтобы пистолетъ этотъ я ему продалъ и назначилъ за него 15 руб.; другой товарищъ въ свою очередь обратился ко мнѣ съ такою же просьбою и объявилъ, что онъ готовъ дать дороже; между товарищами завязался споръ; желая прекратить его и не обидѣть обоихъ, я сказалъ имъ рѣшительно, что пистолета не продамъ, а такъ какъ онъ мнѣ не нуженъ, то я готовъ разыграть его въ лотерею, пусть сама судьба рѣшитъ, кому должна принадлежать такая заманчивая вещь; товарищи согласились.

Съ этой цѣлію я взялъ пистолетъ съ собой, и мы отправились въ училище.

На другой день 30 лотерейныхъ билетовъ тотчасъ же были разобраны. Между тѣмъ, когда я показывалъ пистолетъ другимъ своимъ товарищамъ, въ залу вошелъ г. Иксъ, нашъ непосредственный начальникъ; увидя пистолетъ, онъ тотчасъ же конфисковалъ его, какъ вещь противузаконную, и при этомъ разразился надо мною страшнымъ гнѣвомъ, назвалъ безнравственнымъ мальчишкой (мнѣ въ то время былъ 18-й годъ) и отправилъ въ карцеръ. Я думалъ дѣло тѣмъ и кончится; но вышло совсѣмъ другое. Второстепенное начальство наше, узнавъ объ этомъ событіи, рѣшило, что пистолетъ былъ принесенъ мною въ заведеніе не с проста; намѣреніе мое разыграть пистолетъ въ лотерею, которое я высказалъ, нисколько не стѣсняясь, показалось начальству вымышленнымъ, придуманнымъ, какъ бы въ видѣ уловки. Нѣтъ, говорили они между собой, тутъ скрывается какая-нибудь задняя мысль и при томъ мысль преступная, которую слѣдуетъ разъяснить немедленно, въ противномъ случаѣ намъ всѣмъ угрожаетъ опасность; а потому необходимо собрать конференцію для обсужденія вопроса, въ чемъ именно заключается искомая задняя мысль. Иксъ тотчасъ же одобрилъ мнѣніе своихъ сослуживцевъ и сподвижниковъ и даже принялъ его съ восторгомъ. Конференція собрана. Много было высказано на ней разнообразныхъ мыслей; но всѣ онѣ показались несовсѣмъ удовлетворительными. Наконецъ, геніальная идея освѣтила г. Фейера (изъ за котораго года два

тому назадъ меня оставили безъ отпуска), и онъ поспѣшилъ сообщить ее своимъ товарищамъ. Вотъ что объявилъ г. Фейеръ: Мм. гг., пистолетъ былъ принесенъ г. Н не для чего иного, какъ для убитія меня. Это я знаю положительно; потому, что г. Н уже неоднократно покушался на мою жизнь, предлагая мнѣ дотронуться до заряженной электрической машины; но я по свойственной мнѣ осторожности никогда на это не рѣшался, вслѣдствіе чего онъ очевидно вознамѣрился умертвить меня посредствомъ принесеннаго имъ оружія.

Вы можетъ быть думаете, что когда г. Фейеръ высказалъ это, то товарищи его засмѣялись; ничуть не бывало, они охотно согласились съ нимъ и одинъ изъ присутствующихъ даже подтвердилъ мнѣніе г. Фейера, присовокупивъ съ своей стороны, что онъ самъ видѣлъ въ моемъ столѣ баночку съ жидкостью, которая должна быть нечто иное, какъ ядъ, приготовленный вѣроятно также для умерщвленія кого-нибудь. Положено было немедленно достать помянутую жидкость, и передать ее для изслѣдованія г. Телѣжкину (учителю химіи). Но увы, мнимый ядъ оказался нашатырнымъ спиртомъ. Между тѣмъ дѣло о пистолетѣ продолжалось; результатомъ его было то, что я высидѣлъ три недѣли подъ арестомъ и мнѣ сбавили 4 балла за поведеніе. Вотъ вамъ и преданіе прежнихъ лѣтъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ. Т. 2.

	<i>Стр.</i>
Старый домъ	1
Борьба	23
Неприступная	62
На чужой каравай рта не разѣвай	73
Дѣльцы	140
Нищій	165
Вакантное мѣсто.	202
Пріятель	205
Бесѣда о быломъ	213
Замѣтки	216
Червоточина	241
Тюремный смотритель	248
Прогрессисты нашего времени	250
Сытый голоднаго не разумѣетъ	253
Пистолетъ	254

OTKRYTIYE

1	Введение
2	Глава I. Общие сведения
3	Глава II. Описание местности
4	Глава III. Описание населения
5	Глава IV. Описание промышленности
6	Глава V. Описание сельского хозяйства
7	Глава VI. Описание торговли
8	Глава VII. Описание культуры
9	Глава VIII. Описание здравоохранения
10	Глава IX. Описание образования
11	Глава X. Заключение

Kušnerev, Ivan Nikolaevič

Sočinenija

Bd.: 2

1895

Opp. 666 I-1/3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11662925-2